

Институт стратегического анализа и прогноза
Кыргызско-Российского Славянского университета
(ИСАП КРСУ)

**РОЛЬ И МЕСТО ОСНОВНЫХ
ВНЕШНИХ АКТОРОВ
В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ**

Фундаментальное исследование

Бишкек 2013

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ:

Ответственный редактор:

канд. полит. наук А. Л. Салиев

Авторский коллектив:

Н. М. Омаров, З. Т. Мураталиева, Р. Токсоналиева, М. К. Асанбеков,
Р. Вейцель, А. К. Душебаев, Н. Таткало, Т. А. Кузьмина

Роль и место основных внешних акторов в центрально-азиатских политических процессах: Фундаментальное исследование / Отв. ред. канд. полит. наук А. Л. Салиев. ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2013.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	16
1.1. Сущность и структура политических процессов	16
1.2. Типология политических процессов	43
1.3. Специфика политических процессов в Центральной Азии	74
Глава 2. ЭВОЛЮЦИЯ ИНТЕРЕСОВ ОСНОВНЫХ СУБЪЕКТОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	117
2.1. Эволюция интересов США в Центральной Азии	117
2.1.1. Интересы США во внешнеполитических процессах ЦА	117
2.1.2. Интересы США во внутривнутриполитических процессах ЦА	124
2.1.3. Экономические программы для Центральной Азии: цели и результаты	126
2.1.5. Военное сотрудничество: цели, формы, итоги	138
2.2. Эволюция интересов Европейского союза в Центральной Азии (2007–2013 гг.)	153
2.2.1. Интересы Европейского союза во внутривнутриполитических процессах в ЦА	153
2.2.2. Интересы Европейского союза во внешнеполитических процессах в ЦА	164
2.3. Эволюция интересов Российской Федерации в Центральной Азии	174
2.3.1. Интересы России во внутривнутриполитических процессах в ЦА	174
2.3.2. Эволюция интересов России во внешнеполитических процессах в Центральной Азии	194
2.4. Влияние последовательного продвижения интересов Китая на внутри- и внешнеполитические процессы в Центральной Азии	203
2.4.1. Реализация основных принципов внешнеполитической стратегии Китая в отношении стран ЦА	203
2.4.2. Эволюция внешней политики Китая в Центрально-азиатском регионе	219
2.4.3. Влияние эволюции интересов Китая на внутривнутриполитические процессы в ЦА	225
2.4.4. Влияние эволюции интересов Китая на внешнеполитические процессы в ЦА	234
2.4.5. Эволюция интересов Китая и проблемы обеспечения устойчивости политических процессов в ЦА	243
2.4.6. Преодоление негативных последствий эволюции интересов Китая – важнейшее условие сохранения устойчивости политических процессов в Кыргызстане	255
2.5. Эволюция интересов Ирана во внутри- и внешнеполитических процессах государств Центральной Азии	264
2.6. Эволюция интересов арабских государств во внутри- и внешнеполитических процессах в Центральной Азии	276

2.7. Эволюция интересов Турции во внешне- и внутривполитических процессах в Центральной Азии.....	286
2.7.1. Интересы Турции во внешнеполитических процессах в ЦА	286
2.7.2. Интересы Турции во внутривполитических процессах в ЦА	293
2.8. Эволюция интересов Японии во внешне- и внутривполитических процессах в Центральной Азии.....	322
2.8.1. Этапы внешней политики Японии в ЦА: внутривполитический аспект	322
2.8.2. Эволюция интересов Японии во внешнеполитических процессах в ЦА.....	333
2.9. Интересы Республики Индия в Центральной Азии.....	340
Глава 3. СПЕЦИФИКА И ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ	352
3.1. Характер взаимодействия геополитических центров силы: тенденции соперничества	352
3.2. Перспективы трансформационных процессов Центральной Азии и роль внешних воздействий на их развитие	360
Заключение	384
Библиографический список	394

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Мегатрендом мирового общественного развития в XXI веке являются процессы глобализации, предполагающие интенсификацию экономических, политических, военных, культурных, идеологических связей между национальными государствами. Политический ландшафт той или иной страны, структурными единицами которого выступают политические отношения и политические процессы, формируется как под влиянием внутренних факторов, так и внешних. В результате наложения интересов внешних игроков на специфику внутривнутриполитических и внешнеполитических процессов стран происходит как трансформация стратегий первых, так и изменения в направлениях развития последних.

При этом воздействие внешних акторов не всегда оказывается эффективным и носит амбивалентный характер по двум причинам. Во-первых, страны, в отношении которых разрабатываются геополитические концепции вовлечения их в орбиту интересов внешних сил, как правило, находятся в конкурентном поле выбора своего развития и пытаются использовать выгоды и преимущества каждого из проектов. Во-вторых, исторически сложившиеся институты населения этих стран не подвергаются полной трансформации и обуславливают гибридизацию первоначальных проектов.

В этом отношении показателен пример центрально-азиатских стран. В настоящее время регион Центральной Азии, расположенный между Западом и Востоком, представляет собой точку пересечения интересов большого количества геополитических центров силы. Однако ни один из них не смог повлиять на оформление результирующего вектора развития республик региона, что детерминировано, в первую очередь, спецификой их политических процессов, отражающих этнокультурную, политическую и экономическую гетерогенность их политических систем, а также незавершенностью оформления наций и, как следствие, выстраиванием политического взаимодействия на основе неопатримониальных принципов.

Следовательно, тенденции развития центрально-азиатских государств зависят от двух взаимосвязанных переменных: внутренних особенностей политических систем и политических процессов стран региона с одной стороны и интересов внешних акторов – с другой. Ввиду этого только комплексный политологический анализ трансформационных процессов в странах Центральной Азии, позволяет выявить своеобразие разворачивающихся в этом регионе событий и определить формат выстраиваемой системы конкуренции интересов и инициатив внешних акторов.

Данный анализ представляет особую значимость в условиях вывода войск международной коалиции из Афганистана, который должен стать следующей реперной точкой в эволюции интересов геополитических центров силы в регионе после начала операции «Несокрушимая свобода». Понимание специфики региональных процессов при рассмотрении результатов и закономерностей эволюции интересов внешних акторов в Центральной Азии позволят спроектировать возможные сценарии дальнейшего развития событий в регионе, создать теоретическую базу для придания им предсказуемого и регулируемого характера, а также выработать оптимальные варианты внешнеполитического курса стран ЦА.

Степень разработанности темы исследования. Источники, использованные в исследовании, можно разделить на несколько групп в зависимости от рассматриваемой проблематики. Большое значение для настоящего фундаментального исследования имели труды общетеоретического характера, позволяющие получить представление о сущностных характеристиках, содержании и структуре политических процессов. Среди них следует отметить работы В. Пугачева и А. Соловьева, Э. Хейвуда, Б. А. Исаева и Н. А. Баранова, Е. Мелешкиной, С-Х. М. Нунуева, А. А. Белова и С. М. Елисеева¹.

¹ Пугачев В., Соловьев А. Введение в политологию. – М.: Аспект Пресс, 2002; Хейвуд Э. Политология: Учебник для студ. вузов / Пер. с англ.; Под ред. Г. Г. Водолазова, В. Ю. Бельского – М.: Юнити-Дана, 2012; Исаев Б. А., Баранов Н. А. Политические отношения и политический процесс в современной России: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2009; Мелешкина Е. Ю. Политический процесс // Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: Сборник учебных материалов. – М., 2001; Нунуев Саид-Хамзат М. По-

Существенный вклад в изучение специфики политических процессов в Центральной Азии, внесён российскими экспертами – Е. В. Павловым, Н. А. Борисовым, А. А. Казанцевым, И. Звягельской, С. Панариным, А. Грозиным, А. А. Клинцовым². Особую значимость, представляют аналитические статьи и публикации региональных авторов, которые в своих выводах исходят из собственного опыта практической работы в той или иной стране региона, что обогащает потенциал настоящего исследования. Среди них представляется важным отметить работы В. Богатырева, М. Н. Суюнбаева, И. В. Волкова, Н. С. Муродовой³.

Следует отметить, что в настоящем исследовании проводится анализ интересов в центрально-азиатском регионе большого числа внешних акторов, что обуславливает использование значительного массива источников, позволивших представить многоаспектную характеристику взаимодействия обеих

литический процесс как объект исследования: сравнительный анализ методологии // URL: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/4368-2012-10-25-09-45-53>; Белов А. А., Елисеев С. М. Политические процессы и институты в современной России: Учебно-методическое пособие. – СПб., 2006.

² Павлов Е. В. Трансформация политических систем республик Центральной Азии в условиях глобализации // URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-329094.html>; он же. Политическая система переходного общества в условиях глобализации: центрально-азиатская специфика. – М.; Бишкек, 2008; Борисов Н. А. Постсоветская трансформация политических систем Республики Узбекистан и Кыргызской Республики: сравнительный анализ: Автореф. дис. ... канд. полит. наук // URL: <http://www.dissercat.com/content/postsovetskaya-transformatsiya-politicheskikh-sistem-respubliki-uzbekistan-i-kyrgyzskoi-resp#ixzz2UaTKTxqK>; Казанцев А. А. Взаимосвязь глобальных и региональных политических процессов (на примере Центральной Азии): Автореф. дис. ... д-ра полит. наук // URL: <http://www.dissers.ru/avtoreferati-doktorskih-disserstatsii/politika/9>; Звягельская И. Становление государств Центральной Азии: политические процессы / МГИМО(У) МИД России. – М.: Аспект Пресс, 2009; Панарин С. Политическое развитие государств Центральной Азии в свете географии и истории региона // URL: http://www.eavest.ru/magasin/artikele/2000-1_pan.htm; Грозин А. Элиты Туркменистана и центрально-азиатские кланы: особенное и трудности модернизации // Азия и Африка сегодня. – 2010. – № 9; Клинцов А. А. Дискурс политических архетипов в международных отношениях постсоветских государств Центральной Азии. – М.; Бишкек, 2009.

³ Богатырёв В. Развитие политической ситуации в Центральной Азии: проекты и сценарии // URL: <http://www.ipp.kg/ru/analysis/873>; он же. Три основания для конфликтов (9 апр. 2013) // URL: <http://www.ipp.kg/ru/news/2581/>; Суюнбаев М. Н. Геополитические основания развития и безопасности Кыргызстана. – Бишкек: Изд-во ИИМОП КНУ, 2005; Волков И. В. Основные проблемы геополитического положения Центральной Азии в эпоху глобализации (на примере Кыргызстана). – Бишкек, 2007; Муродова Н. С. Политические процессы переходного периода в Республике Таджикистан // URL: <http://www.dslib.net/polit-instituty/politicheskie-processy-perehodnogo-perioda-v-respublike-tadzhikistan.html>

сторон. В частности, при написании раздела, посвященного анализу эволюции региональных интересов *США и ЕС*, особое внимание было уделено работам И. Н. Комиссиной, С. Г. Иванова, А. А. Верещагина, В. Аксеновой, Э. Марат, Дж. Боонстра и Н. Шаповаловой⁴. При этом в качестве основы анализа американо-центрально-азиатского и европейско-центрально-азиатского взаимодействия были использованы работы Дж. Дейвиса и М. Свини, Ф. Старра, а также Европейская стратегия нового партнерства⁵.

Исследование тенденций во взаимоотношениях *Российской Федерации и центрально-азиатских государств* нашло отражение в публикациях региональных и западных специалистов: Н. Омарова, А. Князева, В. Парамонова и А. Строкова, М. С. Пейроуза, М. Ларуэлле, Дж. Боонстра, а также С. Фрикенштайна⁶.

⁴ *Комиссина И. Н.* Большая Центральная Азия versus ШОС // Новая Евразия: Россия и страны ближнего зарубежья: Аналитический альманах. – № 19 / Под ред. Е. М. Кожокина. – М., 2008; *Иванов С. Г.* Роль внешнеполитических факторов в процессах трансформации экономики Кыргызской Республики. – Бишкек, 2009; *Верещагин А. А.* Геополитическая конкуренция США, КНР и РФ в Кыргызской Республике. – Бишкек, 2012; *Ахуннова V.* The EU Central Asian Strategy: New Opportunities for Democracy Promotion? // ЕС и Центральная Азия: стратегии нового партнерства: Мат-лы VI Международной научной конференции Казахстанско-Немецкого университета. 25–26 марта 2009 г. / Сост.: Е. Лохман, Б. Лохман. – Алматы, 2009; *она же.* The EU – Central Asia Human Rights Dialogues: Making a Difference? // URL: www.eucentralasia.eu; *она же.* The EU Educational Initiative for Central Asia Five Years on: Lessons Learnt (февр. 2013) // URL: www.eucentralasia.eu; *Marat E.* Police Reform Programmes in Kyrgyzstan and Tajikistan: Past Constraints and Future Opportunities // URL: www.eucentralasia.eu; *Boonstra J., Shapovalova N.* Thinking security, doing development?: The security development nexus in European policies towards Tajikistan // URL: www.eucentralasia.eu; *Axunova V., Boonstra J., Marat E.* Security Sector Reform in Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan: What Role for Europe? // URL: www.eucentralasia.eu

⁵ *Davis J., Sweeney M.* Central Asia in US Strategy and Operational Planning: Where do we go from here? // URL: <http://www.ifpa.org/pdf/S-R-Central-Asia.pdf>; *Старр Ф.* Партнерство для Центральной Азии: Дефицит внимания // Новая Большая игра в Большой Центральной Азии: мифы и реальность: Сборник статей / Под ред. М. Н. Омарова. – Бишкек, 2005; *European Union and Central Asia: Strategy for a New Partnership (2007)* // URL: <http://www.consilium.europa.eu>

⁶ *Князев А. А.* Россия снова в Средней Азии: Период внешнеполитического бездействия заканчивается (28 дек. 2007) // URL: <http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-17761.html>; *Парамонов В., Строков А.* Этапы внешней политики России в Центральной Азии (июнь 2008) // URL: <http://www.ceasia.ru/dokladi/etapi-vneshney-politiki-rossii-v-tsentralnoy-azii.html>; *Laruelle M.* Russia in Central Asia: Old History, New Challenges? (сент. 2009) // URL: www.eucentralasia.eu; *Peyrouse S., Boonstra J., Laruelle M.* Security and Development Approaches to Central Asia: The EU Compared to China and Russia // URL:

Комплексному анализу особенностей внешнеполитической стратегии *Китая* в исторической ретроспективе посвящены работы Х.-Ф. Зенгера, В. С. Мясникова, а также китайских экспертов Юй Кепина и Сун Сейфена⁷. Проекция данной стратегии в Центральной Азии детально анализируется в трудах Н. В. Серебряковой, С. Лузянина, А. С. Каукенова, А. Мочульского, Н. Мендковича, Б. А. Ширяева и Н. В. Федорова, Е. Ю. Садовской⁸.

Среди публикаций, освещающих специфику взаимодействия *стран региона с исламским миром*, следует отметить работы А. Кузнецова, С. А. Мутова, В. В. Хуторской, Г. А. Вахитовой, Н. Мхитаряна, Г. Демояна⁹.

www.eucentralasia.eu; Frickenstein S. The Resurgence of Russian Interests in Central Asia (весна 2010) // URL: http://www.slideshare.net/amjad_hussain37/russian-intrest-in-central-asia-after-9

⁷ Зенгер Х.-Ф. О китайском искусстве жить и выживать. Стратегемы. Т. 1. – М., 2006; Мясников В. С. Традиции китайской дипломатии и реализация Циньской империей стратегических планов в отношении Русского государства в XVII веке. – М., 1977; Юй Кепин. Идеал гармоничного мира и китайская дипломатия // Еженедельный обзор периодической печати. – 2007. – № 17; Сун Сейфен. Теория о гармоничном мире и исследования международных отношений // Научное воспитание и исследования. – 2007. – № 11.

⁸ Серебрякова Н. В. Центрально-азиатская политика КНР как региональная проекция «теории гармоничного мира» // URL: http://www.ifes-ras.ru/attaches/conferences/2009_round_table_shoss/serebryakova.pdf; Лузянин С. Китай в Центральной Азии: «взаимный выигрыш» или экспансия? // URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document236557.phtml>; он же. Внешняя политика Китая до 2020 г.: прогностический дискурс // URL: http://www.perspektivy.info/rus/desk/vneshnaja_politika_kitaja_do_2020_g_prognosticheskij_diskurs_2011-11-29.htm; Каукенов А. С. Особенности китайской дипломатии в Центральной Азии: взгляд из Казахстана // URL: <http://www.easttime.ru/analitic/3/8/476.html>; Мочульский А. Приоритеты экономического сотрудничества КНР с государствами Центральной Азии // URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document217550.phtml>; Мендкович Н. Китайская политика в Центральной Азии: Экспансия Китая – мифы и реальность // URL: <http://east.terra-america.ru/chinese-politics-in-central-asia.aspx>; Ширяев Б. А., Федоров Н. В. Китай и страны Центральной Азии: военно-стратегический аспект отношений // URL: <http://reportca.weebly.com/1/post/2013/05/14.html>; Садовская Е. Ю. Китайская миграция в Центральной Азии: Экономическое наступление и миграция из КНР на примере республики Казахстан: вызовы и возможности // URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0519/biblio03.php>

⁹ Кузнецов А. Затяжной геополитический роман: Иран и постсоветская Центральная Азия // URL: <http://zhanaozen1216.wordpress.com/2012/07/05/05-07-2012-геополитика-центральная-азия-иран-геор>; Мутов С. А. Политика Ирана в отношении Центральной Азии // URL: <http://mir-politika.ru/182-politika-irana-v-otnoshenii-centralnoy-azii.html>; Хуторская В. В. Взаимоотношения Исламской Республики Иран и стран Центральной Азии // Иран: ислам и власть / Ин-т востоковедения РАН. – М.: Крафт+, 2001; Вахитова Г. А. Взаимодействие стран Центральной Азии с Турецкой Республикой (начало 1990-х – 2009 гг.): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Бишкек, 2011; Мхитарян Н. Консолидация тюркского мира в идеологической и политической практике официальной Анкары (ретроспективный анализ этапов) // URL: http://www.ca-c.org/journal/2004/journal_rus/cac-

При этом в исследовании особое внимание уделяется рассмотрению процесса исламизации стран региона под влиянием арабских государств и Турции. В этом отношении большую значимость представляют исследования А. Князева, В. Н. Ушакова, К. Маликова¹⁰.

Японские и индийские интересы в центрально-азиатских политических процессах получили детальное освещение в работах К. Лена, Э. Усубалиева, Н. Кассеновой, Л. Гусева, С. Миркасимова¹¹.

В целом, необходимо отметить, что во всех вышеперечисленных работах рассматривается специфика взаимодействия центрально-азиатских стран с одним или двумя внешними акторами. В этом отношении данные труды, закладывая основу понимания отдельных протекающих в регионе политических процессов, тем не менее, не позволяют выявить относительно целостную картину векторов влияния основных геополитических центров силы с учетом специфики региональных политических систем. Ввиду этого настоящее исследование представляет собой попытку преодоления существующего в научно-исследовательской литературе вакуума по данной проблематике.

Целью исследования является проведение глубокого политологического анализа роли и места основных внешних акторов в центрально-азиатских политических процессах.

05/15.mhirus.shtml; Демоян Г. Тюркские саммиты: цели, задачи, приоритеты и позиция в карабахском вопросе // URL: http://www.nogavank.am/upload/pdf/62_ru.pdf

¹⁰ Князев А. Ваххабизм и другие течения радикального ислама в Центральной Азии // URL: <http://www.ctaj.elcat.kg/tolstyj/e/e003.htm>; Ушаков В. Н. Политический ислам в Центральной Азии. – Бишкек, 2005; Маликов К. Теоретические и практические основы по взаимодействию с мусульманской общественностью. – Бишкек, 2013.

¹¹ Len C. Japan's Central Asian Diplomacy: Motivations, Implications and Prospects for the Region (1 нояб. 2005) // URL: www.silkroadstudies.org/new/.../Chris_Len.pdf; Усубалиев Э. История инициатив Японии в Центральной Азии: «Евразийская дипломатия» и «Дипломатия Шелкового пути» (5 марта 2013) // URL: <http://stanradar.com/news/full/1152-istorija-initsiativ-japonii-v-tsentralnoj-azii-evrazijskaja-diplomatija-i-diplomatija-shelkovogo-puti.html>; Kassenova N. Japan's Hesitant Embrace of Central Asia: Will There Be a Strategy? // Great Powers and Regional Integration in Central Asia / Ed. by M. Esteban, N. Pedro // URL: http://eucentralasia.eu/uploads/tx_icticontent/libro_great_powers_central_asia_ok_01_pdf; Гусев Л. Энергетическая стратегия Индии в свете геоэкономических проблем Центральной, Южной и Восточной Азии // URL: www.apn.kz/publications/article7587.htm; Миркасимов С. Особенности внешней политики Индии в настоящее время (конец XX – начало XXI в). – М., 2005.

Достижение обозначенной цели предполагает решение следующих **задач**:

– рассмотреть современные подходы к теоретическому осмыслению понятия «политический процесс» и вариации типологий политических процессов на примере государств, системы отношений между которыми составляют основу настоящего исследования;

– обозначить специфику политических процессов в Центральной Азии, влияющих на выстраивание отношений с внешними акторами;

– провести политологический анализ ключевых интересов как главных (США, Китай, Россия), так и других (Турция, Иран, Арабские страны, Индия, Япония) внешних акторов в Центрально-азиатском регионе;

– исследовать точки пересечения интересов вышеперечисленных геополитических центров силы, характер их взаимодействия и его влияние на центрально-азиатские политические процессы;

– проанализировать перспективы трансформационных процессов, а также внешних воздействий на их развитие.

Объект исследования – роль и место внешних акторов в политических процессах Центральной Азии в условиях глобализации.

Предмет исследования – содержание и направления политики основных субъектов, тенденции, проблемы и перспективы ее развития.

Теоретическая база исследования представлена работами отечественных, российских и западных специалистов в области мировых политических процессов и международных отношений, стоящих в фарватере теоретического вклада в разработку проблемных вопросов политической науки, что позволило провести настоящее исследование на высоком научном уровне.

Методологическая основа исследования представлена совокупностью общенаучных и частнонаучных методов. Общенаучные методы: *системный подход* предполагает рассмотрение республик Центральной Азии как политических систем, реагирующих на воздействия внешней среды в лице геополитических центров силы либо в форме противодействия, либо взаимосодейст-

вия; *неоинституциональный подход* позволил проанализировать центрально-азиатские политические институты, играющие ключевую роль в политических процессах, в качестве исторически сложившихся конструктов, которые очень сложно трансформировать в определенном направлении; *историко-описательный и политико-описательный подходы* лежат в основе изучения этапов эволюции интересов внешних акторов в Центрально-азиатском регионе в исторической ретроспективе; *сравнительный анализ* применялся для выявления специфики, общих черт и различий каждого из этапов в развитии взаимодействия центрально-азиатских республик с каждым из включенных в исследование внешних акторов. Частнонаучные методы: *метод контент-анализа* лежит в основе отслеживания характера освещения в СМИ взаимодействия стран Центральной Азии и внешних акторов, а также особенности противостояния/сотрудничества последних в регионе; *метод case-study* позволил рассмотреть отдельные примеры воздействия внешних акторов на центрально-азиатские политические процессы, на базе которых делались теоретические обобщения; *метод прогнозирования* лежит в основе формулирования перспектив взаимодействия внешних акторов и центрально-азиатских республик, а также трансформационных тенденций в последних.

Исследовательская база представлена современными научными публикациями, материалами периодической изданий, сообщениями информационных агентств, доступных в открытой печати и на интернет-сайтах на русском и английском языках, которые представляют научный интерес, обусловленный тематикой настоящего исследования.

Структура и основное содержание исследования. Исследование состоит из трех глав. *Глава первая* посвящена освещению теоретико-методологических проблем избранной темы. В ней содержатся сведения, связанные с анализом основных дефиниций понятия «политические процессы», освещены современные подходы к их структуре и типологии. Основное внимание в этом разделе исследования уделено выявлению и анализу специфических черт политических процессов в государствах Центральной Азии. Они, в

условиях геополитического соперничества внешних акторов в регионе, играют важную роль в их взаимодействии с центрально-азиатскими государствами.

В *главе второй* рассмотрены вопросы эволюции интересов внешних акторов в странах Центральной Азии. Данная проблема, с достаточной глубиной, освещена по отношению в первую очередь, к таким странам как Российская Федерация, США, КНР. В этой главе освещена также эволюция интересов в регионе Турции, Ирана, Японии, Индии, ряда арабских стран.

Глава третья «Специфика и факторы устойчивого развития региональных процессов» ставит своей целью анализ взаимодействия геополитических центров силы и их влияние на развитие политических процессов в Центральной Азии. Политика США, России и Китая в регионе в отдельные моменты носит противоречивый характер, и накладываясь на ход политических процессов стран региона, усиливает их нестабильный, противоречивый характер. В главе рассмотрены также особенности и перспективы трансформационных процессов в центрально-азиатских странах, обращено внимание на варианты их развития в свете политического, экономического, идеологического и военного воздействия на них со стороны внешних акторов.

В *заключении* исследования сделаны выводы по его содержанию.

Научная новизна исследования определяется отсутствием в отечественной научной литературе многоаспектного глубокого политологического анализа роли и места внешних акторов в политических процессах центрально-азиатских республик. Авторами изучен и обобщен большой объем материала в рамках предметного поля настоящего исследования, на основе которого была разработана теоретическая база исследования, определена концептуальная структура его разделов, выявлена специфика центрально-азиатских политических процессов и перспективы их трансформаций под влиянием внешних акторов.

В процессе исследования были выполнены следующие действия:

– проведен комплексный анализ внутренних и внешних факторов, оказывающих влияние на характер политических процессов в странах Централь-

ной Азии на основе современных теоретических подходов. Среди внутренних факторов в качестве ключевых были отмечены: неопатримониальный тип политических систем Центральной Азии, процессы архаизации и ретрадиционализации в системе общественных отношений;

– четко обозначены интересы внешних акторов во внутривнутриполитических и внешнеполитических процессах в Центрально-азиатском регионе на каждом этапе их эволюции, складывающихся под влиянием как внутренних региональных факторов, так и трансформаций в политических системах самих внешних игроков и изменений в конъюнктуре мировой политики;

– проведен сравнительный анализ степени заинтересованности каждой из стран Центральной Азии во взаимодействии с обозначенными внешними акторами и их вовлеченности в реализуемые геополитические стратегии;

– представлены прогнозы и сценарии реализации геополитических проектов с аргументами по поводу вероятности их осуществления или неосуществления;

– перечислены предложения и рекомендации относительно направления региональных политических процессов в русло устойчивого развития;

– инкорпорированы данные, полученные авторами в ходе личных интервью с экспертами по Центральной Азии и России, а также во время командировок в Индию, Турцию, Россию, Казахстан.

Практическая значимость фундаментального исследования *на уровне государственных структур*, состоит в том, что представленный анализ проблем, тенденций и перспектив протекания политических процессов в Центральной Азии под влиянием интересов внешних акторов, может быть использован для решения широкого круга экспертно-прикладных задач в интересах министерств и ведомств Кыргызстана, а также региональных и глобальных международных организаций. Сформулированные в ходе работы предложения и конкретные рекомендации относительно направления региональных политических процессов в русло устойчивого развития, могут быть задействованы в процессе разработки региональной стратегии Кыргызской Республики.

На научно-исследовательском уровне настоящее фундаментальное исследование может представлять особую значимость для специалистов, занимающихся современными проблемами политологии, международных отношений, истории, геополитики, вопросами национальной безопасности, современными политическими и другими общественно значимыми процессами, а также новейшей историей стран Центральной Азии. Результаты исследования могут применяться в деятельности аналитических и консалтинговых организаций, специализирующихся в сфере политических тенденций и проблем Центрально-азиатского региона,

На преподавательском уровне материалы работы могут быть использованы в качестве учебного материала для чтения лекций и проведения практических занятий в высших учебных заведениях Кыргызстана. По проблематике исследования возможна разработка специальных курсов для их преподавания в вузах, а также в органах, отвечающих за внешнюю политику страны.

Глава 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

1.1. Сущность и структура политических процессов

Понятие «политический процесс»

Данное фундаментальное исследование посвящено участию ряда внешних акторов в политических процессах в новых независимых государствах Центральной Азии. По сути дела, речь идет о сложном и неоднозначном процессе взаимодействия разных типов политических систем и функционирующих в них политических процессов. В связи с этим, представляется важным и необходимым осуществление теоретического анализа понятия «политический процесс».

Категория политического процесса относится к числу одной из самых распространенных категорий политологии. Она, прежде всего, является важной характеристикой политической системы общества, раскрывает взаимодействие политических институтов, характеризует роли и функции основных субъектов и объектов политики, отражает реальную картину политической жизни общества. Вместе с тем, политический процесс, отражает сложные явления, происходящие в развитии общества и государства. В его рамках действуют разнообразные факторы, ведущие к функционированию политических институтов, формированию внешней и внутренней политики, взаимодействию общества и государства и множества иных процессов. В этой связи в современной науке нет единого подхода к изучению категории «политический процесс».

Перед тем, как рассмотреть эту категорию политической науки, необходимо разобраться в его этимологических особенностях и раскрыть содержание

и сущность его составных частей. Рассмотрение сущности политического процесса целесообразно начать с понятия «процесс».

Значение термина «процесс» в разных отраслях науки рассматривается с учетом специфики отрасли. Нас интересует его толкование в сфере политологии. Термин «процесс» (от лат. *processus* – продвижение, течение, ход), означает: «развитие какого-либо явления, последовательная смена его состояния; определенное движение, имеющее свое направление; совокупность последовательных действий, направленных на достижение какого-либо результата»¹².

«Политика» (от греч. *πολιτική* – искусство управления государством) в научной терминологии содержит множество определений. Рассмотрим некоторые из них. В частности, она определяется как «деятельность индивидов и социальных групп, связанная с отношениями по поводу завоевания, удержания и использования власти с целью реализации своих интересов»¹³. В другом источнике «политика – сфера деятельности, связанная с соотношениями между социальными группами, сутью которой является определение форм, задач, содержания деятельности государства»¹⁴. Политика определяется и как «одна из важнейших сфер жизни общества, связанная с борьбой за политическую власть, согласованием интересов различных социальных групп («согласительное искусство»), формированием и реализацией общезначимых интересов»¹⁵.

В отдельных исследованиях содержание понятия «политика» раскрывается более детально. В частности, в одном из них речь идет о том, что «политика – суть общественное явление, связанное:

– с общей государственной деятельностью людей, ради достижения таких же общих целей и задач;

¹² См.: Процесс // Википедия – Свободная энциклопедия. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Процесс>; Новый энциклопедический словарь. – М.: БРЭ: РИПОЛ классик, 2005. – С. 979; Современный философский словарь. – 3-е изд., испр. и доп. / Под общ. ред. В. Е. Кемерова. – М.: Акад. проект, 2004. – С. 557.

¹³ Новейший политический словарь / Авт.-сост.: Д. Е. Погорелый, В. Ю. Фесенко, К. В. Филипов. – Ростов-н/Д.: Феникс, 2010. – С. 184.

¹⁴ Новый энциклопедический словарь. – М.: БРЭ: РИПОЛ классик, 2005. – С. 941.

¹⁵ Политология: Учебник. – 2-е изд., стер. / Колл. авт.; Под ред. В. И. Буренко. – М.: КНОРУС, 2013. – С. 378.

- с властью – разделение граждан на управляющих и управляемых;
- с определенными нормами и правилами совместной деятельности»¹⁶.

В другом случае, политика определяется «как объективно обусловленное и целенаправленное участие больших масс людей, организованных социальных групп в делах государства, в решении проблем, относящихся к жизни общества в целом, с помощью использования властных механизмов»¹⁷.

С учетом вышеизложенного, можно дать общее определение понятию политика, которая означает целенаправленное участие людей или групп в государственных делах, направленное на достижения целей и задач с помощью использования механизмов власти.

Не менее разнообразны в политической науке и определения понятия «политический процесс». В политологическом словаре, изданном Российским Государственным университетом, понятие политический процесс даётся в следующей интерпретации: «это совокупность видов деятельности политических субъектов, гарантированных законом и включенных в динамику практически – политических отношений, которые охватывают все стадии развития и функционирования политической системы общества. Политический процесс непрерывен и сложен. Он может развиваться в разных направлениях, накладывая одну деятельность на другую, стадию на стадию, быть единством многообразия и многообразием единства»¹⁸.

В отдельных случаях исследователями «политический процесс» рассматривается как последовательная смена состояния политических явлений. Так, Г. Тавадов оценивает политический процесс, «как сумму последовательно сменяющихся друг друга взаимосвязанных явлений и событий, происходящих в политической жизни общества»¹⁹. В другом учебном пособии упор делается на

¹⁶ Политология: Учебник для студ. вузов. – 4-е изд., перераб. и доп. / Под ред. В. К. Батурина. – М.: Юнити-Дана, 2012. – С. 10.

¹⁷ Демидов А. И., Долгов В. М., Малько А. В. Политология: Учебник. – М.: Гардарики, 2005. – С. 71.

¹⁸ Политология: Словарь. – М.: РГУ. В. Н. Коновалов. 2010 // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/187/Процесс>

¹⁹ Тавадов Г. Политология: Учебное пособие. – М.: ФАИР-Пресс, 2001. – С. 127.

то, что «политический процесс раскрывает движение, динамику, эволюцию политических явлений, конкретное изменение их состояний во времени и пространстве»²⁰.

Кроме того, политический процесс характеризуется как «последовательная, внутренне связанная цепь политических событий и явлений, а также совокупность последовательных действий различных субъектов политики, направленных на завоевание, удержание, укрепление и использование политической власти в обществе»²¹. Под политическим процессом понимается также «динамическое измерение политической жизни, заключающееся в воспроизводстве компонентов политической системы общества, а также в изменении ее состояния; активность политических субъектов, связанная с борьбой за власть и оказанием влияния на властные структуры»²².

Понятие «политический процесс» отражает динамику развития политической жизни общества, изменение во времени и пространстве ее состояний. В частности, по определению Е. Мелешкиной, «политический процесс представляет собой развертывание политики во времени и в пространстве в виде упорядоченной последовательности единичных действий и взаимодействий, которую связывает определенная логика или смысл»²³. В философских энциклопедических словарях под политическим процессом понимается динамическое измерение политической жизни, заключающееся в воспроизводстве компонентов политической системы общества, а также в изменении ее состояния²⁴.

²⁰ Теория политики: Учебное пособие: В 3 ч. // Авт.-сост.: Н. А. Баранов, Г. А. Пикалов. – СПб.: Изд-во БГТУ, 2003 // URL: http://read.virmk.ru/b/BARANOV_POLITICA/19.htm

²¹ Лекции по политологии. Лекция 14. Политический процесс // URL: <http://webarhimed.ru/page-331.html>

²² *Исаев Б. А., Баранов Н. А.* Политические отношения и политический процесс в современной России: Учебное пособие...

²³ *Мелешкина Е.* Политический процесс. – М., 2005 // URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/meleshkina_polit/00.aspx

²⁴ См.: Новая философская энциклопедия. В 4 т. / Под ред. В. С. Степина. – М.: Мысль, 2001; Политология: Энциклопедический словарь. – М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 2003.

В. Пугачев и А. Соловьев определяют политический процесс как «совокупность действий институционализированных и неинституционализированных субъектов по осуществлению своих специфических функций (дисфункций) в сфере власти, и, в конечном счете, ведущих к развитию или упадку политической системы общества»²⁵.

С. Нунуевым данная категория политологии рассматривается как совокупность отношений субъектов для обеспечения политической системы общества. «Политический процесс – совокупная деятельность всех субъектов политических отношений, которая обеспечивает существование политической системы общества: ее формирование, функционирование и преобразования во времени и пространстве»²⁶. Также политический процесс – «это ход развития политических явлений, совокупность действий политических субъектов по осуществлению своих ролей и функций в сфере власти, обеспечивающих формирование и функционирование политической системы общества»²⁷.

По А. Дегтяреву, политический процесс – это «социальный макропроцесс, *во-первых*, характеризующий временную последовательность целостных состояний общения людей по поводу власти в пространстве ее легитимного поддержания; *во-вторых*, выражающий равнодействующий результат индивидуальных и групповых микроакций, то есть совокупной политической активности данного сообщества; *в-третьих*, включающий способы взаимодействия государства и общества, институтов и групп, политической системы и социальной среды, правительства и гражданина; и, *в-четвертых*, одновременно воспроизводящий и изменяющий структурно-функциональную и институциональную матрицу (иерархию правил и форм) политического порядка (системы)»²⁸.

²⁵ Пугачев В., Соловьев А. Введение в политологию... – С. 366.

²⁶ Нунуев С.-Х. М. Политический процесс как объект исследования: сравнительный анализ методологии...

²⁷ Политология: Учебник для студ. вузов. – 4-е изд. перераб. и доп. / Под ред. В. К. Батурина... – С. 433.

²⁸ Дегтярев А. Основы политической теории: Учебное пособие / Ин-т «Открытое общество». – М.: ВШ, 1998. – С. 149.

Понятие «политический процесс» также определяется как динамичный и многообразный институт, в котором выделяются определенные фазы: «Политический процесс – это институциональное выражение политической динамики, в котором независимо от его конкретной формы выделяют следующие фазы:

- 1) артикуляция (формирование) индивидуальных и групповых интересов;
- 2) агрегирование (выражение, представительство) интересов благодаря деятельности политических партий и других организаций;
- 3) выработка политического курса, которая осуществляется представительными органами власти;
- 4) реализация принятых решений, прежде всего за счет деятельности органов исполнительной власти;
- 5) контроль и арбитраж, которые осуществляются в политике органами судебного и конституционного контроля»²⁹.

Интерес вызывает точка зрения Э. Хейвуда по определению этого понятия. По его мнению, «политический процесс» относится к механизмам, посредством которых «делается» публичная (государственная правительственная) политика. «О выработке политики как о процессе, – отмечает он, – мы говорим в двух смыслах. Во-первых, здесь имеет место связная последовательность действий или мероприятий. Эта цепочка начинается с зарождения той или иной идеи и ее первоначального оформления, продолжается ее обсуждением, анализом и оценкой и завершается принятием формальных решений с последующим их осуществлением через определенные заранее продуманные действия. Во-вторых, о выработке политики как о процессе мы говорим для того, чтобы сфокусироваться именно на механизмах принятия решений, абстрагируясь от их содержания»³⁰.

Таким образом, несмотря на то, что термин «политический процесс» по-

²⁹ Демидов А. И., Долгов В. М., Малько А. В. Политология: Учебник... – С. 333.

³⁰ Хейвуд Э. Политология: Учебник для студ. вузов / Пер. с англ.; Под ред. Г. Г. Водолазова, В. Ю. Бельского... – С. 489.

лучил разное толкование, в целом, он характеризует одни и те же явления политической жизни, раскрывает изменения политической системы. Его можно рассматривать как последовательную цепь реально происходящих политических явлений, которые подвергаются изменениям при непосредственном участии субъектов и объектов политики, преследующих определенные политические цели, связанные с формированием, изменением, преобразованием и функционированием политической системы. Политический процесс включает в себя не только действия, осуществляемые официальными институтами власти, но и действия, противоречащие принятым в обществе установленным нормам, в частности, криминальные действия политиков в сфере власти.

Методологические подходы к изучению политического процесса

В современной политической науке выделяются следующие основные методологические подходы к определению характера и содержания политического процесса: институциональный, бихевиоральный, структурно-функциональный, теория социальных изменений, теория рационального выбора и дискурсный.

Институциональный подход – один из основных методологических подходов, уделяющих основное внимание политическим институтам (государству, парламенту, правительству, политическим партиям, религиозным организациям, средствам массовой информации и т. д.) и изучающих формально-правовые аспекты государственного управления (конституционные документы, реализацию их положений на практике и т. д.).

Термин «институционализм» происходит от слова «институт» или «институция», означающий определенный образ действий, обычай, нормы поведения в обществе, а также закрепление их в виде законов, организаций и учреждений. Понятие институционализм, в политической науке, рассматривает политическую организацию общества, как комплекс различных объединений

граждан (семья, партия, профсоюз и т. д.). Представители институционализма считают институты движущей силой общественного развития³¹.

Представители институционального подхода Локк, Монтескье, Джефферсон, Р. Михельс, С. Хантингтон, в своих исследованиях описывали процессы смены и упорядочения институтов. По их мнению, изучение политических институтов важно, т.к. они устойчивы и стабильны в отличие от текущих политических процессов. Институциональный подход раскрывает политическую реальность при помощи исследования групп, которые контролируют ветви власти и политического процесса в целом. Институциональный подход продолжительное время оставался одним из доминирующих методологических подходов в США и Великобритании.

Представители институционализма отмечали, что

«← политические институты образуют нормативно-правовую основу политических явлений и процессов;

– политические институты являются частью объективной реальности, которая может быть исследована и описана историческим и сравнительно-историческими методами;

– политические институты определяют политическое поведение индивидов и групп;

– политика и политический процесс есть производные функционирования политических институтов»³².

Р. Михельс, один из представителей институционального подхода, рассматривает партию как политический институт, действующий в области политической системы. В работе «Социология политических партий в условиях демократии» он отмечает, что человеческое общество не может существовать без наличия крупных организаций, где руководство осуществляется тем, который способен управлять. В частности, в партийных организациях, где у боль-

³¹ Горшенин В. Ф. Методология институционального подхода в управлении // URL: http://www.lib.csu.ru/vch/7/2003_01/002.pdf; Институционализм // Википедия. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Институционализм>

³² Белов А. А., Елисеев С. М. Политические процессы и институты в современной России: Учебно-методическое пособие... – С. 337.

шей части рядовой массы отсутствует способность к управленческой деятельности, выделяются индивиды, которые со временем отрываются от рядовых членов и входят в круг элиты. Выделенное руководящее ядро постепенно сосредоточивает власть в своих руках, в результате чего происходит подчинение политики собственным интересам.

Другой представитель институционального направления – С. Хантингтон рассматривает политические институты как приоритетные в решении задач политического развития. Он связывает политический процесс с функционированием и трансформацией институтов власти. В его книге «Политический порядок в меняющемся обществе», подчеркивалась роль политических институтов и политических лидеров, подробно описывалась социальная структура меняющихся обществ, раскрывалось значение политических партий в современном обществе.

Он отмечал, что мировой порядок в XXI веке определяется взаимодействием различных культур – цивилизаций, объединяющих людей на основе самоидентификации, религии, обычаев языка и выделял западную, славяно-православную, буддистскую, японскую, исламскую, индуистскую, латиноамериканскую, африканскую, синскую. Российские исследователи следующим образом подытоживают выводы С. Хантингтона в отношении предложенного им тезиса столкновения цивилизаций:

«– впервые в истории глобальная политика и многополюсная и полицивилизационная; модернизация отделена от “вестернизации” – распространение западных идеалов и норм не приводит ни к возникновению всеобщей цивилизации в точном смысле этого слова, ни к вестернизации незападных обществ;

– баланс влияния между цивилизациями смещается: относительное влияние Запада снижается; растет экономическая, военная и политическая мощь азиатских цивилизаций; демографический взрыв ислама имеет дестабилизирующие последствия для мусульманских стран и их соседей; незападные цивилизации вновь подтверждают ценность своих культур;

– возникает мировой порядок, основанный на цивилизациях; общества, имеющие культурные сходства, сотрудничают друг с другом; попытки переноса обществ из одной цивилизации в другую оказываются бесплодными; страны группируются вокруг ведущих или стержневых стран своих цивилизаций;

– универсалистские претензии Запада все чаще приводят к конфликтам с другими цивилизациями, наиболее серьезным – с исламом и Китаем; на локальном уровне войны на линиях разлома, большей частью – между мусульманами и немусульманами, вызывают «сплочение родственных стран», угрозу дальнейшей эскалации конфликта и, следовательно, усилия основных стран прекратить эти войны;

– выживание Запада зависит от того, подтвердят ли вновь американцы свою западную идентификацию и примут ли жители Запада свою цивилизацию как уникальную, а не универсальную, а также от их объединения для сохранения цивилизации против вызовов незападных обществ. Избежать глобальной войны цивилизации можно только тогда, когда мировые лидеры примут полицивилизационный характер глобальной политики и станут сотрудничать для его поддержания»³³.

По мнению А. А. Дегтярева, С. Хантингтон рассматривает институты как приоритетные в решении задач политического развития. В соответствии с его точкой зрения, в каждой стране политическая стабильность или нестабильность определяется темпами институционализации и оптимизацией уровня организации, соотношением темпов социальной мобилизации и степени гражданского участия³⁴.

Со временем институциональный подход к анализу политического процесса претерпел значительные изменения и получил развитие по ряду новых направлений, в т. ч. таких, как:

– конституционные исследования,

³³ Политология: Учебник. – 2-е изд. / Под ред. В. И. Буренко... – С. 56–57.

³⁴ Дегтярев А. А. Основы политической теории: Учебное пособие... – С. 131–132.

- public administration,
- новый институционализм.

Конституционные исследования (представлены в Великобритании) сохранили сочетания формально-легального и либерально-реформистского подходов. Исследователи этого направления сосредотачивают основное внимание на анализе конституций, рассматривают систему фундаментальных политических институтов, в целом значительное место уделяют реализации в институтах целей и намерений людей.

Представители *public administration* (общественное управление) основное внимание уделяют деятельности властей, участвующих в общественном управлении, изучению истории, структуры и функций государственных систем управления, анализу вопросов эффективности государственной службы.

Новый институционализм подчеркивает более самостоятельную роль политических институтов в политическом процессе, значительное внимание уделяет исследованию неформальной структуры политических институтов и изменениям основания изучения государства. Представители этого течения Дж. Марч и Дж. Ольсен критиковали современную политическую науку за контекстуальный характер, преднамеренное понижение значения государства как независимого феномена. Они утверждали, что институты играют более самостоятельную роль.

Таким образом, институциональный подход сыграл важную роль в анализе и оценке такого сложного явления как является политический процесс. Вместе с тем, по мнению исследователей, он не лишён и некоторых существенных недостатков. В частности, он, зачастую носит описательный характер, не уделяет внимания неформальным влияниям на деятельность различных институтов, не охватывает те политические явления и процессы, которые по различным причинам находятся за их пределами³⁵.

Под влиянием психоанализа в политологии сформировалось направле-

³⁵ Шаран П. Традиционные подходы, методы // Сравнительная политология. – Ч. 1 / Пер. с англ. – М., 1992. – С. 124.

ние, получившее в политической науке название *бихевиорального*, исследующее политическое поведение, побудительные причины стремления к власти. Характерной чертой данного подхода является исследование поведения людей путем эмпирического наблюдения и эмпирическая проверка выводов для оказания помощи по пониманию и объяснению политического поведения людей и функционирования политических институтов. Большое влияние на бихевиоризм оказали труды И. И. Павлова и В. М. Бехтерева. Кроме того, на развитие бихевиорального подхода повлияли идеи основоположника психоанализа З. Фрейда, который отметил роль бессознательных импульсов в детерминации политических явлений. Родоначальником бихевиоризма считается Э. Торндайк, а термин «бихевиоризм» (от англ. *behaviour* – поведение) был предложен Дж. Уотсоном.

Представители *бихевиорального подхода* к анализу политического процесса обращают внимание на механизмы осуществления власти и анализируют политическое поведение (лидерство, деятельность политических партий и групп интересов, голосование на выборах, участие в других формах политической активности, в т. ч. демонстрации, забастовки) на индивидуальном и социальном уровне. Это направление, исследующее поведение, действия и поступки людей, и объяснение как это поведение соотносится с политической системой, стало ведущим в американской политической науке XIX–XX веков³⁶.

Бихевиоральный подход в 1950–1960 гг. занимал доминирующую позицию в политической науке XX века. Инициаторами и последователями бихевиорального подхода были представители Чикагской школы американской политической науки – Б. Берельсон, П. Лазерсфельд, Г. Лассуэлл, Ч. Мерриам и др. Бихевиоралисты рассматривают поведение как сущность социальной

³⁶ См.: Политология: Учебник. – 2-е изд., стер. // Колл. авт.; Под ред. В. И. Буренко... – С. 369; Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. 2001 г. // URL: <http://voluntary.ru/dictionary/567/word/bihevioralizm-ili-povedencheskii-podhod>; Бихевиорализм // Википедия. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Бихевиорализм>; Алексеева Т. А. Современные политические теории. – М.: РОССПЭН, 2000 // URL: <http://politics.ellib.org.ua/pages-3719.html>; Политология: Словарь-справочник // Сост.: М. А. Василик, М. С. Вершинин и др. – М.: Гардарики, 2001.

системы и основу политической реальности, ключевой элемент, предопределяющий сущность социальной системы. Отсюда понятие политического поведения – в виде совокупности действий людей и групп, включенных в процесс управления. Любой вид социальной активности, связанный с управлением, становится политическим³⁷. Представители данного направления отмечали, что господствующей чертой в поведении человека является стремление к власти, которая является конечной целью политического действия.

Родоначальник бихевиористского направления, основатель чикагской школы политической науки Ч. Мерриам, отождествлял власть и политику с деятельностью и управлением, выступал за укрепление связи политической теории с практикой, а также внедрил в политические исследования количественные методы. Политику он рассматривал, как способность субъекта адаптироваться к социальным условиям³⁸.

Другой представитель данного направления Г. Лассуэлл, используя методы социальной психологии, психоанализа и психиатрии в изучении политического поведения, разработал теорию политического психоанализа, которая оказала значительное влияние на развитие средств массовой информации в США, создание методов пропаганды, оказывающей влияние на поведение масс. В книге «Психология и политика» им выдвинута идея о зависимости политического поведения индивида от выбранной им политической роли, учитывающей его психические качества и характер. Г. Лассуэлл одним из первых использовал контент-анализ в политической коммуникации, разработал теорию политических элит и типологию политических личностей, раскрыл связь определённых типов личности с соответствующими политическими ролями³⁹.

³⁷ Зарубин В. Г. Основы политических наук: Учебное пособие. – СПб.; Чита: Изд-во Забайкальского ГПУ, 1999 // URL: <http://userdocs.ru/pravo/10836/index.html>

³⁸ См.: Зарубин В. Г. Основы политических наук: Учебное пособие...; Алексеева Т. А. Современные политические теории...

³⁹ См.: Демидов А. И., Долгов В. М., Малько А. В. Политология: Учебник... – С. 328–330; Политическая наука на рубеже веков: Проблемно-тематический сборник // Политическая наука. 2000 – 4 / РАН. – М., 2000 // URL: <http://rc-analitik.ru/file/%7B24688864-a5eb-4c42-91ce-6b44e567791c%7D>; Алексеева Т. А. Современные политические теории...; Идеи-

Исследователи, отмечая основное содержание бихевиориалистского подхода, выделяют следующие моменты:

«1. Политологи-бихевиористы объявили, что главным и единственным объектом изучения должно быть политическое поведение личности или социальных групп. Исследование структур, по их мнению, не имеет смысла. Любые социальные институты надо изучать через поведение их индивидуальных членов.

2. Они считают несовместимым научный характер исследования и ценностную ориентацию исследователя, требуют отсечь ценностный подход. Бихевиоризм выступает под флагом “чистой науки”. Бихевиористы заявляют о своей непричастности к конкретной политической практике, о своем устранении от решения (или рекомендаций для решения) насущных социально-политических вопросов.

3. Базируясь на методологии позитивизма, они восприняли принцип верификации, т. е. требования, что любой вывод должен поддаваться проверке и перепроверке. Этот принцип они дополнили принципом квантификации, т. е. требованием количественного изменения изучаемых явлений, даже таких, как настроение, мотив и т. д. По их мнению, только квантификация сможет сделать возможным раскрытие и точные утверждения о взаимосвязях и повторяемости»⁴⁰.

Ими также выделяются следующие особенности бихевиористского направления:

«1. Признание факта политических закономерностей, убежденность в наличии единообразия в политическом поведении.

2. Призыв к верификации: вывод о том, что обоснованность таких закономерностей должна быть проверена в принципе и соотнесена с соответствующим политическим поведением.

ные истоки политологии. Тема 1. Политология как наука и учебная дисциплина // URL: <http://imp.rudn.ru/ffec/polit/p1.html>

⁴⁰ Мальцев В. А. Основы политологии: Учебник для вузов. – М.: ИТРК РСНП, 1998. – С. 96.

3. Требование технического надзора: вывод о том, что способы получения и интерпретации данных являются проблематичными и нуждаются в тщательной экзаменовке со стороны самосознания.

4. Требование квантификации: вывод о том, что измерение и количественная обработка данных необходимы, причем данные должны быть соотносимыми и способными к интерпретации, а результаты, полученные на основе данных, могут быть верифицированы.

5. Элиминация ценностного подхода: заключение о том, что этическая оценка и эмпирический анализ должны аналитически различаться.

6. Принцип систематизации: вывод о том, что теория и процесс исследования являются соотносимыми и выступают элементами упорядоченного тела знания.

7. Доминанта чистой науки: убеждение в том, что понимание и объяснение политического поведения логически предшествуют использованию его результатов, и дают основание для попытки использовать это политическое знание в решении насущных политических проблем общества.

8. Осознание наличия междисциплинарной интеграции: убеждение в том, что политическое исследование может в принципе игнорировать достижения других дисциплин только в связи с опасностью ослабления прочности и подрыва обобщенного характера собственных результатов»⁴¹.

Вместе с тем исследователями отмечены и недостатки бихевиоралистского направления, в частности, неспособность предсказать отдельные политические события, приводящие к кризису. Это привело к его модификации и возникновению так называемой «постбихевиоральной революции». Представители постбихевиорализма рассматривали возможность необходимых изменений в государственном администрировании при сохранении его главных принципов, отмечали необходимость вмешательства политической науки при решении социальных и политических вопросов. Основные идеи постбихевиорализма изложил в своей книге «Политическая система» Д. Истон. Он считал,

⁴¹ См.: Зарубин В. Г. Основы политических наук: Учебное пособие...

что для ученого более важно осознать отношение к проблеме и ее смысл, чем в совершенстве овладеть техникой исследований⁴².

Структурно-функциональный анализ политического процесса – это системное исследование социально-политических явлений и процессов, где каждый элемент структуры имеет определенное назначение для поддержания системы в целом⁴³.

По мнению представителей данного подхода, основной задачей исследования является выявление элементов системы, их функций и способов связи между ними. Здесь же анализируются интересы, ценностные ориентации, мотивы деятельности политических лидеров, элит, социальных групп, политических партий, а также их связи и отношения, в которые они вступают в процессе своей политической деятельности. Основными понятиями структурно-функционального подхода являются, в частности, социальное действие, социальная роль и структура.

Социальное действие – действие человека, ориентированное на других⁴⁴. Социальные действия всегда направлены на достижение цели. Социальная роль направлена на выполнение человеком действие в соответствии с его социальным статусом и принятым нормам в обществе. Структура – это совокупность ролей, выполняемая человеком в обществе, социальная же структура существует для удовлетворения общественных функций. Таким образом, система социальных отношений составляет общество.

Основателем данного подхода является Т. Парсонс. В политической науке этот метод используется с середины XX в. и впервые был применен Г. Алмондом и Д. Истоном, которые впервые ввели понятие «политическая система», обозначающую совокупность политических взаимодействий.

⁴² Юридический портал // URL: http://www.jur-portal.ru/work.pl?act=law_read&subact=1120500&id=289995

⁴³ См.: Фролов С. С. Социология организаций: Учебник. – М.: Гардарики, 2001. – С. 26–32; Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: Сборник учебных материалов / Под ред. Е. Ю. Мелешкиной. – М.: Весь Мир, 2001. – С. 31–33.

⁴⁴ Громов И. А., Мацкевич И. А., Семёнов В. А. Западная социология. – СПб.: ООО «Изд-во ДНК», 2003. – С. 532.

Представитель структурно-функционального подхода Т. Парсонс в своих работах «Структура социального действия», «Социальная система» и «Политика и социальная структура» рассматривает общество как систему функционально взаимосвязанных переменных. Каждая социальная система, чтобы выжить должна решить следующие проблемы:

- адаптация (умение приспосабливаться к окружающим);
- целеориентация (формулирование целей и мобилизация ресурсов для их достижения);
- интеграция (поддержание внутреннего единства и упорядоченности, пресечение возможных отклонений);
- латентность (обеспечение внутренней стабильности, равновесия системы). В каждом обществе основную роль играют подсистемы, связанные с воспроизводством структуры. Он выделяет следующие подсистемы общества: экономическая, политическая, культурная, которые выполняют определенные функции для поддержания целостности системы. В частности, политическая подсистема выполняет функцию целедостижения. В политической подсистеме решающую роль играет власть.

Также Т. Парсонс рассматривает политические институты как устойчивый элемент и сохраняющиеся в нем роли действующих политических элементов.

Другой представитель структурно-функционального анализа Д. Истон применил общую теорию систем к анализу политики, рассматривая её как авторитетно-властный распределитель ценностей для всего общества и предотвращающий конфликты, возникающие в обществе. В своих работах «Политическая система», «Концептуальная структура для политического анализа» и «Системный анализ политической жизни» он рассматривал теорию политической системы, которая постоянно находится в движении и обеспечивает управление обществом.

Д. Истон связывал политическую систему с адаптацией. Он рассматривал политическую систему во взаимосвязи с окружающей средой, где

происходит распределение ценностей и тем самым предотвращается конфликт. Он разработал концепцию политической системы, её так называемую кибернетическую модель. В этой модели были заложены основные фазы: «вход» («ввод») – запросы, требования и потребности граждан, и «выход» («вывод») – реакция действующей власти на них, завершающаяся принятием политических решений и их действием. В случае удовлетворения требований и потребностей общества политическая система получает социальную поддержку.

Таким образом, заслуга структурно-функционального подхода заключается в создании теории политических систем, выделении факторов, обуславливающих их стабильное состояние и способности адаптироваться к окружающему миру. Вместе с тем, представителями этого направления оставались недостаточно изученными причины и механизмы конфликтов, самостоятельность и активность политических акторов, а также микроуровни политических процессов.

Социологический подход к исследованию политических процессов значительное внимание уделяет анализу среды. Суть данного подхода заключается в выяснении зависимости политики от общества и общественных отношений, в т. ч. влияние политической системы на социально-экономические отношения. Представителями социологического подхода являются С. Липсет, Х. Линц, Дж. Сартори, М. Каазе и Р. Арон, которые рассматривали власть как особый вид отношений, в основе которой лежат отношения господства и подчинения.

Данный подход анализирует воздействия социальных и социокультурных факторов, проявляющиеся в действиях и интересах человека или групповых политических акторов. Они исходили из того, что социальные и социокультурные факторы оказывают влияние на политическую систему.

Теория рационального выбора политических процессов рассматривает теорию политического поведения человека, где человек выступает активным и независимым политическим актором, стремящим к реализации своих

интересов и эффективно действующим во имя достижения собственных целей⁴⁵.

Представители данного подхода в политической науке Д. Блэк, Л. Шаплей, М. Шубик, Э. Даунс, М. Олсон, Дж. Бьюкенен, В. Райкер, Г. Симон и Г. Таллок, отмечают вторичность политики, общества и социально-политических структур по отношению к индивиду, действующему с учетом личной выгоды. Теория рационального выбора используется для анализа поведения избирателей, парламентской деятельности и формирования коалиций, а также при моделировании политических процессов⁴⁶.

Как отмечает политолог К. фон Бойме, успех данного подхода объясняется следующими причинами:

– неопозитивистские требования к использованию в политической науке дедуктивных методов легче всего удовлетворить при помощи формальных моделей, на использовании которых основывается данный методологический подход;

– подход с позиций теории рационального выбора может быть применен при анализе любого типа поведения – от поступков самого эгоистичного рационалиста до беспредельно альтруистической деятельности матери Терезы, максимизировавшей стратегию помощи обездоленным;

– направления политической науки, находящиеся на среднем между микро- и макротеориями уровне, вынуждены признать возможность подхода, основанного на анализе деятельности акторов. Актор в концепции рационального выбора представляет собой конструкцию, позволяющую избежать вопроса о реальном единстве личности;

– теория рационального выбора способствует использованию качественных и кумулятивных подходов в политической науке;

– подход с позиций теории рационального выбора выступил в качестве своего рода противовеса засилью поведенческих исследований в предшест-

⁴⁵ См.: Политология: Словарь-справочник / Сост.: М. А. Василик, М. С. Вершинин...

⁴⁶ См.: *Вилков А. А.* Менталитет крестьянства и российский политический процесс. – Саратов: Изд-во Саратовск. гос. ун-та, 2008.

вующие десятилетия. Его легко совместить с многоуровневым анализом (особенно при изучении реалий стран Европейского союза) и с неоинституционализмом, получившим распространение в 80-е годы прошлого века.⁴⁷

Дискурсный подход к анализу политического процесса рассматривает изучение политического процесса посредством коммуникаций. «Дискурс – система коммуникации, поле коммуникативных практик, рассматриваемое в реальном и потенциальном (виртуальном) аспектах»⁴⁸. Авторы книги «Политический процесс: основные аспекты и способы анализа» выделяют два основного подхода при определении понятия политический дискурс: «Первый подход более широкий, и здесь под дискурсом понимаются фрагменты действительности, обладающие временной протяженностью, логикой и представляющие законченное сочинение, сформированное на основе организации смыслов (законченное «произведение», например, в виде текста) с использованием смыслового кода (словаря и т. п.). Представители другого, более узкого подхода трактуют дискурс как особый вид коммуникации»⁴⁹.

Дискурсный подход в политике используется с 70-х годов прошлого века и применяется при анализе политических процессов. В 80-е годы XX века, с момента возникновения центра семиотических исследований, созданного Т. ван Дейком для глубокого анализа дискурсов, его начали рассматривать как самостоятельное направление политологии. Представители данного подхода для изучения политического дискурса используют методы семиотического анализа (изучение дискурса-рамки), а также риторики и литературоведения (анализ конкретного дискурса-произведения).

Одним из направлений анализа политического дискурса является постмодернистский подход. Представители данного подхода считают, что смысл нужно искать в языке, который оказывает влияние на создание и из-

⁴⁷ Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингемана. – М., 1999.

⁴⁸ Шейган Е. И. Семиотическое пространство политического дискурса // Политический дискурс в России. – М., 1999. – С. 42.

⁴⁹ Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: Сборник учебных материалов / Под. ред. Е. Ю. Мелешкиной... – С. 39.

менение индивидуального представления. Таким образом, в постмодернизме подвергаются к анализу только то, что получены исследователями его субъективные смыслы.

Определение политического процесса на микро- и макроуровнях

Уровень политического процесса определяется масштабностью происходящих политических событий, которые имеют определенную значимость. Политический процесс в политической науке рассматривается на макро- и микроуровнях. Определение политического процесса на макроуровне имеет дедуктивный характер, на микроуровне – индуктивный. Макроуровень политического процесса рассматривает политическую систему с учетом изменения ее компонентов⁵⁰.

На микроуровне формируются различные политические движения, образуются группировки, создаются партии, зарождается и формируется общественное мнение и политическая культура общества. Микроуровневые исследования политического процесса связаны с В. Парето и А. Бентли. В. Парето рассматривал понятие «элита» как субъект и движущую силу политического процесса, которая противодействует контрэлите, а также народ, выполняющий пассивную роль. А. Бентли впервые разработал концепцию «группы интересов». Он утверждал, что изучение политики должно быть направлено на исследование действия людей, добровольно объединяющихся в группы для достижения политических целей. Начиная с А. Бентли, политический процесс рассматривается в двух формах: в неформальной, реальной, так как «группа интересов» является первичным субъектом политики; официально-институциональной, представляющей собой проекцию групповых интересов, так как государственные институты выступают как один из видов «группы интересов». Также А. Бентли рассматривает правительство в роли регулятора

⁵⁰ См.: Белов А. А., Елисеев С. М. Политические процессы и институты в современной России: Учебно-методическое пособие...

конфликта. Основными субъектами государственной власти, по А. Бентли, выступают три основных субпроцесса в структуре процесса государственного управления: законодательный, исполнительный и судебный.

Продолжателем идеи А. Бентли стал Д. Трумэн, который конкретизировал понятие «группа интересов», как индивидуумов, имеющих общие интересы и выдвигающих ряд требований к другим группам для установления отношения и укрепления норм поведения, которые устанавливаются общностью взглядов данной группой.

Структура политического процесса

Политический процесс имеет определенную структуру. Некоторые исследователи к структуре политического процесса относят:

- субъекта (актора) политики;
- объекта (индивид, различные группы и классы в обществе);
- средства (ненасильственные коммуникативные действия и средства государственного давления);
- метода (политический режим, определяющий форму политического процесса (демократическую или авторитарную);
- ресурса (технические и финансовые средства, знание, наука, идеология, настроения масс, общественное мнение и т. д.)⁵¹.

Другие исследователи структуру политического процесса определяют как совокупность взаимодействий между акторами⁵². В частности, в структуре политического процесса они выделяют следующие компоненты:

- «– субъектов (акторов) политического процесса (институционализированные и неинституционализированные);
- политические интересы данных субъектов;
- политическую деятельность людей (профессиональная политическая

⁵¹ См.: Политология: Учеб. для вузов / Под ред. С. В. Решетникова. – Минск, 2001. – С. 259.

⁵² Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: Сборник учебных материалов / Под. ред. Е. Ю. Мелешкиной... – С. 13.

деятельность и политическое участие рядовых граждан);

– политические отношения, складывающиеся в результате деятельности субъектов политического процесса»⁵³.

Субъектами политического процесса выступают действительные участники политической жизни, являющиеся носителями и движущей силой политических отношений. Основными субъектами или акторами политического процесса являются политические системы и институты, т. е. государство, гражданское общество, политическая элита, политические партии, общественные организации, группы по интересам, отдельные граждане. В политической науке термины «актор» и «субъект» являются синонимами.

Актор (от лат. *actor* – деятель) – индивид, общественная группа, государство, участник мировой политики, влияющий на процессы, происходящие в обществе⁵⁴. «Актор политический – не любой субъект, а субъект активно осуществляющий какую-либо из форм политической деятельности»⁵⁵. Одним из властных акторов политического процесса выступает государство. Следующим масштабным актором политического процесса является гражданское общество. Менее значимыми акторами политического процесса выступают партии, группы интересов, а также индивиды и группы людей. В этом отношении интересна классификация американского политолога Д. Розенау, который выделяет два уровня: *микро-* и *макрополитику*. Субъектами микрополитики являются индивиды, а макрополитики – большие общности людей. При этом первичной в политике считается деятельность индивидов, организационная роль макроакторов считается вторичной⁵⁶.

Также к структуре политического процесса относятся политические отношения и политическое поведение. В зависимости от политического отноше-

⁵³ Политология: Учебник для студентов вузов. – 4-е изд., перераб. и доп. / Под ред. В. К. Батурина... – С. 433.

⁵⁴ См.: *Ирхин Ю. В., Зотов В. Д., Зотова Л. В.* Политология: Учебник. – М., 2002; Словарь политических терминов // URL: <http://www.polit-slovar.ru/dictionary/336>

⁵⁵ Политология: Учебник. – 2-е изд., стер. / Колл. авт.; Под ред. В. И. Буренко... – С. 368.

⁵⁶ См.: Политология: Учебник для студентов вузов. – 4-е изд., перераб. и доп. / Под ред. В. К. Батурина... – С. 434–435.

ния субъектов определяется развитие политического процесса. Политические отношения – «это взаимодействие социальных групп, личностей, социальных институтов по поводу устройства и управления обществом»⁵⁷. Политические отношения субъектов развиваются по вертикали и по горизонтали. Вертикальные политические отношения – это отношения между управляющим и исполнителем. Вертикальные политические отношения дают возможность господствующим политическим силам навязывать свои намерения и ценности другим субъектам политического процесса, с целью к реализации своих интересов. Горизонтальные политические отношения – это отношения между отдельными субъектами, имеющими равный политический статус и автономность. При горизонтальных политических отношениях возникают и развиваются сотрудничество и конкуренция.

Политические отношения развиваются под влиянием различных факторов, в частности, политического поведения субъектов политического процесса. Политическое поведение – «это поступки и действия субъекта политики, характеризующие его взаимодействие с социальной средой, с различными общественно-политическими силами. Это совокупность сознательных действий, направленных на достижение какой-либо социально значимой цели, действий, порождаемых традициями, ценностными ориентирами, а также бессознательных поступков, вызванных эмоциональным состоянием индивида»⁵⁸. Некоторые исследователи выделяют следующие наиболее значимых виды политического поведения, направленные на реализацию тех или иных политических целей:

«– реакция, когда действия людей в политике являются ответами на внешнее воздействие, источником активности в этом случае служат другие люди и институты;

– периодическое участие, связанное с делегированием полномочий во всевозможных выборах, политических кампаниях;

⁵⁷ Демидов А. И., Долгов В. М., Малько А. В. Политология: Учебник... – С. 234.

⁵⁸ Политическое поведение // URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-21055.html?page=17>

- деятельность в политических организациях, движениях, партиях;
- выполнение политических функций в рамках государственных органов: служба в армии, органах государственного управления и охраны правопорядка;
- посещение политических собраний, освоение и передача;
- политической информации, участие в политических дискуссиях;
- прямое действие – непосредственное влияние на функционирование и изменение политических институтов через такие формы политической деятельности, как митинги, демонстрации, забастовки, голодовки, кампания неповиновения или бойкота;
- воздействие на ход политических процессов через обращения и письма, встречи с политическими лидерами, представителями государственных и политических организаций и движений. Важнейшим стимулом политической деятельности служит интерес, в его основе лежит та или иная проблема в жизни политической общности, понимание острой необходимости ее решения»⁵⁹.

Стадии политического процесса

Политический процесс всегда находится в движении, развитии и имеет направление, состоит из последовательно повторяющихся стадий. В различных источниках указываются разные стадии политического процесса. В частности, различают следующие его стадии: *конституирование, образование политической системы; воспроизведение компонентов и признаков данной системы; принятие и исполнение политико-управленческих решений; контроль за функционированием и направлением развития политической системы*⁶⁰. Эти стадии взаимосвязаны с друг с другом, но в то же время им присущи свои специфические особенности. Каждая стадия выражает развитие политической системы с ее изменениями и преобразованиями.

⁵⁹ Зинчина А. Б., Климов А. В., Крюкова А. В. Краткий курс лекций по политологии // URL: <http://uchebnik-besplatno.com/uchebnik-teoriya-politiki/politicheskoe-povedenie-ego.html>

⁶⁰ Тавадов Г. Т. Политология: Учебное пособие... – С. 128.

Э. Хейвуд разбивает политический процесс на четыре стадии:

- инициирование политики;
- формирование политики;
- реализация политики;
- оценка политики⁶¹.

На начальной стадии поднимаемые вопросы становятся или перерастают в проблемы всеобщего характера, требующие решения. Далее происходит конкретизация и пересмотр первоначальных предложений. Сначала выбирают механизмы и процедуры для проведения политики, после чего определяется конкретная проблема, далее ставятся цели и выстраиваются приоритеты и проводятся анализ и выбор одного из выбранных вариантов политики.

Общепризнанной считаются стадии политического процесса, предложенные Г. Агмондом и Г. Пауэллом:

1. Артикуляция (выражение) индивидуальных и групповых интересов. Их носителем выступают групповые объединения.

2. Агрегирование (объединение, структурирование) этих интересов (их объединение в единой позиции). Здесь происходит выбор и объединение разнородных интересов различных индивидов и групп в единую партийно-политическую позицию.

3. Выработка политического курса. Вырабатывается политический курс на основе общих коллективных решений институтов государства.

4. Реализация принятых решений. Принятые решения осуществляются институтами исполнительной власти, организующими для этого соответствующие мероприятия и необходимые ресурсы.

5. Контроль над исполнением этих решений. Контроль и арбитраж осуществляется через деятельность институтов судебного и конституционного надзора⁶².

⁶¹ Хейвуд Э. Политология: Учебник для студ. вузов / Пер. с англ.; Под ред. Г. Г. Водолазова, В. Ю. Бельского... – С. 495–502.

⁶² См.: Холодковский К. Г. Социально-психологическая дифференциация российского населения и процесс формирования партий // Полис. – 2001. – № 5. – С. 75–96; Полито-

Содержание политического процесса

Действие субъектов политики, заключающееся в исполнении личных политических интересов с использованием власти, составляет содержание политического процесса, которое носит разнообразный характер. Также содержание политического процесса определяется взаимоотношением политических сил в определенной стране, политической практикой, типом политической системы.

Содержание политического процесса включает в себя:

«а) социально-политические условия возникновения и функционирования политического процесса;

б) субъекты политических действий и средства их влияния на объект, а также объекты воздействия;

в) политические интересы, мотивы и цели поведения в политическом взаимодействии;

г) взаимодействие субъектов в форме борьбы и сотрудничества»⁶³.

На содержание политического процесса значительное влияние оказывают политические события, направленные на изменения расстановки политических сил, а также духовно-идеологическая обстановка, уровень развития социальных и экономических отношений, степень разделения и уравновешенности законодательной, исполнительной и судебной власти, взаимосвязи внутри правящего слоя, а также внешние политические события.

Политический процесс раскрывает движение, динамику, эволюцию политических явлений, конкретное изменение их состояний во времени и пространстве. Он проявляет себя в трех режимах:

«1. Функционирование политических явлений не выводит взаимоотношения, формы поведения граждан или исполнение институтами государствен-

логия: Учебник для студентов вузов. – 4-е изд. перераб. и доп. / Под ред. В. К. Батурина... – С. 443.

⁶³ Общая и прикладная политология: Учебное пособие / Под общ. ред. В. И. Жукова, Б. И. Краснова. – М.: МГСУ; Союз // URL: http://grachev62.narod.ru/krasnov/ch_19.htm

ной власти их непосредственных функций за рамки сложившихся базовых значений.

2. Второй способ политических изменений – это развитие. Он характеризует такие модификации базовых параметров политических явлений, которые предполагают дальнейший позитивный характер эволюции последних.

3. Третья разновидность изменений – это упадок, характеризующий такой способ трансформации сложившихся базовых форм и отношений, который предполагает негативную перспективу эволюции политического явления»⁶⁴.

1.2. Типология политических процессов

Специфика политических процессов заключается в возникновении их разнообразных типов в различных временных обстоятельствах. В политической науке обычно выделяют следующие типы политического процесса: *внутриполитический* и *внешнеполитический*; *открытый* и *скрытый*; *стабильный* и *нестабильный*; *идеократический*, *харизматический* и *технократический*; *демократический*, *традиционный* и *модернизационный*; *западный* и *незападный*; *патримониальный* и *неопатримониальный* и т. п.⁶⁵.

Учитывая обстоятельство, связанное с ключевой ролью, которая в данном исследовании отводится политическим процессам, его авторами предпринята попытка классификации или ранжирования государств-участников в рамках рассматриваемой типологии этих процессов. Это позволит дать более углубленную оценку субъектно-объектным отношениям между ними.

⁶⁴ Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов. 2006 // URL: <http://uchebnik-besplatno.com/uchebnik-teoriya-politiki/tipy-politicheskikh-izmeneniy.html>

⁶⁵ См.: Дегтярев А. А. Основы политической теории: Учебное пособие... – С. 104; Типология политических процессов // URL: <http://www.nalogi.ru/faq/detail.php?ID=1590249>; Понятие и типы политических процессов: Типология политических процессов // Политология: Лекции // URL: <http://txtb.ru/92/24.html>

Политические процессы, в зависимости от способа взаимодействия субъектов, среды протекания и объекта применения политической воли, подразделяются на *внешнеполитические* и *внутриполитические*. Авторы исследования обращают внимание на то что, в силу специфики данного исследования, именно внешнеполитическим процессам отводится по сути дела, ключевая позиция в определении роли и места внешних акторов в политических процессах государств Центральной Азии. Во многом такой подход объясняется обширностью типологии политических процессов и их подробный анализ заслуживает изучения в рамках отдельного исследования.

В самой обобщённой форме внутриполитические процессы отражают взаимоотношения между элементами системы, связанные с реализацией политической власти. Внешнеполитические строятся на отношениях между государствами, связанные с достижением политического компромисса⁶⁶. Внешнеполитические процессы формируются с учётом географических, исторических, национальных, демографических, культурных, конфессиональных, геополитических, цивилизационных, экономических, политических, социальных факторов⁶⁷.

Как отмечают аналитики и эксперты, «исследование внешнеполитического процесса требует понимания извечной диалектической связи между его внешними и внутренними факторами. Это связано с тем обстоятельством, что любые внешнеполитические действия отражают национальные интересы, осмысленные политической элитой. Таким образом, внутренние факторы сами по себе являются важнейшей компонентой международной политики. При этом, в ряде случаев внутренние факторы становятся даже более значимыми чем внешние. Именно внутренними факторами определяется внешнеполитический ресурс⁶⁸.

⁶⁶ См. Стрельцов Д. В., Колдунова Е. В. Внешнеполитический процесс на Востоке: некоторые подходы к методологии исследования // URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/files/10/10-17strelsov1.pdf>

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

Внешнеполитический процесс самым тесным образом «связан с господствующим экономическим укладом, общественным и государственным строем общества и выражает их на мировой арене»⁶⁹.

Подводя итоги краткого анализа, дадим определение этого типа политического процесса, которое, по нашему мнению, в большей степени, чем другие, приближено к теме нашего исследования. «Под внешнеполитическим процессом государства <...> понимается взаимодействие между элементами – субъектами системы внешнеполитических отношений государства, либо внешнеполитическое воздействие государства на объекты его внешнеполитических интересов, осуществляемое во времени и пространстве и приводящее к изменениям в данном государстве и/или в объектах его интересов»⁷⁰.

В исследовании также предпринята попытка включения государств, фигурирующих в нём, в типологию политических процессов, что по нашему мнению позволит более глубоко изучить контакты внешних акторов со странами Центральной Азии.

В зависимости от временных характеристик политические процессы делятся на *долговременные* (формирование государств, переход от одной политической системы к другой и т. п.) и *кратковременные* (избирательные кампании, митинги и т. п.). Следует отметить, что государства Центральной Азии переживают как долговременные, так и кратковременные политические процессы. Отличием от развитых стран Запада можно считать незавершённость в них долговременных политических процессов, связанных, прежде всего, с формированием национальной государственности, выбором модели развития, осуществлением задач модернизации экономики и политики. Для некоторых из государств региона, в частности для Кыргызстана, характерен избыток кратковременных политических процессов.

По реализации функций и полномочий участников политического процесса существуют *открытый* и *скрытый (теневой) типы* политическо-

⁶⁹ Понятие и виды политических процессов: Типология политических процессов...

⁷⁰ Кондратов А. И. Внешнеполитическая деятельность государства в международно-политическом процессе // URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/files/17/19_Kondratov.pdf

го процесса. При *открытом* типе политического процесса общественность влияет на политический курс и на обсуждение программы развития страны, учитываются интересы отдельных лиц и групп при разработке и принятии программ партий и движений, в голосовании на выборах. Данному типу характерно сотрудничество и компромисс между его участниками. Существуют такие разновидности открытого типа, как публичный (участники процесса открыто проявляют свои интересы) и непубличный (участники процесса действуют скрыто при достижении собственных целей вопреки существующим правовым нормам). К открытому типу относятся США, Япония, Великобритания, отдельные страны Евросоюза, где под воздействием общественности осуществляется корректировка политических программ и принятие политических решений, контакт между различными социальными группами и институтами власти.

При *скрытом (теневом)* типе политического процесса отсутствует контроль над правящими политическими элитами, общественность не имеет право принимать участие в принятии политических решений и корректировке политических программ, существует строгая иерархия внутривластных акторов и высокий уровень коррумпированности правящих слоев. К скрытому типу относятся Китай, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан. При этом Туркменистан имеет авторитарный («автаркия – политика некоторых государств, направленная на создание замкнутого национального хозяйства, обособленного от экономик других государств»⁷¹) модель политической системы скрытого типа, а Таджикистан и Узбекистан – традиционалистскую⁷². При этом в Туркменистане сохраняется тоталитарный режим. Китай сам по себе скрытое государство. Хотя он ориентирован на модернизацию политической системы, ведущая роль государства осуществляется под непосредственным руководством коммунистической партии, решения которой носят обязатель-

⁷¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/3042>

⁷² См.: Павлов Е. В. Трансформация политических систем республик Центральной Азии в условиях глобализации...

ный характер. Участие общественности в реализации государственных программ незначительно⁶². К данному типу частично относятся Кыргызстан, Казахстан, Иран и Россия. При этом Кыргызстан ориентирован на адаптацию к многовекторной внешней политике, что позволяет отнести его к адаптивной модели политической системы «открытого» типа. Казахстан ориентирован на преобразование, модернизацию внутренней экономической и политической систем, и может быть отнесен к модернизационной модели политической системы «открытого» типа⁷³. Иран ориентирован на модернизацию политической сферы с учетом компромисса между традиционными идеологическими догмами и ценностями глобализирующегося мира. Вместе с тем отмечается укрепление консервативного лагеря в лице клерикальных и светских элит, интересы которых связаны с автократией. Несмотря на неразвитость гражданской политической культуры, страна ориентирована на многосторонний компромисс⁷⁴. В России, несмотря на стремление к демократизации общества и модернизации политической системы, общественное мнение не может повлиять на политические решения правящей политической элиты. Страна находится на стадии становления демократически-правовой федеративной государственности, политического и идеологического плюрализма⁷⁵.

По степени влияния политические процессы бывают *базовые* и *периферийные*, которые характеризуют изменения в разных областях политической жизни общества. Базовые типы политического процесса «характеризуют те разнообразные изменения в различных областях политической жизни, которые касаются модификации её базовых, системных свойств. Периферийные типы политического процесса выражают изменения в не столь значимых для

⁷³ См.: Павлов Е. В. Трансформация политических систем республик Центральной Азии в условиях глобализации...

⁷⁴ См.: Киреев А. В. Особенности ограниченной демократизации в Иране: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Воронеж, 2006 // URL: <http://cheloveknauka.com/osobennosti-ogranichennoy-demokratizatsii-v-irane>

⁷⁵ См.: Кубышина Г. А. Роль политических институтов России и Китая в организации и проведении государственных реформ (сравнительный анализ): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2008 // URL: http://politlogia.narod.ru/DISSER/diser_doc/2008/POL_INSTITT/KubushinaGA_2.htm#2

общества областях, не оказывающих принципиального влияния на доминирующие формы и способы отправления власти»⁷⁶.

За годы независимости страны Центральной Азии в полной мере использовали в практике государственного строительства как базовые, так и периферийные политические процессы, игравшие роль мерил влияния на политические системы этих стран элиты и общества.

По типу устойчивости политической системы выделяются *стабильные* и *нестабильные (кризисные) типы*, характеризующие повседневные и исторические политические процессы.

Стабильные политические процессы «выражают ярко очерченную направленность изменений, преобладание определённого типа властных отношений, форм организации власти, предполагающих устойчивое воспроизведение политических отношений даже при сопротивлении тех или иных сил и тенденций»⁷⁷.

Основными условиями и факторами политической стабильности являются:

«– эффективное функционирование политической системы, всех ее подсистем, успешное разрешение обществом насущных задач развития и обеспечения прогресса;

– согласие основных или ведущих социальных групп и выражающих их интересы политических организаций по основным вопросам общественного развития;

– необходимый уровень доверия к деятельности властных институтов со стороны общества, их умение в достаточной степени выражать интересы большинства;

– высокая эффективность и легитимность политического режима, легальность властей;

⁷⁶ Политический процесс // URL: http://nicbar.narod.ru/theoria_politiki19.htm

⁷⁷ Там же.

- наличие правовой системы, создающей необходимые условия для рационального и естественного функционирования данного общества;
- обеспечение основных прав и свобод человека, нахождение оптимума между участвующими в политике и абсентеистами;
- разумное распределение полномочий между центральными и местными властями, оптимизация количества политических подсистем, уровня их автономизации;
- руководство страной в соответствии с основными традициями, нормами морали, этики и религии, нахождение их оптимального взаимодействия;
- недопущение резкой социальной дифференциации общества; предотвращение и эффективное разрешение острых социальных, национально-этнических и религиозных конфликтов;
- умение руководителей властных структур и общественных движений использовать международный опыт, международные и региональные стабилизационные факторы в интересах национального развития, социального прогресса и политической стабильности общества⁷⁸.

Стабильные типы политических процессов характерны для Великобритании, США, отдельных стран Европейского Союза, Японии. В этих государствах общество независимо от властей обладает автономностью, правительство реагирует на запросы общественного мнения. В США стабильность политического процесса поддерживается наличием двухпартийной системы «демократы – республиканцы»⁷⁹. В Японии сохранялись высокие стандарты жизни, относительно стабильная внутривластная жизнь. К данному типу можно отнести Иран, где сохраняется внутренняя целостность и стабильность государственного режима, объединяющий в себе светскую и религиозную власть⁸⁰. Частично, стабильные политические процессы осуществляются в России, Ин-

⁷⁸ Политическая стабильность как цель политического процесса // URL: <http://txtb.ru/92/25.html>

⁷⁹ См.: Макарова Л. С. Социально-политическая стратификация в США в условиях переходного политического процесса: Автореф. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Чита, 2009 // URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-183920.html>

⁸⁰ См.: Куреев А. В. Особенности ограниченной демократизации в Иране...

дии, Туркменистане, Узбекистане, Казахстане и Китае, где сохраняется политическая стабильность на основе жесткой центральной власти. Китай придерживается пути мирного внутривластного развития, что позволяет сохранять в политической сфере под коммунистическим руководством политическую стабильность⁸¹. Узбекистан обеспечивает политическую стабильность путем сохранения режима сильной президентской власти, имеющей авторитарный характер с учетом недостаточно развитого гражданского общества. Политическая система республики формируется с учетом национальных и историко-ментальных особенностей⁸². Индия большое значение придает поддержанию социальной и политической стабильности, которую обеспечивает средний класс. Отмечается влияние населения на развитие общества, участие в политике, что приводит к развитию гражданской культуры. Правительство Индии проводит продуманную стратегию модернизации, сочетая передовую технологию в городах с натуральным хозяйством в деревнях, не допуская социального взрыва в обществе⁸³.

В *нестабильных* политических процессах «отсутствует чёткое преобладание базовых свойств организации власти, исключающих возможность качественной идентификации изменений. Отправление власти осуществляется в условиях как неравновесности влияния основных предпосылок, так и несбалансированности политической активности основных субъектов в политическом пространстве»⁸⁴. В нестабильном типе политического процесса возникает кризис власти как проявление необходимости изменения политического курса и отсутствует превалирование тех или иных базовых свойств организации власти. К странам с нестабильным типом политических процессов относятся

⁸¹ См.: *Кубышина Г. А.* Роль политических институтов России и Китая в организации и проведении государственных реформ (сравнительный анализ): Автореф. дис. ... канд. полит. наук...; *Макарова Л. С.* Социально-политическая стратификация в США в условиях переходного политического процесса...

⁸² См.: *Борисов Н. А.* Постсоветская трансформация политических систем Республики Узбекистан и Кыргызской Республики: сравнительный анализ...

⁸³ См.: *Володин А.* «Восточная модель развития»: оценка политической эффективности // URL: <http://polit.ru/article/2005/10/26/volodin/>

⁸⁴ Политический процесс...

Кыргызстан, Арабские государства, Таджикистан. В них происходят социальные конфликты, у власти находятся представители одних и тех же политических сил, различные группы влияют на процессы принятия политических решений, оппозиция активно критикует правительство. Частично к нестабильному типу также можно отнести Турцию. Нестабильная политическая система Турции характеризуется конфликтами внутри политических сил общества и этнико-конфессиональными противоречиями⁸⁵. В Кыргызстане события 2005 и 2010 годов привели к политической нестабильности, образованию неустойчивого сообщества элит, непредсказуемости ситуации, чередованию периодов дезинтеграции в виде авторитарной президентской власти, отсутствию эффективного взаимодействия между субъектами политики, росту численности бедной части населения. Ему свойственен фрагментированный (клановый) авторитарный режим⁸⁶. В Таджикистане создавшаяся тяжелая социально-экономическая ситуация, отсутствие социальных программ привели к политической нестабильности. Здесь образовалось сильное оппозиционное движение в лице религиозных организаций, имеющих последователей во всех регионах страны. Авторитарный стиль управления в Таджикистане усложняет политическую обстановку в стране⁸⁷.

Оценка состояния общества осуществляется также в рамках *стационарного* и *переходного типа* политических процессов. Стационарный тип носит системный характер, составляет, как правило, содержание одной полити-

⁸⁵ См.: Сравнительный анализ политических процессов в Турции, Египте, Иране и Ираке // URL: <http://toloka.kiev.ua/?p=181>; Турция: политический процесс переживает тихую революцию // URL: <http://turkey-info.ru/forum/stati145/turciya-politicheskiy-process-perejivaet-tihuu-revoluciu-t3008553.html>; Васильева С. А. Влияние пантюркизма на идеологический процесс в Турецкой Республике // URL: <http://www.teoria-practica.ru/-3-2012/politics/vasilieva.pdf>; Население Турции недовольно «процессом урегулирования» между правительством и РПК // URL: <http://mk-turkey.ru/politics/2013/04/30/naselenie-turcii-nedovolno-processom-uregulirovaniya-mezhdu-pravitelstvom-i-rpk.html>

⁸⁶ См.: Медушевский А. Н. Революция в Киргизии: итоги и перспективы конституционных преобразований // URL: <http://www.hse.ru/data/2013/03/08/1301397047/>; Борисов Н. А. Постсоветская трансформация политических систем Республики Узбекистан и Кыргызской Республики: сравнительный анализ...; Павлов Е. В. Трансформация политических систем республик Центральной Азии в условиях глобализации...

⁸⁷ См.: Центральная Азия: проблемы развития и безопасности // URL: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?3666>

ческой системы и отличается устойчивым воспроизведением политических отношений⁸⁸. Стационарный тип политического процесса обеспечивает политическую стабильность и социальную защищенность, проводит социальную политику, создает равные жизненные условия для всех членов общества, привлекает гражданское общество к контролю над элитой до принятия государственных решений. Подобный тип политических процессов характерен для таких государств как США, Япония, Турция.

Формирование Евросоюза привело к образованию специфического типа политического процесса – *полицентричной* политической системы, для которой характерны последовательный диалог и переговоры между всеми участниками политического процесса, появление политических сетей, строение политической системы на трех практически равноправных секторах: власти, экономики и гражданском обществе⁸⁹.

Переходный тип политического процесса носит межсистемный характер и выделяется «отсутствием чёткого преобладания тех или иных базовых свойств организации власти, которая осуществляется в условиях нестабильности политической активности основных субъектов»⁹⁰. Он характеризуется коренной ломкой старых систем и становлением новых, в частности, внедрением механизмов перехода от административно-командной к демократической системе. В то же время в странах Центральной Азии в рамках переходного типа политических процессов отмечается формальное участие населения в политической жизни страны, отсутствие общественного контроля над осуществлением политического курса, главенство элиты в определении политического курса. К переходному типу относятся Индия, Иран, Китай, Арабские государства, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан. Эти государства переживают стадию перехода от патриархально-клановой к демокра-

⁸⁸ Политические процессы переходного периода в Республике Таджикистан // URL: <http://www.alldisser.com/part/ref-3322.html>

⁸⁹ См.: Комлева Н. А., Миронов Д. А., Петров Е. М. Специфика политической системы Евросоюза // URL: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0042\(04_01-2006\)&xsl=showArticle.xslt&id=a09&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0042(04_01-2006)&xsl=showArticle.xslt&id=a09&doc=../content.jsp)

⁹⁰ Политические процессы переходного периода в Республике Таджикистан...

тической системе. В России происходит переход от авторитаризма к демократии. Властные структуры страны, в связи с незрелостью и несформированностью институтов гражданского общества, вмешиваются в решение вопросов экономического, политического, социального, духовного характера⁹¹. В Китае существует авторитарный режим правления с жестко централизованной системой принятия решений, отмечается переход от тоталитарного к авторитарно-бюрократическому режиму и постепенное повышение роли представительных органов, укрепление конституционализма и административной реформы. При этом, не изменяется система централизованного управления, а лишь постепенно дополняется новыми элементами⁹². В Индии наблюдается стремление компенсировать недостаточную интегрированность общества, в силу чего процесс объединения различных элементов социально-политической структуры общества происходит снизу, поэтапно⁹³. Кыргызстан характеризуется неясным соотношением сил политических акторов. Таджикистану свойственен клиентальный характер, партии не выражают интересы гражданского общества, а представляют собой объединение сторонников вокруг политических деятелей⁹⁴.

Таким образом, страны с политическими процессами переходного типа сочетают в политическом строе элементы модернизированной системы с элементами традиционного общества, характеризуются слабостью институтов гражданского общества. Следует отметить, что подобного рода политические

⁹¹ См.: Горшколов А. А. Идеократическая государственность: политико-правовой анализ. 3.2. Российская идеократическая государственность: своеобразие и перспективы // URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-204310.html?Page=7>; Политические процессы в современной России // URL: http://otherreferats.allbest.ru/political/00095595_0.html

⁹² Сравнительный анализ государственного управления переходными социально-экономическими системами: Россия – Китай: Материалы постоянно действующего научного семинара. – Вып. 7 (37). – М.: Научный эксперт, 2010 // URL: [http://www.rusrand.ru/netcat_files/Image/Gos_upr_vyp_7\(37\).pdf](http://www.rusrand.ru/netcat_files/Image/Gos_upr_vyp_7(37).pdf)

⁹³ См.: Володин А. Президентские выборы в Индии: обыденность или новый смысл? // URL: <http://www.fondsk.Ru/news.2012/07/16/prezidentskie-vybory-v-indii-obydennost-ili-novuyj-smysl-15510.html>; он же. Единая Индия // URL: http://www.intelros.ru/2007/08/31/andrejj_volodin_edinaja_indija.html

⁹⁴ Муродова Н. С. Политические процессы переходного периода в Республике Таджикистан...

процессы характерны для всех без исключения государств Центральной Азии, создающих новую государственность в постсоветский период.

В зависимости от социокультурных и социально-экономических характеристик выделяют *идеократический, харизматический и технократический типы* политического процесса. Они позволяют также судить о степени равновесия политических систем в процессе переживаемых ими преобразований. Кроме того, указанные типы политических процессов строятся на основе определённой их последовательности.

Политический процесс *технократического* типа определяется приспособлением политических институтов и механизмов к изменяющимся условиям среды. Этот тип «отличается наличием традиций эволюционизма, непрерывного и постепенного адаптирования политических институтов и механизмов к изменяющимся условиям среды, приоритетом технологического (процессуального) подхода при внесении изменений в политическую систему и ролевые функции, исключением из политической практики радикальной ломки политических структур, складывающихся на протяжении веков»⁹⁵. Этот тип политических процессов функционирует в рамках стабильных политических систем, отличающихся высокой эффективностью политических процессов и присутствующим в первую очередь англо-саксонским и романо-германским странам. Для них характерен также высокий уровень развития демократии, верховенство закона, прав и свобод индивида, конкурентность в высокотехнологичной экономике.

Переходный к технократическому типу вид политических процессов формируется также в Индии и Японии.

Политический процесс *идеократического* типа типичен для традиционных обществ, не решивших до конца задач модернизации и отличающихся разнородностью в этнокультурном и социально-экономическом отношениях⁹⁶.

⁹⁵ Баранов Н. А. Политические отношения и политический процесс в современной России // URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/baranov_polit/00.aspx

⁹⁶ Понятие и основные виды политических процессов // URL: <http://www.webarhived.ru/page-331.html>

Интеграция подобных обществ возможна в условиях доминирования одной идеи, которая определяет цели, содержание, направленность политического процесса и формирование правящей элиты, участия граждан в политике.

«Идеократизм («власть идей, идеалов») – термин для обозначения общественного строя, основанного не на предании и не на материальных интересах, а на сознательных идеях.»⁹⁷. Для идеократического типа характерны: доминирование официально провозглашенной идеи; пресечение инакомыслия; обезличивания индивидуумов общества; консерватизм; активное участие государства в развитии культуры, огосударствление общественных организаций и объединение правящего слоя под общим мирозерцанием. «Политическая элита имеет статус идейной монолитности, солидарности, тщательно организованной и упорядоченной общности с жестким идеократическим механизмом отбора новых ее членов. Массы населения включены в политический процесс посредством приобщения их к делу Служения, делу выполнения идеальной единой цели»⁹⁸. Он характерен для таких государств, где происходит модернизация начальной стадии. К идеократическому типу относятся Китай, Россия, Казахстан, Кыргызстан, арабские государства, Иран.

Политический процесс *харизматического* типа зачастую основывается на восточной культурной традиции, сопровождающееся абсолютизацией роли и статуса политического лидера⁹⁹. Подобный тип политических процессов распространён в условиях отсутствия общенационального согласия, слабом гражданском обществе, незрелой политической инфраструктуре¹⁰⁰. Он характеризуется определением харизматическим лидером цели, содержания и направленности политического процесса. Данный тип определяется всевластием лидера – харизмы, наделённой политической волей и необходимой совокупностью черт характера для национального лидера. Основное ядро управленче-

⁹⁷ Идеократия // Википедия – Свободная энциклопедия // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Идеократия>

⁹⁸ Горшколов А. А. Идеократическая государственность: политико-правовой анализ. 3.2. Российская идеократическая государственность: своеобразие и перспективы...

⁹⁹ Понятие и основные виды политических процессов...

¹⁰⁰ Там же.

ской структуры состоит из лично преданных вождю людей. Отличительной чертой харизматического типа является абсолютное отсутствие установленных правил. Данный тип свойственен Туркменистану, Узбекистану. Вместе с тем, следует учитывать то обстоятельство, что в странах Центральной Азии зачастую харизматический тип политических процессов дополняется идеократическим и в редких случаях и технократическим.

По масштабу пространственно-временных параметров политические процессы бывают *глобальные, межгосударственные, национально-государственные и региональные (субнациональные)*. Глобальные затрагивают интересы локального сообщества, содействует образованию и функционированию транснационального капитала, связанного национальными экономическими и политическими системами развитых стран: политические и военные блоки (НАТО), коалиции правящих групп («Большая семерка»), континентальные объединения (Европейский Союз), всемирные международные организации (ООН).

Региональные происходят в рамках местного сообщества (выборы в местные органы власти и управления), в отдельных случаях влияют на общий ход мировой политики. В частности, распад СССР перерос в глобальный политический процесс и изменил всю систему международных отношений.

Межгосударственный процесс рассматривает отношения различных государственных и общественных институтов, действующих на международной арене. Следует отметить, что независимые государства Центральной Азии принимают активное участие во всех перечисленных выше видах политических процессов.

По характеру осуществления власти, политические процессы делятся на *демократические и недемократические*. *Демократический* тип политических процессов характеризуется внедрением демократических институтов в политическую жизнь определенной страны. Он имеет следующие основные черты:

- легитимность политического процесса;

– приоритет интересов подавляющей части населения;
– правовое обеспечение недопущения излишнего сосредоточения власти в обществе;

- приоритет прав и свобод человека;
- правовая защита интересов членов общества;
- баланс интересов власти и оппозиции¹⁰¹.

В литературе обращается внимание и на приводимые ниже стороны и признаки демократических политических процессов:

«1) общепризнанная законность и участие народа в контроле над властью;

2) конкурирующая политика. В условиях демократии главным является процесс представительства интересов и смены власти посредством честной и всеобъемлющей конкуренции (соревновательные выборы);

3) наличие политических партий – основного механизма обеспечивающего процесс формирования воли народа, его осмысленного выбора и влияния на правительство;

4) гражданские политические и социальные права. На сегодняшний день демократический политический режим – это наиболее эффективная форма взаимодействия государства и общества, власти и гражданина, которая постоянно совершенствуется под воздействием изменяющейся политической среды и глобальных преобразований в мире»¹⁰².

В современных странах западной цивилизации господствует демократия. К данному типу относятся Великобритания, США, отдельные страны Европейского союза.

Недемократическому типу политических процессов присущи тоталитарный или авторитарный политический режим, господство интересов узкого слоя лиц, отсутствие, либо слабость гражданского общества, нарушение прав

¹⁰¹ Политический процесс: понятие, сущность и содержание // URL: <http://www.studlib.com/content/view/129/7>

¹⁰² Политология: Учебник. – 2-е изд., стер. / Колл. авт.; Под ред. В. И. Буренко... – С. 114.

граждан. Оценивая государства Центральной Азии по типам демократии и недемократии, следует учитывать специфику их развития, не всегда укладывающуюся в эти рамки. По крайней мере, опыт постсоветского развития государств региона показал невозможность применения к ним в полном объёме стандартов западной демократии.

По признаку стадии развития политические процессы подразделяются на *традиционный* и *модернизационный типы*. Они соответствуют политическому процессу общества на стадии традиционного и модернизационного развития. С точки зрения некоторых исследователей «процесс в традиционном обществе является воспроизводством старого, а процесс модернизации – обновления»¹⁰³.

Традиционный тип политического процесса (воспроизводство старого) отличается его экстенсивным характером, тем, что все стадии политического процесса контролируются и направляются элитами, неразвитостью гражданского общества, низким уровнем осведомленности и заинтересованности людей в политике, патриархальной политической культурой, слабой дифференциацией политических ролей, харизматическим способом обоснования власти. К такому типу относится Туркменистан.

В *модернизационном* типе политического процесса происходит его интенсификация, адаптация политической системы к современным условиям, к изменениям, к вызовам современности. Развивается активизация процесса демократизации общества, создаются институты, оказывающие влияние на процесс принятия политических решений.

В принципе, исследователи считают, что типология политических процессов носит достаточно условный характер и не существует жёсткой и обязательной градации стран по их типам. Этот подход особенно нагляден на примере государств Центральной Азии. Он связан с пониманием того, что для них процесс развития сопряжён сочетанием как традиционного, так и модерниза-

¹⁰³ Вартуманян А. А. Региональные политические процессы: динамика, особенности, проблемы // URL: <http://www.uchebnik-besplatno.com/uchebnik-teoriya-politiki>

ционного типа политических процессов. Важно и то, что традиционные общества стран региона прошли через горнило двух модернизаций – российской, имперской и советской и стоят перед выбором нового этапа модернизации, сущность которого для них пока что неясна. Они имеют свою специфику – в них одновременно действуют законы капиталистической системы, натурального хозяйства и современной научной техники, синтез национализма и регионализма. Такие факторы как слабость государственных институтов и гражданского общества, искусственные границы, межэтнические противоречия, разногласия, связанные с распределением воды и земли обуславливают усиление авторитаризма. Тем не менее, страны Центральной Азии выбрали путь демократического развития, находящегося в определенном противоречии с традиционализмом. Россия характеризуется как общество догоняющей модернизации, уделяющая внимание западным подходам и техникам. В Индии развитие базируется на особенностях индийской цивилизации: пробуржуазных модернизированных слоях и традиционных ценностях. Для неё характерен кастовый фактор и ненасильственное разрешение разногласий между противоборствующими общественно-политическими силами¹⁰⁴. Китай характеризуется сочетанием древнекитайской традиции (основанной на культурной традиции этики и морали, общинности и коллективизма, феномене власти – собственности) с реальной действительностью. В стране существует авторитарный режим правления с жестко централизованной системой принятия решений. Вместе с тем совершенствуется механизм осуществления передачи власти новым поколениям лидеров, отмечается процесс политической модернизации: на новый уровень вышли институты выборов, укрепляются конституционализм и элементы правового государства, повышается роль представительных органов¹⁰⁵.

¹⁰⁴ См.: Особенности модернизации в Индии: феномен «застрявшей страны» // URL: <http://centurion-center.narod.ru/india.html>; Исторические особенности политических процессов в Индии // URL: <http://toloka.kiev.ua/?p=101>; Становление индийской государственности в постколониальный период // URL: http://revolution.allbest.ru/history/00230981_0.html

¹⁰⁵ См.: *Кучинская Т. Н.* Процессы политических изменений глобализирующегося «китайского региона»: Дис ... канд. полит. наук. – Чита, 2007 // URL:

В Турции политическая система создана под влиянием европейской модели и опирается на идеологию национализма, модернизацию традиционных мусульманских ценностей¹⁰⁶. Японии характерен синергетический характер модернизационного процесса, сочетающий в себе базовые традиционные ценности и влияние западной цивилизации. В ней действует попеременная смена власти и отсутствует феномен доминантной партии. В данном государстве отмечается историческая преемственность поколений¹⁰⁷. Иран является теократическим государством авторитарного режима, стремящийся сочетать исламскую идеологию и демократические светские принципы. Ислам имеет конституционный статус государственной религии. Исламские нормы реализуются как государственные правовые нормы, обеспечивающие присутствие шиитского духовенства в руководстве страны. В современном Иране существует демократия в рамках исламской идеологии и исламской государственности. Отмечается значительное влияние традиционных норм и ценностей с преобладанием патриархальных и подданнических ориентаций¹⁰⁸. В Кыргызстане модернизация общества происходит на основе противоречия основных родоплеменных элит. Вместе с тем он стремится осуществить демократизацию обще-

<http://www.dissert.com/contents/303604.html>; *Ивченко Б. В.* Политические процессы в современном Китае: две модели развития (КНР и Тайвань): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Воронеж, 2011 // URL: <http://www.aspirant.vsu.ru/ref.php?cand=2128>

¹⁰⁶ См.: *Васильева С. А.* Роль идеологии пантюркизма в политических процессах республиканской Турции: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Екатеринбург, 2012 // URL: <http://www.dslib.net/polit-instituty/rol-ideologii-pantjurkizma-v-politicheskikh-processah-respublikanskoj-turcii.html>; *Разливаев А. А.* Исламский фактор в Турции и его влияние на вступление в Европейский союз (политологический анализ): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2009 // URL: <http://referat.mirslovarei.com/d/227432/>

¹⁰⁷ См.: *Шейнфельд А. И.* Политическая модернизация в Японии: традиционные механизмы реализации: Дис. ... канд. полит. наук. – Н. Новгород, 2007 // URL: http://www.dissland.com/catalog/politicheskaya_modernizatsiya_v_yaponii_traditsionnie_mehani_zmi_realizatsii.html; *Шарко М. В.* Исследование политических процессов Японии (традиции и современность): Дис. ... канд. полит. наук. – М., 2004 // URL: <http://www.dslib.net/polit-instituty/issledovanie-politicheskikh-processov-japonii.html>

¹⁰⁸ См.: *Добровицкий И. В.* Политическая трансформация государств традиционного типа: теоретические основы и практика политического процесса (на материалах Ирана) // URL: <http://www.dissercat.com/content/politicheskaya-transformatsiya-gosudarstv-traditsionno-go-tipa-teoreticheskie-osnovy-i-prakti>; *Кудрявцев А. Н.* Политические процессы в современном развитии Ирана: тенденции, проблемы, перспективы // URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-70717.html>; *Киреев А. В.* Особенности ограниченной демократизации в Иране...

ства, опираясь на средний класс, который составляет всего 7-10% населения, при этом его костяк составляют представители мелкого и среднего бизнеса, а также государственные чиновники¹⁰⁹. Для Узбекистана характерна восточная авторитарная модернизация, сохраняющая власть региональных элит¹¹⁰.

По типу политической культуры и специфике организации, различают *вертикально организованные* и *горизонтально организованные* политические процессы. *Вертикально организованные* политические процессы определяют взаимоотношения управляющих и управляемых. Управляющие согласовывают интересы различных социальных групп, а управляемые должны признавать авторитет власти и подчиняться ей. То есть вертикально организованные политические процессы строятся на основе принципа «господство – подчинение»¹¹¹.

К вертикально организованному типу политического процесса относятся Россия, Узбекистан, Иран, Туркменистан, Таджикистан, поскольку в них государство определяет условия и правила политического поведения субъектов, политическая активность принадлежит институтам власти, другие субъекты политического процесса не отличаются самостоятельностью. В Казахстане, несмотря на президентско-парламентскую форму правления, вертикаль власти сохраняется. В Кыргызстане, хотя действует парламентская форма правления, фактически существует авторитарный режим. В России отмечается укрепление «вертикали власти»¹¹². Иран представляет собой исламское государство с авторитарным политическим режимом. Политическая элита находится под сильнейшим влиянием, контролем и управлением

¹⁰⁹ См.: Революция тюльпанов в Киргизии как вариант политической модернизации общества // URL: <http://www.bestre-ferat.ru/referat-38774.html>; Кыргызстан после 19 апреля: итоги и тенденции политического развития // URL: <http://www.analitika.org/kyrgyzstan/kg-gov/610-20070518021057736.html>; Борисов Н. А. Постсоветская трансформация политических систем Республики Узбекистан и Кыргызской Республики: сравнительный анализ...; Казанцев А. Отношения независимой Киргизии и России: настоящее и будущее // URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=70#top

¹¹⁰ См.: Борисов Н. А. Постсоветская трансформация политических систем Республики Узбекистан и Кыргызской Республики: сравнительный анализ...

¹¹¹ Теория политики: Учебное пособие. – СПб., 2008 // URL: http://www.chitalka.net.ua/textbooks/1/p_3239.html

¹¹² Политические процессы в современной России...

традиционного шиитского духовенства¹¹³. В Таджикистане активизировался процесс выстраивания жесткой президентской вертикали при параллельном сокращении влияния оппозиции.

Горизонтально организованный тип политического процесса признает формальное равенство и автономность действующих субъектов власти и общества, в его рамках ни одно стратегическое решение не принимается властью без консультаций с бизнесом и гражданами страны. Здесь доминируют ценности свободы, права, консенсуса, всех главных участников, посредством которых принимаются важнейшие политические решения. То есть, участниками горизонтально организованных процессов выступают равноправные независимые субъекты. К данному типу относятся страны Запада.

К *смешанному вертикально и горизонтально организованному типу* политического процесса относится Китай, где властные коммуникации расположены как по вертикали, так и по горизонтали, тем не менее, они активно взаимодействуют между собой. Отмечается единство их цели. Китай представляет иерархическую систему подчинения от министерств и ведомств до низовых органов.¹¹⁴

Наконец, нельзя не обратить внимание на одну из принципиальных попыток, предпринятую американским политологом Л. Паем, сравнившим политическое развитие *западных* и *незападных стран* с учетом их цивилизационных особенностей. По сути дела, он попытался создать некий идеальный образ Запада, на основе европейской и американской и противопоставить его незападным странам. Типологизация политического процесса, предпринятая Л. Паем, несмотря на всю свою условность, позволяет понять причины того феномена, о котором в своё время писал «Запад есть Запад, Восток есть Восток и им не сойтись никогда».

¹¹³ См.: *Киреев А. В.* Особенности ограниченной демократизации в Иране...

¹¹⁴ См.: *Нейсбит Дж.* «Вертикальная демократия» в Китае // URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-first/008.htm>; *Кокарев К. А.* Эволюция политических режимов в Китае в период реформ (1976–2002 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2005 // URL: http://www.dissland.com/catalog/evolyutsiya_politicheskikh_rezhimov_v_kitae_v_period_reform_1976_2002_gg.html

По Л. Паю, в обществах *западного* типа власть легитимна и эффективна; существует независимая судебная власть и принцип разделения властей, равноценности мировых культур, терпимости, свободной соревновательности; превалирует свободная, рационалистическая воля индивидуума, высокая степень ценностно-идеологических компонентов.

В противоположность образу Запада, в своей статье «Незападный политический процесс», он выдвигает 17 пунктов, по которым различаются политические процессы в западных и незападных обществах:

«1. В незападных обществах нет четкой границы между политикой и сферой общественных и личных отношений.

2. Политические партии склонны претендовать на выражение мировоззрения и представительство образа жизни.

3. В политическом процессе преобладают клики.

4. Характер политических ориентации предполагает, что руководству политических группировок принадлежит значительная свобода в определении стратегии и тактики.

5. Оппозиционные партии и стремящиеся к власти элиты часто выступают в качестве революционных движений.

6. Политический процесс характеризуется отсутствием интеграции среди участников, что является следствием отсутствия в обществе единой коммуникационной системы.

7. Политический процесс отличается значительными масштабами рекрутирования новых элементов для исполнения политических ролей.

8. Для политического процесса типично резкое различие в политических ориентациях поколений.

9. Незападные общества отличаются незначительностью консенсуса в отношении узаконенных целей и средств политического действия.

10. Интенсивность и широта политической дискуссии мало связаны с принятием политических решений.

11. Отличительной чертой политического процесса является высокая степень совмещения и взаимозаменяемости ролей.

12. В политическом процессе слабо влияние организованных групп интересов, играющих функционально специализированные роли.

13. Национальное руководство вынуждено апеллировать к народу как к единому целому, не различая в нем социальные группы.

14. Неконструктивный характер незападного политического процесса вынуждает лидеров придерживаться более определенных взглядов во внешней, а не во внутренней политике.

15. Эмоциональные и символические аспекты политики оттесняют на второй план поиски решений конкретных вопросов и общих проблем.

16. Велика роль харизматических лидеров.

17. Политический процесс обходится в основном без участия «политических брокеров»¹¹⁵.

При всей своей условности, эти пункты позволяют понять причины неприятия незападным обществом ценностей западной демократии. Более того, они свидетельствуют о том, что для всех политических систем Центральной Азии, характерна недемократическая альтернатива.

К *незападному* типу относятся Россия, Китай, Индия, Иран, страны Арабских государств и Центральной Азии. Россия относится к *незападному* типу по ценностям доминирующей культуры и устойчивым формам самоорганизации политического процесса¹¹⁶.

Несмотря на то, что данная глава исследования посвящена анализу политических процессов, по нашему мнению, вполне уместно включение в неё материала, связанного с характеристикой так называемого патримониализма и

¹¹⁵ Баранов Н. А. Политические отношения и политический процесс в современной России: Курс лекций: В 3 ч. – СПб.: Изд-во БГТУ, 2004 // URL: – СПб.: Изд-во БГТУ, 2004 // URL: http://virmk.narod.ru/U-DISCIPLINA/pol-process/U-posobieBARANOV_PROCESS//01.htm

¹¹⁶ Мухаев Р. Т. Политология: Учебник для студ. юр. и гум. ф-тов. Политический процесс: содержание и типология // URL: <http://uchebnik-besplatno.com/uchebnik-teoriya-politiki/politicheskiy-protsess-soderzhanie.html>

его современной трактовки в форме неопатримониализма. По сути дела, он является одной из форм политической системы, однако, широкое применение этого понятия в данной работе, делает знакомство с ним вполне уместным. При патримониальном типе политического процесса правителем лично контролируется действие политических сил. Патримониализм (от лат. *patrimonialis* – родовой) – «форма наследственного господства какого-либо властителя с помощью лично обязанного ему окружения»¹¹⁷.

По М. Веберу, «патримониализм – это форма традиционного господства одного-единственного властителя, отличающаяся от остальных форм существованием лично обязанного ему окружения»¹¹⁸, т. е. личная власть приобретает политическое значение.

Термин «патримониальное государство» применяется с начала XIX века. Понятие патримониализм впервые было разработано К. Людвигом фон Галлером, который выдвинул теорию происхождения государственной власти из частного владения правителя. Данное понятие также использовалось учеными Р. фон Мольем, Г. Еллинеком, О. фон Гиркем, Г. фон Беловым. Широкое применение понятия «патримониализм» в научной литературе связано с именем М. Вебера. Он один из первых обратил внимание на политическое содержание патримониализма. Его теория о бюрократии, где основное внимание уделяется проблеме власти бюрократии, в XX веке оказала существенное влияние на развитие политической социологии. М. Вебер классифицировал бюрократию следующим образом:

– патримониальная бюрократия – личностный характер отношений власти в управленческой системе. Она подразделяется на подгруппы: преобладание военной силы управления, традиции и личная преданность вождю;

¹¹⁷ См.: Национальная социологическая энциклопедия // URL: <http://voluntary.ru/dictionary/662/word/patrimonializm>; Толковый словарь обществоведческих терминов. 1999 // URL: http://www.slovarnik.ru/html_tsot/p/patrimonializm.html

¹¹⁸ См.: Национальная социологическая энциклопедия...

– рациональная бюрократия – существование системы формальных правил, регулирующие деятельность управленческого персонала¹¹⁹.

К *патримональному* типу относится Китай, где коммунистическая партия выступает в роли определителя интересов всех слоев общества, четко иерархизируется политическая деятельность и политическое участие граждан в политической деятельности. К данному типу также относится Иран. В Саудовской Аравии сохранились абсолютная монархия.

При этом под бюрократией понимается концентрация рычагов власти в руках органов центральной власти государства. М. Вебер выделяют следующие разновидности патримонализма: *султанизм* (наиболее самовластная централизованная форма личной власти) и *сословная организация власти* (децентрализованная форма традиционного господства; принятие решений на различных уровнях управленческой структуры). Различают две формы патримонализма:

- традиционные патримональные режимы (базируются на традиционной легитимности и наследственной власти, например, Эфиопия);
- современные формы патримонализма (персональное управление правителем, не требующего личностных качеств правителя, а реализующее материальными интересами).

К новым современным формам патримонального господства относятся новые постколониальные государства Африки и Азии, где продолжают существовать некоторые прежние базы форм административной практики, хотя исчезли традиционалистские формы легитимности.

Таким образом, специфической особенностью патримонализма является присвоение властными структурами сферы управления и их отношения к управленческой деятельности как к своей собственности.

¹¹⁹ См.: *Масловский М. В.* Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология // URL: <http://lib.znate.ru/docs/index-224450.html?page=4>; *Кабашов С. Ю.* Бюрократия: Теоретические концепции: Учебное пособие // URL: <http://www.rumvi.com/products/ebook//9e7cb87d-a2da-424a-9cc8-6ed514e55238/preview/preview.html>

Ученые Г. Рот, Ш. Эйзенштадт, Г. Хигер, Ж. Медар, К. Клэпхэм, Р. Теобальд, опираясь на теорию М. Вебера о существовании патримониальных структур в любом обществе, в 60–70-х годах прошлого века выдвинули теорию *неопатримониализма*. Неопатримониализм (лат. *patrimonium* – вотчина, отчина) – «характеризующий особый тип организации публичной власти и отношений по поводу ее, в котором синтезированы элементы традиционного патримониального господства с современными практиками»¹²⁰. Неопатримониализм, как самостоятельный тип политического процесса, свойственен развивающимся странам и характеризует их реальное политическое состояние. «Неопатримониализм базируется не на воспроизводстве традиционных «обменных» практик, которые не ставятся под сомнение, а скорее на инструментальном (порой откровенно циничном) обмене ресурсами между политическими акторами и «фрагментами – клиентами», которых они контролируют»¹²¹.

Украинский исследователь А. Фисун выделяет три основных типа неопатримониальных режимов:

- 1) «*бюрократический*» (бизнес и политика контролируется чиновничеством);
- 2) «*олигархический*» (власть и собственность находятся в руках корпоративно-олигархических групп);
- 3) «*султанистский*» (контроль сохраняется в руках президента, выступающего в роли независимого автократа)»¹²².

Также выделяются *три основных принципа функционирования* неопатримониальных систем:

«1) политический центр отделен и независим от периферии, он концентрирует политические, экономические и символические ресурсы власти, одно-

¹²⁰ Неопатримониализм // Википедия. – <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

¹²¹ Панов П. В. Политический порядок и проблема воспроизводства власти: институт преемника // URL: <http://www.politex.info/content/view/720/30/>

¹²² Фисун А. А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // Политическая концептология. – 2010. – № 4. – С. 158–187 // URL: <http://www.academia.edu/2359840/>

временно закрывая доступ всем остальным группам и слоям общества к этим ресурсам и позициям контроля за ними;

2) государство управляется как частное владение (патримониум) правящих групп – носителей государственной власти, которые приватизируют различные общественные функции и институты, делая их источником собственных частных доходов;

3) этнические, клановые, региональные и семейно-родственные связи не исчезают, а воспроизводятся в современных политических и экономических отношениях, определяя способы и принципы их функционирования»¹²³.

Одним из важных принципов функционирования неопатримониализма является *клиентелизм*, или *патронажные отношения*, т. е. патрон защищает своих клиентов, за что клиенты отвечают ему своей преданностью, поддерживая и оказывая различные услуги.

Неопатримониализму свойственны следующие черты:

«← лидер, который не имеет легитимности, использует материальные поощрения и силу, чтобы удержать власть. Сила используется для подавления оппозиционной активности, однако самостоятельно правитель не удержит власть и для создания круга лояльных ему лиц он раздает бонусы, которые закрепляют систему “клиент – патрон”;

– преданность вытекает из контроля над каналом дистрибуции материальных благ. Чем больше благ предоставляется лояльным лидеру людям, тем больше становится их зависимость. Под благом также понимаются руководящие должности, которые лидер раздает своим людям. В результате этого он удовлетворяет интересы своих людей и получает абсолютный контроль над государственным аппаратом;

– персонализированная власть – преданность конкретному лицу. Из-за того, что власть идет сверху вниз, создается пирамидальная система клиентелизма;

¹²³ Фисун А. А. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология // Отечественные записки. 2007. – № 6 (39) // URL: <http://www.academia.edu/2360127/>

– национальное богатство становится источником ресурсов правителя. Оплачивать “услуги” членов сети из собственного кармана становится невозможно, и правитель, имея прямой доступ к государственной казне, раздает материальные блага для усиления своей сети.

Сторонники лидера находятся в привилегированном положении, в то время как оппозиция подвергается дискриминации. В результате происходит расслоение общества»¹²⁴.

Для неопатримониализма характерен *институт преемника* (передача власти к своему человеку) как особая модель воспроизводства власти, т. е. «действующий политический лидер» (или его окружение, если лидер является всего лишь «ставленником» правящей группы): а) подбирает такого кандидата, который призван сохранить воспроизводство сложившейся клиентелистской дистрибуции ресурсов и способен победить на выборах; б) готовит его, т. е. продвигает на значимые должности в государственном аппарате; в) номинирует его кандидатуру на выборах, т. е. открыто представляет его в качестве преемника (важно, чтобы не только у элиты, но и у населения не было сомнений, что данный кандидат является преемником); г) оказывает поддержку в ходе выборов (в идеале требуется создать иллюзию без альтернативности выборов, чтобы все остальные кандидаты не рассматривались в качестве серьезных претендентов)»¹²⁵.

Один из представителей неопатримониализма Ш. Эйзенштадт в своей работе «Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизации» развивает теорию возникновения неопатримониальных структур современного типа, характеризующие сочетание некоторых элементов традиционализма и современного государства, возникающие в результате провала политики модернизации и строительства современных обществ, а также возникновение определенной социально-политической системы в результате мо-

¹²⁴ Неопатримониализм // Википедия. – <http://webkonspect.ru/?room=profile&id=1&labelid=1485>

¹²⁵ Панов П. В. Политический порядок и проблема воспроизводства власти: институт преемника...

дернизации. «В постколониальных обществах за пределами Латинской Америки неопатримониальный образец утвердился в результате разложения или крушения тех идеологических или институциональных моделей, что были унаследованы от колониального периода и времен борьбы за независимость»¹²⁶.

Ш. Эйзенштадт отмечает, что «наиболее существенные особенности неопатримониальных обществ имели основанием структуру центров и отношения между центром и периферией. В большинстве случаев центр в возрастающей степени монополизировал власть и политические ресурсы; крупным группам населения оставалось немного возможностей для самостоятельного доступа к таким ресурсам и позициям контроля над последними. Подобная монополизация лишь в минимальной степени сопровождалась попытками центра изменить структуру периферии (прежде всего отношения между центром и периферией) или создать социальные институты, которые были бы основаны на новом соотношении основополагающих норм и новых структурных принципах»¹²⁷.

По Ш. Эйзенштадту, в неопатримониальных обществах взаимодействия центра и периферии незначительны, существует тенденция к возникновению иных, новых типов современных, открытых центров, что центр вынужден с ними делить ресурсы. «В связи с этим большинство неопатримониальных обществ испытали в своем развитии постепенное уменьшение автономного доступа различных групп и слоев к формированию символики социального и морального порядков; и, напротив, представление о центре как единственном или главном вместилище таких, хотя и предустановленных, ценностей либо символов возросло. По общему правилу, представление, что социальный порядок создается или формируется путем свободной самостоятельной деятельности социальных групп, теряло под собой почву либо отстаивалось исключи-

¹²⁶ *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизации / Пер. с англ. А. В. Гордона; Под ред. Б. С. Ерасова. – М.: Аспект Пресс, 1999. – С. 327.

¹²⁷ Там же.

тельно интеллектуальными элитами или революционными группами. Значение патерналистской политики распределения накопления и извлечения ресурсов в этих обществах неуклонно увеличивалось. Патерналистская ориентация такой политики была очевидной в том, что центр контролировал большинство ресурсов и механизмов, необходимых для экономического развития. Центр стремился манипулировать другими секторами и в результате монополизировал выработку политики благосостояния и распределения»¹²⁸. В непатримониальном обществе автономные общественные группы ограничены в самостоятельном доступе к центру. «Даже создание массовых партий и широко-масштабных бюрократических организаций, установление новых каналов мобильности или замена старых элит по общему правилу не сопровождалась развернутым переустройством отношений между центром и периферией»¹²⁹.

Согласно Ш. Эйзенштадту, возникшим в мире «полуавторитарным» режимам характерны усиления роли исполнительной власти, особенно бюрократических или военных структур, которые используются для поддержания политического порядка. «Экономические требования и экономическая политика, как правило, сосредоточивались в большей степени на доступе к ресурсам, властным позициям и должностям, чем на поддержке новых типов экономической деятельности и новых форм статусных и классовых отношений»¹³⁰.

В неопатримониальном обществе политические партии, выборы, парламент подвергаются к существенным изменениям, в частности, парламент не проявляет самостоятельность в ходе принятия решений (площадка борьбы за распределение ресурсов), деятельность партии контролируется и регулируется правящей властью (партии основаны на патронажных отношениях), выборы являются инструментом получения доступа к политическим позициям. Как отмечает Ш. Эйзенштадт, «парламенты имели тенденцию превратиться в главную сцену символического представительства политического процесса или политической социализации и сцену соперничества между различными

¹²⁸ *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ... – С. 328.

¹²⁹ Там же. – С. 336.

¹³⁰ Там же. – С. 331.

группировками, но не в форум для автономных представителей различных групп и слоев. Партии все более и более обнаруживали склонность сделаться инструментом для формирования символов коллективной идентичности и полем боя за завоевание позиций контроля над распределением ресурсов и клиентской сетью. Система голосования и партийной мобилизации обычно использовалась в целях расширения базы доступа к таким позициям в системе распределения; для создания новых структур отношений патрон – клиент, фракционных группировок или корпоративных образований; для обозначения приверженности к символам политического процесса, представленным центром. Лишь в незначительной степени система голосования или партийной мобилизации использовалась для выработки новых принципов социального распределения, для изменения правил доступа к центру или воздействия на центр со стороны независимых институтов власти, отстаивавших особые идеологические ориентации. Партии, администрация и армия соперничали в борьбе за осуществление этих функций и контроль над ресурсами центра»¹³¹.

В неопатримониальной системе действие политической элиты направлено на получение покровительства со стороны главы государства, т. е. ее способность поддерживать клиентарно-патронажную связь в обществе. К неопатримониальному типу относятся страны Азии, Африки, Латинской Америки, а также постсоветские государства, где становление политических институтов происходит в рамках объединения традиционного и современного. К неопатримониальному типу относится Россия, так как высокая концентрация политической власти и ресурсов у президента и правящей элиты; субъекты политики заинтересованы реализацией своих личных интересов; граждане не вовлечены в политику; политические партии выступают в роли клиентелы, объединяя вокруг политического деятеля единомышленников¹³².

¹³¹ *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизации... – С. 330.

¹³² См.: *Баранов Н. А.* Политические отношения и политический процесс в современной России: Курс лекций. В 3 ч. ...

В государствах Центральной Азии, после распада Советского Союза, образовалась неопатримониальная бюрократия, решающая роль принадлежит клиентарно-патронажным отношениям в структурировании политико-экономического процесса, государственно-административный ресурс (в частности, силовая и фискальная функции государства) используется в частных интересах. К султаническому типу относится Узбекистан, который характеризуется отсутствием условий для существования легальной оппозиции, легитимацией власти через национального менталитета, неограниченной властью президента. В Узбекистане отмечается концентрация ресурсов в руках одного политического актора¹³³. Кыргызстану характерны непредсказуемость политической ситуации, рост политической конфликтности, отсутствие действенного взаимодействия между акторами, неопределенность интересов в политической арене, не готовность выбрать ключевого партнера для решения комплексных задач внутреннего развития, недифференцированный контроль над властью – собственностью. В Кыргызстане интересы правящего класса ставятся выше всего, отмечается тенденция укрепления позиций номенклатурной бюрократии, глава государства контролирует наиболее важные ресурсные позиции на политическом поле и устанавливает на нем собственные правила, опираясь на государственно-административные каналы и способы воздействия клиентарного типа. В Таджикистане члены правящей элиты имеют высокий социальный статус и могут повлиять на происходящие политические процессы. Тесная взаимосвязь государственной бюрократии и экономической элиты определила непосредственное участие олигархов в принятии важнейших государственных решений, в выборном процессе, в решении кадровых вопросов¹³⁴.

¹³³ См.: *Борисов Н. А.* Постсоветская трансформация политических систем Республики Узбекистан и Кыргызской Республики: сравнительный анализ...

¹³⁴ См.: *Урунов Р. У.* Политическая элита Таджикистана на современном этапе: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2011 // URL: http://www.ceninauku.ru/page_23502.htm; *Мирзокулов Д. М.* Политические процессы и «гражданская война» в Таджикистане (1990–1994 гг.) // URL: <http://www.hist.msu.ru/Calendar/1997/Apr/Lomnosov97mirzokulov.htm>

1.3. Специфика политических процессов в Центральной Азии

В процессе анализа данной темы фундаментального исследования, мы будем исходить из описания и оценки внешних и внутренних факторов, оказывающих специфическое воздействие на политические процессы в государствах Центральной Азии.

В поисках ответа на обозначенную в параграфе тему, следует, прежде всего, исходить из её исключительной важности для раскрытия всей совокупности проблемных вопросов, содержащихся в данном фундаментальном исследовании. По сути дела, он играет роль одного из его ключевых разделов, без которого исследование целиком потеряет всякий смысл. Во многом это будет способствовать задаче выяснения роли и места внешнеполитических акторов на участие в центрально-азиатских политических процессах.

Для того чтобы достаточно глубоко осветить данную тему, с нашей точки зрения, важно проанализировать ряд вопросов. К их числу в первую очередь следует отнести следующие: понятие региона «Центральная Азия», в т. ч. в политологическом и регионоведческом плане; характеристику собственно политических систем и политических процессов в центрально-азиатских государствах; наконец, характеристику взаимодействия политических систем и институтов основных внешних акторов и государств Центральной Азии.

В качестве методологических основ, в процессе освещения проблемы, связанной со специфическими чертами центрально-азиатских политических процессов, были использованы основные положения таких теорий политической науки как неолиберализм, неореализм, конструктивизм, а также концепция «обусловленного пути». В частности, как отмечают исследователи, «неоинституционализм подходит для решения указанных задач потому, что он вводит универсальное и этически нейтральное понятие «институт», приемлемое для описания любого политического процесса вне зависимости от

конкретных ситуационных особенностей»¹³⁵. «Основные методологические послылки неинституционализма в его историческом варианте, используемые в работе, – пишет исследователь, – заключаются в следующем: институты формируются исторически и изменить их довольно трудно; институты делятся на формальные (юридические нормы, судебные прецеденты, государственные учреждения) и неформальные (традиции, обычаи, социальные условности), причем первые складываются сознательно и могут быть заменены за короткий срок, вторые – стихийно и могут оставаться неизменными на протяжении очень долгого времени»¹³⁶.

Важность использования понятия «институты» заключается в том, что они фиксируют рост, либо уменьшение неопределенности и играют ключевую роль в поддержании стабильности в сфере взаимодействия как внешних, так и внутренних объектов и субъектов политики и экономики. Они выступают в качестве мерил эффективности или неэффективности взаимодействия посредством понятия «транзакционных издержек», введенном в научный оборот лауреатом Нобелевской премии Д. Нортом¹³⁷. То есть взаимодействие эффективно при минимальных транзакционных издержках и максимально при их высоком уровне.

Таким образом, институты играют ключевую роль в снижении транзакционных издержек, кроме того, существует прямая связь между институтами и предсказуемостью действий субъектов. Наконец, в случае отсутствия устойчивых институтов резко возрастает нестабильность, растут транзакционные издержки¹³⁸.

Важное место в методологическом обосновании политических процессов в Центральной Азии, отводится концепции «обусловленного пути», или

¹³⁵ *Борисов Н. А.* Постсоветская трансформация политических систем Республики Узбекистан и Кыргызской Республики: сравнительный анализ...

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Начало, 1997.

¹³⁸ *Казанцев А. А.* Взаимосвязь глобальных и региональных политических процессов (на примере Центральной Азии)...

так называемой «тропы зависимости», основывающейся на сочетании теории неоинституционализма и транзитологических концепций. Эта концепция основывается на постулате того, что «институциональные изменения не совершаются дискретно, а носят инкрементный характер: для них характерно «перетекание» содержания старых институтов в новые даже в ходе революционных изменений, что определяет институциональную устойчивость общества»¹³⁹. Концепция «обусловленного пути», которая ищет причины различия в исходах политических и социальных трансформаций в историческом прошлом. Она исходит из того, что именно предыдущее развитие страны или региона во многом обуславливает и его последующее развитие, задает ему определенные рамки («коридор возможностей»)¹⁴⁰.

Актуальность предложенных для анализа вопросов во многом связана с двусторонней неэффективностью взаимоотношений глобальных акторов с центрально-азиатскими политическими режимами, ставшей реальностью после образования независимых государств Центральной Азии. Другой не менее важный момент связан с тем, что в процессе геополитического противоборства, развернувшегося в регионе между великими державами, по сути дела, ни одной из них не удалось добиться реального закрепления в регионе в качестве единственной доминирующей силы. Во многом это также объясняется спецификой политических процессов, развёртывающихся в центрально-азиатских странах, на происхождении и формировании которых непосредственное влияние оказало историческое прошлое центрально-азиатских народов. Наконец, существенную роль в понимании специфики политических процессов в Центральной Азии играет ясное видение содержания понятия «регион» в центрально-азиатском контексте.

Для начала дадим определение региона, бытующее в современном регионоведении. В соответствии с ним, «**регион** (от лат. *страна, область*), особый вид территории, характеризующийся специфической целостностью. До-

¹³⁹ Борисов Н. А. Постсоветская трансформация политических систем Республики Узбекистан и Кыргызской Республики: сравнительный анализ...

¹⁴⁰ Там же.

минирующим фактором выделения региона является социокультурный код, интегрирующий местную трансформацию природно-географических, геополитических, экономических и других признаков. Функционирование региона обеспечивается социокультурным воспроизводством (трансляцией культуры) и внешне направленным вектором развития. Регион всегда самодостаточен (что не означает самообеспеченности) и самобытен»¹⁴¹.

В регионоведении широкое применение получили и другие векторы, характеризующие важные процессы, способствующие более углублённой характеристике понятия «региона», в т. ч. и центрально-азиатского. Среди них важное место отводится цивилизационному (социокультурному, культурно-генетическому) коду – устойчивым культурно-генетическим признакам принадлежности к той или иной цивилизации (суперэтносу). Регионоведы отмечают, что «после распада империи или державы в движение приходят геомары (периферийные энергоизбыточные зоны). В геомарах чаще всего ломаются коммуникационные оси, пробуждается прошлое, которое активно взаимодействуя с настоящим, умножает энергетику разномасштабных геополитических, геоэкономических, социокультурных и других процессов. Эта энергетика может быть разрушительной и созидательной»¹⁴². Следует отметить, что подобные процессы, после распада СССР, переживают молодые государства Центральной Азии.

В фундаментальном исследовании будет также использовано понятие *«геополитического кода»*. Это «исторически сложившаяся на основе формирования национальных интересов многовекторная система политических отношений государства с внешним миром, обеспечивающая определённый государственный статус на мировом, региональном и местном уровнях. На основе *генетического кода* разрабатываются доктрины национальной безопасности»¹⁴³. Исходя из особенностей геополитического кода, формируются геопол-

¹⁴¹ Дергачёв В. А., Вардомский Л. Б. Регионоведение. – М.: Юнити-Дана, 2011. – С. 506.

¹⁴² Там же. – С. 42.

¹⁴³ Там же. – С. 41.

литические векторы – «векторы силового (военно-политического, экономического, культурного воздействия государства на окружающий мир, геостратегические направления внешней политики на глобальном, региональном и местном уровнях. Основные геополитические векторы проявляются в стратегическом партнёрстве»¹⁴⁴.

К той же категории векторов относится понятие *«геоэкономического кода»* Это «сложившаяся на основе национальных интересов многовекторная система экономических отношений с внешним миром и обеспечивающая эффективное функционирование коммуникационного каркаса экономики. Код меняется в процессе трансформации геополитического пространства»¹⁴⁵.

Таким образом, указанные выше категории, а также ряд других, будут способствовать пониманию ряда существенных характеристик региона Центральной Азии, ответы на которые занимают, как это указывалось выше, одно из главных мест в данном исследовании. Повышенное внимание к ним объясняется также сложностью и противоречивостью политических процессов, переживаемых в постсоветское время государствами Центральной Азии, ставящее под сомнение их принадлежность к единому региону.

Определение ЦА-региона. И в настоящее время аналитики продолжают считать Центральную Азию одной из самых хрупких частей мира, несущую в себе огромную неопределённость¹⁴⁶. По их мнению, «сложно найти еще один такой регион, как Центральная Азия, где подрыв любого из пяти государств способен спровоцировать обвал всей пирамиды»¹⁴⁷. «Исторически Средняя Азия, – считают они, – регион исключительно нестабильный и эклектично-раздробленный, в лучшем случае периферия мировых империй Александра Великого, арабов, татаро-монголов»¹⁴⁸.

¹⁴⁴ Дергачёв В. А., Вардомский Л. Б. Регионоведение...

¹⁴⁵ Там же. – С. 42.

¹⁴⁶ Грозин А. Евразийские Балканы (21 сент. 2012) // URL: <http://www.geopolitics.ru/2012/09/ewrasijskie-balkany/>

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Центральная Азия в системе международных отношений. – М., 2004. – С. 22.

Более того, ряд авторитетных аналитиков и экспертов занимают радикальную позицию, отвергающую существование государств Центральной Азии в рамках единого региона. Так, например, эксперты в ходе ситуационного анализа, проведённого на базе Центра перспективных исследований (Бишкек), посчитали аксиомой, что «не существует Средней Азии – как совокупности политических, экономических и даже общественных институтов. Более того, сама история попыток интеграции в мифическом регионе “Центральной Азии” говорит скорее о размежевании, нежели об объединении»¹⁴⁹. Известный кыргызстанский политолог В. Б. Богатырёв утверждает: «Весь опыт постсоветского развития показывает, что регион в тех рамках, в которых он воспринимался миром до сих пор, а именно как бывшие республики советской Средней Азии и Казахстана – это явный симулякр, виртуальное образование, которое существует лишь в головах экспертов»¹⁵⁰. Развивая этот вывод, он пишет: «чем больше проходит времени, тем яснее становится, что центрально-азиатская региональность – не более чем желание, модель, которая на самом деле не имеет реального содержания. Можно трезво и реалистично сказать себе, что на самом деле региона нет»¹⁵¹.

Мы считаем, что вывод аналитика об «очевидном отсутствии общих оснований для региональности бывших советских республик Центральной Азии»¹⁵², в определённой степени исходит из исторического прошлого проживавших там, в древний и средневековый периоды, народов. Ряд российских исследователей также считает, что существование Центральной Азии в качестве региона, в политологическом плане, продолжает оставаться достаточно условным¹⁵³.

¹⁴⁹ Новая шоковая терапия – вступление Киргизии в ТС (ситуационный анализ) (26 марта 2013) // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1364273040>

¹⁵⁰ Новая Большая игра в большой Центральной Азии: мифы и реальность. – Бишкек, 2005. – С. 20.

¹⁵¹ Богатырёв В. Б. Центральная Азия: новый регион // Ориентир: Аналитический бюллетень. – 2003. – № 4(12). – С. 5.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Казанцев А. А. Взаимосвязь глобальных и региональных политических процессов (на примере Центральной Азии)...

В целом, следует отметить, что и по настоящее время определение региона Центральной Азии продолжает оставаться одним из вопросов, не нашедших пока что адекватного ответа. Для многих исследователей она по-прежнему продолжает оставаться своего рода «серой зоной», частью мира, плохо поддающейся теоретическому анализу и практике взаимоотношений с внешними акторами. По сути дела, основные участники внешнеполитических процессов вкладывают в его определение свой собственный смысл, зачастую не совпадающий и даже противоречащий другим определениям. Сравнительно стабильным продолжает оставаться географическая составляющая названия «Центральная Азия», ставшая общеупотребительным со времён А. Гумбольдта¹⁵⁴. Последователи великого учёного, Н. В. Ханыков и Ф. П. В. Рихтгофен применили к этому определению принцип бессточности гидросистем. По их определению региона его границы по северу ограничивались Алтайским хребтом, на юге Тибетским нагорьем, на западе – Памиром и на востоке – Большим Хинганом¹⁵⁵.

В то же время часть исследователей, в т. ч. и российских, считает, что «фактически контуры международно-политической подсистемы Центральной Азии совпадали и сегодня совпадают с её географическими очертаниями не полностью»¹⁵⁶. Такой же позиции придерживаются и некоторые авторитетные политологи Кыргызстана, доказывающие, что «политическое содержание понятия “Центральная Азия” (Средняя Азия + Казахстан) некорректно и неадекватно физико-географическому названию»¹⁵⁷.

Фактически факторы дезинтеграции центрально-азиатского пространства, не преодоленные и до настоящего времени, во многом коренятся в специфике его многовекового развития. Говоря иначе, современные политические

¹⁵⁴ Так всё-таки Средняя или Центральная? // URL: <http://www.geo.1september.ru/article.php?ID=20>

¹⁵⁵ Международные отношения в Центральной Азии: События и документы / МГИМО (Университет) МИД России. – М.: Аспект Пресс, 2011. – С. 36.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Суюмбаев М. Н. Геополитические основы развития и безопасности Кыргызстана... – С. 26.

процессы, происходящие в современной Центральной Азии, детерминированы ее историческим прошлым. Это положение обосновывается концепцией «обусловленного пути», позволяющей объяснить тесную взаимосвязь прошлого и настоящего в истории Центральной Азии. Она исходит из того, что именно предыдущее развитие страны или региона во многом обуславливает и его последующее развитие, задает ему определенные рамки¹⁵⁸.

В то же время нельзя, придерживаясь этой оценки, не учитывать как позитивные, так и негативные стороны геополитического положения и географических факторов, влиявших и продолжающих влиять на политические системы и политические процессы в этой части земного шара. Центрально-азиатский регион, занимая географически центральное положение, в значительной степени изолирован от остального мира естественными преградами, окружён неблагоприятной для жизни средой. На западе это пустыня Каракумы, на севере пустыни Кызылкум и Муюнкум, на востоке – пустыня Такла-Макан, на юге – Памирское нагорье и пустыни Бактрианской низменности¹⁵⁹.

Положение одной из наиболее изолированных частей Евразии во многом способствовало изоляции этого региона от мировых хозяйственных и политических связей, тормозило его развитие¹⁶⁰. Важнейшим источником связей и контактов с окружающим миром в подобной ситуации явились караванные пути, которые способствовали превращению Центральной Азии в мост, связывавший между собой запад и восток Евразии. Через Центральную Азию шли также волны завоеваний и мощные миграционные потоки. Следствием этих процессов явилось смешение народов, взаимодействие культур и цивилизаций¹⁶¹.

Важные причины неустойчивого развития региона исследователи видят в дефиците природных ресурсов – земли и воды. Именно это первую очередь,

¹⁵⁸ *Борисов Н. А.* Постсоветская трансформация политических систем Республики Узбекистан и Кыргызской Республики: сравнительный анализ...

¹⁵⁹ *Международные отношения в Центральной Азии: События и документы...* – С. 37.

¹⁶⁰ Там же. – С. 38.

¹⁶¹ Там же.

считает М. Суюнбаев, приводит к нестабильности и неустойчивому развитию. Борьба кланов и племён, которыми богата «дуга нестабильности» за дефицитные природные ресурсы, приводит к конфликтам. Дефицит природных ресурсов приводит к примитивной экономике и высокой рождаемости, что, в свою очередь, способствует нестабильности и политическим кризисам¹⁶².

Следует отметить, что и на нынешнем этапе развития народов Центральной Азии дефицит воды и земли продолжает носить чрезвычайно актуальный характер. Более того, по мнению отдельных экспертов, не экстремизм и сепаратизм и не угроза, исходящая из соседнего Афганистана, а именно нехватка воды и земли, рост населения являются главными причинами конфликтов в центрально-азиатских странах.

Характерной чертой политических процессов в Центральной Азии, в её историческом прошлом, не без оснований, следует считать внешние воздействия, проявлявшиеся в древний и средневековый периоды её истории, в первую очередь в форме подчинения внешним силам региона в целом либо отдельных его частей. Так, в VI–IV веках до нашей эры значительная часть Центральной Азии входила в состав державы Ахеменидов, а в конце IV века до нашей эры стала частью империи Александра Македонского. До конца VI века нашей эры народы региона находились в подчинении персидской империи Сасанидов. В течение VII века длился процесс завоевания Центральной Азии арабами, сопровождавшийся также исламизацией её народов. В это же время усилилось проникновение в регион и Китая. В первой половине XIII века народы Центральной Азии вошли в состав империи Чингисхана, а во второй его половине стали частью государства Тимура. По сути дела, с распадом его огромной империи, закончился период вхождения региона в состав крупных государств, который продлился до середины XIX века.

Очевидно, что волны завоеваний не проходили бесследно для центрально-азиатских народов, оказывая существенное воздействие на их экономиче-

¹⁶² Суюнбаев М. Н. Геополитические основы развития и безопасности Кыргызстана... – С. 34, 36.

ское и культурное развитие. Вместе с тем они тормозили укрепление национальной государственности, способствовали росту этнической пестроты населения региона и сохранению цивилизационного разнообразия. В XVI веке начался более чем трёхсотлетний период существования Центральной Азии в составе феодальных ханств и эмиратов, в течение которых она оставалась terra incognita для народов мира.

Таким образом, важным выводом, непосредственно влияющим на специфику политических процессов в Центральной Азии, следует считать отсутствие с древнейших времён региональной идентичности, которая и по настоящее время не осознаётся населяющими его народами как единый регион. По мнению исследователей, «Центральная Азия если и является регионом, то регионом цивилизационного разлома». На отсутствие подобного осознания, по мнению В. Богатырёва, влияют и факторы субконтинентального геополитического разлома. Среди них – линия разлома *цивилизационная*, связанная с существованием двух цивилизаций: оседлой, земледельческой, исламской, и кочевой, животноводческой¹⁶³. Другая линия разлома – *ресурсная*, когда три страны (Туркменистан, Казахстан и Узбекистан) обладают топливными ресурсами, а две страны (Кыргызстан и Таджикистан), не имея топливных ресурсов, регулируют ресурсы водные. Третья линия разлома – *социально-политическая*, при которой две страны (Кыргызстан и Казахстан) тяготеют к демократическим институтам, остальные три – к традиционным авторитарным формам управления обществом¹⁶⁴.

Несмотря на длительное сосуществование народов, делает вывод аналитик, нынешний конгломерат стран, политических и экономических систем, этнокультурных общностей, проживающих на территории Центральной Азии, не обладает свойствами и даже мотивациями на какое-либо общее региональное основание, не говоря уже о региональном единстве. За короткие сроки уверенного развития они не сумели преодолеть кризиса идентичности и не по-

¹⁶³ Богатырёв В. Три основания для конфликтов...

¹⁶⁴ Богатырёв В. Вместо сотрудничества – геополитический разлом (14 мая 2009) // URL: <http://bpc.kg/perspective/132-14-05-09>

лучили возможности сформироваться в единое геополитическое пространство¹⁶⁵. Говоря о кыргызах, он констатирует, что «проблема этногеографической идентификации осложняется тем, что кыргызская цивилизация граничит, как минимум, с пятью другими: китайской, монгольской, кыпчакской, славянской и ирано-персидской. Все государства-соседи Кыргызстана в той или иной степени представляют образования цивилизационных этносов по отношению к кыргызам, что формирует основания для существенных различий и противоречий, конкуренции и конфликтов»¹⁶⁶.

Подчёркивая историко-культурную неоднородность Центральной Азии, историки обращают внимание на то, что большая часть населявших её народов сформировались на базе разных цивилизаций. «Таджикистан, – отмечают они, – развивается на “культурном плато”» Бактрии и Тохаристана, Узбекистан – Мавераннахра и Согдианы, Туркмения – Маргианы и Парфии»¹⁶⁷.

В этой связи нельзя не сказать о другой линии разлома Центральной Азии – на *оседлость* и *кочевничество*. Она на протяжении многих веков отделяла оседлую часть населения нынешних Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана от кочевников Казахстана и Кыргызстана. Исследователи связывают возникновение такого разлома с тем, что «этносы Центральной Азии расселялись на пространствах региона неравномерно. Жители концентрировались на небольших “островах”, обеспеченных источниками пресной воды и плодородной земли. Между такими “островками” оставались огромные пространства – незаселённые и малопригодные для хозяйственной деятельности»¹⁶⁸. Эти пространства способствовали широкому распространению кочевого образа жизни. Фактически, для региона сопутствующей чертой его многовековой истории стало явление сосуществования двух, взаимодействующих цивилизаций – оседлых земледельцев и кочевников.

¹⁶⁵ Богатырёв В. Развитие политической ситуации в Центральной Азии: проекты и сценарии...

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Международные отношения в Центральной Азии: События и документы... – С. 40.

¹⁶⁸ Там же. – С. 41.

Оказывая сильное взаимное воздействие друг на друга в сферах экономики, политики и культуры, они, вместе с тем, обладали массой отличий, тормозящих процессы формирования региональной идентичности. Речь, прежде всего, идёт об отличиях в политической и социальной организации. Если земледельческие народы жили территориальными общинами, то у кочевников доминировала родоплеменная организация. Они отличались образом жизни, характером традиций, способом ведения хозяйства, духовными и религиозными традициями. Одним словом, нужно сказать о том, что идентификационные различия между ними носили устойчивый характер и не утратили своей роли и по настоящее время¹⁶⁹.

Если земледельцы Центральной Азии после арабского завоевания стали исповедовать ислам, то кочевые народы заимствовали исламскую идеологию гораздо позже. В целом, культура оседлости постоянно сталкивалась с культурой кочевников, что самым существенным образом влияло на содержание и характер политических процессов центрально-азиатских народов. Слабому уровню региональной идентичности в значительной степени способствовала оазисная структура расселения, оказавшаяся благоприятной предпосылкой для формирования регионально-территориальных субэтничностей, которые не подавляли этнических различий¹⁷⁰. Это также усиливало картину этнической пестроты региона.

Таким образом, природные факторы, многочисленные завоевания, миграционные потоки способствовали не только консервации, но и укреплению этнического разнообразия в Центральной Азии, сохранившегося и по настоящее время. Крайне важным выводом, вытекающим из этого обстоятельства, следует считать то, что «плавильного котла» в процессе взаимодействия многочисленных народов, населявших регион, не получилось. Они сохранили субэтническую уникальность, культуру, социальную организацию, что спо-

¹⁶⁹ Гумилёв Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. – СПб.: Кристалл, 2003. – С. 7.

¹⁷⁰ Международные отношения в Центральной Азии: События и документы... – С. 42.

способствовало укреплению мозаики в их отношениях друг с другом и отсутствию единства в процессе взаимодействия с внешними силами. Подобная мозаичность со всеми вытекающими из этого последствиями сохранилась в регионе и по настоящее время.

Сохранению чрезвычайно сложной этнической картины в Центральной Азии способствует также существование *субрегиональных* и *родоплеменных отличий*. Как известно, для Таджикистана и Узбекистана характерно наличие региональных объединений, соперничающих между собой за власть и ресурсы, казахи, кыргызы и туркмены делятся на племена и роды. Исследователи обращают внимание на то, что «внутри Центральной Азии современные границы определены в результате становления новых независимых государств при сохранении сложной и противоречивой этнической и субэтнической структуры.

Как известно, границы существующих государств и их идентичность были во многом искусственно сформированы в ходе национально-территориального размежевания 1920–1930 годов, получившего название «топорного разделения». При этом игнорировались жузово-племенные (у казахов, туркмен), региональные (у киргизов, таджиков, узбеков), старые политико-административные, лингвистические границы, а также естественные границы оазисов. Всё это вызвало к жизни серьёзные кланово-племенные и кланово-региональные разногласия в новых независимых государствах, продолжающих оказывать значительное негативное воздействие на политические процессы и в наши дни. Нет никаких оснований считать, что их удастся окончательно преодолеть даже в течение десятилетий»¹⁷¹.

Это, по нашему мнению, свидетельствует о незавершённости процесса образования единых наций в государствах региона, что также значительно усложняет задачу создания национальной и региональной идентичности. Наконец, нельзя не учитывать и воздействие на этническую карту Центральной

¹⁷¹ Казанцев А. Пять сценариев будущих границ Центральной Азии (19 апр. 2013) // URL: <http://www.centrasia.ru/news.A.php?st=1366317120>

Азии и интенсивных процессов переселения в неё выходцев из России, начиная со второй половины XIX-го и на протяжении XX-го веков.

Другой важной стороной влияния на характер и содержание политических процессов в Центральной Азии является геополитическое воздействие на регион внешних сил, имеющее очень давнюю историю и продолжающееся и по настоящее время. Оно во многом определило специфику внешнеполитических процессов центрально-азиатских стран и способствовало формированию основных методов их взаимодействия с этими силами. К ним, в первую очередь, следует отнести Китай, связи с которым народов Центральной Азии насчитывают несколько тысячелетий. Особенно интенсивный характер они приобрели со времени начала функционирования Великого Шёлкового пути¹⁷². «Более 2 тысяч лет назад был проложен так называемый Великий Шёлковый путь из Азии в Европу протяжённостью 7 тысяч километров. Он начинался в городе Чанъань, шел через Памир, Центральную и Западную Азию к портам восточного побережья Средиземного моря. Шёлковый путь связал Китай с Центральной Азией»¹⁷³.

В плане взаимодействия важнейшее место следует отнести и России, реализовывавшееся в рамках, прежде всего, евразийской цивилизации. Естественно, что особенно интенсивный характер этот процесс приобрел в период нахождения Центральной Азии в составе Российской империи, а затем Советского Союза. Особенно значительное воздействие на народы региона связано с результатами советской модернизации¹⁷⁴.

Определенную роль во внешних влияниях на центрально-азиатские народы, сыграли и исламские страны, в т. ч. арабские страны, Турция, Иран, Афганистан, Пакистан. Центральная Азия после завоевания её в VII веке арабами,

¹⁷² *Турсунов Н. О.* Великий Шёлковый путь – путь мира и дружбы. – Ленинабад, 1989; *Табышалиев С. Т.* Происхождение кыргызского народа: Кыргызстан на Великом Шёлковом пути. – Бишкек, 2001.

¹⁷³ Центральная Азия в системе международных отношений... – С. 81.

¹⁷⁴ См.: *Глуценко Е. А.* Россия в Средней Азии: завоевания и преобразования. – М.: Центрполиграф, 2010; *Белослудцев О. А., Корнеев В. В.* Россия – Центральная Азия: отношения в военной области: история и современность. – М.: Военное изд-во, 2007.

превратилась в часть исламского мира, воспринимая его идеологию, культуру, религию. Укреплению связей с исламскими странами способствовали также торгово-экономические связи. Оценивая уровень связей исламских стран с центрально-азиатскими народами, часть российских исследователей исходит из того, что «Центральная Азия – обширный регион с пятью мусульманскими государствами-новичками в современных международных отношениях. Они резко отличаются от Запада приверженностью к исламской цивилизации и активным взаимодействием с мусульманским миром»¹⁷⁵.

В течение длительного времени Центральная Азия была закрыта от Запада и лишь после распада СССР, приведшего к окончанию периода её искусственной изоляции, западный мир стал активно взаимодействовать с государствами региона. Русский философ Н. Бердяев считал, что «проблема Востока и Запада, в сущности, всегда была основной темой всемирной истории, её осью»¹⁷⁶. Можно сказать о том, что народы Центральной Азии стали частью этой проблемы и испытали на себе многостороннее воздействие западного мира.

Контакты с европейцами приобрели значительные масштабы для части региона во времена завоевания её Александром Македонским, а также в рамках, созданных в тот период времени эллинизированных государственных образований, и приходились на античный период истории Центральной Азии. В дальнейшем они носили эпизодический характер и получили развитие лишь в конце XX-го века. Огромное влияние на их содержание и характер оказали процессы глобализации мировых геоэкономических и геополитических проблем, непосредственно сказавшихся на многих сторонах политических процессов новых независимых государств Центральной Азии. В данном исследовании существенное внимание будет уделено анализу воздействия стран Европы, главным образом в рамках Европейского союза, на их внутривосточные

¹⁷⁵ Центральная Азия в системе международных отношений... – С. 64.

¹⁷⁶ Бердяев Н. Судьба России: Опыты психологии войны и национальности. – М.: Мысль, 1990. – С. 115.

ские и внешнеполитические процессы. Геополитические и геостратегические интересы сподвигли на активное внедрение в страны региона и США.

Таким образом, приведённый выше материал способствует оценке понятия региона Центральной Азии, что самым непосредственным образом, влияет на происходящие в нём политические процессы. Для понимания их специфики следует учитывать то обстоятельство, что до сих пор в научной среде не сложилась парадигма, объединяющая в единое целое множество оценок и определений региона Центральной Азии. Исследователи сходятся лишь в том, что её отличает преобладание черт отличия от сходства по основным параметрам политического, экономического, этнического, социального и культурного развития. Региональная идентичность государств региона крайне низка и носит неустойчивый, изменчивый, непостоянный и неопределённый характер. В целом, продолжает сохраняться крайне противоречивая идентификационная структура региона Центральной Азии¹⁷⁷. Центральная Азия и сегодня – один из наиболее конфликтных регионов мира.

Без решения «системных проблем» стран региона они превращались в источник потенциального регионального конфликта. Сотрудники американского Института анализа внешней политики в докладе «Центральная Азия в стратегии США и оперативном планировании» пришли к выводу: «Государства Средней Азии слабы и имеют достаточный потенциал для религиозных и этнических конфликтов на ближайшие пятнадцать лет. Религиозные и этнические движения могут дестабилизировать этот регион»¹⁷⁸. До сих пор регион продолжает оставаться взрывоопасным в плане межнациональных и межгосударственных конфликтов. Ещё З. Бжезинский, охарактеризовав его среднеазиатскими Балканами, констатировал, что «вследствие разного этнического состава страны Центральной Азии уязвимы для внутренних и внешних конфликтов, что в совокупности делает их привлекательными для вмешательства со

¹⁷⁷ Казанцев А. Пять сценариев будущих границ Центральной Азии...

¹⁷⁸ Большая Центральная Азия: геополитический проект или внешнеполитический инструмент? // URL: <http://www.geopolitics.ru/2012/10/bolshaya-centralnaya-aziya>

стороны более могущественных соседей»¹⁷⁹. Большинство стран региона имеют территориальные споры с соседями, значительная часть которых не урегулирована до сих пор.

Внутренняя конфликтность. Как отмечал бывший министр иностранных дел Казахстана К. Токаев, Центрально-азиатский регион буквально начинен территориальными претензиями друг к другу, что связано с природными и демографическими ресурсами¹⁸⁰. Этническая чересполосица и отсутствие общепризнанных границ усугубляется дефицитом земельных и водных ресурсов. Наибольшее число территориальных споров существует между Узбекистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, эпицентр которых приходится на «пороховую бочку Центральной Азии» – Ферганскую долину. В ней расположены Согдийская область Таджикистана, Ошская, Джалалабадская и Баткенская области Кыргызстана, Ферганская, Наманганская и Андижанская области Узбекистана. Она отличается высоким уровнем перенаселённости, ростом исламских настроений, остротой социально-экономических проблем.

На территории долины проживает более 7 млн человек, из них 75% – в сельской местности. Большую часть населения во всех частях долины составляют узбеки. Плотность населения в ней в некоторых местах достигает 500–600, а в отдельных местах до 1000 человек на каждый квадратный километр. Таких районов в мире насчитываются единицы. Ферганская долина – один из наиболее бедных районов Центральной Азии, отличающийся крайней напряжённостью в нём ситуации¹⁸¹.

Роль мощного конфликтогенного фактора играет наличие крупных этнических общин, проживающих на территории соседних государств, что несёт в себе угрозу потенциальных конфликтов на этнической почве. Это явилось следствием национального размежевания, осуществлённого в 20-е годы прошлого века, которое, по мнению З. Бжезинского, «отражало интерес Кремля в

¹⁷⁹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М., 1999. – С. 156.

¹⁸⁰ Цит. по: Хлюпин В. Н. Республика Казахстан: Геополитические очерки // URL: http://www.i-ru/biblio/archive/chlupin_respublika

¹⁸¹ Волков И. В. Основные проблемы геополитического положения Центральной Азии в эпоху глобализации (на примере Кыргызстана)... – С. 67–68.

сохранении внутренних разногласий и таким образом большей подчинённости южного региона Российской империи», что создало предпосылки для территориальных споров после распада СССР. Казахстан, по мнению З. Бжезинского, может столкнуться с опасностью территориального отделения северо-западных и северо-восточных регионов, в которых доминирует русское население. Часть южного Узбекистана, в особенности вокруг Самарканда и Бухары, заселены таджиками. В связи с этим острые противоречия существуют между Таджикистаном и Узбекистаном, особенно с учётом того, что исторически эти города действительно принадлежали Таджикистану, но в 20-е годы прошлого века были переданы Узбекской ССР. В 2009 году президент Таджикистана Э. Рахмон заявил, что «Самарканд и Бухара всё равно будут наши»¹⁸². У Туркменистана есть территориальные притязания к Узбекистану в Чарджоуской области из-за нефтяного месторождения, на которое претендуют обе стороны¹⁸³. В свою очередь, в самом густонаселённом государстве Центральной Азии определённые силы поддерживают идею «Великого Узбекистана» с включением в него южной Киргизии, Таджикистана, Чарджоу и Ташауза Туркменистана, а также двух юго-западных областей Казахстана¹⁸⁴. Астана и Ташкент также не могут договориться о границе, проходящей по акватории Аральского моря. Ситуация осложняется из-за присутствия узбеков в западном Таджикистане, а также узбеков и таджиков в экономически важных для Кыргызстана районах Ферганской долины. Ещё одним фактором, способствующим ослаблению региональной стабильности, является многочисленное присутствие таджиков в северо-восточном Афганистане¹⁸⁵.

Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что в последнее время Афганистан выдвигает территориальные притязания к Узбекистану, Таджикиста-

¹⁸² В Средней Азии возможен передел границ? Самарканд – спорная территория (15 янв. 2010) // URL: <http://www.ca-news.org/news/292881/>

¹⁸³ Ашхабад имеет территориальные притязания к Узбекистану и Азербайджану (15 дек. 2011) // URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1480094.html?forprint>

¹⁸⁴ *Ситнянский Г.* Идея «Великого Узбекистана» постоянно витает в воздухе (7 мая 2011) // URL: <http://www.centrasia.ru.newsA.php?st=1304796280>

¹⁸⁵ *Бжезинский З.* Великая шахматная доска... – С. 158–159.

ну и Туркменистану, что также способствует нагнетанию напряжённости в регионе¹⁸⁶. Эксперты не исключают в перспективе возможность притязаний Узбекистана на Восточную Фергану (Ош и Узген). Причиной конфликта между Таджикистаном и Кыргызстаном могут стать претензии за обладание Западной Ферганой (Баткен) с вовлечением в него Горного Бадахшана. Таджикско-узбекские конфликты из-за Самарканда и Бухары могут вовлечь в них Кыргызстан и Иран. Не исключены туркменско-узбекские территориальные споры из-за Приаралья (историческая Хива)¹⁸⁷. По результатам исследования по проблемам межгосударственных отношений в центрально-азиатском регионе, проведённом Социологической службой Центрально-Азиатского агентства политических исследований (APR), в рейтинге существующих межгосударственных отношений по центрально-азиатскому региону, на первом месте оказался вопрос наличия спорных территорий¹⁸⁸.

Состоянию нестабильности в регионе, напрямую влияющей на характер и состояние политических процессов, также способствуют крайне сложные отношения между рядом государств Центральной Азии. Как справедливо отмечают исследователи, «имея общую историю, культуру, практически сходную экономическую структуру, традиции центрально-азиатские государства не создали даже единого культурного пространства, не говоря уже о едином политическом и экономическом пространстве. Она не стала сообществом стран, объединённых некой общей идеей развития. И в итоге все пять стран региона пошли разными путями развития, сформировав совершенно разные политические режимы. И сегодняшние отношения между странами в большей степени обусловлены спецификой политических режимов – чем сильнее значение личностного фактора, тем больше отношения между странами региона

¹⁸⁶ Балмасов С. Афганистан претендует на земли соседей. Об этом открыто заявляют уже и официальные лица (21 окт. 2011) // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA>

¹⁸⁷ Маслов И. Региональная безопасность: История и проблемы новых независимых государств Центральной Азии. – М.; Бишкек, 2000. – С. 174.

¹⁸⁸ Состояние и перспективы межгосударственных отношений в Центрально-Азиатском регионе // URL: http://www.iicas.org/articles/library/libr_rus_24_5-00gp.html).eopoliticheskij-proekt-ili-vneshnepoliticheskij-instrument/

наполнены субъективными моментами. Природа многих противоречий, конфликтных ситуаций кроется, к сожалению, в этом»¹⁸⁹.

В частности, высоким уровнем напряжённости отличаются в последние годы *узбекско-таджикские отношения*, которые по степени напряжённости в СНГ уступают только армяно-азербайджанским. В их основе – противодействие Узбекистана планам строительства Рогунской ГЭС, взаимные территориальные притязания, пограничные проблемы, а также личные неприязненные отношения лидеров двух стран, что в совокупности привело к практически полному разрыву межгосударственных отношений двух стран. И по настоящее время, как отмечают аналитики и эксперты, многие участки границы между двумя странами продолжают оставаться заминированными, вследствие чего гибнут десятки мирных людей. С 2000 года между этими государствами действует визовый режим, отсутствует прямое пассажирское и авиационное сообщение. Между государствами до минимума сведены экономические, научные и культурные связи. Годовой товарооборот не превышает одного миллиона долларов.

Искусственные проблемы, создаваемые узбекской стороной в транспортной и энергетической сферах, серьёзно подрывают экономику Таджикистана¹⁹⁰. Так, узбекские власти только в 2010 году в течение 10 месяцев не пропускали грузы по единственной железной дороге в южные области Таджикистана, вследствие чего на узбекских железных дорогах без движения находилось более двух тысяч вагонов с грузами для этих областей¹⁹¹. В ноябре 2011 года было вновь блокировано железнодорожное сообщение с югом Таджикистана, вследствие чего прекратилось поступление гуманитарных грузов по линии Всемирной продовольственной программы ООН для 500 тысяч жи-

¹⁸⁹ Центральная Азия входит в зону политической турбулентности (18 апр. 2012) // URL: <http://www.cisnews.org/world/asia> 5653

¹⁹⁰ *Захватов А.* Сможет ли Россия примирить Таджикистан с Узбекистаном? (15 мая 2013) // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1368635820>

¹⁹¹ Узбекистан продолжает «политическую» железнодорожную блокаду Таджикистана (8 дек. 2011) // URL: <http://www.ccentrasia.ru/newsA.PHP>

телей юга страны¹⁹². Помимо транспортной блокады власти Узбекистана оказывают давление на Таджикистан, перекрывая поступление газа. В апреле 2012 года в очередной раз были прекращены поставки природного газа. В результате энергетического кризиса была парализована работа крупнейших бюджетобразующих предприятий Таджикистана – завода по производству алюминия и «Таджикцемента», что нанесло серьёзный удар по экономике страны¹⁹³. Сравнительно остро на узбекско-таджикских отношениях сказывается и безрезультатность переговоров по демаркации и делимитации границ и взаимные территориальные притязания на плотину Фархадской ГЭС на реке Сырдарье¹⁹⁴. В апреле 2012 года противостояние между двумя странами перешло на дипломатический уровень. 3 апреля посольство РТ в РФ распространило резкое заявление, в котором в частности говорилось: «Руководство Узбекистана продолжает курс на конфронтацию и использует экономические, транспортно-коммуникационные и иные рычаги давления в целях принуждения руководства Таджикистана к принятию выгодных им решений. Сохранение сложившейся ситуации приведёт к дальнейшему ухудшению положения населения Таджикистана и угрожает гуманитарной катастрофой в стране»¹⁹⁵.

Определённой напряжённостью отличаются и *кыргызско-узбекские отношения*. В их основе ряд трудноразрешимых проблем, возникших после образования независимых государств пока что не находящих взаимовыгодного решения. При этом сказывается экономическая и военная слабость Кыргызстана, переживаемая им политическая и общественная нестабильность последних лет. Узбекистан использует в качестве рычагов давления наличие двух узбекских анклавов на территории Кыргызстана – Соха и Шахимардана с численностью населения от 40 до 50 тысяч. Они служат источниками посто-

¹⁹² Узбекистан морит голодом южный Таджикистан (19 дек. 2011) // URL: <http://www.centrasia.ru/news/A.php?st=1324277400>

¹⁹³ Панфилова В. Газовый ультиматум Ташкента: Узбекистан спровоцировал промышленный коллапс в Таджикистане // Независимая газета. – 2013. – 1 июля.

¹⁹⁴ Ещё одна горячая точка в СНГ? (15 мая 2012) // URL: <http://www.fondsk.ru/priew/2012/05/15/>

¹⁹⁵ Узбекистан – Таджикистан: холодная война? (23 апр. 2012) // URL: <http://www.fondsk.ru/priew/2012/04/17/>

янных пограничных конфликтов, негативно влияющими на отношения между двумя странами. Последний из них произошёл в начале января 2013 года в районе анклава Сох на территории Кыргызстана и сопровождался столкновениями с пограничниками, разрушением пограничных столбов и захватом заложников. В те дни корреспонденты писали, что «Узбекистан и Кыргызстан сошлись в военно-политическом противостоянии в многонациональной Ферганской долине, ведя сражение за границы и изолированные эсклавы»¹⁹⁶. Оценивая военную слабость и нестабильную ситуацию КР, Узбекистан видит в Кыргызстане потенциальный очаг опасности. В частности, узбекское руководство постоянно обвиняет кыргызскую сторону в том, что с территории последней, начиная с баткенских событий, в РУз проникают исламские экстремисты и представители террористических организаций. Подконтрольные узбекским властям СМИ часто обвиняют Кыргызстан в пособничестве террористам, в предоставлении им своей территории для подготовки нападений на узбекские территории. Так, когда в мае 2009 года на территории Андижанской области прогремело несколько взрывов, генпрокуратура Узбекистана заявила, что подрыватели проникли на территорию Узбекистана из Кыргызстана, а «Прессузинфо» распространило информацию о том, что «Кыргызстан преднамеренно открыл границы для террористов и знал, что они собираются предпринять. Даже тот факт, что после инцидента террористы исчезли в неизвестном направлении, говорит о том, что они ушли «в нору», то есть на территорию соседней страны».¹⁹⁷ 9 июня радио «Озодлик» сообщило, что Узбекистан, с целью предотвращения проникновения вооружённых формирований с территории Кыргызстана, приступил к укреплению границы вдоль всей Андижанской области путём рытья рвов и установки бетонных заборов¹⁹⁸. В Биш-

¹⁹⁶ Узбекистан – Кыргызстан: Пограничный конфликт как политический экзамен для Каримова (25 янв. 2013) // URL: <http://navoine.ru/the-border-conflict-as-a-political-test-for-karimov.html>

¹⁹⁷ Узбекистан усилил нападки на Кыргызстан (15 июня 2009) // URL: <http://www.caneews.org/news/163911Z>

¹⁹⁸ Узбекско-киргизская стена (17 июня 2009) // URL: <http://www.tazar.kg/news.php?i=10640>

кеке подобные действия осудили, сочтя их нарушением соглашений о взаимной безопасности. Существует также зависимость Кыргызстана от узбекского газа, которая также влияет на характер отношений между двумя странами. Кроме того, стремление Узбекистана выйти из единой энергосистемы Центральной Азии, представляет существенную угрозу для энергетической безопасности Кыргызстана.

По мнению аналитиков, напряжённость в отношениях между двумя странами начала нарастать особенно активно после того, как Бишкек приступил к реализации планов строительства каскада Камбаратинских ГЭС, в которых Ташкент видит потенциальную угрозу для водоснабжения хлопкового сектора страны¹⁹⁹. В принципе, проблема водных ресурсов всегда оставалась камнем преткновения в отношениях между двумя странами. Её нерешённость продолжает оставаться источником постоянной напряжённости, играет роль тормоза в налаживании добрососедских отношений между двумя народами.

Определённой остротой отличаются также отношения между *Кыргызстаном* и *Таджикистаном*. Министр внутренних дел Кыргызской Республики сказал о том, что «наблюдается напряжённость в приграничных районах южных областей Кыргызской Республики. Ежегодно возникают конфликты на спорных земельных участках Баткенской области по причине самовольного использования земель гражданами Таджикистана и нехватки поливной воды»²⁰⁰. По данным кыргызской стороны, граждане Таджикистана самовольно используют 1724 гектара территории Кыргызстана²⁰¹. В одном из последних по времени конфликтов, который произошёл на трассе Ак Сай – Тамдык Баткенской области, с обеих сторон приняло участие свыше 10 тысяч человек. Он сопровождался погромами и перекрытием дорог²⁰².

¹⁹⁹ На кыргызско-узбекской границе стремительно нарастает обстановка напряжённости (13 июня 2009) // URL: <http://www.centrasia.ru/news/A.php?st=1244864460>

²⁰⁰ Глава МВД обозначил проблему межэтнических конфликтов в Кыргызстане (19 июля 2008) // URL: <http://www.swodka.akipress.org>

²⁰¹ Таджикистан – Кыргызстан: территориальные споры, непредсказуемая ситуация (25 мая 2013) // URL: <http://www.maxala.org/sosedstvo/14428>

²⁰² 10 тысяч таджиков и кыргызов сошлись в гигантской драке за дорогу Ак-Сай – Тамдык (15 мая 2013) // URL: <http://www.centrasia.ru/news/A.php?st=1367340480>

Серьёзным источником нестабильности в регионе продолжает оставаться неурегулированность границ между большей частью центрально-азиатских государств, что несёт в себе угрозу межгосударственных конфликтов. В сравнительно благоприятной ситуации по вопросу границ находится Казахстан, который, в основном, смог урегулировать спорные пограничные проблемы со своими соседями по региону. В то же время проблемы демаркации и делимитации границ между остальными центрально-азиатскими государствами, и прежде всего между Кыргызстаном и Узбекистаном и Таджикистаном, не решены до сих пор.

Негативный фон в отношениях между Бишкеком и Ташкентом усиливают также и пограничные споры. По данным отдела делимитации границ и развития приграничных территорий аппарата правительства КР, из общей протяжённости границы с Узбекистаном в 1378 километров на данный момент согласовано 1007 километров²⁰³. Неурегулированность пограничных проблем продолжает оставаться источником напряжённости в отношениях между двумя государствами. Так, например, только в 2010 году, по данным кыргызстанских властей, было зафиксировано более двух десятков приграничных столкновений с Узбекистаном²⁰⁴. Заместитель министра иностранных дел Кыргызской Республики, выступая в Жогорку Кенеше, отметил, что только за последние два года Кыргызстан, в связи с инцидентами на границе, направил Узбекистану 21 ноту протеста²⁰⁵.

С 2002 года таджикско-кыргызская межправительственная комиссия зафиксировала порядка 103 участков, на которые претендуют две страны. К апрелю 2013 года из 908 километров границы согласовано 519²⁰⁶. Как сообщили в отделе делимитации границ и развития приграничных территорий аппарата

²⁰³ *Метерова А.* На кыргызско-узбекской границе остаются несогласованными более 300 км (30 апр. 2013) // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1367331900>

²⁰⁴ *Хамидов А.* Закрытая кыргызско-узбекская граница способствует обострению напряжённости (14 апр. 2011) // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1302726900>

²⁰⁵ За два последних года Кыргызстан направил Узбекистану 21 ноту протеста в связи с инцидентами на границе (24 июня 2013) // URL: <http://www.fergananews.com/news/20852>

²⁰⁶ *Метерова А.* На кыргызско-узбекской границе остаются несогласованными более 300 км...

правительства КР, «в настоящее время все переговорные процессы межправительственной комиссии с Узбекистаном и Таджикистаном зашли в тупик и не дают каких-либо результатов»²⁰⁷. Дополнительные осложнения в отношении между государствами вносят, как уже отмечалось выше, этнические анклавы, образовавшиеся на территории ряда государств. Сейчас в пределах Ферганской долины существует 8 анклавов, в т. ч. на территории Кыргызстана – 4 узбекских и 2 таджикских. В Узбекистане – 1 кыргызский и 1 таджикский²⁰⁸.

Другим источником напряжённости в отношениях между странами региона являются *водно-энергетические* проблемы. «Вода, некогда исторически объединившая народы региона, превращается в оружие решения внешне и внутривнутриполитических задач, становится одним из основных конфликтных узлов, создающих угрозу региональной безопасности государств Центральной Азии»²⁰⁹.

Между тем, о возможности возникновения конфликтов в Центральной Азии из-за последствий климатических изменений в своём докладе предупредил лидеров 27 стран ЕС на саммите этой организации 13–14 марта 2008 года в Брюсселе Верховный представитель Евросоюза по общей внешней политике и общей политике в области внешней безопасности Х. Солана. В докладе сообщается, что растущий в странах Центральной Азии дефицит воды, которая является ключевым ресурсом для производства продовольствия, а также стратегическим ресурсом для производства электроэнергии, вызывает серьёзную озабоченность²¹⁰.

По словам экспертов, ситуация с водообеспечением стран Центральной Азии будет становиться всё хуже. «Сегодня в сельскохозяйственный оборот включено 90–93% необходимого объёма воды из бассейнов рек Амударьи и

²⁰⁷ Метерова А. На кыргызско-узбекской границе остаются несогласованными более 300 км...

²⁰⁸ Проблемы национальной безопасности Кыргызстана. – Бишкек, 2006. – С. 303.

²⁰⁹ Ложка дёгтя в бочке воды: О водных проблемах Центральной Азии (13 марта 2008) // URL: <http://www.rrgyznews.kg>

²¹⁰ Дефицит водных ресурсов может стать причиной конфликтов в Центральной Азии (13 марта 2008) // URL: <http://www.fergana/newss.ru>

Сырдарья, – считает представитель Ассоциации приграничного сотрудничества А. Дереникьян, – что говорит о том, что реальные возможности региона уже достаточно близки к своему пределу». Он отметил: «Если внешние игроки захотят дестабилизировать ситуацию в Центральной Азии, то они могут педалировать вопрос, связанный с водообеспечением»²¹¹.

В настоящее время проблемы гидроэнергетики и использования водных ресурсов, продолжают оставаться крайне напряжёнными между государствами региона. В их основе – политика защиты национальных интересов в ущерб совместного, согласованного решения общерегиональных проблем. Водные вопросы, и прежде всего планы строительства Рогунской ГЭС, до крайности осложнили отношения между Узбекистаном и Таджикистаном. В Ташкенте её строительство рассматривается едва ли не главной угрозой существования узбекского государства²¹². По мнению исследователей – экспертов университета Nort Darota State Universite США, ежегодный ущерб от Рогунской ГЭС для Узбекистана составит 600 млн долларов США. Ввиду дефицита воды для орошения 300 тысяч человек лишатся работы, более 500 тысяч га земли придет в негодность и ещё 300 тысяч будет выведено из оборота²¹³. Крайне негативно в Узбекистане восприняли договорённость между Россией и Кыргызстаном о строительстве Камбаратинской ГЭС-1 с высотой плотины 225 метров, что может привести к уменьшению стока реки Нарын и усилению дефицита воды в Ферганской долине. В ходе визита в Астану президент Узбекистана И. Каримов, говоря о проблеме водных ресурсов, заявил: «Те, кто живут наверху, я имею в виду Таджикистан и Кыргызстан, они заинтересованы в энергетическом использовании стока. Но, к сожалению, они забывают, Амударья и Сырдарья – это трансграничные реки. Водные ресурсы могут стать проблемой, вокруг которой обострятся отношения в центрально-азиатском ре-

²¹¹ РБК daili: водный терроризм грозит республикам Средней Азии (1 июля 2008) // URL: <http://ca-news.org/news:31116/>

²¹² *Бологов П.* Средней Азии предрекают войну за водные ресурсы (26 сент. 2012) // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1348644060>

²¹³ Эксперты подсчитали возможный ущерб Узбекистана от Рогунской ГЭС (26 сент. 2012) // URL: <http://www.maxalla.org/skandali/9031>

гионе. Я не буду называть конкретные государства, – отметил он, – но всё может усугубиться до такой степени, что вызовет не только серьёзное противостояние, но и войны»²¹⁴.

Говоря о проблемах современной Центральной Азии, можно присоединиться к позиции китайского исследователя, который вводит в обращение понятие обратного процесса экономической интеграции в Центральной Азии и акцентирует внимание на крайне низкий уровень экономического сотрудничества между государствами региона. Страны Центральной Азии не желают сотрудничать друг с другом, а акцент в сотрудничестве переносят на другие страны и регионы. «Оставшиеся от истории проблемы, – считает он, – до сих пор являются тяжёлым бременем и скрытой опасностью для развития нормальных отношений между государствами Центральной Азии. Основа добрососедских отношений между ними постепенно ослабевает»²¹⁵.

К числу острых проблем, напрямую оказывающих влияние на внешнюю безопасность стран региона, следует также отнести такие проявления мировых глобальных процессов, как наркотрафик, международный терроризм и религиозный экстремизм. Во многом они связаны с общерегиональной проблемой, несущей угрозу безопасности всех без исключения стран Центральной Азии, порождённой близостью к региону крупнейшего на сегодня в мире источника нестабильности и международной напряжённости, какими являются Афганистан и Пакистан. В предстоящий период времени ситуация в ряде стран Центральной Азии может существенно обостриться в связи с уходом войск НАТО из Афганистана и угрозой вытеснения части афганских боевиков на территории Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана. Изучение этих проблем в рамках Центральной Азии, в целом, представляет собой самостоятельную тему, в связи с чем не рассматривается подробно в данном исследовании. В рамках данного раздела остаётся отметить лишь общерегиональный характер ука-

²¹⁴ Ислам Каримов предупредил, что проблемы водных ресурсов могут привести к войне (10 сент. 2012) // URL: <http://www.Ca-News>

²¹⁵ Анализ обратного процесса экономической интеграции в регионе Центральной Азии (4 июня 2013) // URL: <http://www.geopolica.ru/article/analiz-obratnogo-prozessaekonomicheskoy-integracii>

занных угроз и их существенное воздействие на состояние безопасности центрально-азиатских стран в целом и внешней безопасности в частности.

Таким образом, существует множество внешних факторов, которые негативно воздействуют на содержание и характер политических процессов в государствах Центральной Азии. Значительная их часть отражает в соответствии с концепцией «тропы зависимости», зависимость от исторического прошлого, развития народов региона и в XXI веке. В частности, это исторически сложившаяся геополитическая неопределённость, связанная с сохранением множественных векторов геополитического выбора. Огромное влияние на характер политических процессов оказывает низкий уровень региональной идентичности, поскольку в Центральной Азии отсутствует единая для региона непротиворечивая культурно-идентификационная структура.

Фактически, Центральная Азия как международный регион начала формироваться лишь после распада СССР, и этот процесс ещё далёк от завершения. Кроме того, крайне низкий и неэффективный уровень проявления формальных и неформальных институтов имеет следствием низкий уровень институционализации международных отношений в регионе, что влечет за собой нарастание конфликтов и соперничества. В результате, «сложившаяся в Центральной Азии комплексная структура ведет к целому ряду негативных политических процессов: высокой нестабильности, непредсказуемости ситуации, росту конфликтности политик, отсутствию эффективного взаимодействия между акторами, неэффективности интеграционных проектов и сложностям в реализации интересов вовлеченных в регион ключевых глобальных акторов»²¹⁶. В совокупности это позволяет сделать вывод о чрезвычайно высоком уровне транзакционных издержек в процессе взаимодействия между государствами Центральной Азии в постсоветский период их истории.

В то же время важное место в специфическом характере политических процессов в странах региона отводится и внутривнутриполитическим процессам,

²¹⁶ Казанцев А. А. Взаимосвязь глобальных и региональных политических процессов (на примере Центральной Азии)...

анализ которых осуществляется на основе использования теорий неоинституционализма, неолиберализма, неореализма и концепции обусловленного пути. Как известно, характер и содержание политических процессов в любом государстве во многом определяется сложившейся в нём политической системой, поскольку первые являются функциональной характеристикой последних. Государства Центральной Азии в этом смысле не являются исключением. Поэтому важный момент связан с анализом политических систем государств Центральной Азии, которые по сути дела и играют доминирующую роль в осуществлении как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических процессов.

Прежде чем перейти непосредственно к характеристике политических систем и политических процессов в странах региона, следует хотя бы вкратце остановиться на природе принципиальных отличий западных политических культур от восточных. Потребность в этом связана с диаметрально противоположным характером политических культур народов западных стран и стран Центральной Азии. Идеалы и нормы политической культуры западного типа основываются на индивидуализме как мировоззренческой и поведенческой позиции, «когда абсолютным приоритетом обладают самоценность человека, его личная свобода и автономия, ответственность за собственное благополучие и долг перед государством. При этом государство в западной традиции издавна воспринимается в качестве института защиты прав и свобод человека, поддерживающего его социальные инициативы»²¹⁷. На Востоке же «базовые ориентации людей из этой части мира формировались под влиянием принуждающего господства над обществом властвующих групп. Длительное закрепление патриархально-клановой структуры общества определило слабые позиции человека в сравнении с государством. Для Востока характерно признание главенствующей роли элит при отсутствии контроля над их деятельностью, предписание человеку сугубо исполнительских функций.

²¹⁷ Политология / МГИМО(У) МИД России. – М., 2004. – С. 446.

Не удивительно, что такое толкование ценностей предопределило изоляцию верхов от низов, патернализм, авторитарные (порой деспотические) тенденции, упрощённые формы организации власти и политических отношений»²¹⁸. Подобного рода принципиальные расхождения в характере и содержании политических культур существенно осложняют взаимодействие между странами Запада и Центральной Азии и по настоящее время.

Основные постулаты политической культуры Востока в Центральной Азии особенно наглядно проявили себя в период XVI–XIX веков, когда на её территории сложилось несколько феодальных государств, просуществовавших до завоевания их Россией. В 1500 году возник Бухарский эмират, а в 1511 году было провозглашено Хивинское ханство. 1710 год стал годом образования Кокандского ханства. Кроме того, существовал ряд полусамостоятельных бекств – Шахрисябз, Китаб, Карши²¹⁹. Туркменские и кыргызские племена не имели государственности, а кочевое население Казахстана вошло в состав России. Период существования этих государственных образований характеризовался чередой нескончаемых войн между ними, переворотов и внутренних междоусобиц. Более того, некоторые из них, к примеру кокандцы и хивинцы, жили разбоем, превратив войну в средство сезонного промысла²²⁰.

Население Центральной Азии, до включения в состав Советского Союза с проделанным в его рамках этнотерриториальным размежеванием, не знало «национального государства» в европейском смысле этого слова. Преобладающей формой организации было территориально-политическое образование на принципе надэтничности – по сути дела, принципе имперском. С позиций европейской науки XX века Бухарский и Кабульский (афганский) эмираты, Хивинское и Кокандское ханства были в типологическом отношении относительно небольшими и пестрыми по этническому составу оазисными империями, «объединяющими идеями» которых были общее водноземельное достоя-

²¹⁸ Политология / МГИМО(У) МИД России... – С. 449.

²¹⁹ Международные отношения в Центральной Азии: События и документы... – С. 71, 85.

²²⁰ Там же. – С. 97.

ние и идеология религиозной солидарности (особенно в Бухаре и Коканде). В таком идейно-политическом контексте комплексы этнической розни оказывались подавленными. Они лишались возможности развиваться в доктрины этнического или расового превосходства, как это происходило на волне трагических кульминаций «национального самоопределения» в Европе, а под ее влиянием – и в Японии конца XIX века²²¹.

По нашему мнению, при анализе политических систем новых независимых государств Центральной Азии, возникших после распада Советского Союза, необходимо исходить из того, что их современная история во многом детерминирована историческим прошлым народов, издревле проживавших в регионе. В связи с этим можно согласиться с позицией аналитика: «Даже такой достаточно общий взгляд на проблемные зоны развития показывает, что в основе сегодняшней ситуации, в основе того, как мы живём, лежат глубинные факторы, которые должны осознаваться национальными элитами и властью. И эти проблемы будут нарастать, поскольку сама природа и конструкция современного мира вступает в жёсткое противоречие с тем цивилизационным типом, который несут на себе кыргызы»²²². Как видно, речь в данном случае идёт о кыргызах, однако сказанное, с нашей точки зрения, распространяется на все центрально-азиатские народы. К числу одного из подобных глубинных факторов следует отнести слабую, неразвитую традицию государственности, отсутствие опыта создания и существования мощного регионального государства. Подобием его Центральная Азия стала лишь в период Тимура, просуществовавшим, однако, лишь несколько десятилетий.

Как уже отмечалось выше, созданию национальной государственности не способствовало также вхождение региона в состав великих империй прошлого и настоящего. Подобная ситуация способствовала появлению в научной литературе точки зрения, в соответствии с которой «среди политических архе-

²²¹ Богатуров А. Д., Дундич А. С., Троицкий Е. Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах: Очерки текущей политики. – Вып. 4. – М.: НОФМО, 2010 // URL: <http://www.twirpx.com/file/232181/>

²²² Богатырёв В. Три основания для конфликтов...

типов, сформировавшихся у народов Центральной Азии, мы не усматриваем отдельного и целостного политического архетипа государства (или точнее, сложившейся государственности). Это не значит, что никто из коренных этносов Центральной Азии не имел ранее государственности. Не только кыргызы. Но они утратили своё государство за тысячелетие до того, как снова его обрели²²³. Речь в данном случае идёт о земледельческих народах региона. Однако значительную часть его населения составляли кочевники. По словам Л. Н. Гумилёва, «кочевники довольствовались теми плодами природы, добытие которых не требовало изменения ландшафта и рельефа, и поэтому у них не возникало потребности в создании государственной организации»²²⁴. Точнее говоря, они знали аморфную кочевую государственность²²⁵.

В принципе, можно сказать о том, что государственность народов Центральной Азии, существовавшая до присоединения региона к Российской империи, носила минимизированный характер, приближённый к восточным деспотиям со всеми вытекающими из этого последствиями. Они разительно отличались от западных политических систем, функционировавших в то время на основе принципа разделения властей и приближались по своим сущностным характеристикам к веберовскому *патримониализму*, описание которого даётся в предыдущем параграфе данного исследования.

Определённый анализ политических систем, сложившихся в новых независимых государствах Центральной Азии, содержится в ряде публикаций, выполненных как российскими, так и зарубежными исследователями. Ввиду «молодости» объектов исследования они носят пока что постановочный характер и не претендуют на завершённость оценок и определений. Тем не менее они, на наш взгляд, позволяют составить представление о политических системах, а также характере и содержании осуществляемых ими политических процессов.

²²³ Клицков А. А. Дискурс политических архетипов в международных отношениях постсоветских государств Центральной Азии... – С. 214.

²²⁴ Гумилёв Л. Н. Этносфера: история людей и история природы... – С. 576.

²²⁵ Суюнбаев М. Н. Геополитические основания развития и безопасности Кыргызстана... – С. 50.

В связи с этим имеет смысл познакомиться с этими определениями и попытаться найти им обоснование. Так, в «Индексе демократии стран мира 2012 года» исследовательская компания The Economist Intelligence Unit, являющаяся аналитическим подразделением авторитетного английского журнала «Economist», классифицировала по типу режима власти 167 государств мира четырьмя категориями: *полная демократия, недостаточная демократия, гибридный режим, авторитарный режим*. Среди стран с «гибридным режимом» названы Турция и Кыргызстан, к авторитарным отнесены Россия, Китай, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан²²⁶.

Известный российский учёный А. С. Панарин оценивал политические режимы, сложившиеся в Центральной Азии в постсоветский период, как «режимы имитационной демократии», относил их к числу авторитарных моделей политического развития. Конкретизируя этот вывод, он давал оценку политических систем Казахстана и Кыргызстана как авторитарных моделей с некоторыми элементами демократии. Узбекистан, по его мнению, представлял собой жёсткую авторитарную модель с декоративными элементами демократии, прямое президентское правление в сочетании с абсолютно формальным разделением властей. Политический режим Туркменистана характеризовался им как восточная деспотия²²⁷.

Профессор МГИМО И. Звягельская оценивает политическую систему Казахстана как режим управляемой демократии, Кыргызстан же относит к зоне умеренного авторитаризма²²⁸. По её оценке, в Таджикистане сложился авторитарный режим умеренного типа²²⁹. Авторитарный режим в Узбекистане, по её мнению, носит жёсткий характер, что же касается Туркменистана, то там функционирует тоталитарное политическое устройство²³⁰.

²²⁶ Британский журнал оценил уровень демократии в странах мира (24 марта 2013) // URL: <http://www.chrono-tm.org/201303/>

²²⁷ Панарин С. Политическое развитие государств Центральной Азии в свете географии и истории региона...

²²⁸ Звягельская И. Становление государств Центральной Азии... – С. 64.

²²⁹ Там же. – С. 66.

²³⁰ Там же. – С. 68, 74.

Российский исследователь Н. А. Борисов квалифицирует режим И. Каримова в Узбекистане как «султанизм», а политическую систему Кыргызстана – как фрагментированный (клановый) авторитаризм²³¹.

С точки зрения Е. В. Павлова, в Таджикистане сформировался авторитарный политический режим²³². Каримов «обрёл власть, превосходившую прерогативы всех среднеазиатских ханов»²³³.

По мнению А. Куртова, «сплав циничной деспотии и лукавой олигархии составил альмагамный вариант казахстанского авторитаризма»²³⁴.

В предыдущем параграфе этого исследования предпринята попытка определения типологии политических систем государств Центральной Азии, которая дополнит приведённые выше оценки.

Таким образом, приведённые выше определения политических систем и режимов, сложившихся в новых независимых государствах Центральной Азии, позволяют сделать вывод об удалённости всех их без исключения от устоявшихся канонов западной демократии, превратившихся в мерило уровня развития государственности в современном мире. Не ограничиваясь этими определениями, считаем необходимым для понимания специфики центрально-азиатских политических процессов, выполнить более углублённый анализ причин, позволивших дать подобные оценки политическим режимам ННГ Центральной Азии.

К сожалению, в силу целого ряда обстоятельств и, прежде всего, в силу детерминированности современной истории народов Центральной Азии её историческим прошлым, их молодая государственность вобрала в себя множество политических, экономических, культурных и идеологических конструкций прошлого. В принципе, это является проявлением закономер-

²³¹ Центральная Азия в книгах // URL: <http://www.east.terra-america.ru/central-asia-in-boocs.aspx>

²³² Павлов Е. В. Политическая система переходного общества в условиях глобализации: центрально-азиатская специфика... – С. 85.

²³³ Клиңцов А. А. Дискурс политических архетипов в международных отношениях постсоветских государств Центральной Азии... – С. 349.

²³⁴ Куртов А. Демократия выборов в Казахстане: авторитарная трансформация. – М., 2001. – С. 351.

ности, связанной с влиянием прошлого на настоящее, о котором очень убедительно сказал Фернан Бродель: «Я начинаю с повседневной жизни, с тех ее проявлений, которые повелевают нами без нашего ведома: с привычек, точнее, с установившихся образцов поведения, с тех неисчислимых движений человеческой природы, которые цветут и плодоносят независимо от решений имьярека... Эти движения – мотивы поступков, образцы и способы действий и противодействий – гораздо чаще, чем мы полагаем, восходят к началам человеческой истории. Древнее, но еще живое, это многовековое прошлое вливается в настоящее подобно тому, как Амазонка извергает мутный поток своих вод в Атлантический океан»²³⁵.

В случае с государствами Центральной Азии в первую очередь следует обратить внимание на негативную роль низкого уровня институционализации, самым существенным образом повлиявшим на состояние государственности. Отмечая воздействие прошлого в истории народов региона на формирование их государственности, заведующий отделом Средней Азии и Казахстана Института стран СНГ А. Грозин писал: «...после распада СССР на территории Центральной Азии стали складываться авторитарные политические режимы с уклоном в укорененную местными вековыми традициями и ценностями модель государственно-патерналистского толка. В четырёх из пяти республик Центральной Азии имеет место не просто властная вертикаль с президентом во главе, но “суперпрезидентские” формы правления. Через укоренившуюся клановую систему происходит постоянный процесс самовоспроизводства элиты. Явление клановости сохраняет устойчивые позиции в жизни общества и правящего класса благодаря сохранению доминирующего положения традиций в структуре социальных отношений»²³⁶. Сформировав систему семейно-

²³⁵ Панарин С. Политическое развитие государств Центральной Азии в свете географии и истории региона...

²³⁶ Грозин А. Элиты Туркменистана и центрально-азиатские кланы: особенное и трудности модернизации... – С. 51.

бюрократического капитализма, они фактически контролируют финансы и ресурсы своих стран²³⁷.

Имея в виду преобразования, осуществляемые в советское время, И. Звягельская отмечает, что «радикальные социальные изменения в странах Центральной Азии не изменили базовых общественных связей, традиционные структуры приспособлялись к новым задачам, но не исчезали, что особенно явно проявилось в период формирования независимых государств»²³⁸. Более того, как считает исследователь, «при этом традиционное общество вовсе не было разрушено. Оно продолжало существовать, адаптируясь к новому строю, мимикрируя под советские системы»²³⁹. «Традиционные общества, – заключает она, – консервативны и их консерватизм выступает в качестве системообразующего элемента, спланивающего и обеспечивающего функционирование этого общества»²⁴⁰.

Суть политических процессов и их воздействие на политические системы государств Центральной Азии во многом находит методологическое объяснение в концепции *неопатримониальных* политических систем М. Вебера, И. Ш. Эйзенштадта, подробный анализ которой дан в предыдущем разделе данного исследования. Согласно этой концепции «основу политических систем государств региона составляет недифференцированный контроль над властью-собственностью. При этом руководство, будучи структурировано в кланы, управляет государствами как своей частной собственностью»²⁴¹.

Что же касается основной части общества, то ей доступ к политическим, материальным и финансовым ресурсам страны существенно ограничен. «Авторитарная политическая модель, – пишет И. Звягельская, – характеризуется симбиозом власти и собственности, когда в результате приватизации общество

²³⁷ Румер Б. Центральная Азия –10 лет спустя // Центральная Азия и Южный Кавказ: Насущные проблемы. – Алматы, 2002. – С. 7.

²³⁸ Звягельская И. Становление государств Центральной Азии: политические процессы... – С. 38.

²³⁹ Там же. – С. 51.

²⁴⁰ Там же.

²⁴¹ Казанцев А. А. Взаимосвязь глобальных и региональных политических процессов (на примере Центральной Азии)...

расколось на меньшинство собственников и большинство не собственников»²⁴².

Другой существенной чертой неопатримониальной политической системы её авторы считали то, что она возрождает и активно использует в современных политических процессах архаические формы социальной организации. В случае, когда речь идёт о центрально-азиатских политических режимах, то их архаизация, возвращение к прошлому, связано с активным использованием институтов родоплеменной общности²⁴³. Как справедливо считают исследователи, «политическая модернизация в государствах Центральной Азии имеет место в контексте клановых, местных, семейных связей, обуславливающих идентичность, лояльность, выстраивание социальной и властной иерархии. В комплексе эти связи создают особый баланс, резкое нарушение которого ведёт к обвалу, массовым жертвам и требует длительного времени для восстановления системы»²⁴⁴.

Авторы другого исследования, посвящённого современной Центральной Азии, пишут: «Победителем в перераспределении государственной собственности стала клановая система. Образовалась своеобразная система семейно-кланового бюрократического капитализма. Поскольку кланы по своей природе являются оппонентами представительной демократии, то главенствующая – олигархическая в данном случае – форма частной собственности начала создавать адекватную своей природе политическую систему. Закрытому (реакционному) характеру клановой экономической базы соответствует “закрытый” характер авторитарной политической системы»²⁴⁵. Они же констатируют: «...как представляется, в анализируемом регионе господствующая форма общественного сознания является традиционно-патерналистской, частично донацио-

²⁴² Звягельская И. Становление государств Центральной Азии: политические процессы...

²⁴³ Казанцев А. А. Взаимосвязь глобальных и региональных политических процессов (на примере Центральной Азии)...

²⁴⁴ Звягельская И. Становление государств Центральной Азии: политические процессы... – С. 60.

²⁴⁵ Годы, которые изменили Центральную Азию / Центр стратегических и политических исследований; Институт востоковедения РАН. – М., 2009. – С. 248.

нальной. Таким образом, в Центральной Азии вместе с формированием государства возник феномен ретрадиционализации общества. Вместе с этим, оба процесса испытывают влияние ислама»²⁴⁶.

Подчёркивая активизацию в социальной и политической жизни стран региона этой черты, автор книги «Между современностью и традицией. Политические альтернативы постсоветской Центральной Азии» пишет: «Трансформация систем и режимов привела не к модернизации, как этого можно было ожидать исходя из классических транзитологических теорий, а к их ретрадиционализации и архаизации в смысле возрождения политических традиций прежде всего в виде неформальных институтов и кланово-земляческих, родоплеменных связей в политике»²⁴⁷.

В совокупности, множество указанных выше тенденций обобщённо можно назвать *демодернизацией*²⁴⁸.

Неопатримониальная система обладает также важным свойством, присущим практически всем современным политическим системам государств Центральной Азии. Сохраняя описанную выше сему управления государством, она мимикрирует практически под любые идеологии, будь то демократическая, либеральная, исламская, заявляет о желании реализации любой модели развития. Пока что, по утверждению исследователей, «нет ответа на вопрос, как должно выглядеть современное демократическое, правовое центрально-азиатское государство»²⁴⁹.

Сказанное выше вполне укладывается в рамки политической культуры и политических процессов государственных образований Центральной Азии и во многом определяет их содержание. Учитывая тенденцию к архаизации и демодернизации, нельзя сбрасывать со счетов и их определённую способность приспособления к современным реалиям, ведущую к сочетанию в них традиционности и модерна.

²⁴⁶ Годы, которые изменили Центральную Азию... – С. 13.

²⁴⁷ Центральная Азия в книгах...

²⁴⁸ Грозин А. Элиты Туркменистана и центрально-азиатские кланы: особенное и трудности модернизации...

²⁴⁹ Годы, которые изменили Центральную Азию... – С. 16.

В целом же можно констатировать, что в государствах Центральной Азии реализуется незападная модель политического процесса. «Основными чертами незападного политического процесса, – отмечает И. Звягельская, – выступают гипертрофированная роль исполнительной власти, отсутствие чёткого разделения властей, исключительно верхушечный характер реформ, всевластие государственного аппарата. Во всех государствах региона власть предельно централизована и реального разделения властей не произошло, судебная власть не является независимой, действует мощный административный ресурс»²⁵⁰.

Подытоживая, исследователь пишет о том, что политический процесс в этих государствах, наряду с тенденциями к модернизации, продолжает генетически воспроизводить восточную модель, несмотря на демократические атрибуты и механизмы»²⁵¹. К примеру, к числу таких демократически атрибутов можно отнести активное участие в политическом процессе такого нового института, каким являются политические партии. На деле же они зачастую превращаются в орудие трайбалистской, клановой системы, преследующей узкокорыстные цели властной части общества. Так, в Кыргызстане «в данное время на выборах кыргызы ориентируются не по программам, платформам партий, а голосуют по принципу землячества, родства. Депутаты Жогорку Кенеша иногда не поддерживают инициативу своей фракции, а поддерживают мнение депутата другой фракции, потому что он является земляком. Поэтому делятся и депутаты»²⁵².

Еще более жёсткую оценку партиям в Кыргызстане даёт известный аналитик и эксперт В. Богатырёв: «Пройдя через лидерские партии, президентские партии, клановые партии, партии-предвыборные консорциумы, дойдя вплоть до формирования парламента и правительства через партийные механизмы, мы пришли к тому, что в стране нет устойчивой партийной системы,

²⁵⁰ Звягельская И. Становление государств Центральной Азии: политические процессы... – С. 58.

²⁵¹ Там же. – С. 59.

²⁵² Каково будущее разобщённых кыргызов? // Жаны Агым. – 2013. – № 21. – 24 мая.

партии не пользуются поддержкой электорально достаточной части населения. Хуже того, партии становятся символом политического мародерства, этакой стаей не буду говорить кого, раздирающей должности, регионы, ресурсы страны. Мне уже не раз приходилось констатировать, что те политические образования, которые сейчас существуют, являются на самом деле квазипартиями, поскольку не обладают рядом существенных характеристик и прежде всего идеологическими идентичностями, социальной базой, целевыми определенностями, хоть какой-либо политической линией. Строго говоря, мы не можем обсуждать вопрос о “детских болезнях” партий, поскольку нет самого “ребенка”»²⁵³.

То есть, по сути дела, нерешённость проблемы выбора устойчивой модели развития затрудняет проблему определения устойчивых внешнеполитических интересов страны. На деле же эти интересы полностью совпадают с интересами кланово-семейных групп, контролирующих государство, что способствует нестабильности в выборе ключевых международных партнёров и усиливает проявления многовекторной политики центрально-азиатских государств.

Таким образом, многие черты неопатримониализма присущи политическим процессам в молодых государствах Центральной Азии. Обобщая их, следует выделить некоторые из них. В частности, «если подытожить вышесказанное, что характерной чертой неопатримониализма является инкорпорация патримониальной логики в работу формальных институтов»²⁵⁴. В связи с этим, в случае с государствами Центральной Азии, в первую очередь следует обратить внимание на негативную роль низкого уровня институционализации, самым существенным образом повлиявшим на состояние государственности.

Как указывалось выше, в оценке политических процессов вообще и политических процессов в Центральной Азии важная роль отводится формаль-

²⁵³ Детские болезни политических партий: Стенограмма «круглого стола» (25 апр. 2013) // URL: <http://www.ipp.kg/ru/news/2589/>

²⁵⁴ Фисун А. А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // Политическая концептология. – 2010. – № 4. – С. 168.

ным и неформальным институтам. В рамках принципа конгруэнтности изменения, происходящие в формальных и неформальных институтах, должны соответствовать друг другу, что является условием стабильности во всех её проявлениях. Отсюда «степень устойчивости сформировавшихся в результате трансформации политических систем и режимов как их функциональных характеристик определяется степенью расхождения формальных и неформальных институтов. Столкновение формальных и неформальных институтов ведёт к усилению нестабильности»²⁵⁵. Их соотношение занимает важное место в оценке политических процессов в государствах Центральной Азии.

Какое же влияние оказывают политические режимы Центральной Азии на происходящие в них политические процессы? Центральная Азия на протяжении почти всей своей истории играла роль не субъекта, но объекта истории и продолжает и в наши дни во многом сохранять эту роль. Поэтому кроме внутренних факторов на ситуацию в Центральной Азии и происходящие в них политические процессы самое серьёзное влияние оказывают и внешние силы, продвигающие своего рода проекты развития региона в соответствии со своими интересами. «Основными из них являются: российский неимпериалистический проект, американский проект геополитического контроля азиатского мегарегиона, исламский проект расширения пространства противостояния, китайский ресурсно-торговый проект, европейская центрально-азиатская стратегия. Борьба проектов делает очень неустойчивым ситуацию на центрально-азиатской площадке и является источником нестабильности и конфликтов»²⁵⁶.

Более того, по мнению аналитиков, «институциональное упорядочение региона происходит, в основном, под действием внешних сил. В результате, центрально-азиатские страны оказываются в очень серьёзной зависимости от внешних сил, вовлеченных в регион»²⁵⁷. В связи с этим следует более подроб-

²⁵⁵ *Борисов Н. А.* Постсоветская трансформация политических систем Республики Узбекистан и Кыргызской Республики: сравнительный анализ...

²⁵⁶ *Богатырёв В.* Развитие политической ситуации в Центральной Азии: проекты и сценарии...

²⁵⁷ *Казанцев А. А.* Взаимосвязь глобальных и региональных политических процессов (на примере Центральной Азии)...

но остановиться на специфике внешнеполитических процессов постсоветских государств Центральной Азии. Прежде всего, к их числу относится то, что внешние акторы вынуждены строить собственную внешнюю политику в центрально-азиатских странах через взаимодействие с патронажно-клиентальными сетями, группирующимися вокруг властного центра. В результате, ввиду нестабильности этих сетей, и результаты этого взаимодействия оказываются крайне нестабильными. В итоге это ведёт к нестабильности и неопределённости в их взаимодействии и, более того, усиливает и неопределённость в действиях внешних акторов²⁵⁸.

Во-вторых, к числу специфических черт внешнеполитических процессов государств региона следует отнести их крайнюю заинтересованность «в вовлечении в регион разнообразны внешних сил, которые бы позволили им решить комплексные задачи выживания и внутреннего развития. Однако многовекторная политика не даёт им возможности сделать выбор в пользу одного партнёра, что сохраняет в регионе высокий уровень нестабильности и неопределённости²⁵⁹.

Наконец, высокий уровень транзакционных издержек в сфере взаимодействия между центрально-азиатскими государствами, отсутствие региональной идентичности, низкий уровень региональной институционализации имеют следствием то, что «конструирование» Центральной Азии осуществляется извне. «Конструирование региональных структур в Центральной Азии глобальными акторами за счёт переноса в регион всех противоречий мировой политики порождает трудно разрешимые противоречия, стимулирует беспрецедентно высокую для современного мира степень региональной нестабильности»²⁶⁰.

²⁵⁸ Казанцев А. А. Взаимосвязь глобальных и региональных политических процессов...

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Там же.

Глава 2

ЭВОЛЮЦИЯ ИНТЕРЕСОВ ОСНОВНЫХ СУБЪЕКТОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

2.1. Эволюция интересов США в Центральной Азии

2.1.1. Интересы США во внешнеполитических процессах ЦА

В главе первой исследования был выполнен анализ специфических черт и особенностей политических процессов, характерных для постсоветских государств Центральной Азии. Многие из них оказали прямое воздействие на содержание интересов внешних акторов, в т. ч. и США, в регионе, утратившим после распада СССР роль вакуума в мировой политике. Отсылая читателя к указанной выше главе, следует отметить, что в Центральной Азии США столкнулись с незападным типом политических процессов, отличающимся зачастую экстенсивным характером и их вертикальной организованностью.

Геополитическая неопределённость, высокий уровень нестабильности региона наряду со специфическими чертами политических процессов также наложили свой отпечаток на политику США и продвижение их интересов в Центральной Азии. Кроме того, следует принимать во внимание и то обстоятельство, что США привнесли в регион и ряд противоречий и проблем мировой политики, оказывающих негативное воздействие на центрально-азиатские политические процессы. При анализе этого вопроса не следует также упускать из виду и проблему активного участия США в процессе внешнего конструирования региона.

В целом же, исследуя эволюцию интересов этой страны в Центральной Азии, следует иметь в виду, что в условиях специфических центрально-

азиатских политических процессов США было трудно рационализировать свою политику.

Интересы США в регионе неоднократно претерпевали значительные изменения, вызванные также и постоянно эволюционирующей ситуацией в самой этой стране. К одним из последних по времени изменений можно отнести выступление помощника госсекретаря по делам Южной и Центральной Азии Р. Блейка. Выступая на форуме Института Центральной Азии и Кавказа в январе 2012 года, он заявил, что интересы США в Центральной Азии лежат в двух плоскостях: безопасность и демократизация, при этом ни один из этих аспектов не должен превалировать. «Мы считаем, что наши цели в Центральной Азии не должны носить альтернативный характер: или обеспечение безопасности и или права человека, так как успех в одном вопросе помогает решить проблемы в другой сфере или создать для этого благоприятные условия»²⁶¹. Он определил следующие категории интересов США в Центральной Азии²⁶²:

- урегулирование ситуации в Афганистане. На первый план выходит не военное сотрудничество и обеспечение странами региона функционирования Северной сети поставок, а усиление экономического сотрудничества стран региона с Афганистаном;
- региональная интеграция с вовлечением в этот процесс Афганистана: строительство дорог, мостов, трубопроводов ЛЭП, открытие рынков, снижение таможенных барьеров и привлечение ПИИ, а также содействие вступлению стран региона в ВТО;
- рост экономик стран региона: обеспечивается за счет развития энергетического сектора, который, в свою очередь, будет способствовать интеграции стран региона и Афганистана.

Представляется, что интересы США во внешнеполитических процессах нацелены, во-первых, на обеспечение своего долгосрочного присутствия в ре-

²⁶¹ См.: *Blake R.* U. S. Policy in Central Asia (25 янв. 2012) // URL: <http://www.state.gov/p/sca/rls/rmks/2012/182643.htm>

²⁶² Там же.

гионе и недопущение создания политического союза России и Китая; во-вторых, на установление контроля над энергетическими ресурсами региона (в первую очередь, Каспийского бассейна); в-третьих, на интегрирование региона в мировую экономику под своим контролем.

Экономические интересы: необходимость расширения и диверсификации источников энергетических ресурсов в экономике США ввиду того, что регион богат месторождениями нефти и газа. Об этом указывается в Докладе Совета национальной безопасности США «Стратегия национальной безопасности в новом веке» (1997 г.), где Каспийский регион объявляется зоной жизненно-важных национальных интересов США, что было закреплено в последующих стратегиях 1998 и 1999 годов²⁶³.

Как уже отмечалось выше, США принимали деятельное участие в проектировании Центральной Азии извне. В связи с этим, важно показать это участие на примере ряда наиболее крупных проектов, отражающих эволюцию американских интересов в регионе

Реализация данных интересов осуществлялась в контексте южно-азиатской политики США в рамках стратегии «Большой Центральной Азии». В марте 2005 года директором Института Центральной Азии и Кавказа при Вашингтонском университете Джона Хопкинса Ф. Старром была разработана концепция партнерства Большой Центральной Азии для Афганистана и его соседей, цель которой состоит в разработке геополитического новообразования, объединяющего страны региона вокруг Афганистана. В соответствии с ней Центральная Азия должна превратиться в безопасную зону суверенных либеральных демократий. Они должны были функционировать на принципах рыночной экономики, ценностях парадигмы прав и свобод человека и поддерживать партнерские отношения с США²⁶⁴. При этом Ф. Старр подчеркивает важность гибкого подхода США в своих требованиях в области демократи-

²⁶³ См.: *Арин О.* Россия на обочине мира (15 авг. 2012) // URL: http://olegarin.com/olegarin/Rossia_na_obocine_mira.html

²⁶⁴ См.: *Davis J., Sweeney M.* Central Asia in US Strategy and Operational Planning: Where do we go from here? ...

зации государств, так как жесткий подход может стать причиной враждебного отношения этих государств к США²⁶⁵.

Подтверждением того, что изложенные Ф. Старром идеи соответствовали перспективным направлениям внешнеполитической стратегии США в регионе и были приняты к практической реализации, служат следующие факты:

- в октябре 2005 года, во время поездки по странам региона, госсекретарь США К. Райс впервые озвучила ключевой тезис проекта «Большая Центральная Азия». Она заявила о том, что США рассматривают Афганистан в качестве составной части Центральной Азии и объявила о новой инициативе Агентства США по торговле и развитию содействовать инфраструктурной интеграции стран Центральной Азии²⁶⁶;

- в 2006 году произошли структурные изменения в Государственном департаменте США. Вопросы Центральной Азии, которые ранее курировало Европейское бюро, были переданы в ведение Бюро по делам Южной Азии. Это позволило упростить взаимодействие между Государственным департаментом и Министерством обороны США, которое еще в 1999 году включило регион Центральной Азии в сферу ответственности Центрального командования вооруженных сил, куда входят страны Южной Азии, Ближнего и Среднего Востока²⁶⁷;

Однако данный подход доказал свою несостоятельность и неэффективность, во-первых, ввиду того, что Афганистан воспринимался центрально-азиатскими республиками как источник нестабильности, терроризма и наркотрафика. Во-вторых, развитие аграрного сектора, который является дотационным в странах региона, а в Афганистане сосредоточен на выращивании опийного мака, может способствовать не только интеграции региона на основе схожего типа хозяйственной деятельности, но и увеличению масштабов наркотрафика. В-третьих, говорить об успехах в этой стране демократических преобра-

²⁶⁵ См.: *Старр Ф.* Партнерство для Центральной Азии: Дефицит внимания... – С. 10.

²⁶⁶ См.: *Комиссина И. Н.* Большая Центральная Азия versus ШОС... – С. 88.

²⁶⁷ Там же. – С. 89.

зований, которые должны были стать той почвой, на которой должна была осуществляться интеграция региона вокруг Афганистана, было трудно²⁶⁸.

Учитывая ошибки, допущенные при реализации стратегии «Большой Центральной Азии», в качестве новой основы интеграции региона США разработали концепцию «Нового Шелкового пути», впервые озвученную экс-главой Государственного департамента США Х. Клинтон в ходе ее визита в Индию. В основе данной концепции лежит тот же расширенный подход к Центральной Азии, что и в стратегии «Большой Центральной Азии». Однако в ее рамках предполагается превращение Афганистана не в демократический центр региона, а в торговый и транспортный узел, что, с одной стороны, будет способствовать стабилизации обстановки в Афганистане на фоне роста экономического благополучия населения. Так, Х. Клинтон в Нью-Йорке на встрече с представителями внешнеполитических ведомств 30 стран, включая представителей из соседних с Афганистаном государств, заявила: «...стабильность и безопасность находятся в тесной связи с экономическим ростом»²⁶⁹.

Однако отдельные эксперты, в частности Б. Челлани, профессор стратегических разработок Центра политических исследований в Нью-Дели, полагают, что действительной целью проводимого в регионе политического курса в долгосрочной перспективе является изоляция Китая²⁷⁰. В среднесрочной перспективе осуществление проекта «Нового Шелкового пути» представляется маловероятным. Во-первых, ввиду отсутствия достаточно глубоких исторических и культурных связей между Центральной и Южной Азией. Во-вторых, из-за предстоящего вывода войск из Афганистана и возможных попыток воспользоваться этой ситуацией террористическими и экстремистскими группировками на фоне нестабильной политической системы Афганистана. В-

²⁶⁸ См.: Акматалиева А. От идеи Большой Центральной Азии до стратегии «Новый Шелковый путь» (11 июня 2012) // URL: <http://analiz.kg/analytics/125-ot-idei-bolshoj-czentralnoj-azii-do-strategii-lnovyj-shelkovyj-put>

²⁶⁹ *Hormats R. D.* The United States' «New Silk Road» Strategy: What is it? Where is it Headed? (29 сент. 2011) // URL: <http://www.state.gov/rls/rmk/2011/174800.htm>

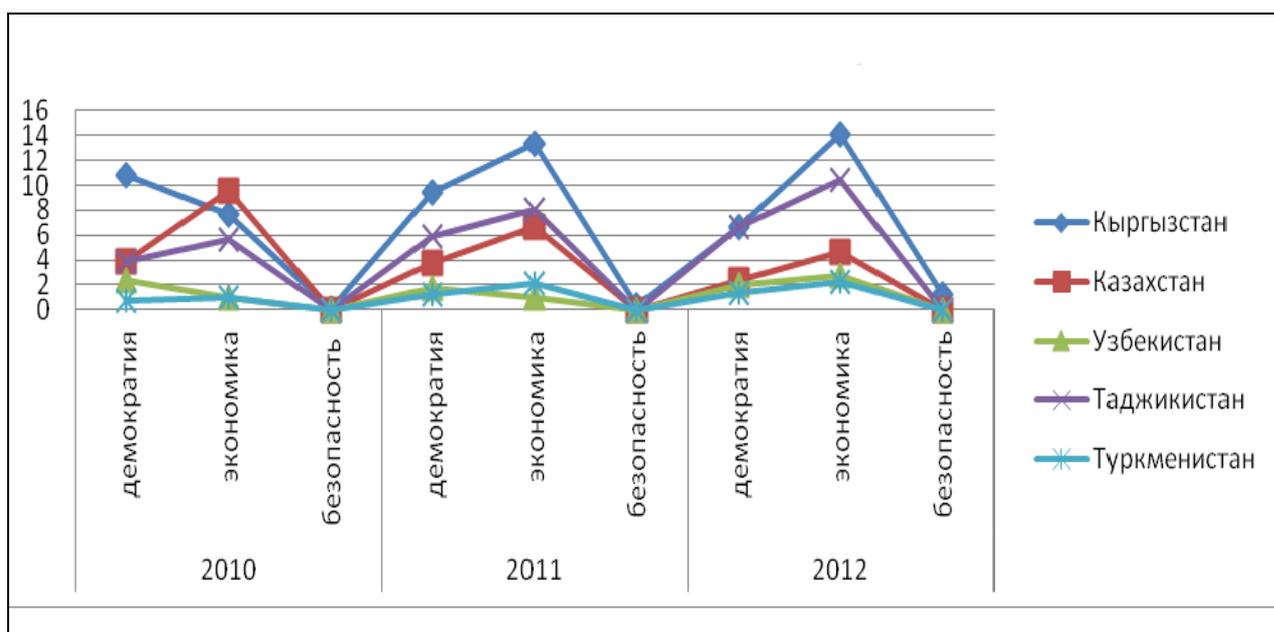
²⁷⁰ См.: Челлани Б. Азиатская «ось» Америки без петель (18 нояб. 2012) // URL: <http://inosmi.ru/usa/20121118/202301312.html>

третьих, предстоящих пертурбаций в политической конъюнктуре в ряде стран региона в свете предстоящей в них смены власти. В-четвертых, масштабности проектов по созданию транспортно-энергетических коммуникаций в макрорегионе «Центральная Азия + Южная Азия», В-пятых, участием стран региона в евразийских проектах, инициируемых Россией.

Поворот США от демократической риторики в Центральной Азии к экономическому базису доказывает динамика показателей объемов помощи американского правительства странам региона в сфере прав человека и демократии, экономическом секторе и секторе безопасности.

Диаграмма 1

**Объемы помощи странам Центральной Азии
по линии правительства США***

* Диаграмма составлена нами на основе статистических данных официального сайта: <http://foreignassistance.gov/countryIntro.aspx>

Таким образом, геополитические стратегии США, разрабатываемые в отношении Центральной Азии, основаны на расширенной интерпретации региона в пространственно-политическом измерении и центральном положении в нем Афганистана и нацелены на закрепление США в регионе на долгосрочной основе и минимизацию влияния РФ и КНР. Они преследуют цель измене-

ния регионального баланса сил, что, в свою очередь, может привести к поляризации и конфронтации между входящими в него странами²⁷¹.

Таблица 1

**Сравнительный анализ геополитических концепций США
в Центральной Азии**

Общее	«Большая Центральная Азия»	«Новый Шелковый путь»
<ul style="list-style-type: none"> • Расширенный подход к интерпретации региона; • Цель: долгосрочное присутствие в регионе; • Снижение влияния РФ и КНР в регионе 	<i>Основа интеграции региона</i>	
	Демократические преобразования	Экономическая сфера
	<i>Основа развития транспортно-коммуникационной сети региона</i>	
	Аграрный сектор	Энергетическая отрасль
	<i>Подход к ситуации в Афганистане</i>	
	Афганистан добился прогресса в сфере демократических преобразований, укрепилась его система безопасности, стабилизировалась экономика	Афганистан все еще сохраняет угрозы нестабильности для региона. Урегулирование ситуации связывается с экономическим ростом

Однако альтернативой данным интеграционным инициативам выступает проект евразийской интеграции с ведущей ролью России, что на фоне общей многовекторности внешней политики стран региона приводит к их маятниковым движениям и, в свою очередь, затрудняет взаимодействие в этих процессах. Так, наряду с принятием Узбекистаном предложенной США технической помощи по вступлению в ВТО республика присоединилась к договору о зоне свободной торговли СНГ. Кыргызстан, активно лоббируя финансируемый Западом проект строительства железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан, предлагает разработать проект железной дороги Россия – Казах-

²⁷¹ См.: Комиссина И. Н. Большая Центральная Азия versus ШОС... – С. 95.

стан – Кыргызстан – Таджикистан, что можно рассматривать как механизм оказания давления на США. Кроме того, Казахстан стал членом Таможенного союза, Кыргызстан намерен это сделать в ближайшие годы, Таджикистан проявляет интерес к данному союзу. Вместе с тем, в военной сфере силы КСОР ОДКБ будут оснащены российскими образцами военной техники и оружия, что является альтернативой предложенной США и странами ЕС предоставить часть военной техники странам региона после вывода войск из Афганистана.

2.1.2. Интересы США во внутривосточных процессах ЦА

1991 год обозначил новую страницу в новейшей истории стран Центральной Азии, которые стали утверждаться на мировой арене в качестве полноправных независимых участников мировой политики. Приоритетной задачей, стоявшей в начале 1990-х годов перед государствами региона, стало форсированное освобождение от атавизмов советской системы и проблема выбора модели развития. Независимые государства Центральной Азии испытывали острую нужду в финансовой, технической и консалтинговой помощи. В достаточном объеме ее могли предоставить только международные финансовые организации, а также правительства развитых стран Запада во главе с США. Однако они в качестве условий предоставления этой помощи выдвигали требования демократических преобразований политической системы и либерализации экономики²⁷².

Суммируя интересы США в Центральной Азии в сфере воздействия их на внутривосточные процессы, можно выделить следующие их категории:

- *институциональные интересы* – заполнение идеологического вакуума, образовавшегося после распада СССР, принципами нелиберализма и демократическими ценностями;

²⁷² См.: *Иванов С. Г.* Роль внешнеполитических факторов в процессах трансформации экономики Кыргызской Республики... – С. 206.

- *экономические интересы* – перевод экономик стран региона на рельсы рыночной экономики на основе принципов неолиберализма;
- *интересы в военной сфере* – обеспечение постоянного военного присутствия в регионе.

В качестве методов достижения обозначенных интересов администрацией Белого Дома, наряду с традиционными, были использованы механизмы стратегии «мягкой силы», или не прямых действий. Они включали в себя инструменты политического, экономического и культурного давления, нацеленные на установление контроля над общественно-политическими системами государств региона, реформирования экономики и системы государственного управления на основе концепции «вовлечения», сформулированной помощником президента США по национальной безопасности Э. Лейком в 1993 году. Она предполагала оказание помощи странам постсоветского пространства в процессах демократизации политических систем и либерализации экономик²⁷³.

Нормативно-правовой основой политики США в этот период в отношении постсоветских стран, в т. ч. центрально-азиатских, становится закон «О поддержке свободы», принятый в 1992 году. На его основе был создан Государственный департамент по предоставлению помощи странам Европы и Азии и принята Стратегия помощи и экономического сотрудничества для Центральной Азии. В данном документе были определены основные принципы и условия предоставления финансовой помощи центрально-азиатским государствам с целями: укрепления светского режима правления, осуществления демократических преобразований, внедрения рыночных механизмов в экономику, создания условий для деятельности НПО и политических партий²⁷⁴.

²⁷³ См.: *Казанцев А. А.* Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы (5 апр. 2012) // URL: <http://www.eurasian-defence.ru/node/22657>

²⁷⁴ См. *Саидмуродов А. Л.* Эволюция политики США в отношении Республики Таджикистан: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2012 // URL: <http://www.pandia.ru/text/77/316/50130.php>

2.1.3. Экономические программы для Центральной Азии: цели и результаты

Результативность предлагаемой американской помощи в аспекте степени либерализации экономики сильно варьировались в странах региона, что было, в первую очередь, обусловлено разными стартовыми возможностями их экономик.

Рыночная экономика по западным лекалам характерна для Кыргызстана, который единственный из центрально-азиатских республик провел ее максимальную либерализацию. С одной стороны, это было обусловлено отсутствием крупных месторождений углеводородов, как, например, в Казахстане или Узбекистане, с другой – преобладанием политических и узкокорыстных интересов в среде элиты над доминантами экономической рациональности. В итоге, Кыргызстан фактически потерял контроль над процессами функционирования экономики в обмен на предоставляемые кредиты и гранты. Важным моментом в этом отношении явилось подписание руководством страны Вашингтонского консенсуса, который фактически способствовал вовлечению страны в зависимость от мировых финансовых институтов и США. Кыргызстан испытал на себе весь спектр деструктивных результатов применения его принципов, на фоне поспешного вступления в ВТО, которое сопровождалось принятием республикой на себя многих дополнительных, но обременительных и невыгодных обязательств²⁷⁵.

В настоящее время в экономике Кыргызстана ее доминирующим сектором продолжает оставаться экстенсивное сельское хозяйство полунатурального типа²⁷⁶. В то же время, предлагаемые США для страны рекомендации развития аграрного сектора могут быть применены только в странах с развитой аграрной экономикой, при наличии достаточного количества земель сельско-

²⁷⁵ См.: *Галушина Е. А.* Членство Кыргызстана в составе ВТО: угрозы и возможности (13 янв. 2003) // URL: <http://www.krsu.edu.kg/vestnik/2003/v1/a06.html>

²⁷⁶ См.: *Омаров Н. М.* Государства ЦА в эпоху глобализации: поиски стратегии развития. – Бишкек, 2008. – С. 81.

хозяйственного назначения, что не соответствует географическим параметрам Кыргызстана²⁷⁷.

В итоге, насущными проблемами для Кыргызстана стали высокий уровень безработицы, связанные с ней трансформации в социальной стратификации общества: криминализация, рост коррупции, уровня бедности и социальной напряженности. Однако, несмотря на рост социально уязвимых слоев населения, государство в соответствии с предписаниями международных доноров в рамках Вашингтонского консенсуса проводило политику по сокращению государственных расходов на социальные нужды, ограничению бюджетных ассигнований на образование и здравоохранение.

Решающую роль в проведении руководством страны данного социально-экономического курса сыграло Американское агентство по международному развитию (ЮСАИД), представители которого участвовали в расширенных заседаниях Кабинета министров КР по разработке стратегических программ развития экономики. Под руководством ЮСАИД была «коммерциализирована» система здравоохранения республики, реформирована система налогового управления и формирования государственного бюджета, разработано коммерческое законодательство, созданы НПО и СМИ. За 20 лет ЮСАИД инвестировало в Кыргызстан около 500 млн долларов. В настоящее время оно разрабатывает стратегический план по развитию Кыргызстана на ближайшие 5 лет.

В области экономики Агентство уделяет основное внимание развитию предпринимательства в Кыргызстане, созданию благоприятных условий для иностранных инвесторов, снижению торговых барьеров и расширению доступа к ресурсам и информации. В 2012 году ЮСАИД реализует следующие проекты в области экономики: Кыргызский проект снабжения и развития агробизнеса; Программа поддержки регионального трансграничного водного диалога стран Центральной Азии; Программа местного развития; Программа под-

²⁷⁷ См.: *Верещагин А. А.* Геополитическая конкуренция США, КНР и РФ в Кыргызской Республике... – С. 110.

держки энергоэффективности в Центральной Азии; Проект по реформированию экономической политики; Проект по улучшению бизнес-среды.

Однако вопреки оптимистичным прогнозам экспертов международных финансовых институтов и доноров последовательное осуществление политики вашингтонского консенсуса не привело к экономическому подъему. Так, по итогам 2008 года Кыргызстан, на фоне деиндустриализации экономики, роста внутренних и внешних государственных долгов, дестабилизации валютных и финансовых рынков, роста уровня коррупции, усиления социального напряжения, снижения реальных заработных плат, социальных выплат и в целом уровня жизни населения и как следствие к сокращению деловой активности в реальном секторе экономики, вошел в двадцатку самых бедных стран мира²⁷⁸.

В этом отношении действия соседних с Кыргызстаном республик (Узбекистана и Казахстана) были умереннее и детерминированы, во-первых, наличием крупных доходных предприятий в энергетическом секторе, над которыми новое руководство стремилось сохранить свой контроль; во-вторых, приоритет социально-политической стабильности перед экономической открытостью, реализуемой посредством «шоковой терапии». Так, в Узбекистане стратегические отрасли экономики, в первую очередь, нефтегазовая и горнодобывающая промышленность, сосредоточена в руках государственно-акционерных компаний. Такая же ситуация и в Казахстане, где существует монополия государственных компаний в нефтегазовом секторе экономики. Процессам либерализации менее всего подверглись Туркменистан и Таджикистан.

Таким образом, внешнеэкономическая деятельность США и подконтрольных им международных финансовых институтов в Центральной Азии ограничивалась, главным образом, финансово-кредитными операциями и предоставлением финансовых и товарных грантов²⁷⁹. При этом внешняя помощь и дерегулирование экономики, вопреки прогнозам международных организаций и США, не стала основой экономического развития стран региона. Доказа-

²⁷⁸ См.: *Иванов С. Г.* Роль внешнеполитических факторов в процессах трансформации экономики Кыргызской Республики... – С. 209–210.

²⁷⁹ Там же. – С. 130.

тельством тому является тот факт, что, несмотря на полученные от доноров 1,7 млрд долларов финансовой помощи за первое десятилетие независимого существования, Кыргызстан экономически сильно отстал от своих соседей²⁸⁰. По итогам 2011 года Кыргызстан по уровню ВВП на душу населения (920 долл.) опережает только Таджикистан (870 долл.). В то же время показатели стран, отказавшихся от широкомасштабных реформ по либерализации экономики: Казахстана (8220 долл.), Туркменистана (4110 долл.) и Узбекистана (1510 долл.) за этот же год – позволили отнести их к группе стран со средним уровнем дохода на душу населения, по версии Всемирного банка²⁸¹.

2.1.4. Проекты демократизации Центральной Азии и результаты их реализации

Несмотря на то, что демократический транзит встал на второе место по приоритетности в отношениях между США и странами Центральной Азии после военного сотрудничества, он продолжает оказывать значительное влияние на содержание этого сотрудничества. В качестве стратегии для его реализации была принята стратегия «агрессивного реализма», которая базировалась на двух принципах: защита национальных интересов США и формирование проамерикански настроенных политических режимов, что предполагает их демократизацию, ввиду того что США являются мировым форпостом демократии²⁸².

Так, в 2002 году в США был выпущен специальный информационный доклад Государственного департамента, в котором Узбекистан и Кыргызстан, где были размещены военные авиабазы США, были включены Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда в разряд стран особого внимания. Оно

²⁸⁰ См.: Кыргызская Республика: общая оценка состояния страны. Система ООН в Кыргызской Республике. – Бишкек, 2003. – С. 11.

²⁸¹ См.: Рейтинг стран мира по уровню валового национального дохода на душу населения: информация об исследовании (14 марта 2013) // URL: <http://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gni/rating-countries-gni-info>

²⁸² См.: *Казанцев А. А.* Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы...

предполагало оказание поддержки оппозиционным политическим партиям, развитие СМИ и НПО²⁸³. Кроме того, США, используя свои лидерские позиции во Всемирном банке, способствовали выделению Кыргызстану кредитных ресурсов на сумму 33,85 млн долларов в 2009 году, в 2010 году – 37 млн долларов и в 2011 – 136 млн долларов. В период с января 1999 года по ноябрь 2012 года ВБ реализовал в республике 43 проекта на сумму 280,82 млн долларов²⁸⁴.

В политической сфере проекты по либерализации экономики дополнялись принципами демократизации политической системы государства, концептуальной основой которых являлась парадигма демократического транзита. Она была разработана в конце 1970-х годов американским аналитическим сообществом на основе интерпретаций образцов демократических преобразований в Южной Европе, Латинской Америке и некоторых странах Азии и на ранних работах ученых-транзитологов (О. Доннелл, Ф. Шмиттер) В основе этой парадигмы лежат пять принципов:

1) любая страна, стремящаяся свергнуть диктатора, находится на пути к построению демократии;

2) процесс демократизации подразумевает политическую либерализацию авторитарного режима, падение режима и зарождение новой демократической системы через принятие новой конституции, усиление гражданского общества, привыкание населения к демократическим нормам;

3) решающая важность выборов, которые служат не только механизмом легитимации нового правительства, но и способствуют расширению и углублению политического участия граждан и подотчетности правительства;

4) специфика переходных стран, в т. ч. уровень экономического благосостояния, политическая история, институциональное наследие, этнический колорит, социокультурные традиции не оказывают решающего влияния на процесс демократизации;

²⁸³ См.: *Казанцев А. А.* Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы...

²⁸⁴ См.: *Верещагин А. А.* Геополитическая конкуренция США, КНР и РФ в Кыргызской Республике... – С. 109.

5) процесс государственного строительства вторичен по отношению к процессу демократизации²⁸⁵.

Однако эти принципы уже к концу 1990-х годов доказали свою несостоятельность. В ряде стран Центральной Азии, в частности в Узбекистане, Туркменистане и Казахстане, попытки демократизации провалились и функционировали авторитарные режимы. В Таджикистане процесс демократизации был невозможен в условиях гражданской войны 1992–1997 годов, которая впоследствии способствовала утверждению единоличной власти Э. Рахмона. Кыргызстан, стоявший в фарватере не только экономических, но и политических инициатив по трансформации всей политической системы в русле демократизации и либерализации и получивший звание «островка демократии», уже два раза за его короткий период суверенного существования сотрясали неконституционные смены власти, а «островок демократии» превратился в оплот нестабильности. В итоге, в западном научном сообществе все страны региона стали относиться к так называемой «серой зоне». Для неё характерны полудемократии, формальные демократии, электоральные демократии, нелиберальные демократии, фасадные демократии, виртуальные демократии, псевдodemократии²⁸⁶.

При этом политическую систему Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана в соответствии с классификацией, предложенной американским экспертом по вопросам демократического транзита Томасом Карозером в его статье «Закат парадигмы транзита», можно отнести к системе «доминантной власти». В них существует ограниченное политическое пространство, функционирует ряд демократических институтов, но вместе с тем одна политическая группировка (движение, партия, династия, лидер) доминируют над всей политической системой, сосредоточивая в своих руках значительные экономические ресурсы. В таких странах происходит стирание границ между государством и правящей силой²⁸⁷.

²⁸⁵ См.: Carothers T. The end of the transition paradigm // Journal of democracy. – 2002. – № 13/1. – Р. 6.

²⁸⁶ Там же. – Р. 10.

²⁸⁷ Там же. – Р. 10.

Таким образом, в фарватере демократизации политической системы и либерализации экономического сектора в регионе стоит Кыргызстан. Данный факт подтверждается результатами исследования «Индекс демократии стран мира 2012 года», проведенного компанией The Economist Intelligence Unit. В списке из 167 стран Кыргызстан по уровню демократии внутри государства занимает 106 место и входит в группу стран с гибридным режимом. В то же время остальные страны региона: Казахстан (143 место), Таджикистан (151 место), Туркменистан (161 место) и Узбекистан (161 место) по данному показателю относятся к авторитарным режимам²⁸⁸.

Подобная оценка детерминирована двумя факторами. Во-первых, в Кыргызстане, в отличие от Казахстана, Узбекистана и Туркменистана, отсутствуют крупные месторождения углеводородов или газа, доходы от эксплуатации которых стали «подушкой безопасности» для этих республик после распада СССР. Во-вторых, демократический имидж выступал для республики единственным средством получения зарубежных кредитов и грантов. Однако, несмотря на огромную внешнюю помощь и четкое следование всем принципам и нормам неолиберализма в экономической сфере, страна, наряду с Таджикистаном, который пережил гражданскую войну и позже всех республик региона приступил к мирному государственному строительству, находится на периферии регионального развития.

Кроме того, присутствие США в Кыргызстане ограничивает сферу влияния России и Китая. В качестве же механизма оказания давления на Кыргызстан используется механизм предоставления помощи и кредитов, основанный на степени соответствия его действий рекомендациям вашингтонского консенсуса, которые несостоятельны с точки зрения экономического роста и нацелены на удовлетворение своекорыстных интересов руководства страны. Такая экономическая зависимость Кыргызстана от США позволяет последним решать свои геополитические задачи.

²⁸⁸ См.: Economist Intelligence Unit: Индекс демократии стран мира 2012 года (19 марта 2013) // URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/03/19/5679>

Узбекистан и Казахстан, за счёт своих ресурсов углеводородов, в отношениях с США выбрали более умеренный курс в сфере демократизации и либерализации своих политических систем. Кыргызстан по уровню ВВП, после всех предпринятых реформ, опережает лишь переживший гражданскую войну Таджикистан, а его политическая система отличается нестабильностью, что проявилось в двух неконституционных сменах власти за 20 лет независимого существования.

Другие агенты гражданского общества – НПО, финансируемые США, работают над определенными проектами, направленными, в первую очередь, на лоббирование интересов западного мира. При этом в начале 1990-х годов направленность НПО была, в основном, социально-экономической и экологической ввиду острых социально-экономических проблем, с которыми столкнулись страны региона после распада СССР. С 2000-х годов проекты НПО стали касаться вопросов справедливого государственного управления, прав человека, судебной системы, независимых СМИ и проведения выборов²⁸⁹. Однако их деятельность, также как и партий, в отдельных странах региона регламентирована по-разному. Наиболее благоприятные условия для НПО были созданы в Кыргызстане. В Таджикистане НПО стали появляться значительно позже, чем в остальных государствах из-за гражданской войны, и цель их деятельности состоит в пропаганде американских ценностей и американского образа жизни. Базовой аудиторией таких американских НПО, как ЮСАИД, Фонд «Евразия Центральной Азии», «Каунтерпарт Интернэшнл», «Прагма», является молодежь²⁹⁰.

В Туркменистане даже не существует обозначения «НПО», ввиду того что оно несет отрицательную нагрузку. Вместо него используется словосочетание «общественная ассоциация», которая регистрируется в качестве суборганизации правительственной организации: союза молодежи или союза женщин²⁹¹.

²⁸⁹ См.: *Griffen J., Earle L., Buxton C. The Development of Civil Society in Central Asia (2005)* // URL: www.dfid.gov.uk/r4d/.../R7649-report.pdf

²⁹⁰ См. *Саидмуродов А. Л. Эволюция политики США в отношении Республики Таджикистан...*

²⁹¹ См.: *Griffen J., Earle L., Buxton C. The Development of Civil Society in Central Asia...*

В Узбекистане до 2005 года существовало нейтрально-лояльное отношение государства к деятельности неправительственных организаций, которых насчитывалось более 5000²⁹². Однако после Андижанских событий большинство из них были закрыты ввиду ужесточения условий их регистрации и осуществления банковских операций. Государство превратилось в практически единственный источник финансирования деятельности НПО посредством выделения грантов и субсидий из государственного бюджета через Общественный фонд по поддержке НПО для выполнения ими государственных заказов, нацеленных на пропаганду инициатив и политического курса в целом руководства страны.

Представляется, что количество НПО и их направленность в той или иной стране может выступать индикатором того, в какой степени каждая из стран подверглась процессам демократизации.

Таблица 2

Количество НПО по странам Центральной Азии на 2004 г.*

Сектор	Казах-стан	Кыргыз-стан	Таджики-стан	Туркмени-стан	Узбеки-стан
Экология	81	0	37	20	38
Образование	83	212	87	13	38
Здравоохра-нение	87	129	44	15	46
Гендерные проблемы	71	236	45	31	41
Бизнес	52	145	31	4	0
Права челове-ка	44	146	18	0	0
СМИ	0	120	21	3	15

*Таблица составлена на основе данных источника: *Griffen J., Earle L., Buxton C. The Development of Civil Society in Central Asia (2005)* // URL: www.dfid.gov.uk/r4d/.../R7649-report.pdf

²⁹² См.: *Griffen J., Earle L., Buxton C. The Development of Civil Society in Central Asia...*

Тем не менее, значительный отрыв в количестве НПО по секторам общественной деятельности позволяет заключить, что лидером по количеству НПО является Кыргызская Республика. Их финансирование и контроль производится через различные правительственные и неправительственные американские и международные организации: ЮСАИД, Национальный центр демократии, ПРООН, Национальный демократический институт США, Фонд Сороса и др.

НПО могут вмешиваться во внутренние общественно-политические процессы страны. На это указывает американский специалист по внешней политике США Р. Каган: «В 2003–2005 годах западные демократические страны и НПО предоставили прозападным и продемократическим партиям и политикам и НПО финансирование и организационную помощь, позволившую им свергнуть автократов в Грузии, Кыргызстане, на Украине и в Ливане. В этих революциях европейцы и американцы видели выражение естественного стремления к единственно возможной точке политической эволюции – либеральной демократии»²⁹³. Эти слова подтверждаются и официальным заявлением Дж. Буша, озвученном в 2005 году о том, что с 2001 года США выделили более 4,6 млрд долларов на поддержку «цветных революций»²⁹⁴. Американский политолог Р. Россофф также отмечает: «Два Джорджа – Буш и Сорос – не были одиноки в продвижении “цветных” геостратегических трансформаций от Балкан до бывшего СССР и Ближнего Востока. Они получали щедрую помощь от таких организаций, как: Фридом хауз, Национальный центр демократии, Национальный демократический институт, Международный республиканский институт и другие»²⁹⁵.

²⁹³ Каган Р. Грубое возвращение идеологий (27 сент. 2010) // URL: <http://inosmi.ru/stories/01/05/29/2996>

²⁹⁴ См.: Шарков Ю. Разные одинаковые «цветные революции» // Международная жизнь. – 2008. – №5. – С. 133.

²⁹⁵ Rossoff R. Kyrgyzstan Another Soros «Color» Revolution (11 апр. 2010) // URL: http://groups.google.com/group/total_truth_sciences/browse_thread/thread/7ba57cbacba48e2

При этом объем ежегодно выделяемых средств для НПО может превышать бюджет государственных ведомств Кыргызстана²⁹⁶. В результате, НПО выполняют двойную функцию. С одной стороны, они собирают информацию об общественно-политическом климате в стране и служат его дестабилизации, с другой – выступают в качестве помощников в ликвидации последствий этой дестабилизации, что дает им гарантии долгого пребывания в стране²⁹⁷.

Помимо поддержки деятельности неправительственных организаций США стремится воздействовать на внутреннюю политику стран региона посредством реализации в них многочисленных программ. Так, ЮСАИД в области «демократического и справедливого управления» только в Кыргызстане реализует следующие программы: «Ак-Жол – путь к миру через процветание»; Поддержка правовой защиты сообществ в Кыргызстане; Программа верховенства права; Правовая поддержка гражданского общества; Программа ЮСАИД и ИДЛО по укреплению судебной системы Кыргызстана; Программа по поддержке Жогорку Кенеша; Программа по поддержке выборов; Продвижение демократии через независимый тред-юнионизм; Проект по прозрачному местному управлению и сотрудничеству; Развитие политических партий; совместный проект ЮСАИД и ПРООН «Содействие прозрачности государственного бюджета»; Укрепление прав человека в Кыргызстане²⁹⁸. При этом в области здравоохранения программы ЮСАИД нацелены на реформирование управления и финансирования системы здравоохранения через его коммерциализацию, ликвидацию государственных программ в этой области и расширение доступа к коммерческому медицинскому обслуживанию²⁹⁹.

В области образования программы Агентства направлены на введение в Кыргызстане западных образовательных стандартов. В республике функцио-

²⁹⁶ См.: *Тиленов Ж.* Кыргызстан. Что такое НПО и из чьих рук они едят (19 сент. 2012) // URL: <http://kabarlar.kg/index.php?newsid=2612>

²⁹⁷ См.: *Сатаров К.* Двойные стандарты ОБСЕ в Кыргызстане (14 дек. 2012) // URL: <http://rus.kg/news/policy>

²⁹⁸ См.: *Верещагин А. А.* Геополитическая конкуренция США, КНР и РФ в Кыргызской Республике... – С. 106.

²⁹⁹ Там же. – С. 104.

нирует Американский Университет в Центральной Азии, где студенты обучаются на английском языке, и многие из них получают дополнительно диплом колледжа Барр в Нью-Йорке. Также с каждым годом увеличивается количество студентов и школьников, которые посетили США в рамках американских программ по обмену и поддерживают связь с посольством США. Кроме того, реализуется ряд программ: Программа кредитования студентов; Проект по улучшению качества образования; Содействие общереспубликанскому тестированию³⁰⁰.

Наряду с этим ЮСАИД оказывает значительную гуманитарную помощь Кыргызстану в рамках программ: Продовольствие во имя мира (поддержка уязвимых слоев населения); Проект по снижению незащищенности детей от стихийных бедствий в Кыргызстане³⁰¹. Значительная гуманитарная помощь оказывается по линии правительства и посольства США. Посольство США заявило, что с января по ноябрь 2012 года были осуществлены следующие мероприятия: в селе Маевка отремонтированы Дом культуры и Молодежный центр; новый Молодежный центр открыт в селе Жаны-Жер Сокулукского района; правительство США улучшает доступ к электричеству и уличному освещению в Сузакском районе, г. Узгене, с. Фуркат; выпущена «Настольная книга судьи» для повышения качества судебных решений; летний лагерь бизнес-лидерства-2012 поддерживает молодых предпринимателей; в Таласе открывается мини-футбольное поле; открыт новый наркопост при поддержке США; в Бишкеке начат ремонт Центра реабилитации детей; запущена Программа поддержки семеноводческого хозяйства в Кыргызской Республике; расширяется программа для иностранных студентов³⁰².

Однако после 2005 года риторика внешнеполитического курса США начинает меняться. На фоне подавления волнений в Андижане и в целом усиления авторитарных режимов в регионе, США отходят от жесткой привязки

³⁰⁰ См.: *Верещагин А. А.* Геополитическая конкуренция США, КНР и РФ в Кыргызской Республике... – С. 100, 105.

³⁰¹ Там же. – С. 103.

³⁰² Там же. – С. 104–105.

декларируемых внешнеполитических целей принципам демократии. В научном сообществе стали разворачиваться дискуссии о провале парадигмы демократического транзита, не учитывающей местных особенностей³⁰³. Для сохранения своего геополитического веса в регионе США, на фоне военной операции в Афганистане, стали отводить приоритетное значение сотрудничеству с центрально-азиатскими республиками в военной сфере. Кроме того, такая авторитетная международная организация в области защиты прав человека, как Хьюман Райтс Вотч, в своем докладе за 2012 год также подчеркивает пассивность со стороны США в отношении нарушений прав человека в странах региона в свете усиления их влияния в экономической сфере, энергетическом секторе и в области безопасности³⁰⁴.

2.1.5. Военное сотрудничество: цели, формы, итоги

На фоне кризисных явлений в экономике стран региона и неоднозначных результатов попыток демократизации, политической нестабильности в Кыргызстане, авторитаризма в Узбекистане, Казахстане, Таджикистане и фактически доведенного до абсолюта в Туркменистане, а также военной операции в Афганистане интересы США в регионе претерпели определенную трансформацию. В 2005 году Д. Фрид, помощник госсекретаря по делам Европы и Евразии, в своем выступлении перед подкомитетом по делам Ближнего Востока и Центральной Азии Комитета по международным отношениям Конгресса США обозначил три главные цели американской политики с Центральной Азией³⁰⁵:

- безопасность (борьба с терроризмом, военные базы, учения в рамках программ НАТО);
- экономическое сотрудничество (энергетический сектор, свободная торговля и открытые рынки);

³⁰³ См.: *Carothers T.* The end of the transition paradigm... – P. 10.

³⁰⁴ См.: Human Rights Watch: В 2012 году в странах Центральной Азии повсеместно нарушались права человека URL (1 февр. 2013) // <http://www.fergananews.com/news/20153>

³⁰⁵ См.: *Fried D.* A strategy for Central Asia (28 окт. 2005) // URL: <http://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/rm/55766.htm>

- продвижение ценностей демократии (права человека, гражданское общество).

В следующем, 2006 году помощник госсекретаря новой структуры – Бюро по делам Южной и Центральной Азии – Р. Баучер охарактеризовал данные цели США в русле действительных интересов США в регионе³⁰⁶:

- обеспечение военного присутствия США в регионе на долгосрочной основе, путем расширения взаимодействия в вопросах безопасности под углом стабилизационных мероприятий в Афганистане, а также через переориентацию военно-технического сотрудничества стран региона на Запад через перевооружение национальных армий на образцы вооружений и военной техники НАТО;

- усиление позиций США в политической и экономической сферах стран региона посредством усиления их зависимости от подконтрольных США международных финансовых институтов и навязывания проведения более глубоких политических реформ, формирования новых и совершенствование уже существующих НПО;

- снижение сотрудничества стран региона с РФ через финансирование экономических проектов, прямо или косвенно противостоящих интересам РФ, а также через снижение уровня их участия в ШОС и ОДКБ.

Однако полноценное военное сотрудничество может развиваться только в условиях наличия лояльных к США местных режимов.

США стали развивать сотрудничество со странами Центральной Азии в военной сфере с начала 1990-х годов в двух пересекающихся плоскостях: по линии НАТО, где они являются основным источником финансирования и, следовательно, имеют решающий голос, и на двусторонней основе. В 1991 году все страны региона вошли в Совет Североатлантического сотрудничества (трансформированный в 1997 году в Совет Евроатлантического

³⁰⁶ См.: *Верещагин А. А.* Геополитическая конкуренция США, КНР и РФ в Кыргызской Республике... – С. 94.

партнерства), а в 1994 году были инкорпорированы в программу НАТО «Партнерство ради мира».

Сотрудничество в двустороннем формате стало активно развиваться с началом военной операции США «Несокрушимая свобода» в Афганистане в 2001 году, когда на территории аэропорта Карши-Ханабад была развернута американская военная база для обеспечения поддержки ведения боевых действий в этой стране. Однако взаимоотношения между США и Узбекистаном в военной сфере напластовывались и обуславливались идеологическими доминантами. Как известно, после силового подавления волнений в Андижане в 2005 году и запрета со стороны Узбекистана на проведение их независимого международного расследования, администрация США приостановила оказание ему военной помощи. Президент Узбекистана, в свою очередь, принял решение о выводе американской военной базы из Термеза, приостановил участие в заседаниях СЕАП и в целом развернул внешнеполитический вектор в сторону Москвы и Пекина. Однако уже с 2007 года отмечается заметное «потепление» в отношениях двух стран, когда после визита в Узбекистан специального представителя НАТО по странам Центральной Азии и Кавказа Р. Симмонса Узбекистан возобновил участие в СЕАП и интенсифицировал участие в Программе «Партнерство ради мира». Уже в 2008 году Каримов согласился предоставить НАТО железнодорожный пограничный пункт «Термез-Хайратон» для перевозки невоенных грузов в Афганистан.

В начале 2011 года он впервые после Андижанских событий посетил Брюссель, где провел встречи с председателем Еврокомиссии Ж. М. Баррозу и генеральным секретарем НАТО А. Расмуссенем. За этим визитом последовал ряд событий, указывающих на интенсификацию отношений между США и Узбекистаном, в т. ч.: снятие запрета на поставки военного оборудования в Узбекистан, предоставление военной помощи в размере 11,8 млн долларов³⁰⁷, выход Узбекистана из ОДКБ, договоренность о предоставлении Узбекистану

³⁰⁷ См.: Демократия в Узбекистане – это нужность Америке (14 февр. 2012) // URL: <http://voprosik.net/demokratiya-v-uzbekistane-eto-nuzhnost-amerike>

значительной части военной техники после завершения операции в Афганистане, размещение на территории Узбекистана регионального представительства НАТО. При этом первоначальные опасения США относительно того, что военная помощь Узбекистану может отрицательно сказаться на ситуации с правами человека в республике и использоваться режимом для подавления своих оппонентов, в 2013 году сменяются риторикой необходимости ограничений прав человека для обеспечения безопасности страны перед угрозами экстремизма и терроризма³⁰⁸.

Интерес стран НАТО к Кыргызстану также связан с размещенной в 2001 году американской базой в аэропорту «Манас». Для Кыргызской Республики данный военный объект представляет собой, в первую очередь, возможность получения значительных финансово-экономических выгод. Так, продление пребывания американских военных в 2009 году напрямую зависело от повышения оплаты за использование аэропорта с 17 до 60 млн долларов³⁰⁹.

Вместе с тем процесс реформирования и перевооружения Вооруженных сил КР, при поддержке США, проходит под лозунгом демократизации правоохранительных и силовых структур. Так, в структурах Министерства обороны, Министерства внутренних дел, ГКНБ и Национальной гвардии активно действуют представители иностранных и международных спецслужб. В результате их деятельности в открытом доступе оказалась информация, относящаяся к сфере национальной безопасности. Также созданный в Бишкеке «Региональный институт специальных исследований» полностью находится на обеспечении американской стороны, а переведенные в его состав офицеры ГКНБ были

³⁰⁸ См.: Узбекистан переводит армию на стандарты НАТО и становится главным партнером США в Средней Азии (11 марта 2013) // URL: <http://debryansk-rus.org/2013/03/20/узбекистан-переводит-армию-на-станда>

³⁰⁹ См.: *Старчак М.* НАТО в обеспечении безопасности в Центральной Азии (13 авг. 2012) // URL: http://csef.ru/index.php?option=com_csef&view=article&aid=3536&Itemid=103(=ru

выведены из подчинения этого органа, что указывает на тот факт, что данная структура действует в интересах США³¹⁰.

Более всех остальных республик региона в степени реформирования своей армии по стандартам НАТО продвинулся Казахстан, находясь на том же уровне в рамках Программы «Партнерство ради мира», что и Узбекистан. Наименее вовлеченными в военные инициативы НАТО и США остаются Таджикистан и Туркменистан, которые находятся только на начальном уровне Программы «Партнерство ради мира». При этом военные подразделения Таджикистана слабо задействованы в учениях по этой программе³¹¹. На двусторонней основе проводятся совместные учения военных ведомств, пограничных служб и таможенных органов по борьбе с наркотической угрозой³¹². Кроме того, США предоставляют финансовую помощь вооруженным силам Таджикистана посредством трех программ: Программа зарубежного военного финансирования и Международная программа военного образования и подготовки, а также Программа экспортного контроля и безопасности границ³¹³.

Декларируемый Туркменистаном статус нейтралитета с 1995 года и автаркия политического режима до минимума сокращают военно-политическое партнерство с США и его участие в программах НАТО. Оно ограничивается курсами по безопасности, участием в проекте Совета Россия-НАТО по обучению афганских военных методам борьбы с наркотрафиком, а также предоставлением аэропорта в Мары для сил НАТО в случае непредвиденных обстоятельств.

Таким образом, в развитии военного сотрудничества стран Центральной Азии и США можно выделить два этапа: 1990-е годы – 2005 год и 2005–2013 годы. Вплоть до 2000-х годов военное сотрудничество между США и

³¹⁰ См.: *Верещагин А. А.* Геополитическая конкуренция США, КНР и РФ в Кыргызской Республике... – С. 115.

³¹¹ См.: *Старчак М.* НАТО в обеспечении безопасности в Центральной Азии...

³¹² См.: *Саидмуродов А. Л.* Эволюция политики США в отношении Республики Таджикистан...

³¹³ Там же.

странами региона оставалось неэффективным и декларативным ввиду того, что было подчинено демократической риторике и подтексту экономической либерализации. Расширение сотрудничества было обусловлено началом военной операции в Афганистане, когда на территории Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана были размещены военные базы НАТО, а вооруженные силы стран региона стали реформировать в соответствии со стандартами НАТО. Оно сопровождалось критикой режимов этих стран в нарушении прав человека и авторитарной направленности режимов этих стран. Однако жесткая позиция лидера Узбекистана заставила Вашингтон пересмотреть свою стратегию в отношении региона. С 2005 года на первый план вышли аспекты военного сотрудничества, нацеленного на перевооружение национальных армий по образцам НАТО, которое, согласно заявлению помощника государственного секретаря по Южной и Центральной Азии Р. Баучера, не способствует усилению военного потенциала этих стран, но связывает их с США³¹⁴.

Сложившаяся ситуация обусловлена тем, что США, стремясь переориентировать вооруженные силы центрально-азиатских стран на евроатлантические стандарты, руководствуются также и экономическими императивами, связанными с каспийскими нефтяными месторождениями и доминантами военной операции в Афганистане, то есть, использованием удобных транзитных путей вывода войск.

Кроме того, военнослужащие стран Центральной Азии проходят военную подготовку в военных учебных заведениях США и НАТО в рамках программы «Международное военное образование и подготовка». А в рамках программы «Центрально-азиатская инициатива по укреплению безопасности», предложенной в 2000 году главой Государственного департамента М. Олбрайт, США выделяют средства каждой стране для проведения мероприятий по укреплению границ и проведения военных реформ³¹⁵.

³¹⁴ См.: *Моисеев Н.* Ослабить влияние ШОС и ОДКБ – приоритетная задача государственного департамента США в ЦА (16 сент. 2006) // URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/2408/>

³¹⁵ См.: *Комиссина И. Н.* Большая Центральная Азия versus ШОС... – С. 84–85.

На этом фоне выход Узбекистана из ОДКБ в 1999 и 2012 годах и оказываемую ему военную помощь странами НАТО и США можно рассматривать как попытку внесения разногласий между странами-участницами ОДКБ и снижения интегрирующей роли и влияния России в регионе.

Резюмируя вышеприведенный анализ эволюции интересов США во внутриполитических процессах Центральной Азии, необходимо отметить, что США, используя механизмы «мягкой силы», оказывают воздействие на внутриполитические процессы стран региона по трем направлениям.

- *экономическому* – с целью либерализации экономики, как способа вовлечения региона в мировую экономику в качестве рынков сбыта и ресурсов;
- *политическому* – для создания институтов гражданского общества, в первую очередь НПО, финансируемых либо непосредственно правительством США, либо через международные организации, основная цель которых обеспечить прозрачность политических систем государств региона и, следовательно, поставить их под контроль США;
- *военному* – перевод вооруженных сил стран региона на евроатлантические стандарты с целью предотвращения их интеграции с РФ в военно-политической сфере.

Однако со стороны центрально-азиатских стран это воздействие на их внутриполитическую ситуацию в регионе вызывало как положительную реакцию – взаимодействие, так и отрицательную – в форме противодействия. Взаимодействие четко проявилось в первые годы после распада СССР, когда страны региона стремились избавиться от пережитков советской системы в экономике и государственном управлении на фоне острой нехватки материальных средств для проведения необходимых реформ и отсутствия альтернативных западных доноров. Вместе с тем Узбекистан, Казахстан и Туркменистан, обладая запасами углеводородов, стали противодействовать политике США. Оно выразилось в отказе от приватизации ряда предприятий и ограничении доступа инвесторов в стратегический для республик энергетический сектор, ограничении деятельности НПО и как результат усилении государст-

венного контроля над общественной жизнью. Однако даже в целом лояльном для США Кыргызстане, сильно зависимом от предоставляемых ими грантов и кредитов, проявляются элементы противодействия, что в определенной степени обусловлено особенностями развития местного сообщества, где после обретения независимости стали набирать силу процессы ретрадиционализации и архаизации политических процессов и институтов.

Взаимосодействие в военной сфере связано с необходимостью стран региона обеспечить национальную безопасность в свете роста угроз, исходящих от терроризма и религиозного экстремизма. Однако, преследуя цель ее обеспечения, центрально-азиатские республики стремятся получить и определенные финансово-экономические выгоды, что в отдельных случаях принимало форму противодействия политике, проводимой США. Например, непереносимым условием дальнейшего пребывания американской военной базы на территории Кыргызстана в 2009 году стало повышение арендной платы. При этом новое руководство страны после событий апреля 2010 года, приняв решение об отказе от размещения военной составляющей в гражданском аэропорту после 2014 года и общей направленности внешнеполитического курса на сотрудничество с РФ, заявляет о готовности создания логистического центра с участием как РФ, так и США³¹⁶. В случае с Узбекистаном важным моментом стала критика США его антидемократического внутривнутриполитического курса в свете Андижанских событий, что явилось отправной точкой более тесного сотрудничества республики с РФ. Однако приближающийся вывод войск из Афганистана и сопряженные с ним выгоды для Узбекистана (военно-техническое оснащение армии, инвестиции в строительство железных дорог в свете нарастающей тенденции разработки угольных месторождений) при отказе США от жесткой демократической риторики стали факторами сближения Узбекистана и США и охлаждения отношений с РФ.

³¹⁶ См.: *Бегалиева Н.* Россия и США помогут создать логистический центр в аэропорту «Манас» (18 янв. 2013) // URL: http://www.vb.kg/doc/211749_rossiia_i_ssha_pomogyt_soizdat_logisticheskiy_centra_v_aeroportu_manas.html

**Результаты оказываемого влияния США
на страны Центральной Азии**

Сфера	Воздействие	Противодействие	Взаимосодействие
Государственное управление	Финансирование деятельности НПО, консультации и финансирование реформ	Подконтрольность НПО государству, процессы ретрадиционализации политических отношений и институтов	Стремление ликвидировать пережитки советской системы государственного управления и командно-административной модели экономики
Экономика	Кабальная система кредитования и предоставления грантов	Сохранение значительной доли государственного участия в экономике	
Военное сотрудничество	Размещение военных объектов, перевооружение, перевод ВС на стандарты НАТО	Зависимость сотрудничества от финансово-экономических выгод	Разрешение использовать свою территорию как плацдарм для проведения военной операции в Афганистане
Интеграционные инициативы	Финансирование инфраструктурных проектов	Участие в евразийских интеграционных проектах	Участие в ряде выгодных проектов

Вместе с тем влияние США на внутри- и внешнеполитические процессы стран Центральной Азии невозможно оценить и сравнить с позиции общего воздействия на каждую из них. В зависимости от преобладания того или иного

формата присутствия США (военное, инвестиции или кредиты) страны региона можно разделить на четыре группы:

- страны, в наибольшей степени, вовлеченные в политико-экономические реформы, проводимые под эгидой США (Кыргызстан);
- страны-партнеры в военной сфере (Узбекистан, Казахстан);
- страны, практически исключенные из американских внутривосточных инициатив по Центральной Азии (Таджикистан, Туркменистан);
- Узбекистан как страна, в наибольшей мере вовлеченная в геополитические проекты США «Новый Шелковый путь».

Руководство стран региона извлекает определенные выгоды от сотрудничества с США. Так, для Кыргызстана, не обладающего запасами углеводородного сырья и отличающегося природной замкнутостью территории при удаленности от морских путей, демократический имидж представляет собой единственную возможность получить кредиты от международных доноров, в т. ч. и США, для преодоления социально-экономического кризиса. В свою очередь, США рассматривают КР как транзитную территорию, расположенную в центре Евразии и Центральной Азии. Это, с точки зрения американских стратегов, делает ее одной из ключевых точек в стратегических проектах США на континенте – либо как самостоятельной геополитической единицы в рамках проекта Большой Центральной Азии, либо как части более крупных геополитических образований в стратегии Нового Шелкового пути³¹⁷.

В этих условиях военная операция, а затем вывод войск из Афганистана и предоставление странам региона части военной техники за транзит стала альтернативным инструментом США для расширения своего влияния в регионе на фоне провала проектов демократизации.

При этом военное сотрудничество устраивает обе стороны. Во-первых, США помогают в создании в этих странах вооруженных сил, не обладающих

³¹⁷ См.: *Иванов С. Г.* Роль внешнеполитических факторов в процессах трансформации экономики Кыргызской Республики... – С. 230.

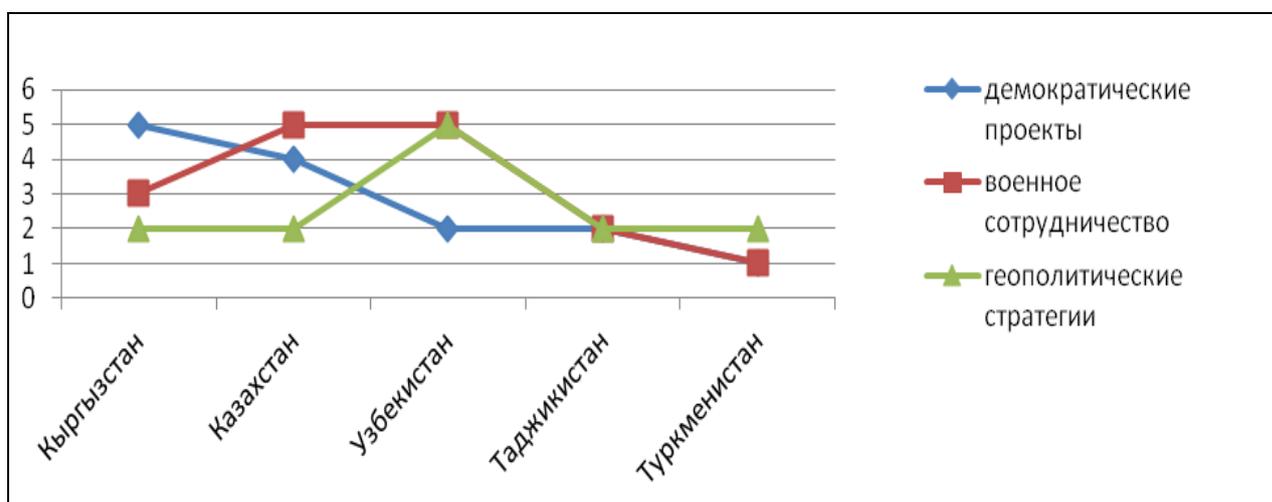
значительным военным потенциалом, но зависимых от США. Во-вторых, США сокращают влияние России и Китая в регионе как на уровне двусторонних отношений, так и в рамках интеграционных объединений. В третьих, США обеспечивают доступ к природным ресурсам этих государств, поскольку размещение военных объектов сопряжено с появлением американских компаний. С другой стороны, размещение военных баз и перевод вооруженных сил на стандарты НАТО, отвечают интересам Узбекистана и Казахстана. Они получают значительные финансовые вливания за размещение военных баз, транзит военных грузов в Афганистан и обратно. Кроме того, эти страны получают современную военную технику и вооружение, что способствует усилению их влияния на более слабые страны региона и обеспечивает определенную независимость в решении ряда проблем трансграничного характера. Особенно ярко это проявляется в политике Узбекистана.

В своей стратегии «Нового Шелкового пути», ввиду общего курса Узбекистана на сотрудничество с КНР в энергетической сфере, США стремятся укрепить позиции в транспортной инфраструктуре Узбекистана. Они выделяют средства на ее строительство как на двусторонней основе, так и через международные финансовые институты и одновременно диверсифицируют внешнеполитических партнеров Узбекистана, включая его в макрорегион «Центральная Азия + Южная Азия» и создавая альтернативный евразийскому интеграционный блок.

Туркменистан и Таджикистан в наименьшей степени включены в проекты США. Первый из-за провозглашенного статуса нейтралитета и следования принципам автаркии во внешней политике, второй – из-за гражданской войны, в урегулировании которой активное участие приняла РФ, вследствие чего общий внешнеполитический курс Таджикистана смещен в сторону России.

Графически степень вовлеченности стран региона в проекты США по сферам можно изобразить в виде следующей диаграммы, где 1 – наименьшая степень вовлеченности, 5 – наибольшая:

**Степень вовлеченности стран Центральной Азии в проекты США
(по сферам)**

Выводы. Исследуя проблему эволюции интересов США в государствах постсоветской Центральной Азии, следует учитывать воздействие на них не только меняющейся ситуации в самих США, но и влияния специфических особенностей центрально-азиатских политических процессов. В силу этого интересы США в этом регионе носили, в определённой степени, противоречивый характер и отличались достаточной сложностью в реализации. Во многом это объяснялось, помимо прочих геостратегических и геополитических целей, и базовым интересом США, ставящим целью направить развитие Центральной Азии по еврокапиталистическому, демократическому и светскому пути.

В главе первой исследования с достаточной полнотой рассмотрена специфика политических систем и процессов в этом регионе и сделан ряд выводов, позволяющих на конкретном материале показать трудности и проблемы взаимодействия внешних акторов, в т. ч. и США, с центрально-азиатскими государствами. К числу основных из них следует отнести разрыв, обозначившийся между этим базовым интересом западных стран и уровнем культуры, истории, особенностями политических систем и политических процессов народов Центральной Азии. Этот разрыв позволяет сделать фундаментальный

вывод о неготовности народов региона к высоким темпам вестернизации и глобализации, что закладывает основу для серьёзного противоречия в процессы взаимодействия сторон. В частности, на процессах взаимодействия США с центрально-азиатскими государствами самым существенным образом сказывался разрыв между американскими ценностями и интересами в регионе. Он принял форму противоречия между ценностями демократии и либерализма и авторитарными режимами Центральной Азии, поскольку эти ценности считали недопустимым сотрудничество с подобными режимами.

Между тем США для достижения своих интересов были вынуждены взаимодействовать с патримониальными режимами и группирующими вокруг них патронажно-клиентальными сетями. Кроме того, американцам в регионе приходилось постоянно сталкиваться с другими крупными акторами, у которых были иные, не совпадавшие с американскими, проекты развития Центральной Азии. На политике США в регионе негативно сказывалась также региональная геополитическая неопределённость и крайне высокий уровень транзакционных издержек взаимодействия между самими центрально-азиатскими режимами.

Все эти факторы не давали возможности выработать какую-либо устойчивую, рациональную политику США в Центральной Азии.

Говоря об эволюции интересов США в этом регионе, следует сказать о том, что после быстрого распада СССР у тогдашней американской администрации Дж. Буша старшего (1991–1992 гг.) отсутствовала последовательная позиция по отношению к центрально-азиатским странам³¹⁸. В период первого срока президентства демократа У. Клинтона Центральная Азия не считалась зоной американских интересов, отдавая приоритет в этом вопросе России³¹⁹. Тогда в сфере американских интересов в регионе доминировали задачи продвижения демократических ценностей. В частности, несоблюдение прав человека стало причиной сведения до минимума политических отношений с Узбе-

³¹⁸ Братерский М. В. США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики (1990–2005 гг.). – М.: Изд-во Ин-та США и Канады, 2005. – С. 179.

³¹⁹ Там же. – С. 180.

кистаном и Туркменистаном. В 1996–2000 годы интересы США в Центральной Азии эволюционировали в сторону усиления соперничества с Россией по военно-политическим вопросам, вопросам региональной интеграции, путей транспортировки энергетических ресурсов. В частности, в 1997 году Центральная Азия была объявлена зоной ответственности командования Центральной группировки ВС США.

В целом же в 1996–1999 годы влияние США в регионе значительно возросло. В эти годы центрально-азиатские страны, кроме Таджикистана, существенно укрепили с ними отношения. В частности, американцами был взят курс на установление стратегического партнёрства с Узбекистаном. Вместе с тем в эти годы интересы США в регионе не носили чётко скоординированного характера и реализовывались в ряде плохо связанных между собой проектов, в их числе: поддержка проекта ЕС «Великого Шёлкового пути»; стратегическое партнёрство с Узбекистаном; поддержка проекта ГУУАМА; финансирование проектов внутренней интеграции в рамках Центральной Азии (ЦАЭС, ОЦАС); поддержка идеи «тюркского мира». В целом, можно отметить противоречивый характер интересов и проектов США, во многом связанный со специфическим характером политических процессов государств региона.

Интересы США в Центральной Азии кардинально изменились после 11 сентября 2001 года, прежде всего в связи с антитеррористической операцией в Афганистане. В регионе начался процесс резкого усиления её военно-политического влияния, принявший форму создания американских военных баз, резкого роста военной и экономической помощи центрально-азиатским странам. Вместе с тем перед американской администрацией по-прежнему остро стояла дилемма интересов и либеральных ценностей, и её нерешённость имела негативные последствия для политики США в регионе. В частности, попытка превращения авторитарных политических режимов в демократические привела к почти полному разрыву отношений с Узбекистаном и «цветной революции» в Кыргызстане в 2005 году. В итоге, в годы президентства Дж. Буша

младшего (2004–2005 гг.) центрально-азиатская политика США переживала серьёзный кризис, что ставило под угрозу реализацию её интересов в регионе.

Ситуация в положительную сторону стала меняться в годы президентства Б. Обамы. Однако в странах Центральной Азии продолжали сохраняться нестабильность и геополитическая неопределённость, происходила частая смена неопатримониальной политики центрально-азиатских элит. Всё это приводило к частой смене ситуации в странах региона и имела следствием частую смену американских интересов.

В итоге, за все годы постсоветского периода США не смогли преодолеть явлений нестабильности отношений со всеми центрально-азиатскими государствами. В целом, политика США в Центральной Азии, отражая эволюцию её интересов, отличалась значительной долей непоследовательности и эффективности.

Проблема интересов США в Центральной Азии приобретает новую актуальность в связи с уходом сил НАТО из Афганистана.

В эволюции интересов США во внутривосточных и внешнеполитических процессах в Центральной Азии можно выделить два этапа: 1990–2001 и 2001–2013 годы. На первом этапе приоритет отдавался императивам демократизации и либерализации национальных экономик. Интересы США были сфокусированы на переориентации стран Центральной Азии на демократические ценности и вывода их из сферы влияния Москвы и Пекина при одновременном стремлении установить контроль над энергетическими ресурсами региона. Для этапа 2001–2013 годов характерно наращивание присутствия США в военно-технической сфере на уровне отдельных государств и оказание помощи в реализации региональных инфраструктурных проектов, призванных интегрировать центрально-азиатские страны в единый экономический и транспортно-энергетический блок в соответствии со стратегией «Нового Шелкового пути» в противовес разрабатываемым РФ проектам евразийской интеграции.

2.2. Эволюция интересов Европейского союза в Центральной Азии (2007–2013 гг.)

2.2.1. Интересы Европейского союза во внутриполитических процессах в ЦА

Распад биполярной системы и социалистического лагеря в начале 1990-х годов стали знаковыми событиями не только для стран бывшего СССР, но и для европейских государств. Перед ними встала задача трансформации внешнеполитического курса в отношении нового еще не определившегося со своими внешнеполитическими приоритетами, обладающего значительными запасами нефти и газа и выгодно отличающегося своим геостратегическим положением постсоветского пространства.

Главной целью этого курса является постепенное вовлечение Центральной Азии в сферу геополитических и геоэкономических интересов европейских стран путём «содействия продвижения таких основополагающих элементов европейских ценностей как демократия, права человека, либеральные принципы в экономическом и государственном строительстве»³²⁰.

Первоначально, при отсутствии скоординированной собственной стратегии в отношении Центральной Азии, механизмом продвижения интересов ЕС в регионе стала принятая в 1998 году Специальная программа для экономик Центральной Азии (СПЕКА). В рамках данной программы были определены следующие приоритетные направления деятельности ЕС³²¹:

- развитие транспортной инфраструктуры региона;
- диверсификация маршрутов доставки углеводородов в Европу;
- развитие интеграционных процессов в регионе ЦА.

³²⁰ *Парамонов В., Строков А.* Внешняя политика Европейского союза в Центральной Азии: общие направления, основные «проекты» и этапы (14.06.2011) // URL: <http://ceasia.ru/politika/vneshnyaya-politika-evropeyskogo-soiuza-v-tsentralnoy-azii-obschie-napravleniya-osnovnie-proekti-i-etapi.html>

³²¹ См.: *Вартанян А.* Программа СПЕКА – новая региональная инициатива ЕС в Центральной Азии (5 авг. 2001) // URL: <http://www.newmarkets.ru/nm-ru/issues/nm520012.htm>

Она реализовывалась двумя региональными структурами ООН – Европейской экономической комиссией (UNECE) и Экономической и социальной комиссией для Азии и Тихого океана (ESCAP) и была нацелена на оказание технической помощи странам региона.

Основными механизмами распространения демократических ценностей ЕС выступают Европейский инструмент по демократии и правам человека (EIDHR), Развитие гражданского сектора и местного самоуправления (NSA/LA), которые активно используются в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане, а также Программа строительства институтов и партнерства (IBPP), внедряемая в Узбекистане. Туркменистан фактически исключен из всех этих инициатив. Через эти программы осуществлялись задачи поддержки эффективного государственного управления, либерализации экономики и развития энергетического потенциала региона. Особенностью данных программ является то, что они нацелены на спонсирование небольших проектов. Целевыми объектами NSA/LA являются органы местного самоуправления, финансирование проектов для которых, с одной стороны нацелено на снижение бедности, с другой – на продвижение принципов демократии.

Таблица 4

Финансовая помощь странам Центральной Азии в рамках программ EIDHR, NSA/LA, IBPP в 1998–2001 гг. (млн евро)*

Страна	EIDHR	NSA/LA	IBPP
Казахстан	2,4	2,3	не действует
Кыргызстан	2,7	1,95	не действует
Таджикистан	1,8	1,85	не действует
Туркменистан	не действует	не действует	не действует
Узбекистан	не действует	не действует	2,2

* Таблица составлена нами по данным источника: *Axunova V.* EU Human Rights and Democratization Assistance to Central Asia: In Need of Further Reform (январь 2012) // URL: www.eucentralasia.eu

Однако в целом, по мнению европейских экспертов, данный объем финансирования является небольшим по сравнению с вложенными средствами в другие отрасли, такие как энергетика и транспорт. В частности, в рамках EIDHR объем финансирования составляет лишь 2,2% всего бюджета программы³²². При этом вплоть до 2007 года, когда была принята новая стратегия ЕС в отношении стран Центральной Азии, программы по правам человека не были связаны с основными региональными программами сотрудничества. Во многом данная ситуация обусловлена и внутривосточной ситуацией в ЕС в 1990-х годах, когда координирующим органом ЕС в отношении региона была Европейская комиссия. Она отдавала приоритет экономическим проектам³²³.

Кроме общеевропейских программ, отдельные страны ЕС реализуют свои программы в области демократизации политических систем стран Центральной Азии. В частности, Немецкое общество по международному сотрудничеству (GIZ) с 1996 года работает в сфере реформирования судебных систем в странах региона в рамках программы «Продвижение принципов верховенства права в Центральной Азии». Деятельность организации осуществляется в форме консультаций по инициированию и реализации законопроектных. Так, в Таджикистане, был пересмотрен Гражданский процессуальный кодекс, в Узбекистане разработаны законопроектные по изменению Административного процессуального и семейного кодексов, в Казахстане и Кыргызстане были прокомментированы гражданские процессуальные кодексы, а также проводится большое количество семинаров для судей и адвокатов³²⁴.

Кроме того, в 2003 году ЕС были инициированы взаимосвязанные программы: Программа содействия управления границами в Центральной

³²² См.: *Ахундова В.* The EU Central Asian Strategy: New Opportunities for Democracy Promotion? ... – С. 203.

³²³ См.: *Парамонов В., Строков А.* Внешняя политика Европейского союза в Центральной Азии: общие направления, основные проекты и этапы...

³²⁴ Rule of Law Support for Central Asia: Rule of Law or Law of the Ruler / Editorial by J. Boonstra, T. Tsertsvadze (янв. 2013) // URL: www.eucentralasia.eu

Азии (ВОМСА) и Программа по предотвращению распространения наркотиков в Центральной Азии (САДАР) на фоне роста наркотрафика из Афганистана³²⁵. Программы ОБСЕ в области реформирования правоохранительных органов также носят амбивалентный характер. Деятельность ОБСЕ в регионе в основном сосредоточена в сферах защиты прав человека, мониторинга выборного процесса и проведения реформы правоохранительных органов³²⁶.

Первыми из центрально-азиатских стран, которые стали проводить реформу своих правоохранительных систем при поддержке ОБСЕ, стали Кыргызстан и Таджикистан. В Кыргызстане программа ОБСЕ по реформированию правоохранительных органов была запущена в 2003 году. Сотрудничество Таджикистана с ОБСЕ началось с 1994 года. В 2002 году Миссия ОБСЕ в Таджикистане была преобразована в Центр ОБСЕ, который, в свою очередь, в 2008 году был трансформирован в офис ОБСЕ в Таджикистане с увеличенным бюджетом и штатом сотрудников. Бюджет ОБСЕ в Таджикистане с 2007 по 2012 годы возрос с 3,9 млн евро до 6,3 млн евро. Эта сумма составила 62% всего бюджета по Центральной Азии, а количество представителей организации увеличилось с 74 до 158 человек³²⁷.

Важным итогом деятельности ОБСЕ в республике явилось открытие в 2009 году Колледжа по управлению границами. В нём проходит обучение старший офицерский состав пограничных ведомств, таможенных служб и агентств по борьбе с наркотиками центрально-азиатских государств и Афганистана. В 2011 году МВД Таджикистана подписало меморандум о взаимопонимании по вопросу реформирования правоохранительных органов в соответствии с принципами защиты прав человека, борьбой с торговлей людьми, домашним насилием и наркотрафиком. В последнем случае ОБСЕ в Тад-

³²⁵ См.: Герасимов Л. Таджикистан – главный поставщик наркотиков из Афганистана на мировые рынки (10 июня 2013) // URL: <http://tajmigrant.com>

³²⁶ См.: Marat E. Police Reform Programmes in Kyrgyzstan and Tajikistan: Past Constraints and Future Opportunities...

³²⁷ См.: Boonstra J., Shapovalova N. Thinking security, doing development? The security development nexus in European policies towards Tajikistan...

Таджикистане тесно сотрудничает с Бюро Государственного департамента США по вопросам борьбы с наркотиками и правоохранительной деятельности, реализующего программу содействия по внедрению основ работы правоохранительных органов с общественностью. Совместно данные структуры в 2011 году инициировали программу «Общественная полиция и развитие правоохранительных органов», в рамках которой милиция Таджикистана была переименована в полицию в качестве эксплицитной демонстрации выстраивания доверительных отношений между обществом и правоохранительными органами³²⁸.

Отличительной характеристикой реформы МВД в Казахстане является ее концептуальная направленность. Казахстан, в отличие от Кыргызстана и Таджикистана, обладает материальной базой для проведения реформы, поэтому деятельность ОБСЕ в республике ограничена продвижением принципов политической либерализации и защиты прав человека. В этом отношении председательство Казахстана в ОБСЕ в 2010 году, с одной стороны, можно рассматривать как демонстрацию усиления внимания Европы к Центральной Азии на фоне принятия ЕС в 2007 году стратегии нового партнерства с Центральной Азией, с другой – как механизм оказания влияния на процесс либерализации законодательства Казахстана. Так, в преддверии председательства в ОБСЕ в 2009 году Казахстан одобрил Национальный план действий по защите прав человека на период 2009–2012 годов. Затем в 2011 году заявил о проведении реформы правоохранительных органов³²⁹. Однако реформирование было приостановлено после конфликтов в Жанаозене и Шепте в декабре 2011 года³³⁰.

С принятием стратегии нового партнерства ЕС со странами Центральной Азии была систематизирована европейская политика в сфере защиты прав че-

³²⁸ См.: *Marat E.* Police Reform Programmes in Kyrgyzstan and Tajikistan: Past Constraints and Future Opportunities...

³²⁹ См.: *Axyonova V.* The EU Central Asian Strategy: New Opportunities for Democracy Promotion? ... – С. 204.

³³⁰ См.: *Axyonova V., Boonstra J., Marat E.* Security Sector Reform in Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan: What Role for Europe? ...

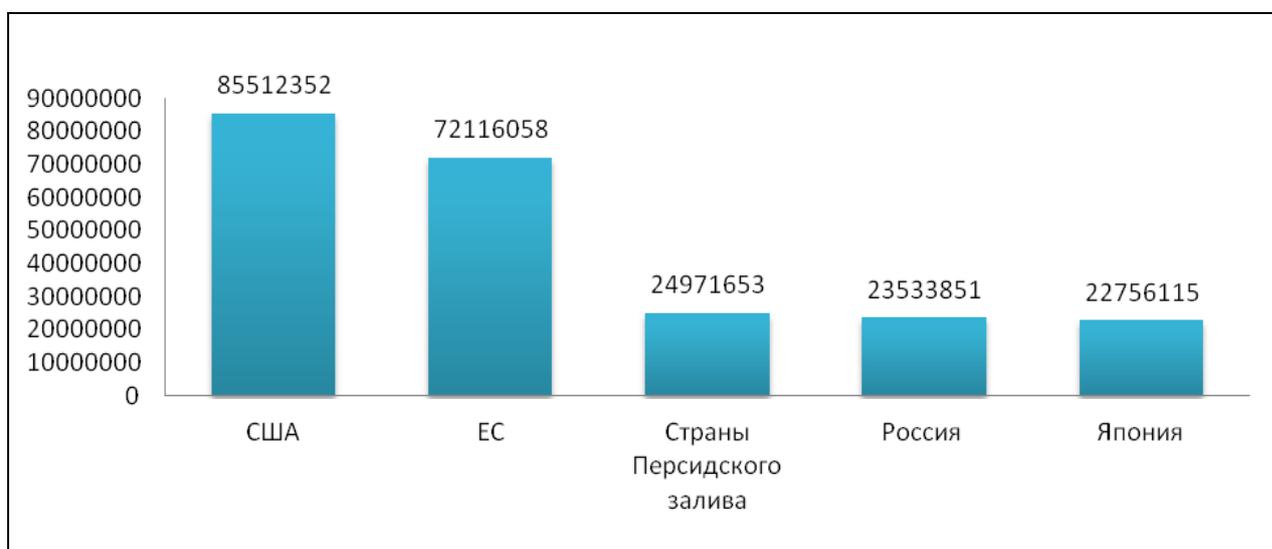
ловека и распространения демократических ценностей. В качестве механизмов в этом отношении используются Европейская инициатива по верховенству права, диалоги по правам человека со странами Центральной Азии, которые ориентированы на оказание воздействия на руководства стран региона. Инициатива по верховенству права, была сфокусирована, с одной стороны, на реформировании законодательства в сфере торговли и предпринимательства, с другой – на трансформации судебной системы стран региона на основе западных стандартов и ценностей. Ввиду того, что она, как отмечают сами европейские эксперты, в большей степени сосредоточена на экономико-юридических нормах, ЕС инициировал диалоги по правам человека, которые первоначально планировалась проводить в двухуровневом двустороннем формате: на уровне НПО и официальных представителей каждого из центрально-азиатских государств³³¹. В последующем подобные семинары для НПО стали проводиться только на региональном уровне. При этом в диалогах не ставят четко определенных целей, так как руководства стран региона воспринимают это в качестве вмешательства в свои внутренние процессы.

Другим механизмом «мягкой силы», наряду с действиями, направленными на создание в регионе политической системы, выстроенной по шаблонам западной демократии, является оказание гуманитарной помощи. За период с 2007 по 2012 годы международными донорами странам Центральной Азии было выделено 347 млн долларов. Из них больше всего было предоставлено Таджикистану – 49% и Кыргызстану – 45%; Узбекистану – 2,5%, Казахстану и Туркменистану – 1,5%³³². По объемам этой международной помощи ЕС занимает второе место после США.

³³¹ См.: *Isaacs R.* The EU's Rule of Law Initiative in Central Asia (авг. 2009) // URL: www.eucentralasia.eu

³³² См.: *Кордые Б.* Гуманитарная помощь Евросоюза и гражданская защита в Центральной Азии: прошлые и будущие кризисы (февр. 2013) // URL: www.eucentralasia.eu

**Объемы гуманитарной помощи странам Центральной Азии
с 2007 по 2012 (в долл. США)***

* Диаграмма составлена по данным источника: *Кордые Б.* Гуманитарная помощь Евросоюза и гражданская защита в Центральной Азии: прошлые и будущие кризисы (февраль 2013) // URL: www.eucentralasia.eu

При этом в структуре гуманитарной помощи, предоставляемой по линии Департамента гуманитарной помощи и гражданской защиты ЕС, на первом месте также стоит Таджикистан, на который приходится до 60% всех выделяемых средств³³³ и 30% – в соответствии с «Индикативной программой по Центральной Азии (2007–2013)»³³⁴.

На реализацию «Региональной стратегии оказания помощи Центральной Азии (2007–2013 гг.)» через Европейский Инструмент Развития и Сотрудничества предусмотрено выделение 673,8 млн евро. При этом помощь распределяется как на региональном уровне, так и на уровне отдельных государств, и большая ее часть (70%) приходится на программы двустороннего формата. Кроме того, в рамках новой индикативной программы на 2011–2013 годы пре-

³³³ См.: *Кордые Б.* Гуманитарная помощь Евросоюза и гражданская защита в Центральной Азии: прошлые и будущие кризисы...

³³⁴ См.: Индикативная программа по Центральной Азии (2007–2013) (15 июня 2006) // URL: www.tpp-inform.ru/userdata/1317884236.pdf

дусмотрено выделение 321 млн евро. Из них 216 млн евро приходится на двустороннее и 105 млн евро – на региональное сотрудничество³³⁵.

Таким образом, Европейский союз, на фоне различий во внутренней и внешней политике центрально-азиатских стран, больше внимания уделяет двустороннему сотрудничеству. В рамках регионального сотрудничества для ЕС приоритетным направлением является сфера образования. В феврале 2012 года была запущена Программа Центрально-азиатской образовательной платформы, являющейся форумом для проведения консультаций европейских специалистов по реформе в сфере образования с целью адаптации национальных образовательных систем к международным стандартам. При этом в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане эта инициатива была одобрена и к ее реализации были привлечены как государственные органы, так и гражданский сектор. В Узбекистане правительство отказалось участвовать в проекте, а Туркменистан запретил въезд на свою территорию технической группы³³⁶.

Однако наиболее успешными европейскими программами в сфере образования являются взаимодополняющие Tempus и Erasmus Mundus, которые нацелены на перевод систем высшего образования стран региона на европейские стандарты через Болонский процесс. На проведение данных реформ, реализуемых в рамках более чем 200 проектов с участием около 120 университетов, Европейской Комиссией было выделено более 69 млн евро³³⁷.

При этом с 2007 года более 60 университетов, главным образом из Казахстана и Узбекистана, были вовлечены в программу Erasmus Mundus³³⁸.

Другим важным направлением деятельности ЕС в системе образования является программа Центрально-азиатской сети научных исследований и образования, запущенная в 2009 году и нацеленная на создание единой электронной сети между университетами и научно-исследовательскими центрами

³³⁵ См.: Европейский Союз – сотрудничество в целях развития Центральной Азии (нояб. 2013) // URL: www.eucentralasia.eu

³³⁶ См.: *Axunova V.* The EU Educational Initiative for Central Asia Five Years on: Lessons Learnt...

³³⁷ Там же.

³³⁸ Там же.

региона и ЕС. Реализация проекта в Кыргызстане, Таджикистане и Туркменистане началась с 2010 года, Казахстан присоединился в 2011 году, Узбекистан постоянно откладывает дату своего присоединения к проекту³³⁹.

Таблица 5

**Развитие финансирования стран Центральной Азии
в рамках Европейской стратегии нового партнерства***

Период	2007–2010 гг.		2010–2013 гг.	
	Страна	Сектор	Объем финансирования (млн евро)	Сектор
Таджикистан	Здравоохранение	32,0	Здравоохранение	20,0
	Социальная защита	14,0	Социальная защита	20,0
	Экономика	9,0	Сельское хозяйство	16,0
Кыргызстан	Социальная защита	31,0	Образование	20,0
	Сельское хозяйство	12,7	Гос. управление	13,5
	Образование	5,5	Социальная защита	13,0
Казахстан	Гос. управление	25,5	Гос. управление	30,0
	Экономика	6,0		
	Образование	5,0		
Узбекистан	Гос. управление	12,0	Сельское хозяйство	12,0
	Образование	10,4	Гос. управление	10,0
	Экономика	3,0	Окружающая среда, энергетика	10,0
Туркменистан	Экономика	6,5	Гос. управление	9,0
	Образование	4,5	Окружающая среда, энергетика	8,0
	Гос. управление	4,8	Образование	6,0

*Таблица составлена нами на основе данных источника: Европейский союз – сотрудничество в целях развития Центральной Азии // URL: www.eucentralasia.eu

³³⁹ См.: Европейский союз – сотрудничество в целях развития Центральной Азии (нояб. 2013)...

Таким образом, в структуре оказываемой помощи в первой группе центрально-азиатских стран приоритетными сферами являются образование, социальное обеспечение и здравоохранение, во второй группе – государственный сектор, образование и окружающая среда.

В целом, с 2001 года Европейский союз активизирует свое воздействие на страны Центральной Азии, в связи с необходимостью размещения военных баз НАТО на территории стран региона, а также проблемами реализации транспортно-коммуникационных проектов. Воздействие ЕС на страны ЦА, в первую очередь, Таджикистан и Кыргызстан, оказывалось в форме размещения военных баз (Душанбе, Термез), реализации программ CADAP и BOMCA, реформирования правоохранительных органов.

Однако данные меры нивелируются противодействием со стороны центрально-азиатских стран. Во-первых, разрешение на размещение военных баз давалось во многом исходя из сопряженных с этим финансовых выгод. Во-вторых, меры по борьбе с наркотрафиком и совместному управлению границами сталкиваются со сложными конфронтационными отношениями между республиками по ряду важных пограничных и водно-энергетических проблем. В-третьих, зачастую выделяемые средства на реформирование правоохранительных органов использовались не по назначению.

Тем не менее во всех этих сферах присутствуют и элементы взаимодействия. Размещение военных объектов, с одной стороны, способствует увеличению бюджетных доходов стран региона, с другой – увеличивает геополитический вес ЕС в регионе и содействует европейским вооруженным силам в проведении военной операции в Афганистане. Реализация программы по борьбе с наркотрафиком и реформы правоохранительных органов помогают странам региона сдерживать наркотрафик и решать ряд материально-технических проблем правоохранительных органов и охраны границ.

Другими механизмами оказания воздействия ЕС на страны Центральной Азии являются предоставление гуманитарной помощи, инициативы по укреплению верховенства права и прав человека, реформа системы образования.

В этом отношении наиболее эффективно инициативы ЕС реализуются в Кыргызстане, Казахстане и Таджикистане, которые, в целом, настроены на взаимодействие. Однако противодействие Казахстана заключается в том, что, проводя конференции и семинары по реформированию судебной системы, он не принимает тех рекомендаций, которые озвучиваются европейскими чиновниками, юристами или правозащитниками. Единственным положительным моментом для ЕС явились внесенные поправки в Гражданский кодекс и законодательство о торговой и предпринимательской деятельности. Однако и в этом случае европейские эксперты не уверены в практическом соблюдении данных норм³⁴⁰.

Между тем более жесткое противодействие оказывают Узбекистан и Туркменистан, в которых даже отсутствуют представительства Европейского союза и где незначительное количество независимых НПО поддерживается или посольствами стран-членов ЕС и представительствами европейских НПО, или членами диаспор в европейских странах. При этом Узбекистан согласен на участие в диалогах по правам человека и в конференциях Венецианской комиссии только на условиях равного партнерства, т. е. возможности критиковать некоторые аспекты деятельности ЕС в сфере прав человека³⁴¹.

Узбекистан и Туркменистан оказывают противодействие, отказываясь от участия в ряде программ по оказанию гуманитарной помощи и реформированию системы образования. При этом богатые углеводородами страны региона (Узбекистан, Казахстан, Туркменистан) оказывали значительное противодействие ЕС в сфере демократизации своих политических систем, поскольку эти процессы воспринимались ими в качестве угрозы политическим режимам. Попытки ЕС создать региональные интеграционные объединения также столкнулись с противодействием со стороны центрально-азиатских стран ввиду разногласий среди государств региона по целому ряду пограничных и водно-энергетических проблем.

³⁴⁰ См.: *Ахоупова V. The EU – Central Asia Human Rights Dialogues: Making a Difference? ...*

³⁴¹ Там же.

2.2.2. Интересы Европейского союза во внешнеполитических процессах в ЦА

Интересы ЕС во внешнеполитических процессах отражены в стратегии нового партнерства³⁴²:

- экономические интересы связаны с устранением торговых барьеров между странами Центральной Азии, диверсификацией торговых партнеров.
- энергетические интересы направлены на усовершенствование существующей энергетической инфраструктуры и развитие дополнительных трубопроводов, расширение экспортных рынков для стран Центральной Азии, создание интегрированного центрально-азиатского энергетического рынка на основе принципов внутреннего энергетического рынка ЕС.

Важной вехой в трансформации приоритетов внешней политики Европейского Союза и вовлечении в орбиту его интересов Центральной Азии, явилась военная операция НАТО в Афганистане. В концентрированном виде интересы ЕС в регионе отражены в стратегии «Европейский Союз и Центральная Азия: стратегия нового партнерства», рассчитанной на 2007–2013 годы³⁴³:

Интенсификация взаимодействия в сфере безопасности, вызванная началом военной операции в Афганистане, проявилась в размещении немецкой военной авиабазы в аэропорту Термеза и французского военного контингента для поддержки войск НАТО в аэропорту Душанбе.

В Стратегии нового партнерства с Центральной Азией в качестве одного из приоритетных направлений «Региональной стратегии оказания помощи Центральной Азии (2007–2013 годы)» является сфера энергетики. При этом Европейский Союз действует в русле геополитической стратегии США «Нового Шелкового пути», нацеленного на интеграцию региона с Юго-Восточной Азией с центром в Афганистане посредством строительства транспортно-

³⁴² См.: European Union and Central Asia: Strategy for a New Partnership...

³⁴³ Там же.

коммуникационных сетей, включая развитие энергетической отрасли и инфраструктуры.

В этом отношении значимую роль играет программа Центрально-Азиатского регионального экономического сотрудничества (CAREC). Она декларирует развитие экономического сотрудничества в центрально-азиатском регионе в его расширенной геопространственной интерпретации с включением Афганистана, Пакистана, Монголии и части Китая (СУАР)³⁴⁴.

ЕС и США инициируют создание евроатлантической зоны свободной торговли на Западе одновременно с проектами Транстихоокеанского партнерства, декларируемой целью которого является создание новой зоны свободной торговли. На их фоне Центральная Азия выступает востребованной для стран Запада транзитной единицей. Во-первых, она является механизмом решения афганской проблемы на фоне провальной военной операции. Во-вторых, играет роль территории по которой могут быть проложены альтернативные российским, транспортные магистрали в Европу и Юго-Восточную Азию. В-третьих, представляет собой связующее сухопутное звено с КНР, являющейся основным торговым партнером ЕС. Последний факт является важным ввиду того, что в настоящее время 99% всего товарооборота между ЕС и Тихоокеанским регионом осуществляется морским путем через Суэцкий канал. Эксперты прогнозируют дальнейшее увеличение торгового оборота, однако пропускная возможность Суэцкого канала ограничена, что заставляет искать альтернативные сухопутные маршруты³⁴⁵.

Таким образом, разработка интеграционных проектов в Центральной Азии, в ее расширенной интерпретации, на основе совершенствования транспортной инфраструктуры, под реализацию которой привлекаются значительные средства международных доноров, лежит в основе геополитической стратегии ЕС в регионе. Наиболее успешно реализовывались проекты в сфере

³⁴⁴ См.: *Верхотуров Д.* Куда ведут дороги CAREC? (3 дек. 2012) // URL: <http://www.ru.journal-neo.com/node/119921>

³⁴⁵ См.: *Emerson M., Vinokurov E.* Optimization of Central Asian and Eurasian Transcontinental Land Transport Corridors (дек. 2009) // URL: www.eucentralasia.eu

транспортных коммуникаций. Так, в 1993 году, на конференции в Брюсселе, с участием министров транспорта и торговли стран Центральной Азии и Кавказского региона, в рамках Программы технического содействия Содружеству Независимых Государств (TACIS) был инициирован проект транспортного коридора Европа – Кавказ – Азия (TRASECA). Это был проект Шелкового пути, нацеленный на развитие торгово-экономических отношений ЕС с Китаем посредством строительства сухопутного сообщения между ними, как работоспособной альтернативы морскому пути через Индийский океан и Суэцкий канал и Транссибирской магистрали. Он включал и энергетическую составляющую в рамках Программы межгосударственной транспортировки нефти и газа в Европу (INOGATE) и предусматривал строительство нефтепровода Актау – Баку – Тбилиси³⁴⁶. Вместе с тем TRASECA явилась механизмом поддержки политической и экономической независимости стран Центральной Азии путем увеличения возможности их выхода на европейские и мировые рынки, в обход России, через альтернативные транспортные коридоры, а также катализатором размещения средств международных финансовых институтов и частных западных инвесторов.

На уровне внешнеполитических процессов была инициирована программа CAREC, дополняющая геостратегию США «Нового Шелкового пути», которая нацелена на обеспечение долгосрочного пребывания США в регионе посредством реализации масштабных интеграционных проектов с участием Афганистана. С другой стороны, CAREC поможет расширить сухопутные торговые связи с КНР.

В целом, интеграционные проекты ЕС для ЦА (TRASECA и CAREC) соответствуют духу европейской школы геополитики, которая базируется на принципах демократического мира, предполагающего отсутствие строгих границ между государствами на основе разделяемых ими общих демократических ценностей.

³⁴⁶ См.: *Gorshkov T., Bagaturia G.* TRASECA – Restoration of Silk Route (28 сент. 2001) // URL: http://www.jrtr.net/jrtr28/f50_gor.html

Будучи связанным с инициативой «Нового Шелкового пути», CAREC выступает альтернативой евразийских интеграционных проектов, предусматривая строительство железных и автомобильных дорог в обход РФ. В качестве приоритетных направлений проектов CAREC выступают: развитие транспорта, устранение торговых барьеров и развитие энергетического сектора экономики. При этом наиболее масштабным является транспортный. В ноябре 2008 года на конференции министров стран-участниц CAREC было подписано соглашение о выделении 6,7 млрд долларов на реализацию транспортных (автомобильных и железнодорожных) проектов в регионе: «Западный Китай – Западная Европа», «Европа – Восточная Азия» (из Китая через Казахстан в Европу), «Средиземноморье – Восточная Азия» (из Китая в Кыргызстан, Узбекистан и Туркменистан, затем через Каспийское море на Южный Кавказ к Черному морю), «Восточная Азия – Ближний Восток – Южная Азия» (из Китая в Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, затем в Афганистан и Пакистан), «Европа – Ближний Восток – Южная Азия» (из западного Казахстана в Узбекистан и Афганистан)³⁴⁷.

Данные проекты уже начинают реализовываться, особенно активно в этот процесс включен Узбекистан в направлении Афганистана. Узбекистаном построено и введено в эксплуатацию 106 км железных дорог в Афганистане. В частности, в 2010 г Узбекистан за счет гранта Азиатского банка развития в размере 165 млн долларов построил отрезок железной дороги «Хайратон – Мазари-Шариф» и планирует строительство в 2013 г. участка «Мазари-Шариф – Андхой», который является частью железной дороги «Шерхан-Бандар – Кундуз – Хульм – Найбабад – Андхой – Герат»³⁴⁸.

Таким образом, в сфере внешнеполитических процессов воздействие ЕС на страны Центральной Азии осуществляется посредством реализации интеграционных проектов с центральной ролью в них Афганистана, что дает основание сделать вывод о том, что, в целом, геостратегия ЕС развивается в фарватере ре-

³⁴⁷ См.: *Emerson M., Vinokurov E. Optimization of Central Asian and Eurasian Transcontinental Land Transport Corridors...*

³⁴⁸ См.: Узбекистан в 2013 году приступит к строительству ж/д в Афганистан Мазари-Шариф – Андхой (11 февр. 2013) // URL: <http://globaltse.com/news/1122.html>

гиональных интересов и стратегий США. На первоначальном этапе воздействие ЕС на внутривластные процессы в странах Центральной Азии осуществлялось по двум главным направлениям: диверсификация маршрутов доставки углеводородов в Европу и развитие транспортной инфраструктуры региона с целью интенсификации торговых отношений с КНР. Вместе с тем инициирование ЕС крупномасштабных транспортно-магистральных проектов не приобрело широкого резонанса среди республик региона.

Реализуемый ЕС проект CAREC для стран Центральной Азии выступает механизмом избавления от географической замкнутости и способом диверсифицировать своих внешнеполитических партнеров, что является императивом их взаимодействия с ЕС по ряду инициатив в рамках CAREC. Вместе с тем противодействие, оказываемое странами региона, основано на их курсе многовекторности, предполагающем получение выгод от максимально возможного количества предложений, проектов и инициатив. Наиболее четко это проявляется в случае со строительством железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан, затянувшаяся реализация которой заставила Кыргызстан и Таджикистан обратиться к альтернативному евразийскому проекту «Россия – Казахстан – Кыргызстан – Таджикистан». В этом свете в странах региона складываются изживденческие настроения и завышенные ожидания в отношении ЕС, что также является элементом противодействия инициативам ЕС в регионе.

Таблица 6

Результаты оказываемого влияния ЕС на страны Центральной Азии

Сфера	Воздействие	Противодействие	Взаимодействие
Безопасность	Размещение военных баз, реформирование правоохранительных органов, создание единой системы управления границами	Нецелевое использование выделяемых средств, пограничные конфликты	Реформа правоохранительных и пограничных ведомств: ЦА: улучшение материально-технического оснащения правоохранительных органов;

			ЕС: установление контроля над трансграничными процессами
Энергетика	Проекты строительства трубопроводов в Европу	Пассивная позиция стран ЦА, участие в российских проектах	Строительство трубопроводов: ЦА: диверсификация партнеров; ЕС: обеспечение энергетической независимости от РФ
Образование	Реформа образования – перевод на европейские стандарты	Отказ от участия в ряде программ, получение единовременной материальной помощи приоритетнее консультационной помощи в проведении реформ	Европейские стандарты в образовании: ЦА: получение новых учебных материалов ЕС: внедрение своих ценностей
Права человека и демократия	Финансирование НПО, реформы судебной системы, диалоги по правам человека	Перевод НПО на государственное финансирование, процессы ретрадиционализации общества	Инициативы по демократизации: ЦА: создание демократического имиджа ЕС: распространение своих идеологических ценностей
Интеграционные инициативы	Финансирование инфраструктурных проектов	Участие в евразийских интеграционных проектах	Конструирование транспортных магистралей: ЦА: получение финансовой помощи, диверсификация внешнеполитических партнеров; ЕС: сухопутные торговые пути с Юго-Восточной Азией (КНР)

Влияние Европейского союза, также как и США, на внутри- и внешне-политические процессы стран Центральной Азии невозможно оценить и сравнить с позиции общего воздействия на каждую из них. В зависимости от преобладания того или иного формата присутствия страны региона можно разделить на четыре группы:

- страны, в наибольшей степени вовлеченные в политико-правовые и образовательные реформы (Кыргызстан, Таджикистан);
- страны-партнеры в энергетическом секторе (Казахстан, Туркменистан, Узбекистан)
- Казахстан – как страна, рассматриваемая в Европе в качестве потенциального локомотива региональной интеграции;

Кыргызстан так же, как и в отношении США, использует демократический имидж в качестве механизма привлечения европейских инвестиций и гуманитарной помощи. Таджикистан, будучи самой экономически отсталой страной в регионе, также использует гуманитарную и материально-техническую помощь на реформирование правоохранительных структур и образования для преодоления социально-экономического кризиса.

В свою очередь ЕС, действуя в фарватере интересов США, рассматривает территорию обеих республик, прежде всего, с точки зрения их транзитного потенциала. С этой целью он реализует проекты CAREC и TRACECA, дополняющие стратегию «Нового Шелкового пути» для выстраивания альтернативных сухопутных торговых путей с КНР. Кроме того, учитывая существующее «разделение труда» с США, в аспекте применения механизмов жесткой и мягкой силы, в этих республиках ЕС посредством реализации реформ судебной системы, образования и правоохранительных органов стремится вовлечь их в орбиту влияния Запада.

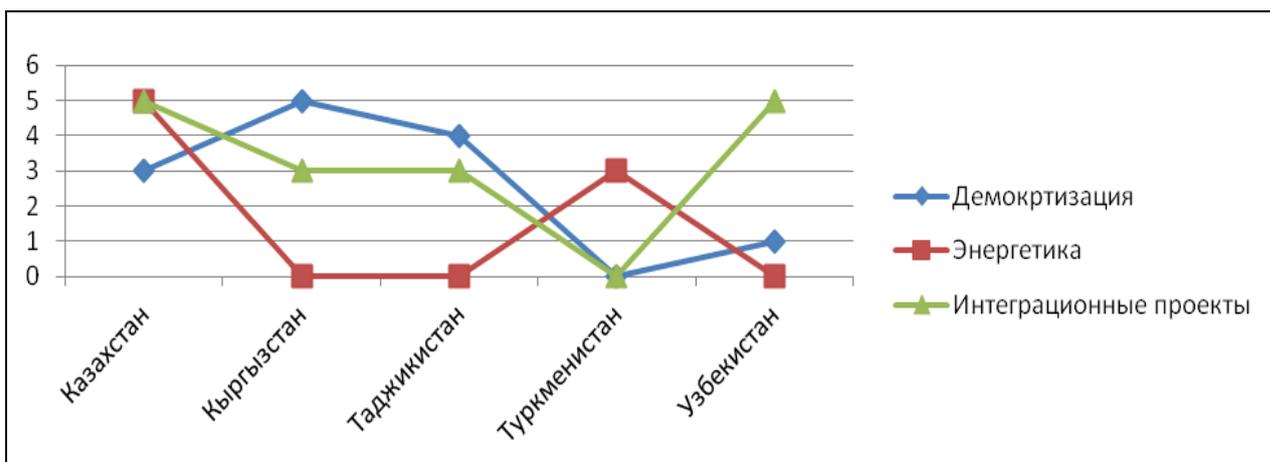
Собственные стратегические интересы ЕС сосредоточены в богатых углеводородами Казахстане и Туркменистане. Однако в свете отсутствия такой же материальной базы, как у США, иницилируемые им проекты по диверсификации поставок энергоресурсов из России на фоне растущих издержек

настроений внутри стран региона в настоящее время неэффективны (проект NABUCCO).

Сотрудничество с Узбекистаном лимитировано в военной сфере договоренностью о наземном транзите грузов из Афганистана в обмен на предоставляемое вооружение и проектами по экономической интеграции Афганистана в регион на фоне жесткого ограничения республикой всех инициатив ЕС в области демократизации. Графически степень вовлеченности стран региона в проекты ЕС по сферам можно изобразить в виде следующей диаграммы, где 1 – наименьшая степень вовлеченности, 5 – наибольшая:

Диаграмма 5

**Степень вовлеченности стран ЦА в проекты ЕС
(по сферам)**

Проведенный анализ интересов Европейского союза во внутри- и внешнеполитических процессах стран ЦА позволяет сделать определённые **выводы**.

Регион представляет интерес для ЕС, в первую очередь, ввиду своего геостратегического положения между Европой и Азией, в связи с чем Центральная Азия традиционно рассматривалась в роли моста или буферной зоны между Западом и Востоком.

В целом, в развитии интересов ЕС во внутри- и внешнеполитических процессах государств Центральной Азии можно обозначить два этапа: 1990–2001 и 2001–2013 годы.

Важным обстоятельством в процессе взаимодействия ЕС с государствами региона следует считать следование её политики в русле центрально-азиатской политики США, что вносило в неё противоречивость и непоследовательность. Подобная зависимость европейской политики от политики США свидетельствовала о её сравнительно слабой самостоятельности. При этом если до 11 сентября 2001 года ЕС проводил в регионе достаточно независимую линию, то после – стал действовать в рамках стратегических планов США в Центральной Азии.

Постоянное воздействие на интересы Европейского союза в Центральной Азии оказывало их противоречие между этими интересами и традиционными либеральными европейскими ценностями. Это особенно важно с учётом того, что ЕС исходит из приоритета продвижения либерально-демократических ценностей, рассматривая их как незыблемый императив своей внешней политики. В целом, усилия ЕС по продвижению в регион либеральной демократии и европейских стандартов оказались неудачными. Во многом подобные итоги явились следствием отказа европейцев от учёта политических и экономических особенностей региона, специфики его развития. Политика навязывания либеральных ценностей имела следствием низкую эффективность политики европейских стран в Центральной Азии.

На первом этапе у Европейского союза не было разработано четкой стратегии в отношении стран региона. В этот период Центральная Азия рассматривалась в качестве транзитной территории в сфере торговли между Европой и Китаем. Проект TRASECA был, в первую очередь, нацелен на развитие сухопутных торговых путей с Китаем. Интересы европейцев были также сосредоточены в энергетическом секторе, ввиду этого большое внимание уделялось сотрудничеству с Казахстаном, Туркменистаном и Узбекистаном.

В 90-е годы прошлого века Европейский союз концентрировал свои интересы в Центральной Азии на политике развития экономических отношений. В частности, процессы взаимодействия с государствами региона в основном осуществлялись через структуры Европейской Комиссии, которая действовала здесь в плане реализации экономических интересов Европы. Главными меха-

низмами европейской политики в регионе стали программы ТРАСЕКА, ТАСИС, ИНОГЕЙТ, с доминированием в них транзитно энергетических составляющих.

Новый формат отношений между сторонами был обозначен в 2001 году. Военная операция в Афганистане и связанная с этим необходимость военного присутствия в регионе стали катализатором разработки ЕС стратегии нового партнерства с Центральной Азией, рассчитанной на 2007–2013 годы. В соответствии с ней стало уделяться особое внимание вопросам безопасности. Увеличился объем помощи, предоставляемой наиболее слабым государствам региона – Кыргызстану и Таджикистану. Изменился и подход к методам продвижения демократических ценностей. Если на первом этапе механизмами демократического транзита выступала помощь НПО, то на втором этапе воздействие оказывается более систематизировано: инициатива по верховенству права, реформы системы образования и регулярные диалоги по правам человека.

В условиях расширения рамок Европы и роста её интегрированности начала ощутимо нарастать политическая составляющая Европейского союза в Центральной Азии. В этом плане важным моментом стало принятие Европейским союзом в октябре 2007 года стратегии нового партнёрства для Центральной Азии. В отличие от программы экономической помощи на 2007–2013 годы она носила фактически политический характер. В этом документе было впервые заявлено о том, что Центральная Азия играет роль приоритетного региона для Евросоюза. Эволюцию интересов европейских стран отразило также и то, что роль главного координирующего органа в отношениях с государствами региона перешли от Европейской комиссии к Совету Европейского союза. Подобный сдвиг в политике ЕС во многом был связан с вовлечением европейских членов НАТО в события в Афганистане.

В целом же, политика ЕС в Центральной Азии с 1991 года и по настоящее время отличается во многом чертами неопределённости и слабой самостоятельности по отношению к другим внешним акторам.

2.3. Эволюция интересов Российской Федерации в Центральной Азии

2.3.1. Интересы России во внутривосточных процессах в ЦА

Экономические программы для Центральной Азии: цели и их результаты

Приобретение странами центрально-азиатского региона независимости в начале 1990-х годов стало отправной точкой в поиске ими своего места в структуре мировой политики. В этом отношении важными моментами стали, во-первых, диверсификация внешнеполитических связей, во-вторых, реструктуризация и полный отказ от советского наследия в экономической и политической сферах. Общая нацеленность стран региона на сотрудничество с Западом, обусловленная значительными финансово-экономическими выгодами при условии адаптации ценностей либеральной демократии на фоне ассоциирования Российской Федерации с советской эпохой препятствовала последней обозначить регион Центральной Азии в качестве своей сферы интересов. Кроме того, Российская Федерация переживала те же процессы социально-политической и экономической трансформации, что и страны Центральной Азии, ориентируясь на западные ценности и отдавая приоритет сотрудничеству с Западом.

В итоге, вплоть до конца 1990-х годов в государствах Центральной Азии наиболее активно действовали страны Запада, практически не встречая сопротивления со стороны России, которую устраивал сложившийся в регионе геополитический статус-кво. Однако с сентября 2001 года Центральная Азия оказалась в центре борьбы за стратегическое доминирование в ней ключевых игроков. При этом, обобщив мнения отечественных и зарубежных экспертов, в т. ч. Д. Д. Джекшенкулова, Н. М. Омарова, В. С. Власова, М. Laguelle, в развитии отношений между Москвой и странами Центральной Азии можно обозначить три этапа, каждый из которых отличается как динамикой развития этих

отношений, так и их характером. Первый этап укладывается в хронологические рамки с 1991 года до середины 1990-х годов, второй – с середины 1990-х годов до 2001 года и третий – с 2001 года по настоящее время³⁴⁹.

Первый этап (1991 г. – сер. 1990-х гг.). Начало 90-х годов прошлого века характеризуется отсутствием у Москвы четко разработанной краткосрочной или долгосрочной внешнеполитической стратегии в отношении всего постсоветского пространства. Подобная ситуация была обусловлена рядом факторов. Во-первых, глубоким социально-экономическим кризисом, охватившим Россию после распада СССР. Во-вторых, ориентацией России на Запад в качестве эталона социально-политического развития, детерминированной получением грантов и кредитов на реформирование политической и экономической систем.

Тем не менее, можно выделить ряд важных для РФ приоритетов и интересов в Центральной Азии, обозначенных во внешнеполитическом курсе РФ в первой половине 90-х годов:

- меры по укреплению безопасности: регион Центральной Азии был имплицитно связан с обеспечением внутренней стабильности и безопасности России ввиду набиравших силу дезинтеграционных процессов среди субъектов федерации. При этом принималась во внимание географическая близость Центральной Азии к Кавказу и южным районам России, что служило одним из основных каналов проникновения в эти регионы международных террористических и экстремистских элементов;

- обеспечение мирного процесса распада СССР. Кроме того, ставилась задача сохранения, хотя бы в неполном объёме, взаимных контактов между странами постсоветского пространства в политической и в экономической сферах, с учётом сложившейся в советский период общей инфраструктуры и взаимозависимости. В то же время преследовалась цель сведе-

³⁴⁹ См.: *Верещагин А. А.* Геополитическая конкуренция США, КНР и РФ в Кыргызской Республике... – С. 151–152.

ния этих контактов к минимуму, ввиду геополитической ориентации России на Запад³⁵⁰.

Для достижения обозначенных целей у Москвы не было разработано долгосрочной стратегии и, соответственно, четко определенных механизмов и методов воздействия на страны региона, которые носили, в основном, случайный и рефлекторный характер и сочетали элементы «мягкой» и «жесткой» силы.

Задача обеспечения безопасности Российской Федерации в начале 90-х годов была связана с необходимостью урегулирования конфликтов по периметру южных российских границ, в частности в Таджикистане. Ввиду этого Казахстаном, Кыргызстаном, Узбекистаном, Арменией и Россией был подписан Договор о коллективной безопасности (ДКБ). Однако цель Договора: создание системы коллективной безопасности стран-участниц – на протяжении 90-х годов носила декларативный характер, поскольку он имплицитно предполагал лидирующие позиции России. Однако последняя переживала в тот период времени социально-экономический кризис и процессы дезинтеграционных явлений субъектов Федерации, что не позволяло ей осуществлять эффективную деятельность в ДКБ.

В итоге, как единый военно-политический блок страны ДКБ не участвовали в боевых операциях в Таджикистане. Там главную роль сыграли российские миротворческие силы в составе Коллективных миротворческих сил СНГ, состоящих из военных подразделений России, Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана³⁵¹. В целом, весомая роль России в процессе урегулирования гражданской войны в Таджикистане способствовала закреплению пророссийской ориентации Душанбе. Однако задачи по защите своих южных границ и предотвращения распространения исламизма на Кавказе Россией достигнуты не

³⁵⁰ См.: *Peyrouse S., Boonstra J., Laruelle M. Security and Development Approaches to Central Asia. The EU Compared to China and Russia ...*

³⁵¹ См.: *Соколов А. В. Миротворческая активность и миротворческие силы России в СНГ (1996) // URL: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/peace/Chapter1.htm>*

были. РФ не смогла воспрепятствовать ни росту наркотрафика, ни предупредить эскалацию конфликта в Чечне.

Показателем неэффективности военного присутствия России в регионе в 1990-х годах является активное взаимодействие центрально-азиатских стран с НАТО в рамках программы «Партнерство ради мира», что в итоге сказалось и на Договоре о коллективной безопасности, продлевать который отказались Узбекистан, Азербайджан и Грузия, будучи включенными в прозападный интеграционный блок ГУУАМ.

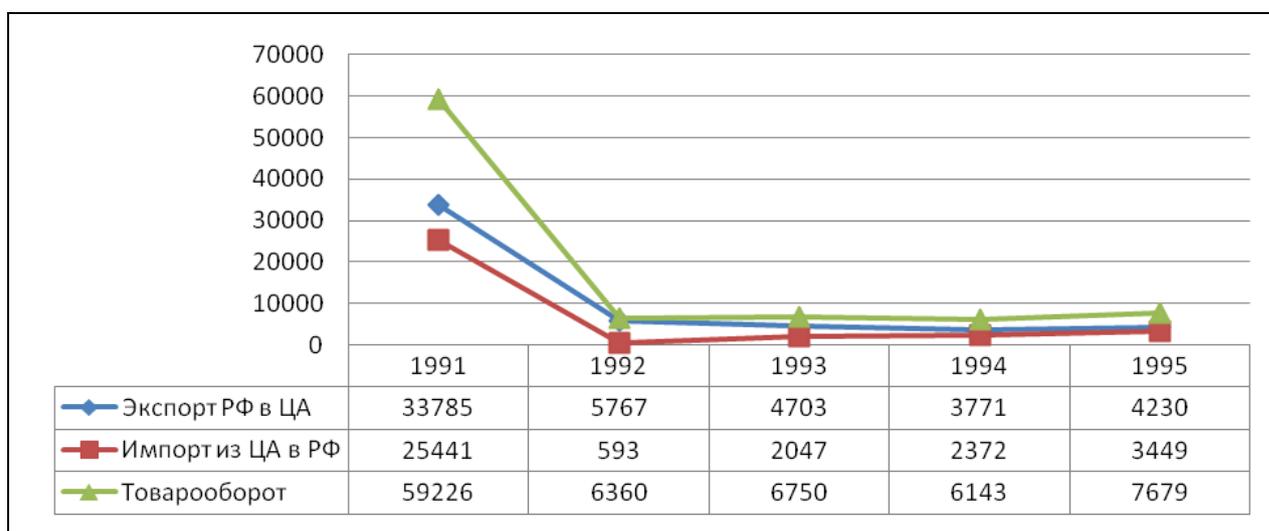
В свою очередь, создание СНГ, которое рассматривалось Россией не в качестве механизма налаживания политико-экономических отношений с республиками бывшего СССР в новом формате в условиях отлаженной системы хозяйственно-экономических связей, а как инструмент неконфликтной дезинтеграции, не стало дееспособным интеграционным объединением³⁵².

Более того, новое российское руководство рассматривало страны постсоветского пространства, в т. ч. страны центрально-азиатского региона, в качестве своеобразного тормоза встраивания России в структуры мира либеральных демократий. В качестве демонстрации такой позиции следует рассматривать сокращение товарооборота между РФ и странами центрально-азиатского региона, несмотря на наличие устоявшихся хозяйственно-экономических связей и налаженной сети транспортно-инфраструктурных каналов, на фоне отказа в эмиссии рубля для стран Центральной Азии, несмотря на призывы лидеров некоторых стран региона сохранить их обращение (в частности, Узбекистана)³⁵³.

³⁵² См.: *Парамонов В., Строков А.* Этапы внешней политики России в Центральной Азии...

³⁵³ Там же.

**Объемы торговли РФ со странами Центральной Азии
(1991–1995 гг.)***

*Диаграмма составлена нами на основе данных источника: *Парамонов В., Строчков А. Этапы внешней политики России в Центральной Азии // URL: <http://www.ceasia.ru/dokladi/etapi-vneshney-politiki-rossii-v-tsentralnoy-azii.html>*

Таким образом, на первом этапе отношения между странами Центральной Азии и РФ характеризуются взаимной дистанцированностью и фактическим отсутствием влияния России на внутривнутриполитические процессы в регионе, где основной тон задавали страны Запада, выделявшие значительные средства на реформирование политических систем и Вооруженных сил стран региона.

Представляется, что косвенно пассивная политика Российской Федерации в регионе и собственный пример евроатлантической ориентации стали определяющими инструментами воздействия в традиции «мягкой силы» на центрально-азиатские страны. Такая позиция России в этот период явилась катализатором оформления прозападного пути развития стран региона. Элемент «жесткой силы» во время военного конфликта в Таджикистане не был использован РФ в качестве механизма оказания воздействия на республики Центральной Азии с целью вовлечь их в орбиту своих интересов. Участие в военных действиях было детерминировано, в первую очередь, необходимостью

защиты собственных южных рубежей и недопущением эскалации конфликта на Кавказе.

Вместе с тем в урегулировании ситуации в Таджикистане были заинтересованы и центрально-азиатские страны, что выразилось во взаимодействии в этом вопросе. Однако оно не получило дальнейшего развития ввиду декларативного характера ДКБ, поскольку РФ не взяла на себя роли интегрирующего актора. Это привело к тому, что страны Центральной Азии стали рассматривать урегулирование военного конфликта в Таджикистане в качестве приоритетной задачи исключительно России, в то время как механизм обеспечения собственной безопасности они видели в структурах НАТО и ОБСЕ.

Второй этап (сер. 1990-х гг. – 2001 г.). Второй этап развития отношений между странами Центральной Азии и России отличается определенными трансформациями в интересах последней в регионе:

- обозначение особой роли России в Центральной Азии;
- обеспечение безопасности (наркотрафик, экстремизм и терроризм);
- установление контроля над нефтегазовым сектором региональной экономики.

В 1996 году в соответствии с «доктриной» министра иностранных дел Е. Примакова был сделан поворот, во многом оказавшийся декларативным, в сторону процесса восстановления Россией своего международного статуса одной из мировых держав. Ею декларировалась необходимость возвращения лидирующих позиций РФ, в первую очередь на постсоветском пространстве³⁵⁴. В качестве механизма достижения этой цели обозначалась интенсификация отношений в экономической сфере, главным образом, в секторе транспортировки углеводородов. Это в условиях географической замкнутости центрально-азиатского региона и наличия советской инфраструктуры, ориентированной на экспорт сырьевых ресурсов в Россию, с одной стороны, и тяжелой политико-экономической ситуации в самой России – с дру-

³⁵⁴ См.: Laruelle M. Russia in Central Asia: Old History, New Challenges? ...

гой, являлось единственным приемлемым механизмом оказания воздействия на регион. Однако интенсификация влияния РФ в нефтегазовой сфере коснулась только Казахстана и Туркменистана в форме спорадических попыток диктовать условия транзита углеводородов, что в итоге привело к проведению ими политики по диверсификации международных связей в нефтегазовой сфере³⁵⁵.

Таблица 7

**Сокращение торгового оборота между РФ
и странами Центральной Азии (1991–1992 гг.)***

Страна	Снижение торгового оборота
Узбекистан	в 27 раз
Кыргызстан	в 26 раз
Таджикистан	в 20 раз
Туркменистан	в 17 раз
Казахстан	в 5,2 раза

*Таблица составлена нами на основе данных источника: *Парамонов В., Строков А.* Россия и Центральная Азия: состояние и перспективы экономических отношений // URL: <http://ceasia.ru/dokladi/rossiya-i-tsentralnaya-aziya-sostoyanie-i-perspektivi-ekonomicheskikh-otnosheniy.html>

В военной сфере на втором этапе развития отношений между Россией и странами Центральной Азии, важным событием стало проникновение террористических групп на территорию стран региона. Однако, как и во время гражданской войны в Таджикистане, не был задействован потенциал ДКБ. Россия оказывала военно-техническую помощь Кыргызстану и Таджикистану на двусторонней основе в русле необходимости обеспечить защиту своих южных границ. Результатом этой политики стал выход Узбекистана из ДКБ и начало его более тесного сотрудничества с США. С другой стороны, подписанный

³⁵⁵ См.: *Парамонов В., Строков А.* Этапы внешней политики России в ЦА...

договор между Россией и Таджикистаном об условиях пребывания российской военной базы на территории Таджикистана был ратифицирован, однако не прошел все формальные юридические процедуры для того, чтобы его рассматривать в качестве нормативно-правового акта международного уровня. Вместе с тем, в конце 1999 года Кыргызстан отказался от услуг пограничных войск России, охранявших его южные рубежи, а российские военные консультанты покинули территорию Туркменистана³⁵⁶.

Таким образом, в период с середины 90-х годов прошлого века и до начала 2000-х годов характер воздействия России на внутривосточные отношения в Центральной Азии претерпел значительные изменения. Это было вызвано, с одной стороны, финансово-экономическим кризисом, охватившим Россию в этот период, с другой стороны – охлаждением отношений с Западом, который не рассматривал РФ в качестве равноправного партнера.

Воздействие России в экономической сфере стало проявляться в форме диктата условий транзита углеводородов из Казахстана и Туркменистана, сеть нефте- и газопроводов которых замкнута на последней. С одной стороны, это явилось одним из механизмов получения денежных средств для вывода экономики из кризиса, с другой – демонстрацией своих претензий на страны Центральной Азии в качестве зоны своих интересов. Такой характер воздействия вызвал противодействие обеих республик в форме попыток диверсифицировать импорт собственных энергетических ресурсов.

В военной сфере было проявлено взаимодействие во время вторжения террористических групп на территорию Таджикистана и Кыргызстана в 1999 и 2000 годах. Однако оно носило временный характер и не получило развития ни в рамках структур СНГ и ДКБ, ни на двусторонней основе. Противодействие стран региона проявилось в сокращении военных контактов с Российской Федерацией. Оно выразилось, с одной стороны, в уходе российских пограничников из Кыргызстана и Туркменистана, неопределенном официальном статусе российской военной базы в Таджикистане, выходе Узбекистана из ДКБ.

³⁵⁶ См.: *Frickenstein S. The Resurgence of Russian Interests in Central Asia...*

С другой стороны, в дальнейшем развитии отношений в военной сфере со странами НАТО, в т. ч. в участии Центрально-азиатского батальона в учениях НАТО, проведении военных реформ в рамках программы «Центрально-азиатская инициатива по укреплению безопасности», предложенной в 2000 году США.

Третий этап (2001 г. – 2013 г.). Пересмотр и последующая трансформация российского внешнеполитического курса в отношении Центральной Азии связаны с приходом к власти В. В. Путина и началом военной операции в Афганистане. В первые месяцы своего президентского срока Путин посетил страны региона, обозначив, таким образом, приоритеты внешней политики России, которая должна была приобрести реальные, а не декларативные очертания. В 2000 году была принята новая Концепция национальной безопасности РФ, которая концептуально обозначила отказ России от безусловного следования либерально-демократическим догмам во внутренней политике и учёта интересов Запада во внешней политике³⁵⁷.

Политическая элита России начала приходить к осознанию угрозы потери геополитического влияния в Центральной Азии и необходимости укрепления своих позиций на южном геостратегическом направлении³⁵⁸.

Изменение идеологии внешней политики, сопряженное с началом восстановления международного статуса, привело к пересмотру РФ комплекса ее интересов в регионе Центральной Азии:

- экономические интересы: добыча и транзит энергоресурсов;
- безопасность: на данном этапе обеспечение безопасности воспринимается не в русле единовременной защиты, в случае возникновения угроз для своих южных границ, а в контексте региональной долгосрочной кооперации;

³⁵⁷ См.: Концепция национальной безопасности Российской Федерации (10 янв. 2000) // URL: www.nationalsecurity.ru

³⁵⁸ См: *Князев А. А.* Россия снова в Средней Азии: Период внешнеполитического бездействия заканчивается...

- продвижение ценностей российской «суверенной» демократии и русской культуры³⁵⁹.

Ввиду того, что политическая ниша сотрудничества с центрально-азиатским регионом была занята США и рядом стран Запада, Российская Федерация сделала ставку на развитие взаимодействия в энергетическом секторе, где она обладала двумя преимуществами по сравнению со своими конкурентами: территориальная близость и развитая транспортно-коммуникационная сеть, замкнутая на России. Кроме того, Россия отказалась от идеологической опосредованности экономических и политических отношений со странами региона, что выгодно отличало стратегию РФ от стратегии США, навязываемые реформы которых уже к 1993 году доказали свою неэффективность как в России, так и странах Центральной Азии.

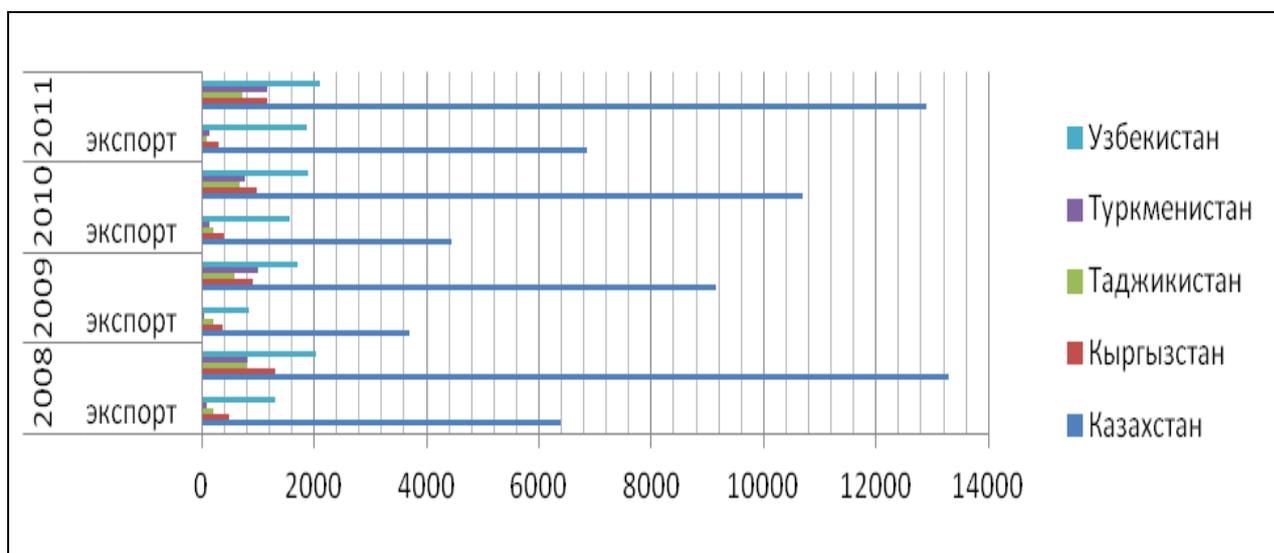
В результате, товарооборот между РФ и центрально-азиатскими странами увеличился, а в период с 2003 по 2007 годы – утроился. При этом если в 2005 году 25,4% (3,6 млрд долларов) всего объема товарооборота приходилась на торговлю углеводородами, то в 2010 году этот показатель вырос уже до 33% (11,7 млрд долларов)³⁶⁰. Россия стала главным импортером Казахстана (объем товарооборота составил 10 млрд долларов) и третьим экспортером после ЕС и КНР. В Узбекистане РФ превратилась в первого торгового партнера, на которого приходилось более четверти всего товарооборота страны (3 млрд долларов). Кроме того, Россия стала вторым после КНР торговым партнером Кыргызстана и первым – Таджикистана. В Туркменистане РФ занимала второе место после Украины и Ирана³⁶¹.

³⁵⁹ См.: *Peyrouse S., Boonstra J., Laruelle M.* Security and Development Approaches to Central Asia. The EU Compared to China and Russia...

³⁶⁰ См.: *Russia's Interests in Central Asia: Contents, Perspectives, Limitations* (25 июня 2013) // URL: http://russiancouncil.ru/en/inner/?id_4=2025#top

³⁶¹ См.: *Laruelle M.* Russia in Central Asia: Old History, New Challenges?...

Объем товарооборота стран ЦА с Россией (2008-2011 гг.)*

* Диаграмма составлена нами на основе данных источника: Russia's Interests in Central Asia: Contents, Perspectives, Limitations // URL: http://russiancouncil.ru/en/inner/?id_4=2025#top

Вместе с тем Москва не спешит оказывать поддержку Душанбе в строительстве главного национального энергетического объекта страны Рогунской ГЭС по двум причинам. Во-первых, Таджикистан заявляет о своих намерениях участвовать в проекте CASA-1000 и построенная Россией электростанция может впоследствии стать частью западного проекта. Во-вторых, строительство ГЭС вызывает резко негативную реакцию со стороны Узбекистана, что может окончательно подорвать позиции России в этой республике, которая начиная с 2007 года взяла курс на укрепление отношений с Западом.

Россия рассматривает Кыргызстан и Таджикистан в качестве главных объектов своего влияния в Центральной Азии на фоне прозападной ориентации Узбекистана и нейтралитета Туркменистана. В качестве методов воздействия на эти республики используются рычаги социально-экономического характера: инвестиции в строительство ГЭС и политика в отношении мигрантов.

Трудовая миграция из стран Центральной Азии

Страна ЦА	Количество граждан стран ЦА в России*	Доля переводов трудовых мигрантов ВВП страны ЦА**
Узбекистан	2 333 244	25–30%
Таджикистан	1 061 270	48%
Казахстан	553 457	0,1%
Кыргызстан	544 365	27%
Туркменистан	26 332	–

* На основе данных источника: *Бессуднов А.* Сколько гастарбайтеров в России // URL: http://slon.ru/russia/skolko_gastarbayterov_v_rossii-870263.xhtml

** По данным ВБ на ноябрь 2012 г. // URL: <http://www.rg.ru/2012/11/22/perevodisite.html>

Однако РФ нуждается во внешней трудовой миграции ввиду сложной демографической ситуации, сложившейся в стране. Трудовые мигранты, половина из которых выходцы из центрально-азиатских стран, образуют 7–8% рабочей силы России, а их деятельность формирует 6% ВВП России (100 млрд долларов в 2011 г.)³⁶². Данные обстоятельства обуславливают проведение Россией в целом лояльной и благоприятной миграционной политики в отношении граждан государств Центральной Азии.

В 2013 году Таджикистан задействовал более важные рычаги давления: ратификацию соглашения о дальнейшем пребывании на его территории 201-й российской военной базы и нерешенный вопрос аренды аэропорта в Айни, который может быть передан Индии с последующей субарендой США или НАТО.

Таким образом, особенность экономического присутствия России с начала 2000-х годов в регионе состоит в том, что она вкладывает инвестиции в

³⁶² См.: *Laruelle M.* Russia in Central Asia: Old History, New Challenges? ...

сферу добычи и транспортировки энергоресурсов, а не в их переработку в Казахстане, Узбекистане и Туркменистане. Данный факт детерминирован, в первую очередь, сырьевой направленностью экономики самой РФ и, следовательно, отсутствием современных технологий в этой сфере.

В отношении Таджикистана и Кыргызстана, которые она рассматривает в качестве объектов своего влияния в стратегически важном для нее регионе, внешнеполитический курс России детерминирован более геополитическими интересами, нежели экономической целесообразностью, и инвестиции в гидроэнергетический сектор этих стран рассматриваются как гарантии лояльности политических режимов государств региона. Такой подход к Центральной Азии позволил РФ решить ряд задач внешнеполитического характера:

- поддерживать свое влияние в Центральной Азии;
- получать значительные средства от транзита энергоресурсов;
- увеличивать объемы поставок газа в Европу.

Однако в других отраслях Россия значительно уступает КНР, товары которого впоследствии реэкспортируются в Россию через страны региона, переживающие после распада СССР период деиндустриализации. Таким образом, Россия является доминирующим внешним актором в регионе в сфере добычи и транспортировки нефти и газа.

Но в сфере малого и среднего бизнеса, внедрения новых технологий доля России невелика. Это с одной стороны, объясняется спецификой экономики самой РФ, с другой – экономической ситуацией в центрально-азиатских странах, переживающих системный кризис и делающих ставку на развитие экспорта природных ресурсов.

В этом контексте особенность российских инвестиций в сравнении, например, с КНР или США состоит в том, что доля прямых иностранных инвестиций (ПИИ) постоянно сокращается. Так, в 2009 году по сравнению с 2008 годом доля российских ПИИ в Казахстане сократилась на 36,1%, в Тад-

жикистане на 60%. Вместе с тем объем российских инвестиций под государственные гарантии в период с 2005 по 2010 годы вырос в 4 раза³⁶³.

Россия во второй половине первого десятилетия нового века стала активно применять механизмы «мягкой силы», что концептуально было отражено в Концепции внешней политики Российской Федерации, вступившей в силу феврале 2013 года. В ней, в частности, говорится: «...на передний план выдвигаются наряду с военной мощью такие важные факторы влияния государств на международную политику, как экономические, правовые, научно-технические, экологические, демографические и информационные»³⁶⁴.

Новые подходы наглядно демонстрирует политика России в отношении Кыргызстана. Так, в 2009 году РФ собиралась выделить ему финансовую помощь в размере 2 млрд долларов, используя ее в качестве механизма вовлечения республики в сферу своего влияния в обмен на отказ от дальнейшего пребывания на его территории американской авиабазы. Однако многовекторность внешней политики КР вкупе с коррумпированным режимом обеспечили дальнейшее пребывание авиабазы, только под другим наименованием.

В настоящее время после неконституционной смены власти в Кыргызстане в 2010 году Россия обозначается в качестве его стратегического партнера. На этом фоне РФ в полной мере использует механизмы «мягкой силы» для вовлечения Кыргызстана в сферу своих интересов. В частности, лишь за последние годы российской стороной осуществлено списание долга в размере 489 млн долларов, предоставление гуманитарной помощи в 2010–2012 годах на сумму свыше 45 млн долларов. В 2013 году выделен грант в 25 млн долларов и 20 тысяч тонн зерна. Достигнута договоренность об инвестициях в гидроэнергетический сектор в объеме около 2,5 млрд долларов и перевооружении кыргызстанской армии на сумму в 1,1 млрд долларов³⁶⁵.

³⁶³ См.: *Frickenstein S.* The Resurgence of Russian Interests in Central Asia...

³⁶⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации 2013 (4 марта 2013) // URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2013-03-04/9_concept.html?print=Y

³⁶⁵ См.: Посол РФ в КР Андрей Крутько: Помогает ли Россия Кыргызстану? (4 дек. 2012) // URL: <http://rus.kg/news/rusmir/8415-posol-rf-v-kr-andrey-krutko-pomogaet-li-rossiya-kyrgyzstanu.html>

Вместе с тем зависимость Кыргызстана от внешних доноров не позволяет ему быть полностью однозначным в выборе внешнеполитических партнеров. Кроме того, многовекторный курс способствует получению значительных финансовых вливаний от прочих внешних акторов.

Так, в Кыргызстане, несмотря на ратифицированное соглашение о выводе ЦТП США с территории Кыргызстана, данный вопрос все еще остается открытым на фоне создания совместных Вооруженных сил четырех стран – Турции, Азербайджана, Кыргызстана и Монголии – и озвучиваемых официальным Бишкеком приглашений России и Турции присоединиться к созданию логистического узла в аэропорту «Манас».

Вместе с тем, кроме экономических рычагов воздействия, РФ с начала 2000-х годов стала использовать и идеологические механизмы. В этом отношении значимую роль сыграло утверждение в 2005 году российской концепции суверенной демократии. Она предполагала самостоятельное определение государством сроков и масштабов демократизации своей политической системы с учетом местных особенностей без вмешательства внешних акторов, определяющих необходимый набор демократических преобразований исходя из своих интересов³⁶⁶.

Данный подход стал основополагающим принципом не только внутренней, но и внешней политики РФ. Так, в 2005 году Россия поддержала режим И. Каримова после силового подавления беспорядков в Андижане, что способствовало активизации отношений между ней и Узбекистаном, проводившим до того прозападный политический курс.

Особое внимание Россией также уделяется поддержке соотечественников на пространстве СНГ, защите их прав и свобод на основе двусторонних договоров.

³⁶⁶ Суверенная демократия: от идеи к доктрине (Сборник статей) (23 апр. 2013) // URL: http://www.e-reading-lib.com/bookreader.php/73463/Suverennaya_demokratiya__ot_idei_k_doktrine._Sbornik_stateii.html#note_1

Важно, чтобы Россия не потеряла эту нишу, поскольку успех интеграционных процессов во многом зависит и от крепких культурных связей, которые цементируют политическое и экономическое взаимодействие, переводя их на новый уровень. Вот почему так важно развивать русский язык и способствовать его распространению, создавать дополнительные условия для его распространения. Это тем более важно с учётом того, что в центрально-азиатских странах существует реальная потребность в его изучении. Поэтому в настоящее время жизненно важным является сохранить за Россией роль центра образования и обучения, что будет способствовать более успешной реализации проекта Евразийского Союза.

Необходимость в этом велика ещё и потому, что многие эксперты отводят Центральной Азии роль «лаборатории евразийской интеграции». Россия же, по справедливому замечанию президента Центра перспективных исследований С. И. Масаулова, является местом, где рождается инновационность.

В этом плане представляется перспективной деятельность неправительственных организаций «Международное евразийское движение» и «Евразийский союз молодежи». Их деятельность нацелена на пропаганду многополярного мира и интеграцию постсоветского пространства на новых ценностях в противовес неолиберальным догмам³⁶⁷. А расширение рамок их работы будет способствовать дальнейшему формированию положительного имиджа России в регионе в условиях нарастающего недоверия западным НПО, которое проявляется даже в самой «демократической» республике региона – в Кыргызстане. Так, решение Временного правительства о приглашении представителей ОБСЕ на юг страны после этнического конфликта 2010 года вызвало резко отрицательную реакцию населения.

В военной сфере, так же как в социально-политической и экономической, активизация политики России началась с 2000-х годов. Она развёртыва-

³⁶⁷ См.: Смазнов И. А. Евразийство в постсоветской России (24 нояб. 2008) // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/evraziystvo-v-postsovetskoy-rossii>

лась на фоне военной операции в Афганистане и более тесного сотрудничества стран региона с НАТО и США, а также процессами расширения НАТО при игнорировании позиции России.

В 2001 году в Бишкеке открыто отделение Антитеррористического центра СНГ по Центральной Азии, а в рамках ОДКБ созданы Центрально-азиатские силы быстрого развертывания. Наиболее интенсивно отношения в военной сфере развивались с Кыргызстаном, Казахстаном и Таджикистаном. В 2002 году Россия предоставила льготные условия для подготовки военных кадров стран-участниц ОДКБ в российских военных учебных заведениях. В 2003 году, в противовес США, начала функционировать российская военная авиабаза в Канте, а с 2004 года стали на регулярной основе проводиться учения «Рубеж».

В последующем, по мере приближения даты вывода войск международной коалиции из Афганистана, Россия стала усиливать свое влияние в военной сфере. На неформальном саммите глав ОДКБ в мае 2013 года было принято решение о необходимости ускорения обеспечения КСОР ОДКБ современными образцами российского вооружения и техники. Оно было принято на фоне заявления стран НАТО и США об оставлении части военной техники, вывозимой из Афганистана Узбекистану в обмен на безопасный транзит по его территории машин и контейнеров с грузами из Афганистана. Кроме того, Россия усиливает военный потенциал своей авиабазы в Канте в свете открытия в Узбекистане регионального представительства НАТО.

Таким образом, интересы России на третьем этапе выстраивания отношений со странами ЦА также лежат в плоскости обеспечения безопасности и использования энергетических ресурсов региона. Однако изменился подход к пониманию сущности безопасности. Сейчас это не только необходимость обеспечения защиты своих южных рубежей, но и задача сохранения стабильности в Центральной Азии.

В этом контексте РФ активно использует механизмы воздействия «мягкой силы». Это предоставление гуманитарной помощи, культивирова-

ние изучения русского языка среди мигрантов, реализация программ по поддержке соотечественников, развитие сети НПО, инвестиции в стратегически важные объекты экономики стран региона, поддержка правящих режимов в русле концепции «суверенной демократии» – права государства самостоятельно определять приоритеты своего внутривластного развития.

Однако страны региона, в первую очередь Кыргызстан и Таджикистан, находясь в сильной зависимости от внешних доноров, оказывают противодействие политике России. В частности, Таджикистан лишь после длительного торга ратифицировал соглашение по условиям пребывания российской военной базы на своей территории, оставляя при этом открытым вопрос аренды аэропорта в Айни. Кыргызстан, ратифицировав соглашение о выводе американского ЦТП, делает заявления о возможности создания логистического центра с участием России и члена НАТО – Турции. Казахстан поднимает вопрос о пересмотре соглашения об условиях аренды российской стороной космодрома «Байконур».

Взаимосотрудствие проявляется, в первую очередь, в сфере миграции: в странах Центральной Азии существует избыток рабочей силы, которую они не могут самостоятельно обеспечить рабочими местами, в России, напротив, наблюдается ее недостаток, в первую очередь в низкооплачиваемых отраслях. Ввиду этого предпринимаемые Россией меры по ужесточению контроля над мигрантами направлены на оказание воздействия на страны региона по разрешению спорных вопросов.

В целом, результаты взаимодействия РФ со странами Центральной Азии в систематизированной форме можно представить в виде следующей таблицы.

**Результаты оказываемого влияния РФ
на страны Центральной Азии**

Этапы	Воздействие РФ	Противодействие стран ЦА	Взаимодействие РФ и стран ЦА
I (1990–1995 гг.)	<i>Экономика и государственное управление</i>		
	Пассивность во внутривнутриполитических и экономических процессах стран ЦА	Отказ от реконструкции сложившихся в советский период отношений на новой основе	Ориентация на Запад
	<i>Безопасность</i>		
	Создание ОДКБ, участие в урегулировании конфликта в Таджикистане (1992–1997 гг.)	Участие в программах НАТО и ОБСЕ	Совместное участие в операции по урегулированию конфликта в Таджикистане
II (1995–2001 гг.)	<i>Экономика</i>		
	Диктуемые условия транзита газа	Диверсификация партнеров	Развитие отношений в нефтегазовой сфере
	<i>Безопасность</i>		
	Участие в ликвидации террористической угрозы (1999–2000 гг.)	Дальнейшее углубление отношений с НАТО	Противодействие террористической угрозе (1999–2000 гг.)
III (2001–2013 гг.)	<i>Экономика</i>		
	Участие в строительстве стратегических объектов экономики, инвестиционные вливания, оказание гуманитарной помощи	Коррупционные схемы, нецелевое использование выделяемых средств	Инвестиции РФ: <i>РФ</i> : усиление своего геополитического веса; <i>Страны ЦА</i> : реализация важных в социально-экономическом отношении проектов
	<i>Безопасность</i>		
	Размещение военных баз, предоставление военной техники, перевооружение КСОР ОДКБ	Сотрудничество с НАТО, опосредованность размещения военных объектов финан-	Переворужение армий ЦА: <i>РФ</i> : усиление своего геополитического веса;

		сово- экономическими выгодами	Страны ЦА: матери- ально-техническое оснащение армии
<i>Государственное управление</i>			
	Поддержка полити- ческих режимов	Внедрение эле- ментов западной политической мо- дели политиче- ской системы	Поддержка политиче- ских режимов: <i>РФ</i> : создание поло- жительного образа; <i>Страны ЦА</i> : наличие «запасного» внешне- политического парт- нера при охлаждении отношений с Западом

2.3.2. Эволюция интересов России во внешнеполитических процессах в Центральной Азии

Евразийский союз: концептуальная основа

Императивы внешнеполитического курса РФ отражены в Концепции внешней политики Российской Федерации 2013 года, в которой подчеркивается, что приоритетной задачей для России является формирование Евразийского экономического союза. Этот союз фактически должен стать альтернативой западным проектам по созданию мега-региона Центральной и Южной Азии на базе транспортных артерий, связывающих Европу и Азиатско-Тихоокеанский регион. Вместе с тем, приоритетным направлением внешней политики РФ называется пространство СНГ, с участниками которого Россия будет активно развивать отношения в гуманитарной сфере на основе общего культурно-цивилизационного наследия, которое является инструментом противостояния процессам нелиберальной глобализации³⁶⁸.

Данные приоритеты российской внешней политики в своем выступлении на международной конференции «Россия в мире силы XXI в.» четко обозначил министр иностранных дел РФ С. Лавров. Он подчеркнул, что цель

³⁶⁸ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации 2013...

внешней политики России состоит в том, чтобы формирующаяся система международных отношений была полицентричной, предполагающей множественность моделей развития, поскольку либеральная демократия уже не является унифицированной моделью развития мира. Навязывание западной модели либерально-капиталистической системы, по мнению Лаврова, вызывает обратную реакцию и способствует усилению экстремистских сил и появлению элементов хаоса на глобальном уровне³⁶⁹.

На основе Концепции внешней политики Российской Федерации 2013 года можно обозначить следующие интересы РФ во внешнеполитических процессах в странах Центральной Азии, которые строятся на основе учёта причин, обуславливающих значимую роль Центральной Азии для безопасности России:

- регион близко расположен к Кавказу и южным районам России и служит одним из основных каналов проникновения в эти регионы международных террористических и экстремистских элементов;
- регион является частью «северного маршрута» контрабанды наркотиков из Афганистана и Таджикистана, часть которых попадает в Россию, где уже остро стала обозначаться проблема наркомании;
- регион, граничащий с нестабильным Афганистаном, может превратиться в очаг напряженности и стать одним из форпостов реализации американской концепции «управляемого хаоса», нацеленной в долгосрочной перспективе на изоляцию РФ, недопущение создания треугольника Россия – Индия – Китай³⁷⁰. При этом обеспечение безопасности понимается в двух плоскостях: недопущение дестабилизации ситуации в Центральной Азии путём противодействия терроризму, экстремизму, организованной преступности,

³⁶⁹ См.: Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на юбилейной международной конференции «Россия в мире силы XXI века», приуроченной к 20-летию Совета по внешней и оборонной политике и 10-летию журнала «Россия в глобальной политике», Москва, 1 декабря 2012 г. (1 дек. 2012) // URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/30011D027DECDBF844257AC7003D39D0

³⁷⁰ См.: *Иванов С. Г.* Роль внешнеполитических факторов в процессах трансформации экономики Кыргызской Республики... – С. 256–257.

наркотрафику и имплицитное противостояние Западу посредством формирования пояса лояльных государств по периметру своих границ;

- к числу важных интересов следует также отнести выстраивание альтернативных западным моделям моделей евразийской интеграции, связывающих Европу и Азиатско-Тихоокеанский регион;
- превращение Центральной Азии (в общем контексте СНГ) в зону привилегированного культурно-цивилизационного влияния России

Поскольку у РФ не существует концептуально разработанной стратегии в отношении Центральной Азии, то воздействие оказываемое Россией на внешнеполитические процессы стран региона необходимо рассматривать в общем контексте евразийской интеграции, а также интеграционных процессов в СНГ. Первые шаги по формированию евразийского интеграционного пространства были сделаны в начале 1990-х годов, причём действенными были только двусторонние договоренности о свободной торговле между Россией и центрально-азиатскими странами.

Новый этап был связан с общим разворотом внешнеполитического вектора РФ в сторону Центральной Азии на фоне усиления американского присутствия в регионе и общим разочарованием российской элиты во внешнеполитической риторике Запада в ее отношении.

Только в 2011 году был подписан новый многосторонний Договор о зоне свободной торговли. Однако из стран региона ратифицировал его только Казахстан, последовательно отстаивающий идею евразийской интеграции. Подписали Договор, но не ратифицировали его Таджикистан, Кыргызстан и Узбекистан. Подписание Договора последним можно рассматривать в качестве «декларативного реверанса» после визита И. Каримова в Москву в апреле 2013 года.

Однако принимаемые внутренние нормативно-правовые акты в Узбекистане нацелены на ужесточение протекционистской политики и фактически делают невозможным выполнение внутригосударственных процедур для ратификации соглашения о зоне свободной торговли. Вместе с тем, участвуя в проектах ЕС (CAREC) и США («Новый Шелковый путь»), Узбекистан увеличивает това-

рооборот с Афганистаном, что является обязательным условием данных проектов. Представляется, что позиция Ташкента обусловлена стремлением, с одной стороны, получить выгоды от западных интеграционных проектов, с другой – сохранить ровные отношения с РФ в случае охлаждения отношений с Западом.

Таможенный союз и Единое экономическое пространство

Таким образом, во внешнеполитических процессах воздействие России на страны Центральной Азии оказывается через инициативы евразийской интеграции. При этом у РФ отсутствует четко разработанная стратегия в отношении стран региона, где четко прописаны интересы, цели и задачи иницируемых интеграционных проектов. Кроме того, будучи геополитически мотивированным, проект евразийской интеграции не отражает краткосрочных финансово-экономических выгод, которые могут извлечь страны-участницы. Ввиду этого страны-претенденты на участие в Таможенном союзе – Кыргызстан и Таджикистан – используют свою многовекторность в качестве механизма противодействия политике России. В частности, Кыргызстан лоббирует западный проект строительства железной дороги «Китай – Кыргызстан – Узбекистан», а Казахстан подчеркивает намерение использовать свой транзитный потенциал не только в сотрудничестве с Россией, что было озвучено Н. Назарбаевым во время его визита в Узбекистан в июне 2013 года.

В условиях общей нацеленности на развитие экономической интеграции, что представляется наиболее приемлемым в свете тех социально-экономических проблем, с которыми сталкиваются страны региона, Россией фактически не предлагаются транспортные проекты. Однако выгодное сотрудничество Узбекистана с США и ЕС в сфере строительства транспортных коридоров в Афганистан становится причиной оказания воздействия стран Центральной Азии на политику РФ посредством лоббирования альтернативных западным проектам строительства транспортных магистралей – «Россия – Казахстан – Кыргызстан – Таджикистан», что является важным для стран региона в условиях их географической замкнутости.

В целом, противодействие Узбекистана, открыто наращивающего потенциал сотрудничества с США, проявляется в последовательном дистанцировании от евразийских интеграционных проектов. При этом РУз стремится к сохранению равных отношений с РФ посредством подписания декларативных международных соглашений. Многие из них противоречат внутреннему законодательству республики, и, следовательно, заложенные в них международные обязательства не будут исполнены.

Самую жёсткую позицию занимает Туркменистан, проводящий курс на неприсоединение к каким-либо интеграционным блокам, что также является механизмом противодействия политике России и всем внешнеполитическим акторам в Центральной Азии.

Вместе с тем взаимодействие стран региона и России проявляется в стремлении сформировать интеграционный блок на основе схожих культурно-гуманитарных ценностей, который бы служил для РФ механизмом усиления своего геополитического веса на континенте, а для стран региона представлял бы механизм оказания воздействия на политику других центров силы, имеющих интересы в Центральной Азии.

Эволюция интересов

В 1990-е годы РФ не могла предложить какой-либо альтернативный путь развития постсоветских центрально-азиатских республик, так как сама выстраивала политическую систему по либерально-демократическим лекалам Запада. Единственным моментом, обозначившим присутствие России в регионе, было ее участие в урегулировании гражданской войны в Таджикистане и совместные действия в рамках СНГ по противодействию террористическим группам, вторгшимся в пределы стран региона в 1999–2000 годах. Участие в этих акциях было вызвано эскалацией военного конфликта в Чечне и напряженностью на южных рубежах, которая могла стать катализатором дезинтеграционных процессов в РФ.

С начала нового века присутствие России в регионе стало значительно активизироваться, главным образом, по двум направлениям – в экономике, в первую очередь в энергетическом секторе, и в военной сфере. Сдвиги в политике России были обусловлены крушением её прозападного курса и активизацией в Центральной Азии после ввода войск международной коалиции в Афганистан. В этот период она стала активно разрабатывать, в противовес западным инициативам, проекты евразийской интеграции и создания Евразийского союза. Новые интеграционные проекты РФ выстраивает с более узким набором участников, в первую очередь со странами региона, из которых исходят угрозы ее южным рубежам на фоне усиливающегося влияния в нём США и НАТО. Характерно, что в данный период она активно использует механизмы «мягкой силы» для распространения своего влияния, в т. ч. экономические и культурные, при одновременном усилении своего военного потенциала.

Сравнительный анализ воздействия

Воздействие Российской Федерации на внутри- и внешнеполитические процессы государств Центрально-азиатского региона необходимо оценивать с позиции той степени, в которой они вовлечены в различные сферы присутствия России в регионе. Исходя из этого, можно обозначить три группы стран:

- страны-партнеры в энергетическом секторе (Казахстан, Туркменистан);
- страны-объекты евразийской интеграции и лидеры в сфере военного сотрудничества (Кыргызстан, Таджикистан);
- Казахстан – страна-партнер в евразийской интеграции;
- Узбекистан – страна, практически исключенная из сферы влияния РФ.

Сотрудничество с Казахстаном и Туркменистаном для России сопряжено, в первую очередь, с транзитом углеводородов в Европу. В этом отношении проявляется взаимодействие обеих сторон. Россия получает возможность оказывать давление на ЕС – главного импортера энергоресурсов. В свою очередь, эти страны, для которых энергетический сектор является стратегическим и трубопроводы замкнуты на России, приобретают в ее лице надежного им-

портера. Этот вывод подтверждает ситуация вокруг европейского NABUCCO, реализация которого постоянно откладывается ввиду финансово-экономического кризиса в ЕС. С другой стороны, Казахстан является активным участником проектов евразийской интеграции, таких как Зоны свободной торговли СНГ, Таможенного союза, Единого экономического пространства. Следовательно, Россия получает в лице Казахстана стратегическую опору в регионе на фоне маятниковой политики Кыргызстана и Таджикистана и дистанцированности Узбекистана.

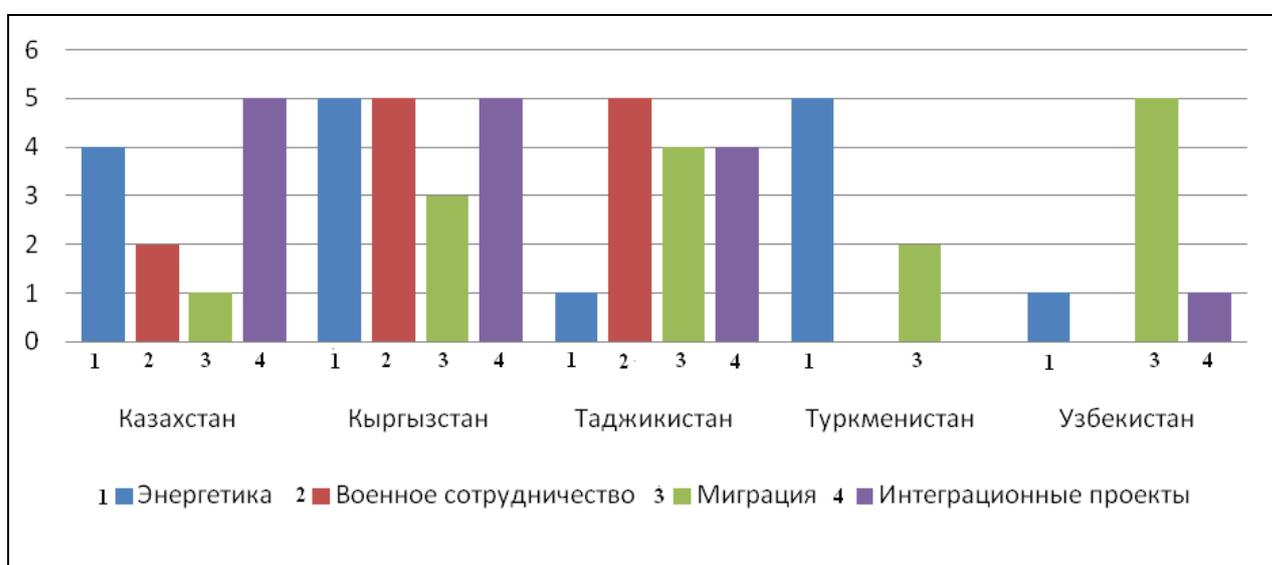
Таджикистан и Кыргызстан, в отличие от Казахстана, будучи наименее развитыми в социально-экономическом аспекте, преследуют в сотрудничестве с Россией, главным образом, краткосрочные финансово-экономические выгоды, связанные со строительством стратегических объектов, перевооружением армии, получением гуманитарной помощи. Россия, в свою очередь, стремится вовлечь их в сферу своего влияния, используя механизмы «мягкой силы». В Кыргызстане газовая отрасль переходит во владение государственной компании «Газпром», армия будет оснащена российскими образцами вооружения и техники, ряд гидроэнергетических сооружений будет построен за счет инвестиций РФ. Кроме того, выделяется значительная гуманитарная помощь. На неформальном саммите ОДКБ в мае 2013 года одобрена инициатива строительства железной дороги Россия – Казахстан – Кыргызстан – Таджикистан.

Однако сотрудничество с Таджикистаном, после наиболее активного в 1990-е годы, в настоящее время менее интенсивное, по сравнению с Кыргызстаном. Данный факт объясняется стремлением РФ сохранить потенциал вовлечения в сферу своих интересов Узбекистана, у которого напряженные отношения по комплексу водно-энергетических и пограничных проблем с Таджикистаном. Ввиду этого всеобъемлющая поддержка последнего может стать катализатором полного ухода Ташкента из сферы влияния России, в свете интенсивного сотрудничества Узбекистана в рамках проектов по интеграции Афганистана в регион с ЕС и США и динамично развивающихся экономических связей республики с КНР.

Поддержка же Россией Таджикистана в строительстве Рогунской ГЭС может привести не только к осложнению отношений с Узбекистаном, но и в условиях проявляемого Таджикистаном интереса к американскому проекту CASA-1000 стать помощью в его реализации. Степень вовлеченности стран региона в проекты России по сферам можно представить в виде следующей диаграммы, где 1 – наименьшая степень вовлеченности, 5 – наибольшая:

Диаграмма 8

Степень вовлеченности стран ЦА в проекты России (по сферам)

В целом, проведенный анализ интересов Российской Федерации в Центральной Азии позволяет сделать следующие **выводы**.

- Россия заинтересована в вовлечении региона Центральной Азии в сферу своего влияния ввиду того, что он представляет собой мост между Востоком и Западом, располагает мощными природными и трудовыми ресурсами, а также содержит в себе мощный транзитный потенциал;

- вместе с тем регион является стратегическим буфером против внешних угроз и в случае, если он перейдет под контроль других внешнеполитических акторов, стратегическая оборонительная линия России будет проходить по государственной границе.

- при этом для политики РФ в регионе характерно отсутствие идеологической ее опосредованности, что позитивно влияет на выстраивание взаимовыгодных отношений с политическими режимами стран региона;
- в динамике взаимоотношений между Россией и странами Центральной Азии можно выделить два этапа: 1990–2001 годы и 2001–2013 годы. Для первого этапа характерна общая пассивность России в регионе ввиду доминирования евроатлантического измерения в её внешнеполитическом курсе, что привело к постепенному смещению акцентов в сторону Запада и во внешней политике стран региона. С 2001 года Россия стала обозначать свое присутствие в Центральной Азии через механизмы ОДКБ и СНГ, а также проекты евразийской интеграции. Ядром последней выступает экономика, что обусловлено, с одной стороны, заинтересованностью России в энергетическом потенциале региона, с другой – тем, что экономическая ниша интеграции еще не освоена другими внешними центрами силами. Кроме того, Россия начала активно использовать инструменты «мягкой силы» для оказания воздействия на страны региона. С этой целью культивируется изучение русского языка, поддержка соотечественников, создание сети НПО, оказание гуманитарной помощи.

Однако в политике стран Центральной Азии преобладают коммерческие подходы к выстраиванию комплекса отношений в сферах политики, экономики и безопасности. Они нацелены на получение краткосрочных финансово-экономических выгод от сотрудничества с РФ. В первую очередь, это касается Кыргызстана и Таджикистана, тогда как Казахстан и Узбекистан, обладая более значительной экономической базой, преследуют и интересы геостратегического характера, в т. ч. установления регионального лидерства.

Необходимым условием реальной и серьезной консолидации стран региона под эгидой России должна стать конкретная и продуманная стратегия, которая может быть представлена в качестве составной части более масштабного проекта евразийской интеграции, где будут обозначены цель, краткосрочные выгоды, встроенные в долгосрочные перспективы выгодного сотрудничества.

2.4. Влияние последовательного продвижения интересов Китая на внутри- и внешнеполитические процессы в Центральной Азии

2.4.1. Реализация основных принципов внешнеполитической стратегии Китая в отношении стран ЦА

Последовательность и адаптивность – исторически выверенные принципы внешнеполитической стратегии Китая

Внешняя политика Китая имеет трехтысячелетний опыт продвижения интересов страны в международных отношениях, она строилась и строится на неизменных принципах китаецентризма. Одними из этих проверенных историей принципов, исходящих из главной цели идеи китаецентризма – вовлечения других народов в китайскую цивилизацию с последующей их ассимиляцией, присоединением или завоеванием, являются **последовательность** и **адаптивность** внешней политики Китая. Такая стратегия Китаем применяется, в основном, к соседствующим народам, которые значительно уступают ему по своему потенциалу (численности населения, размеру территории, экономической мощи и т. д.)³⁷¹.

Последовательность предполагает реализацию задач внешней политики неотступно, шаг за шагом, расширяя и основательно внедряя свою культуру в повседневную жизнь вовлекаемых в китайскую цивилизацию народов, а также наращивая темпы роста торговых и экономических связей и поощряя миграцию китайцев. Не случайно у кыргызского народа с древних времен бытует мнение, выраженное в его предупреждении своих потомков, что «начнешь превращаться в китайца, даже надев произведенную ими тапочку».

Адаптивность означает продвижение интересов страны, не навязывая и не принуждая, а приспособливая их к местным условиям, требованиям, зако-

³⁷¹ Внешняя политика государства Цин в XVII веке. – М., 1977. – С. 51.

нам и к складывающейся там общественно-политической ситуации. Иными словами, интересы Китая в краткосрочной и среднесрочной перспективе должны совпадать с интересами тех стран, с которыми идет сотрудничество. По этим принципам сотрудничество, а не противостояние должно привести к полному и окончательному вовлечению народов в китайскую цивилизацию.

Отсюда главная особенность этих принципов – отсутствие в них временных границ, т. е. их ориентированность на длительную историческую перспективу. Эти дипломатические стратегии, по мнению российского ученого В. С. Мясникова, «представляют собой нацеленные на решение крупной внешнеполитической задачи планы, рассчитанные на длительный период и отвечающие национальным и государственным интересам»³⁷². По ним каждый последующий шаг на пути продвижения интересов Китая делается только при наступлении благоприятных для этого условий, пусть даже через сто или тысячу лет. Четко предусмотренных сроков не имеет и процесс адаптации или проникание китайской культуры и экономических и политических интересов в местную жизнь. Ведь они призваны для постепенной выработки у народов устойчивой потребности в приобщении к китайской культуре и незаметного подталкивания их экономик к вовлечению во внутрикитайские экономические отношения, в лучшем случае превращения этих стран в потребителей китайских товаров. Другими словами, данные стратегии нацелены на историческую перспективу и не имеют конкретных временных установок.

Помимо отсутствия временных границ и ориентированности на сотрудничество, а не на противостояние, для названных принципов китайской внешней политики характерно и то, что средства и методы дипломатии взяты не из принципов и норм и обычаев международного права. Они основываются на исторически проверенных стратегиях военного искусства, отличающихся тотальностью и абсолютным приоритетом цели над средствами. Даже поддержка связей друг с другом китайских мигрантов в странах проживания организо-

³⁷² Мясников В. С. Антология хитроумных планов // Харро фон Зенгер. О китайском искусстве жить и выживать. Стратегемы. – Т. 1. – М., 2006. – С. 8.

вана по военным правилам³⁷³, что превращает их, несмотря на малочисленность, в монолитную силу, способную отстоять свои права без особых усилий; они – готовые штурмовые отряды китайской дипломатии. К примеру, стратегия поведения китайцев в той или иной стране, негласно установленная министерством иностранных дел Китая, строго по-военному обязательна для исполнения всеми – не только дипломатами, мигрантами, но и теми, кто давно получил гражданство других стран. Главное в этих стратегиях то, что внешнеполитическая цель должна быть достигнута любыми способами, хоть невиданным унижением, хоть привлечением неоправданно больших средств и ресурсов и затратой очень большого количества времени.

Продвижение интересов Китая, нацеленных на постепенное вовлечение народов в китайскую цивилизацию, не имеет строго определенного порядка осуществления комплекса мероприятий, они обуславливаются ситуацией, складывающейся в международных отношениях и протекающими в странах, оказавшихся в орбите его особого внимания, внутривнутриполитическими процессами. Можно обозначить общие направления реализации этой стратегии и последовательность решаемых задач, лишь обратившись к истории взаимоотношений Китая с соседствовавшими с ним народами и сопоставив её с нынешней его внешней политикой. И в этом отношении задаваемый исторический процесс особенно хорошо отслеживается в книгах «История Синьцзяна (автор Тянь Вайцзянь, Урумчи, 2001 г.)» и «Синьцзян, китайская земля: прошлое и настоящее (коллектив авторов, Урумчи, 2006 г.)», написанных самими китайскими учеными и вышедших в Китае в русском переводе. Важность этих и других подобных книг заключается в том, что они написаны самими носителями китаецентристской идеологии, что позволяет глубже понять проводимую Китаем внешнюю политику в Центральной Азии.

В Китае шаг к такой исторической цели издревле начинался с детального изучения неприсоединенных территорий и жизни населяющих их народов.

³⁷³ Гельбрас Ф. Китайское землячество в Москве // Азия и Африка сегодня. – 1999. – № 11. – С. 34.

Обычно оно проводилось с отправкой дипломатических миссий и научных экспедиций во главе с известными придворными учеными. Подобные дипломатические миссии и научные экспедиции должны были не только дополнить те сведения об этих народах, которые имелись у китайцев, и организовать с ними сотрудничество, но и помочь в выборе стратегии распространения на них своего влияния.

Преследование Китаем такой цели отмечается самими китайскими учеными. В частности, старший научный сотрудник Академии общественных наук Китая Ли Шэн, указывая на то, что написанные в период Чжаньго (465–221 гг. до н. э.) китайские летописи «Шаньхайцзин» («Писание о горах и морях»), «Чжушущинянь» («Хроника на бамбуковых дощечках»), «Мутаньцзычжуань» («Жизнеописание сына Неба Му»), «Ичжоуцзы» («Книга Ичжоу»), «Шицзи» («Исторические записки») и «Ханьшу» («История Хань»), в которых имеются подробные сведения о народах Синьцзяна и Центральной Азии, являются результатами научных и дипломатических миссий, отмечает, что главной чертой «этих источников о крае Сиюй является представление о единстве Сиюя и Китая»³⁷⁴. Хотя в то время Синьцзян и Центральная Азия были для Китая очень далекими и мало известными территориями.

Вся история внешней политики Китая показывает, что выбор стратегии вовлечения соседствующих народов в китайскую цивилизацию начинается с подписания с ними договоров о долговременном сотрудничестве или с установления, как в древности, полномасштабных связей. С этого времени, несмотря на складывающиеся ситуации или враждебные отношения с этими народами, направленность внешней политики на вовлечение их в свою цивилизацию и присоединение к Китаю, хоть и в далекой перспективе, становится неизменной, принятой навсегда. Об этом свидетельствует вся трехтысячелетняя история взаимоотношений Китая и народов Синьцзяна, вернее, народов Восточного Туркестана. В этом отношении мнение китайского ученого Тянь Вэйцзена о том, что «объединение Западных территорий (Восточного Турке-

³⁷⁴ Синьцзян, китайская земля: прошлое и настоящее. – Урумчи, 2006. – С. 5.

стана. – Авт.) под властью Китая – неизбежный исторический процесс, предпосылкой которому послужили установление и развитие экономических и культурных связей между Китайской равниной и Западными территориями»³⁷⁵, является общепринятой и официальной позицией власти этой страны. Причем идея объединения Восточного Туркестана, как мы показали выше, в Китае во всё это исторически длительное время оставалась главным смыслом внешней политики Китая.

За установлением дипломатических отношений разворачивалась работа по быстрому расширению политического, экономического и культурного сотрудничества. Они по мере возможности велись в условиях, весьма выгодных для народов и стран, которые в перспективе должны были бы быть интегрированы с Китаем или стать зависимыми от него. Такая политика в древности называлась «заклечь врага в свои объятия»³⁷⁶ путем предоставления возможности обогащаться³⁷⁷. Главное здесь заключалось в том, чтобы как можно больше стран вовлечь в торгово-экономические отношения с Китаем, ориентировать их экономики на экономику китайскую.

Наряду с развитием экономических отношений осуществлялась всяческая политическая поддержка руководителей государств. Они могли пользоваться поддержкой Китая как во внутривнутриполитических, так и во внешнеполитических своих усилиях. И такая поддержка оказывалась путем заключения политического союза, установления родственных уз между правителями, отправки войск и многочисленных советников, выделения средств и т. д. При этом натравливание друг на друга враждующих племен и народов всегда было направлено на недопущение усиления кого бы то ни было из них. Как применялись Китаем эти и другие политические технологии в отношении соседних стран, очень хорошо описывается в работе кыргызстанского политолога Абд-

³⁷⁵ Вэйцзянь Тянь. История Циньцзяня. – Урумчи, 2001. – С. 16.

³⁷⁶ Харро фон Зенгер. О китайском искусстве жить и выживать. Стратегемы Т. 1. – М., 2006. – С. 152.

³⁷⁷ Конрад Н. И. Суныцзы: Трактат о военном искусстве. – М.; Л., 1950. – С. 37.

рахима Хапизова «Уйгуры: сквозь тернии веков»³⁷⁸. А в книге видного казахстанского общественного деятеля, уйгура по национальности, Кахармана Хожамберди «Урумчинская трагедия 5 июля 2009 года» дается их современная трансформация³⁷⁹.

Во все времена Китай исключительное значение во внешней политике придавал продвижению своей культуры в соседние страны, которое всегда шло параллельно с развитием политического и экономического сотрудничества. По сути, политическое и экономическое проникновение должно было нести с собой китайскую культуру – создавать у местного населения потребности в приобщении к китайской культуре и образу жизни (изучение языка, приобретение профессий, распространение китайского опыта, организация политической жизни, приглашение специалистов, способных организовать производство тех или иных товаров, и т. п.). Кроме того, дипломатические усилия направлялись на то, чтобы приезжающие из Китая специалисты, дипломаты, рабочие, да и просто мигранты могли организовывать свою повседневную жизнь, вплоть до употребления пищи и удовлетворения своих культурных потребностей, как в Китае. Открываемые ими производства основывались на китайской традиции организации трудовой деятельности, а оформление их дизайна осуществлялось, как и сейчас, в китайском национальном стиле.

Успешная организация политического, экономического и культурного сотрудничества создавала условия для перехода к следующему этапу продвижения интересов Китая, а именно: к развитию и расширению инфраструктуры, коммуникаций и всяческому стимулированию миграции китайцев в эти страны. Ведь прокладывание и строительство всех видов дорог, создание структур, обеспечивающих обмен информацией, в т. ч. и научной, и безопасность торговли закладывают основу для развития и ускорения интеграционных процессов, которые в силу значительного превышения общего потенциала Китая над

³⁷⁸ Хапизов А. Уйгуры: сквозь тернии веков // Иттипак. – 2012. – № 6 (207), июнь. – С. 10.

³⁷⁹ Хожамберди К. Урумчинская трагедия 5 июля 2009 года. – Алматы, 2010. – С. 21–42.

этими странами приобретают однонаправленный характер. Поэтому выстраиваемая таким образом коммуникация превращается в гравитационную силу китайской цивилизации.

А конечной целью постепенного увеличения китайцев посредством стимулирования их миграции, как указывали в своих стратегических планах китайские императоры, всегда было вытеснение местного населения из мест своего постоянного проживания или их ассимиляция³⁸⁰. Разнообразие технологий закрепления китайцев на местах их миграции поражает воображение своей оригинальностью и неожиданностью. Сразу можно заметить, что такое их ползучее проникновение в соседние территории выработывалось тысячелетиями.

На следующем этапе дипломатической работы по вовлечению соседних стран в китайскую цивилизацию акцент делается на превращение всего китайского в неотъемлемую часть жизни местного населения, легитимации этой культуры. На этом этапе особое значение приобретают внедрение китайского языка во все сферы жизнедеятельности людей и организация их жизни по китайским традициям и обычаям. Усиленно распространяется идея единства и близости соседствующих народов и Китая. Значительно увеличивается объем выделяемых Китаем средств на развитие экономик и постепенно вводятся такие системы управления, которые делают экономики этих стран полностью зависимыми от экономики Китая. Сами же китайцы начинают рассматривать зависимые экономики просто частью экономики своей страны. В политической сфере заключаются договоры, обязывающие страны согласовывать свои действия не только в международных отношениях, но и в управлении внутриполитическими процессами. Навязываются китайские стандарты государственного управления, а политическая система постепенно начинает перестраиваться на китайский лад.

³⁸⁰ Мясников В. С. Традиции китайской дипломатии и реализация Циньской империей стратегических планов в отношении Русского государства в XVII веке... – С. 15.

Таким образом, вся история Китая показывает, что в отношении соседствующих народов, которые значительно уступали ему по своему потенциалу, он в своей внешней политике всегда выбирал исходящую из идеи китаецентризма стратегию постепенного их вовлечения в китайскую цивилизацию. И неизменными, исторически выверенными принципами такой внешней политики являются ее последовательность и адаптивность. Именно эти принципы позволяют ставить перед внешней политикой задачи, рассчитанные на длительную историческую перспективу, т. е. задачи, не имеющие временных измерений, и обеспечить на основе не противостояния, а сотрудничества приспособление китайской культуры к условиям жизнедеятельности людей этих стран. Ведь само бесконфликтное приспособление культуры к чужой среде требует очень много времени. Еще одной характерной чертой данной стратегии продвижения интересов Китая является то, что средства и методы реализации внешнеполитических задач он черпает, как отмечено выше, не в принципах и нормах международного права, а в стратегии военного искусства, отличающейся своей тотальностью.

Последовательность реализации данной стратегии внешней политики можно обозначить лишь в общих чертах, поскольку она не имеет строгих временных границ. В древности к выбору такой стратегии приходили после проведения многочисленных дипломатических миссий и научных экспедиций, порой длившихся сотни лет (в современных условиях в этом нет особой необходимости, поскольку о любой стране в мировой информационной среде представлено достаточно информации). Вторым шагом было установление устойчивых связей и заключение широкомасштабных дружественных договоров. Затем разворачивается сотрудничество практически во всех сферах двусторонних отношений, и ключевым моментом этого и последующего этапов реализации данной стратегии остается всесторонняя поддержка Китаем этих стран. Последующий этап продвижения интересов Китая в этих странах характеризуется оказанием им помощи в развитии коммуникаций, связывающих их с Китаем. Так как на всех стадиях реализации этой политики особое значе-

ние придается медленному продвижению китайской культуры в эти страны, дипломатические действия направляются на окончательное закрепление в них китайской культуры и приведение этих стран к полной зависимости от Китая.

Основные принципы внешнеполитической стратегии Китая в Центральной Азии

В отношении Центральной Азии Китай нацелен на решение исторической задачи – на постепенное вовлечение ее в свою цивилизацию с последующим присоединением, а не только на ведение со странами этого региона «равноправного и взаимовыгодного сотрудничества». Обоснованием такого утверждения служит, *во-первых*, то, что эта задача является отложенным в прошлом, в силу невозможности его реализации в существовавших тогда условиях, носящим исторический характер внешнеполитическим проектом Китая. В течение более двух с половиной тысячелетий, со времен первых дипломатических и научных экспедиций, Центральная Азия, как и Восточный Туркестан, Китаем продолжает негласно рассматриваться как его территория. Особенно заметно проявилась такая его претензия во внешнеполитических амбициях Мао Цзэдуна, когда он чуть ли не всю Центральную Азию объявлял исторически принадлежащей Китаю территорией. Более того, такое отношение к нашему региону сохраняется не только у большей части китайской интеллигенции, но и у большинства его населения. В историчности такого отношения китайцев к Центральной Азии можно убедиться, знакомясь с посвященной ей литературой, включая и научную, причем вышедшей в разные исторические периоды развития Китая. В ней иногда в завуалированной форме, иногда прямо указывается на единство Центральной Азии и Китая. Другими словами, такое отношение к Центральной Азии тысячелетиями остается как будто вмонтированной в сознание китайцев установкой.

Во-вторых, что бы ни говорили, внутренняя и внешняя политика Китая, как и в далекие времена, продолжает исходить из основных идей китаецентризма. Конечно, современный Китай не утверждает, что строит свою внут-

ренную и внешнюю политику из понимания того, что он является центром всего мира (Поднебесной), а остальные народы – его периферия и что все не-китайские народы должны подчиняться этому центру, тем не менее в его отношении к своему месту в мире и в программных документах правящей партии (КПК) полностью сохраняются базовые принципы концепции китаецентризма, только выраженные в других формулировках. Так, в опросах общественного мнения, проведенных рядом международных организаций (The BBC World Service, GlobeScan, Program on International Policy Attitudes) в 2005 и 2009 гг. в 22-х странах с участием 22 953 респондентов, в ответах самих китайцев преобладают такие высказывания, как: «вслед за ООН расположился Китай, на которого... должна лечь ответственность за решение существующих в мире проблем»³⁸¹, что говорит о сохранении в сознании народа китаецентристского понимания роли своей страны в международных отношениях. А принятые и реализуемые коммунистической партией Китая программы развития страны «Большая стратегия Китая» и «Теория гармоничного мира», которые являются основой его внешней политики, самими китайскими учеными рассматриваются китаецентристски ориентированными документами. К примеру, глава Центра политических и экономических исследований Китая Юй Кепин выдвинутую Ху Цзиньтао «Теорию гармоничного мира» сравнивает «с распространенной в мире теорией глобального управления»³⁸², а другой ученый Сун Сейфен указывает на то, что в ней намеренно акцент делается на «исключительность» роли Китая в построении гармоничного мира³⁸³. Выступая в Йельском университете в апреле 2006 г., Ху Цзиньтао особо отметил основанность данной программы КПК на «гармоничных» ценностях китайской цивилизации³⁸⁴.

³⁸¹ Кузнецов Д. В. Место, роль и политика КНР в международных отношениях в зеркале мнений китайской общественности // URL: <http://stud.docdat.com/docs/47/index-22045.html>

³⁸² Юй Кепин. Идеал гармоничного мира и китайская дипломатия... – С. 31.

³⁸³ Сун Сейфен. Теория о гармоничном мире и исследования международных отношений...

³⁸⁴ Серебрякова Н. В. Центральнo-азиатская политика КНР как региональная проекция «теории гармоничного мира»...

В-третьих, проводимая Китаем внешняя политика в отношении Центральной Азии с момента обретения странами этого региона государственной независимости начала осуществляется в той последовательности, в какой происходило вовлечение в китайскую цивилизацию других народов, и с использованием современных форм тех дипломатических технологий, которые были выработаны в процессе реализации в международных отношениях китаецентристских задач. Ведь главное отличие китаецентристского принципа последовательной реализации внешнеполитических задач заключается не в расширении и углублении интересов Китая в сотрудничающих странах, а в постепенном и всестороннем внедрении в жизнь их народов китайской культуры путем создания условий для миграции туда этнических китайцев и оказания им всесторонней помощи. Помощи, которая в перспективе могла бы максимально способствовать их интеграции с Китаем. В нынешней внешней политике Китая в данном регионе мира в полной мере соблюдается и принцип ее адаптивности, не допускающий в продвижении интересов Китая действий, противоречащих интересам этих стран. Строго придерживаться названных принципов своей внешней политики Китай заставляет и то обстоятельство, что Центральная Азия остается зоной непосредственных интересов и других мировых и региональных держав.

В-четвертых, использование Китаем ШОС под благовидным предлогом борьбы с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, в основном, с целью интегрирования стран этого региона к Китаю при одновременной нейтрализации сопротивления этому процессу России. Иначе чем можно объяснить упорное нехотение Китаем вхождения в это региональное объединение других азиатских государств, особенно Индии и Пакистана, отличающихся многочисленностью населения. Хотя именно они больше всех страдают от этих конфликтных явлений современности. Только сейчас становится очевидным то, что создание ШОС Китаем было инициировано с далеко идущими целями, отнюдь не для создания себе «дружественного и безопасного окружения», а для безболезненного и бесповоротного вовлечения именно центрально-азиатских

народов в свою цивилизацию. Ему изначально было известно, что при такой конструкции отношений между странами даже установление Россией полного контроля над этим регионом не сможет остановить продвижение туда китайской культуры, так как Россия не обладает для этого необходимым цивилизационным потенциалом. Более того, и сама Россия легко может быть вовлечена в этот цивилизационный процесс. Видимо, именно этими китаецентристскими задачами когда-то было продиктовано и предложение Мао Цзэдуна о вхождении Китая в состав Советского Союза на правах республики³⁸⁵.

В-пятых, в реализуемой ныне концепции внешней политики Китая, которая была сформулирована в 2003 г., главной ее целью обозначено «создание дружественного, мирного и процветающего окружения»³⁸⁶. Это говорит о том, что Китай, как и в древней его концепции китаецентризма, продолжает рассматривать другие страны своим окружением, а себя центром этого окружения. Даже беглое знакомство с данной концепцией показывает, что все ее положения разворачиваются вокруг понятия «окружение», у которого есть центр (Поднебесная). При этом страны Центральной Азии, как и другие соседствующие страны, в отличие от дальних стран названы «периферийными», как будто нет других слов, в которых не было бы оттенка вторичности или меньшей значимости близлежащих государств по отношению к находящемуся в центре государству. Что самое интересное и коварное в понятии «периферийные страны», так это то, что его можно толковать и понимать двояко: и как близлежащие территории, и как свои территории. Здесь просто происходит перенос на современную внешнюю политику характерный для китаецентризма принцип «вертикальной связи»³⁸⁷ в международных отношениях – от высшего к низшему. Следовательно, как и древние внешнеполитические страте-

³⁸⁵ Григорьев Д. А. Мао стремился возглавить Советский Союз? «Великий кормчий» предлагал объединить две коммунистические державы // Загадки истории. – 2011. – № 1. – С. 12–13.

³⁸⁶ Румер Е., Менон Раджан, Тренин Д. В., Чжао Хуашен. Центрально-азиатская политика Китая: основные цели и идеи // Центральная Азия: взгляд из Вашингтона, Москвы и Пекина // URL: <http://uchebnik-besplatno.com/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/tsentralnoaziatskaya-politika-kitaya-osnovnyie.html>

³⁸⁷ Ретунских Н. А. К вопросу об истоках китаецентризма // URL: <http://abirus.ru/>

гии, современная внешнеполитическая концепция Китая явно и одновременно неявно изначально содержит в себе претензии на возможное присоединение в будущем соседних стран. С этой точки зрения периферийная дипломатия Китая, направленная на «создание дружественного, мирного и процветающего окружения», вызывает у его соседей больше опасений, нежели спокойствие и уверенность в отношениях с ним.

Следовательно, можно предположить, что в обозримой исторической перспективе Китай, пока твердо не укрепит в цивилизационном плане свои позиции в Центральной Азии, будет вести политику «усыпления бдительности». Не будет делать ничего, что могло бы вызвать подозрение у народов Центральной Азии в его действительных целях. В основном, его действия будут исходить из готовности самих центрально-азиатских стран к сотрудничеству и направлены большей частью на удовлетворение их запросов. Во взаимоотношениях начнет преобладать помощь и поддержка этим странам со стороны Китая. Ни в коем случае Китай не станет ввязываться в конфликты, происходящие как внутри, так и вокруг центрально-азиатских стран, как бы они ни затрагивали его текущие интересы, пусть даже они окажутся связанными с китайскими мигрантами. Китаецентристские интересы незаметно и без всякого навязывания, по нарабатанным в течение тысячелетий технологиям сами с развитием сотрудничества будут медленно, но уверенно продвигаться в центрально-азиатские государства. Таковы требования принципа достижения дружественного, мирного и процветающего окружения, применяемого Китаем в своих отношениях как со всеми значительно уступающими ему по своему потенциалу соседствующими, так и с центрально-азиатскими странами.

В этом смысле очень показательным является его отношение к действиям других держав, преследующих в Центральной Азии свои геополитические интересы. Китай всячески старается ни при каких обстоятельствах не вступать с ними в конкурентную борьбу. В вопросах геополитического характера он как может избегает даже полемики с ними. Когда их действия касаются непосредственно его интересов, больше обходится молчанием или косвенным за-

явлением. Так поступать Китай заставляет не опасение оказаться в конфликте с конкурирующими державами, а старание не попасть под подозрение окружающих стран в том, что он преследует цели, которые могут каким-то образом ограничить их суверенитет или самостоятельность в своих действиях в международных отношениях. Кроме того, такая внешнеполитическая стратегия, основанная на принципе создания дружественного окружения, позволяет Китаю не втягиваться в конфликтные процессы, наносящие вред его имиджу в мировом масштабе, что обязательно помешало бы ему проводить активную внешнюю политику в отдельных регионах мира. Наконец, выбор такой стратегии продиктован еще и желанием не допустить противоречивости и двойственности занимаемой им в международных отношениях позиции³⁸⁸ и исключить возможность разногласий при реализации внешнеполитических целей. Ведь сами геополитические процессы протекают в столкновениях интересов, которые порой приводят, как бы того не хотели великие державы, к формированию о них в мире неоднозначного образа, соответственно, и неоднозначного отношения к ним сотрудничающих стран. Такова логика современного развития мира.

Географическая близость Центральной Азии и этническое родство ее народов с тюркскими народами Синьцзяна (Восточного Туркестана) вынуждает Китай в своей внешней политике придерживаться принципа «недопущения культурного и политического сближения народов названных регионов мира»³⁸⁹. Именно из-за возможности сближения тюркских народов Синьцзяна и Центральной Азии Сталин в свое время не поддержал национально-освободительное движение народов, проживавших в трех округах (Илийский, Алтайский, Тарбагатайский) северо-западной провинции Китая³⁹⁰. Сближение

³⁸⁸ Каткова З. Д. Внешняя политика гоминьдановского правительства в период антияпонской войны. – М., 1978. – С. 223–224.

³⁸⁹ Хафизова К. Сепаратизм в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая: динамика и потенциал влияния на ситуацию в Центральной Азии // URL: http://www.cac.org/journal/2003/journal_rus/cac-01/01.khafus.shtml

³⁹⁰ Тузов А. Н. Кто Вы, генерал Монуев? // URL: http://members.vb.kg/2012/12/07/chelov/1_print.html

может превратить их в мощную политическую силу, способную добиться самостоятельности Синьцзяна (Восточного Туркестана) от Китая. По некоторым данным, сейчас количество очень близких по культуре и языку тюркских народов, проживающих в этих двух регионах мира, стремительно приближается к 100 млн человек. Если учесть, что вопреки прогнозам ученых глобализационные процессы вместо ослабления этнической идентичности, наоборот, ведут к ее усилению, движение тюркских народов друг к другу со временем будет ускоряться³⁹¹. Весьма возможно, их сближению может поспособствовать и происходящая в мире регионализация интеграционных процессов.

Главная задача этого принципа внешней политики Китая заключается в максимально возможном использовании этнической и конфессиональной близости тюркских народов Синьцзяна и Центральной Азии в организации сотрудничества между ними, не допуская при этом политического закрепления их этнического родства. В этих целях Китаем применяются разнообразные технологии, которые большей частью ориентированы на поощрение выезда в Центральную Азию этнических китайцев, но не представителей тюркских народов, а в осуществлении культурного обмена – на продвижение только китайской культуры. В освещении жизни тюркских народов акцент делается только на то, каких успехов они добились, находясь в составе Китая. С другой стороны, любые движения в сторону политизации связей между тюркскими народами двух регионов мира Китаем пресекаются жёстко. Свидетельством этого является отсутствие общественных объединений, целенаправленно занимающихся развитием этнокультурных связей между тюркскими народами Китая и Центральной Азии³⁹². Политические организации, выступающие за независимость Восточного Туркестана (Синьцзяна), вовсе объявлены террористическими организациями, ведется их преследование всеми возможными методами и средствами, в какой бы стране они не находились.

³⁹¹ Лизан И. Пантюркизм: реальна ли угроза евразийской интеграции? Ч. 1 // URL: http://www.odnako.org/blogs/show_25547/

³⁹² Алаева Р. Этнокультурные и лингвистические процессы в жизни уйгуров Прииссыкуля // Иттипак. – 2012. – № 6 (2).

Несмотря на то, что свою внешнюю политику в отношении стран Центральной Азии Китай строит на общих принципах, с каждой из них он осуществляет сотрудничество преимущественно на двусторонней основе, не отдавая никому предпочтения, обходясь со всеми одинаково. Но поскольку страны региона существенно различаются по многим страновым показателям и географически находятся на неодинаковой удаленности от Китая, в экономическом плане они представляют для него разный интерес, что отражается в уровне двусторонних связей. И такая внешняя политика, исходящая из принципа «достижение цивилизационных целей в разных странах разными способами и средствами», позволяющая без особых усилий преодолевать противоречия в продвижении в назначенных странах своих интересов и обеспечивающая достижение главной китаецентристской цели, является опытом, выработанным в течение многих веков. Опыт, в котором в немалой степени получили отражение и тысячелетние связи китайского народа с народами Центральной Азии. Хотя и у самих центрально-азиатских народов накоплен определенный опыт по противодействию цивилизационной экспансии Китая.

Таким образом, вышеперечисленные внешнеполитические принципы, отвечающие национальным и государственным интересам Китая, позволяют утверждать, что в отношении Центральной Азии им проводится китаецентристская политика, рассчитанная на длительную историческую перспективу. Проводится она по тем принципам, которые принимались и принимаются в организации сотрудничества с соседствующими с ним странами, при этом значительно уступающими ему по своему потенциалу. Они должны обеспечить Китаю реализацию «периферийного подхода» к странам Центральной Азии и создание из них «дружественного, мирного и процветающего окружения». Главными принципами, лежащими в основе методов и форм проведения внешней политики в этом регионе, Китаем обозначены: избегание любыми путями действий, которые могли бы вызвать подозрение у народов Центральной Азии в истинных целях Китая; недопущение при организации сотрудничества сближения тюркских народов и культур и блокирование интегративных

процессов, могущих привести к политическому объединению тюркских народов и возрождению тюркской цивилизации. Словом, внешняя политика Китайской народной республики в Центральной Азии является продолжением той китаецентристской политики, которая проводилась им здесь в течение последних трех тысяч лет.

Особо стоит отметить и то, что эти принципы обеспечивают интересам Китая в Центральной Азии развиваться эволюционно, без скачков и бесконфликтно. В этом отношении научное осмысление влияния эволюции интересов Китая на внутривластные и внешнеполитические процессы, происходящие в Центральной Азии, приобретает исключительное значение.

2.4.2. Эволюция внешней политики Китая в Центрально-азиатском регионе

Теоретические вопросы изучения влияния эволюции интересов Китая на центрально-азиатские политические процессы

Определение силы влияния эволюции интересов Китая на внутри- и внешнеполитические процессы в Центральной Азии – достаточно сложная научная задача. Ведь, как мы выше указывали, методы и способы продвижения своих интересов Китай берет не из принципов и норм международного права, а из стратегий военного искусства, применявшихся во время войн и другого рода конфликтов. С другой стороны, в науке до сих пор остаются до конца не выявленными механизмы влияния продвигаемых интересов конкретной страны на внутри- и внешнеполитические процессы, происходящие в странах, с которыми ведется сотрудничество; не разработаны средства для определения масштабов и степени такого влияния. Нет измерительных процедур, использование которых могло бы позволить четко определить и силу их воздействия на внутри- и внешнеполитические процессы³⁹³. Влияние последовательно про-

³⁹³ Дегтярев А. А. Политический анализ как прикладная дисциплина: предметное поле и направления развития // URL: <http://www.politstudies.ru/N2004fulltext/2004/1/27.htm>

двигаемых интересов на внутри- и внешнеполитические процессы, происходящие в той или иной стране, определяется преимущественно регистрацией и объяснением политических событий, прямо или косвенно вызванных реализацией каким-то государством своих интересов. И это, вероятно, связано с неясностью того, какими отличительными свойствами и признаками обладает этот процесс. Поэтому сила воздействия продвижения интересов на внутри- и внешнеполитические процессы традиционно определяется шкалой, выражающейся словами «большее» и «меньшее», «сильное» и «слабое».

В этом смысле, сложность при проведении исследований порождает и неопределенность предметной направленности понятия эволюции интересов страны в международных отношениях или в сотрудничающих с ним государствах. Неизвестно, что следует понимать под эволюцией интересов: последовательное, бесконфликтное и без скачков продвижение интересов, однонаправленное их развитие, углубление или их расширение? Видимо, понятие эволюции интересов включает в себя все перечисленные свойства³⁹⁴, выражающиеся в поэтапно и однонаправленно осуществляемых внешнеполитических действиях. Если при объяснении продвижения внешнеполитических интересов исходить из биологического понимания законов эволюции, то понятие эволюции интересов предполагает процесс развития тех международных приоритетов страны, которые отобраны путем проб и ошибок, самим ходом взаимного сотрудничества стран, также тех, что наиболее соответствуют текущим и долгосрочным внешнеполитическим задачам государства³⁹⁵; и сохранение и развитие тех интересов, которые наилучшим образом приспособлены к сложившейся и складывающейся в отношениях между странами ситуациям.

В отличие от понятия «эволюция интересов», понятие «политический процесс» считается относительно разработанным, имеющим свою четкую предметную направленность. В политологии сформулировано множество под-

³⁹⁴ *Лихачев А. М.* Эволюция экономических интересов предприятия в период трансформации Российской экономики // URL: <http://www.dissercat.com/content/evolyutsiya-ekonomicheskikh-interesov-predpriyatiya-v-period-transformatsii-rossiiskoi-ekonomiki>

³⁹⁵ *Володин А. Г.* Эволюция внешнеполитической стратегии Индии // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2013. – № 2. Февраль. – С. 93.

ходов к пониманию сущностных особенностей политического процесса. Их можно сгруппировать по отождествлению политического процесса с политикой в целом (Р. Доуз) или с совокупностью поведенческих акций субъектов власти (Ч. Мэриам). В некоторых случаях они рассматриваются как: 1) процесс функционирования и трансформации институтов власти (С. Хантингтон), 2) совокупность реакций политической системы на вызовы окружающей среды (Д. Истон). Политический процесс также сводится к соперничеству групп за статусы и ресурсы власти (Р. Дарендорф). Иногда трактуют его и как комплекс событий, определяющий характер деятельности государственных институтов и их влияние на общество³⁹⁶ (Дж. Мангейм, Р. Рич). А Карл Шмитт к политическим процессам относит все то, что ведет к разделению людей на группы³⁹⁷. Мы же при анализе влияния эволюции интересов Китая на внутри- и внешнеполитические процессы в Центральной Азии исходим из того, что политический процесс нужно рассматривать как комплекс событий, определяющий характер деятельности всех политических институтов. При этом уделяя «пристальное внимание и на неинституциональные факторы, определяющие специфику и динамику политических процессов (демографические, этно- и социокультурные изменения, перемены в ценностных предпочтениях и т. д.)³⁹⁸.

С содержательной точки зрения, разделение политических процессов на внутренние и внешние позволяет четко обозначить предметную специфику данных понятий, выявить отличительные черты взаимодействия субъектов, функционирования самих институтов политического процесса, определить тенденции и раскрыть закономерности в их развитии. Главное, это позволяет нам без особых усилий понять, какими факторами (внешними или внутренними) обусловлены те или иные политические изменения. В нашем же случае, исследование влияния эволюции интересов Китая на внутри- и внешнеполи-

³⁹⁶ Политический процесс...

³⁹⁷ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1. – С. 67.

³⁹⁸ Прохоренко И. Л. О методологических проблемах анализа современных политических пространств // Политические исследования. – 2012. – № 6. – С. 68.

тические процессы в Центральной Азии делает вполне возможным выявление истинных внешнеполитических целей этой страны, а не декларируемых, помогает развести заданные и преследуемые им внешнеполитические интересы от интересов, выдвинутых самим ходом его сотрудничества со странами данного региона. И, что особо нужно подчеркнуть, при таком разделении политического процесса легче определить силу воздействия продвигаемых Китаем в Центральной Азии своих интересов на политические отношения, которые развиваются внутри и вокруг этого региона мира. Наконец, такая дифференциация способствует разработке показателей по наиболее устойчивым свойствам удаленных друг от друга процессов, с помощью которых можно было бы измерять не только силу воздействия на них, осуществляемых Китаем в Центральной Азии дипломатических усилий, но и измерить глубину, масштаб и скорость политических изменений.

Таким образом, уровень научной разработанности политического процесса достаточен, чтобы можно было определить степень обусловленности его особого протекания в той или иной стране и регионе мира воздействием на него продвигаемых там сотрудничающими государствами своих внешнеполитических интересов. Во всяком случае, он достаточен для того, чтобы можно было выявить основные механизмы такого влияния, что, собственно, и является задачей данной научной работы, а именно механизмы влияния эволюции интересов Китая на внутри- и внешнеполитические процессы в Центральной Азии. Более того, используя разработанные в политологии способы классификации политического процесса³⁹⁹, мы сможем с достаточной вероятностью определить взаимосвязь эволюции интересов Китая и развития политического процесса в Центральной Азии в прогрессивном или регрессивном направлении, а также приобретения им стабильного или нестабильного характера (конфликтный и бесконфликтный, устойчивый и неустойчивый). Во всяком случае, данный способ классификации политических процессов даст возмож-

³⁹⁹ Соловьёв А. И. Политология // URL: <http://bugabooks.com/book/185-politologiya/58-1-sushhnost-i-tipu-politicheskix-processov.html>

ность узнать, действительно ли Китай, как заявлено в его внешнеполитической концепции, заинтересован в создании «дружественного, безопасного и процветающего окружения»⁴⁰⁰. Это важно и с точки зрения понимания причин отрицательного воздействия неустойчивых политических процессов, вызванных продвижением интересов других стран в ходе осуществления с ними сотрудничества, на трансформацию общества, и в целом на его развитие.

При изучении влияния эволюции интересов, особенно такой страны как Китай, в Центральной Азии, очень важно знать, затрагивают ли они базовые политические процессы – государственное управление, законотворчество, формирование политической элиты, или ограничиваются периферийными политическими процессами, касаясь в основном не доминирующих форм и способов отправления власти. Ведь, как мы отмечали в предыдущих статьях, Китай в отношении соседних, значительно уступающих ему по своему потенциалу стран всегда применяет тактику методичного навязывания китайских стандартов государственного управления⁴⁰¹, а их политическую систему постепенно перестраивает на китайский лад. Там же мы указывали, что такие действия обычно незаметно предпринимаются при подписании с ними двусторонних соглашений, с тем, чтобы гармонизировать законодательную базу двух стран якобы в целях обеспечения условий для взаимовыгодного и равноправного сотрудничества.

Невозможно понять, какое влияние оказывает продвижение интересов Китая на политические процессы, происходящие в Центральной Азии, не рассматривая по отдельности как *открытые*, так и *скрытые* политические процессы. Как показывает опыт других народов, успешно вовлеченных в китайскую цивилизацию, там ползучая миграция китайцев всегда и закономерно порождала скрытые политические процессы. К ним следует отнести постепен-

⁴⁰⁰ Гревцова А. Н. «Мягкая сила» Китая как способ расширения его политического влияния на страны АСЕАН // Молодой ученый. – 2012. – № 3. – С. 314 // URL: <http://www.moluch.ru/archive/38/4392/>

⁴⁰¹ Подолько Е. О. Китайский фактор в современных международных отношениях // URL: <http://www.synologia.ru/a/%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0>

ное превращение мигрантов–китайцев в организованную структуру, с четко обозначенными политическими задачами. С другой стороны, ползучая миграция китайцев может вести к незаметному накоплению у местного населения недовольства⁴⁰², способного при благоприятных условиях взорвать политические отношения, ввергнуть в хаос все общество. Этнические конфликты, имеющие под собой груз негативного исторического опыта взаимоотношений между народами, являются самыми опасными. Не должны забывать и то, что в эпосах народов Центральной Азии их главными врагами, как обычно, выступают китайцы.

Наконец, весьма продуктивным в плане изучения влияния эволюции интересов Китая на политические процессы в Центральной Азии может оказаться разделение политического процесса на *западного* и на *незападного* типа процессы. Политические процессы протекают не на пустом месте, они подвергаются воздействию самых различных факторов, в т. ч. и цивилизационного характера факторов; предопределяются ими. И в этом отношении степень влияния внешнеполитических интересов страны, принадлежащей к не западной цивилизации, на политические процессы, происходящие в странах, относящихся к не западным цивилизациям, наверняка отличается от влияния внешнеполитических интересов той же страны на политические процессы, протекающие в странах западной цивилизации. Широко известно и то, что на принятие решений руководителями властных структур очень сильное воздействие оказывают их цивилизационные ценностные установки. Что бы мы ни говорили, в политических процессах в той же мере, как и в других сферах, воспроизводятся их цивилизационные составляющие⁴⁰³. Если брать во внимание то, что одной из главных внешнеполитических целей Китая является вовлечение Центральной Азии в китайскую цивилизацию, значимость понимания этих вопросов многократно повышается.

⁴⁰² Китайцы стали четвертыми по численности населения в Кыргызской Республике // Деньги & власть. – 2013. – № 22 (155). – 14 июня.

⁴⁰³ Деметрадзе М. П. Ядро традиционных ценностей как феномен постсоветских обществ // Социологические исследования. – 2013. – № 3. – С. 125.

В целом, имеющиеся в политологической науке средства предоставляют нам возможность в полной мере раскрыть рассматриваемую проблему, выстроить цельное знание о влиянии эволюции интересов Китая на политические процессы, происходящие как внутри, так и вокруг Центральной Азии, и выдвинуть обоснованные предположения о дальнейшем ходе развития отношений Китая со странами данного региона. Благоприятным обстоятельством для успешного решения этой задачи является ещё и доступность нужной (имеется в виду, всех основных видов) информации о сотрудничестве Китая как одного из главных акторов мировой политики со странами Центральной Азии⁴⁰⁴. А разработанные методы измерения помогают количественно определить силу и масштаб влияния последовательного продвижения интересов этой страны на протекание указанных политических процессов и на происходящие в обозначенных странах политические изменения.

Однако, в силу того, что данная работа осуществляется в рамках более широкой темы, посвященной роли и месту главных акторов мировой политики в центральноазиатских политических процессах, она затрагивает лишь основные аспекты этой проблемы, закладывает основу её дальнейшего исследования.

2.4.3. Влияние эволюции интересов Китая на внутриполитические процессы в ЦА

Вся практика более чем двадцатилетнего сотрудничества Китая со странами Центральной Азии убедительно показывает то, что он в продвижении своих интересов в государствах этого региона строго придерживается общей концепции⁴⁰⁵ и исходящей из неё и направленной на этот регион мира стратегии внешней политики, основанной на китаецентризме. И его проникновение в эти страны осуществляется тоже в той последовательности, определенной в

⁴⁰⁴ Лузянин С. Китай в Центральной Азии: «взаимный выигрыш» или экспансия? ...

⁴⁰⁵ Каукенов А. С. Особенности китайской дипломатии в Центральной Азии: взгляд из Казахстана...

данной стратегии, которая проверена временем и опытом вовлечения других народов в китайскую цивилизацию. По этой стратегии, как отметили мы ранее, вовлечение народов и стран в китайскую цивилизацию происходит в четыре этапа, каждый из которых в зависимости от складывающейся ситуации во взаимоотношениях государств может длиться десятки, сотни, а возможно и тысячу лет, т. е. не имеет временных ограничений. Поэтому в первые три этапа интересы Китая продвигаются ненавязчиво, исходя из появляющейся у народов потребности в приобщении к китайской культуре и получении в историческом измерении сиюминутной экономической и политической выгоды. Другими словами, удовлетворение запросов самих центрально-азиатских народов в приобщении к китайской культуре и в сотрудничестве превращаются в главные интересы Китая в этом регионе. Следовательно, конкретные внешнеполитические интересы Китая в этом регионе большей частью задаются самим ходом сотрудничества, соответственно, их развитие приобретает эволюционный характер, или развиваются только те интересы, которые наилучшим образом приспособлены к складывающимся во взаимоотношениях ситуациям и быстрее приближают его к своим внешнеполитическим целям.

Однако в силу того, что страны данного региона существенно отличаются друг от друга по экономическому потенциалу, государственному устройству и установившимся в них политическим режимам, Китай с каждой из них осуществляет сотрудничество преимущественно на двусторонней основе, но в рамках общих принципов своей китаецентристской внешней политики⁴⁰⁶. Поэтому продвижение интересов Китая в каждой из них находится на разных стадиях или на разных этапах вовлечения народов Центральной Азии в китайскую цивилизацию. Если в отношениях с Кыргызстаном и Таджикистаном он переходит к третьему этапу вовлечения их в китайскую цивилизацию, хотя не все задачи второго этапа этой стратегии выполнены, то в его сотрудничестве с Казахстаном и Узбекистаном решаются проблемы, характерные для второго

⁴⁰⁶ *Серебрякова Н. В.* Центрально-азиатская политика Китая как региональная проекция «теории гармоничного мира»...

этапа реализации названной его внешнеполитической концепции. В географическом плане удаленность Туркменистана и проведение им в международных отношениях политики нейтралитета не позволяют Китаю в его отношениях с этим государством в полной мере выйти к решению проблем, связанных со вторым этапом своего Центральноазиатского внешнеполитического курса. Отсюда и стремление Китая любыми способами добиться, несмотря на противодействия США и ЕЭС, чтобы Туркменистан стал полноправным членом ШОС. С этим связана и готовность Китая приобретать у этой страны газ и другие виды производимых ею товаров по цене выше рыночной, зная, что это может стать большим подспорьем для его экономики и оказать воздействие на стремление Туркменистана к более тесному сотрудничеству.

Исходя из такого понимания эволюции интересов Китая в Центральной Азии, *первый этап* продвижения его интересов, во временном отношении, можно ограничить 2001 годом (создание Шанхайской организации сотрудничества). До этого времени, в результате заключения им в апреле 1996 соглашения с Россией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном об укреплении доверия в военной области, стороны договорились о снижении численности вооруженных сил в приграничных районах⁴⁰⁷. В последующем завершение демаркации границ с этими государствами позволило ему решить проблему обеспечения безопасности своих границ и приступить в полной мере к развитию с ними торгово-экономических и культурных отношений. В это же время были заключены полномасштабные договора о сотрудничестве со всеми государствами Центральной Азии и открыты в них посольства Китая. Открытие же посольства и различных представительств позволило на законных основаниях, в ускоренном режиме организовывать миграцию китайцев в страны Центральной Азии.

Второй этап продвижения интересов Китая в странах Центральной Азии начался с 2001 года (создание ШОС), а в Кыргызстане и Таджикистане с

⁴⁰⁷ Аюшиева Е. Б. Геополитические интересы России и Китая в Центральноазиатском регионе // URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/126127.html>

2010 года, как было сказано выше, осуществляется переход к третьему этапу распространения своего влияния. На втором этапе приоритетными интересами, помимо стимулирования миграции китайцев и интенсивного продвижения китайской культуры, становятся совместная с этими государствами борьба с международным терроризмом, сбыт китайских товаров и обеспечение доступа к энергетическим и минеральным ресурсам данного региона. Он также начинает прилагать усилия и по недопущению в этом регионе геополитической конфронтации⁴⁰⁸.

Третий этап продвижения интересов будет посвящен созданию путем максимального развития в этих странах коммуникаций, связывающих их с Китаем, условий для ещё большего распространения китайской культуры и увеличения в них количества китайцев для постепенного усиления в центрально-азиатских государствах направленных на него интеграционных процессов⁴⁰⁹. В этих целях Китай с 2010 года начал в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане реализовывать ряд крупных проектов, связанных со строительством автомобильных дорог, открытием авиарейсов и научно-культурных центров, и собирается строить железную дорогу, которая связала бы его со всеми странами этого региона, а также газовые, нефтяные трубопроводы, гидроэлектрические станции и электрические линии, протянутые до его территорий, что сделало бы названные государства заинтересованными в продаже ему электроэнергии и углеводородов. При этом идеи реализации всех упомянутых проектов исходят из самих центрально-азиатских стран, и отвечают потребностям их современного экономического, социального и культурного развития. Здесь действия Китая выступают как ответ на эти запросы.

Несмотря на эволюционное развитие интересов Китая, их продвижение оказывает очень сильное влияние на происходящие в Центральной Азии внутривосточные процессы, не говоря об их влиянии на экономические и со-

⁴⁰⁸ *Парамонов В., Строков А.* Россия и Китай: центровые в Центральной Азии (23 марта 2011) // Военно-промышленный курьер (Москва). – URL: <http://rus.ruvr.ru/2011/03/24/47862099/>

⁴⁰⁹ *Мочульский А.* Приоритеты экономического сотрудничества КНР с государствами Центральной Азии // URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document217550.phtml>

циокультурные процессы. К примеру, демаркация границ, вполне отвечающая интересам всех сторон, стала одной из главных причин, приведших в Таджикистане к смене власти, в Кыргызстане – к революции, а в Казахстане – к формированию оппозиции к власти. В них до сих пор не утихают по этому вопросу споры, порой приобретающие конфликтный характер; они давно превратились в питательную среду скрытых, тлеющих и неустойчивых политических процессов. Именно демаркация границ привела к усилению влияния на идеологические процессы исторической памяти центрально-азиатских народов, связанной с пережитыми ими в прошлом враждебными отношениями с Китаем. Демаркация границ также вызвала подозрение у народов Центральной Азии в последствиях выстраиваемой Китаем в их отношении внешней политики, положила начало формированию в их сознании идеи недопущения экономического, политического и культурного проникновения Китая на их территорию проживания.

Даже совершенно обычное в международных отношениях открытие Китаем в странах Центральной Азии посольств, консульств и разного рода представительств сопровождалось и сопровождается широким развертыванием в СМИ дискуссий о возможных негативных последствиях сотрудничества с ним. Потому что Китай при строительстве или приобретении зданий для посольств, консульств и представительств в обязательном порядке старается подчеркнуть свою мощь и намерение, что он пришел сюда навсегда. Главное, при строительстве зданий придерживается китайского национального архитектурного стиля, что тоже рассматривается как элемент его экспансионистской политики.

А обязательное оформление вывесок открываемых китайцами магазинов и офисов на китайском языке первоначально вызывало не только в Кыргызстане, но и в других странах Центральной Азии открытые протесты местного населения. Так, граждане других стран, тоже открывающие здесь магазины и офисы, не оформляют их вывески на своих языках, скажем на турецком или на иранском, ни даже на индийском языках. Местным населением такая настой-

чивость китайцев в оформлении всякого рода вывесок на китайском языке воспринимается как навязывание своей культуры и порождает в них недовольство, которое становится почвой для развития скрытых политических процессов и роста в людях антикитайского настроения.

Рост миграции китайцев, начавшейся в 90-е годы и признание Китаем дунган этническими китайцами, а также скрытая их поддержка в их стремлении изменить свой политический статус в таких странах, как Кыргызстан и Казахстан может привести к расколу общества, помешать консолидации живущих в них народов и стать причиной развития конфликтных политических процессов. Также стимулирование Китаем миграции в страны Центральной Азии большей частью китайских, китаизированных дунган, создание здесь условий для развития их бизнеса, формирование коллективов посольств и представительств преимущественно из этой этнической группы⁴¹⁰ может нанести большой урон интегрированности местных дунган в местные сообщества. Это националистически настроенными политическими силами оценивается как сознательная осуществляемая Китаем диверсия.

Итак, на первом этапе продвижение Китаем своих интересов в центрально-азиатских странах, который длился примерно 10 лет, способствовало развитию в регионе конфликтных, неустойчивых и скрытых политических процессов, привело к усилению радикальных политических сил и росту их влияния на политические процессы, сыграло отрицательную роль в консолидации народов, проживающих в центрально-азиатских странах.

Второй этап эволюционного развития интересов Китая в Центральной Азии, который начался в 2001 году, характеризуется, прежде всего, быстрым увеличением миграции китайцев, дальнейшим распространением его культуры и бурным развитием торгово-экономических отношений. За эти годы, по расчетам экспертов, численность постоянно проживающих китайцев достигла

⁴¹⁰ *Жанаров А.* Китайские иммигранты в Кыргызстане: угроза или сотрудничество? // URL: <http://www.akipress.org/kg/history/news:12171/>

в Кыргызстане 15 тысяч⁴¹¹, Казахстане – 30 тысяч⁴¹², Таджикистане – 25 тысяч⁴¹³, Узбекистане – 20 тысяч⁴¹⁴. По тем же сведениям, численность китайцев, прибывающих в эти страны транзитом не меньше, чем проживающих постоянно. При этом по их же сведениям, в этих странах динамика роста количества китайских мигрантов составляет от 500 до 1000 человек в год. Если взять работу посольств и представительств КНР по внедрению в сознание местных дунган китайской идентичности, китайская компонента населения Кыргызстана, Казахстана и Таджикистана при благоприятных условиях, имея в виду их особую способность самоорганизовываться, может превратиться в мощную политическую силу, обладающую возможностью самостоятельно добиваться любых своих целей.

За последние 20 лет товарооборот между Китаем и странами Центральной Азии вырос в 100 раз и его объем уже составляет 46,94 млрд долларов США⁴¹⁵. По данным Министерства коммерции КНР, среди основных торговых партнеров Узбекистана и Кыргызстана Китай занимает второе место, Таджикистана – третье место. Для Казахстана и Туркменистана он превратился в крупнейшего торгового партнера. Экономика же Кыргызстана, в силу угасания производства, постепенно входит в полную зависимость от китайской экономики, сейчас её 40% основано на реэкспорте произведенных в Китае товаров. Такими же темпами растет объем инвестиций Китая в экономики стран данного региона, в сведениях названного министерства, её годовой объем приближается к 15 млрд долларов⁴¹⁶. И они сконцентрированы в основном в сферах нефти, природного газа, цветных металлов, инфраструктурного строи-

⁴¹¹ Китайцы стали четвертыми по численности населения в Кыргызской Республике...

⁴¹² Куртов А. Китайская миграция в Казахстан: определено ли будущее этого феномена? // URL: <http://www.apn.kz/publications/article398.htm>

⁴¹³ Олимова С., Олимов М. Китайские мигранты в Таджикистане // URL: valerytishkov.ru/engine/documents/document2019.doc

⁴¹⁴ Аслан К. Трудовая миграция в Центральной Азии на примере Узбекистана и Кыргызстана // URL: http://auca.kg/uploads/Migration_Database/kursad_rus.pdf

⁴¹⁵ Торгово-экономическое сотрудничество Китая со странами Центральной Азии // URL: <http://russian.cri.cn/841/2013/06/10/1s471591.htm>

⁴¹⁶ Лузянин С. Г. Внешняя политика Китая до 2020 г.: прогностический дискурс...

тельства, сельского хозяйства и легкой промышленности. За это же время в этих странах Китае открыто более 1000 предприятий. В ближайшей перспективе Китай собирается создать в рамках ШОС финансовые структуры, основанные на китайском капитале – банк развития ШОС, фонд поддержки проектов организации и зону свободной торговли стран-участниц⁴¹⁷.

За короткое время больших успехов Китай достиг и в плане распространения своей культуры в странах Центральной Азии. При его непосредственной поддержке открыты в сотнях высших учебных заведений стран региона специальности по китайскому языку, истории и культуре, на которых обучаются десятки тысяч студентов. В самом Китае количество обучающихся на разных специальностях и проходящих практику студентов из стран Центральной Азии тоже насчитывается десятками тысяч. С каждым годом увеличивается количество не только людей, но и учреждений, получающих информацию на китайском языке. Открываются научно-исследовательские институты, культурные центры, а китайская кухня уже стала неотъемлемой частью местной кухни. Вполне привычным становится и празднование китайских национальных праздников.

На втором этапе влияние эволюционного развития интересов Китая на внутривосточные процессы, происходящие в странах Центральной Азии, становится более сильным и направленным на их базовые аспекты. Поднебесной оказывается всяческая поддержка руководителям всех уровней государственной власти центрально-азиатских стран в их работе по организации сотрудничества находящихся в их ведении структур с аналогичными структурами Китая. Соответственно, непосредственному влиянию в них со стороны Китая подвергается и государственное управление. Также в целях благоприятствования торгово-экономическим отношениям с Китаем вводятся изменения в законодательство отдельных государств региона. Оказывается давление на политические силы, выступающие в поддержку протестных движений тюрк-

⁴¹⁷ Менджкович Н. Китайская политика в Центральной Азии. Экспансия Китая – мифы и реальность...

ских народов Синьцзяна⁴¹⁸, что еще больше усиливает в этих странах конфликтность и неустойчивость политических процессов. Так как эти действия государств воспринимаются более чем двумя миллионами уйгуров, проживающих практически во всех странах региона, на уровне этнического самосознания, усиливая в них чувство отчужденности от местных сообществ, что наносит сильный удар по консолидации народов и устойчивому развитию стран. Ещё большую силу набирают скрытые конфликтоопасные политические процессы, подтверждением чего могут служить произошедшие весной 2013 года массовые драки между местным населением и китайцами, работающими на рудниках, расположенных в Кеминском и Узгенском районах Кыргызстана, разводить которых приходилось целыми отрядами милиции.

Как мы уже сказали, в Кыргызстане и Таджикистане Китай переходит к третьему этапу распространения своего влияния, направленного на установление на территории Центральной Азии регионального доминирования путем стимулирования в экономике и политике интеграционных процессов, миграции китайцев и глубокого внедрения в местную жизнь китайской культуры. И этот только начавшийся процесс сопровождается в Кыргызстане массовыми драками между китайцами и местным населением, также и обострением политической ситуации в Таджикистане в связи с возможной передачей в аренду или навсегда Горно-Бадахшаской области Китаю, в счет погашения накопившегося у этой несчастной центрально-азиатской страны внешнего долга⁴¹⁹. Вопрос о том, каким ещё опасным политическим процессам положит начало дальнейшее продвижение интересов Китая в нашем регионе, должен быть предметом будущих исследований.

В целом, эволюция интересов Китая оказывает очень сильное влияние на политические процессы, происходящие в странах Центральной Азии. Они затрагивают все стороны политической сферы, становятся причиной развития

⁴¹⁸ Гурджиев Л. Закипает мусульманский Китай: Экспертные оценки // URL: <http://zavtra.ru/content/view/ujguryi/>.

⁴¹⁹ Шмелёв Б. Чем грозит ввод войск КНР в Таджикистан // URL: <http://www.aif.ru/politi>

конфликтных, неустойчивых и скрытых политических процессов; отрицательно влияя на базовые политические процессы, не способствуют становлению центрально-азиатских стран как государств. Наносится удар и по интеграционным процессам внутри Центральной Азии, продвижение интересов Китая не способствует и консолидации народов, мешает укреплению единства тюркских народов.

2.4.4. Влияние эволюции интересов Китая на внешнеполитические процессы в ЦА

С каждым годом растет влияние эволюции интересов Китая и на внешнеполитические процессы в Центральной Азии. Это связано, прежде всего, с целями его внешней политики, направленной на постепенное распространение своего влияния в этом регионе, а в перспективе – на установление там своего доминирования. При этом следует иметь в виду, что западные страны во главе с США стремятся не только не допустить китайского доминирования в Центральной Азии, но и вовлечь страны региона в политику сдерживания Китая, в политику, направленную на его ослабление, а если возможно, и распад. Ведь свобода, обретенная республиками после крушения Советского Союза, может или уже стала притягательным ориентиром для малых национальностей в составе КНР, особенно для народов, живущих на северо-западной его территории, не перестающих ни при каких обстоятельствах вести освободительную борьбу⁴²⁰. К тому же народы Центральной Азии и Синьцзяна являются родственными, исповедующими ислам и принадлежащими к одной цивилизации. Следовательно, недопущение Китаем сближения этих народов и нейтрализация политики западных стран по его сдерживанию становятся одними из приоритетных интересов этой страны в Центральной Азии. Значит, хотим мы это-

⁴²⁰ *Тавровский Ю.* Синьцзян – китайская Чечня? // URL: http://www.ng.ru/world/2013-07-11/7_china.html

го или нет, их влияние на происходящие вокруг этого региона политические процессы будет расти.

И эти интересы Китая, а именно: распространение своего влияния на центрально-азиатские страны, недопущение сближения их народов с народами Синьцзяна и блокирование интеграционных процессов внутри данного региона превращаются в важные факторы политических процессов, происходящих вокруг государств, расположенных на этой территории мира. Также внешнеполитические процессы в Центральной Азии находятся под не меньшим влиянием действий Китая, направленных на нейтрализацию политики западных стран и США по использованию государств региона в целях сдерживания Поднебесной, а также борьбы самого Китая с международным терроризмом. Китаем скрытно, но ведется работа, направленная и против интеграции стран Центральной Азии к создаваемому Евразийскому союзу. Однако Китай, исходя из своих в историческом плане долгосрочных внешнеполитических целей, названные интересы продвигает осторожно и без спешки. Для него принципиально важным является недопущение геополитической конфронтации, которая могла бы вызвать недоверие народов Центральной Азии к его внешней политике и повлечь рост в них антикитайских настроений.

Все перечисленные интересы, кроме блокирования интеграционных процессов внутри региона и скрытая работа по недопущению интеграции центрально-азиатских стран к создаваемому Евразийскому союзу, были обозначены в начале 90-х годов прошлого века⁴²¹. Нежелательность же интеграционных процессов в странах Центральной Азии, за исключением тех, которые направлены к Китаю, в его внешней политике начали актуализироваться с созданием ШОС, т. е. с 2001 года, с того момента, когда он почувствовал возможность быстрого вовлечения стран региона в китайскую цивилизацию. Собственно, ШОС и создавалась для целей обеспечения управляемости интеграционных процессов в Центральной Азии.

⁴²¹ *Ашырова Н.* Система внешнеполитических приоритетов Китая // URL: <http://www.twirpx.com/file/1014924/>

Наиболее сильному влиянию эволюции интересов Китая подвергаются внешнеполитические процессы, связанные с осуществляемой мировым сообществом борьбой с международным терроризмом, так как Центральная Азия превратилась в территорию, где террористы проявляют большую активность и откуда они осуществляют помощь отнесенному Китаем к террористической организации движению «Восточный Туркестан», действующему, в основном, в Синьцзяне. На территории Центральной Азии действуют 13 террористических организаций, так или иначе связанных с движением «Восточный Туркестан». Только с 1999 по 2006 годы ими совершены 7 громких террористических актов, приведших к человеческим жертвам⁴²². И старание Китая вести борьбу с экстремистскими силами, действующими на территории Центральной Азии и находящимися в постоянном взаимодействии с движением «Восточный Туркестан», объективно ведет к обострению политической ситуации вокруг этого региона. При определенном стечении обстоятельств она может перерасти, хоть и в локальные, но в открытые конфликты. Оказание Китаем военной помощи странам региона (за последние 15 лет на эти цели им выделено более 10 млрд долларов США)⁴²³ и проведение с ними совместных анти-террористических учений⁴²⁴ сами по себе выступают раздражителями агрессивности террористов, становятся причиной их активизации, не говоря о действиях служб Китая, способствующих своим коллегам из центрально-азиатских стран в поимке главарей террористических организаций.

Активизация международных террористических организаций в Центральной Азии связана не только с их желанием оказывать помощь движению «Восточный Туркестан», свести на нет военную помощь Китая странам региона и помешать проведению совместных с ними военных учений, но и стремлением не допустить проникновения Китая на данную территорию. В долго-

⁴²² Кулбараков Р. Д. Проблемы терроризма в Центральной Азии // URL: <http://conference.antiterror.rsbi.kz/index.php/doklads/36-kylbarakov>

⁴²³ Народецкий А. Протянув трубопроводы, Китай расширяет военное присутствие в Центральной Азии // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1271763720>

⁴²⁴ Ширяев Б. А., Федоров Н. В. Китай и страны Центральной Азии: военно-стратегический аспект отношений...

срочной перспективе они усматривают в этом распространение власти Китая на Центральную Азию. Ведь международные террористы сами стремятся к той же цели, т. е. установлению в этом регионе своей власти – власти, основанной на терроре и диктате, а не на законах шариата, как они обычно заявляют. Как международная агрессивная политическая сила, оказывая помощь движению «Восточный Туркестан», эту же цель террористы преследуют и в Синьцзяне, рассматривая его как ареал распространения ислама, а значит, и территорию создаваемого им «мирового халифата». Поэтому экстремистские силы, выступающие под флагом ислама, не пользуются в странах Центральной Азии особой поддержкой населения, так как в сознании живущих здесь народов исламская вера, в отличие от террористов, никак не отождествляется с халифатом, тем более со средневековой арабской культурой.

Приобретению острого характера политическими процессами, связанными с борьбой с международным терроризмом, способствует особая устремленность китайских уйгуров к независимости. Причиной является то, что только уйгуры из всех проживающих на территории Центральной Азии и Восточного Туркестана тюркских народов остаются без своей государственности. И невозможность приобретения ими государственной независимости мирным путем создает почву для активизации экстремистских сил⁴²⁵, выступающих как в Синьцзяне, так и в Центральной Азии в поддержку освободительной борьбы народов Восточного Туркестана. В силу того, что во всех центрально-азиатских странах проживает более двух миллионов уйгуров, действия экстремистов по вовлечению их в конфликты, происходящие в Синьцзяне, могут привести к обострению ситуации и в нашем регионе. Да и сами народы Центральной Азии не забывают свое родство с уйгурами и испытывают уважение к их непреклонной тяге к свободе.

Продвижение интересов Китая в Центральной Азии оказывает не менее сильное влияние на интеграционные процессы, происходящие как внутри, так

⁴²⁵ Бобохонов Р. Ислам и власть в постсоветской Центральной Азии // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1373785620>

и вокруг этого региона. Внешняя политика Китая в ЦА-регионе, как мы уже сказали, одновременно направлена на недопущение сближения тюркских народов Синьцзяна и Центральной Азии и интеграции самих центрально-азиатских стран, а также их движения к создаваемому Евразийскому союзу. В то же время он организует сотрудничество таким образом, чтобы способствовать в этих странах развитию интеграционных процессов, направленных к Китаю.

Ключевым аспектом внешней политики Китая по воспрепятствованию сближению тюркских народов Синьцзяна и Центральной Азии является борьба с политическими силами, распространяющими как в самом Китае, так и в других странах пантюркистские идеи. Здесь на государства, поддерживающие эти силы, воздействие оказывается различными методами, начиная от дипломатического давления и кончая экономическими санкциями. Ярким примером этому служит заявление, сделанное турецким правительством в 1998 году, «о своем признании СУАР неотъемлемой частью КНР и запрете на политически конфликтные выступления уйгурской диаспоры на своей территории, а также о решении более не предоставлять турецкого гражданства уйгурским беженцам»⁴²⁶. Под дипломатическим давлением Китая такие же решения в свое время были приняты практически всеми государствами Центральной Азии, хотя в таких странах, как Кыргызстан, незаконное предоставление китайским уйгурам гражданства поставлено на поток⁴²⁷. В отношении же Казахстана часто используется его гидрозависимость от Китая (в Казахстане более 30 рек берут свои истоки в Китае).

Несмотря на давление со стороны Китая, в Центральной Азии с каждым годом всё сильнее становится влияние на политику государств идеи единства тюркских народов. Создаются десятки политических партий и движений с такой идеологической платформой и целью. По проблемам распространения

⁴²⁶ *Бабаян Д.* Пантюркизм и геополитика Китая // URL: http://noravank.am/upload/pdf/4.Davit%20Babayan_21_Vek_01_2012.pdf

⁴²⁷ *Какую цель преследует Турсунтай Салимов?* // Деньги & власть. – 2013. – № 25(158). – 12 июля. – С. 5.

этой идеи проводятся многочисленные научные форумы. Во всех центрально-азиатских странах стало регулярным проведение мероприятий, связанных с идеей единства тюркских народов. В последнее время быстрое распространение получает и идея возрождения Туркестана⁴²⁸. К тому же современные тенденции в развитии международных отношений показывают, что близится время, когда страны Центральной Азии преодолеют авторитаризм в государственном управлении и приступят к созданию союза государств с четко определенными геополитическими интересами.

В последнее время всё заметнее становится нежелание Китаем присоединения государств Центральной Азии к Таможенному союзу, а в перспективе и к Евразийскому союзу. В рамках ШОС он всё чаще начинает проталкивать идеи по созданию финансовых структур и реализации различных экономических проектов, о которых мы говорили выше и которые делают экономики стран региона ориентированными на экономику Китая, а не на экономику стран Таможенного союза. Именно на решение этой задачи направлены его предложения по открытию Банка развития ШОС, основанного на китайском капитале, и созданию режима свободной торговли между странами этой организации. Кроме того, Китаем оказывается политическая поддержка странам, у которых есть намерение вступить в Таможенный союз, в отстаивании ими тех интересов, которые идут вразрез требованиям этого союза. В этом отношении поездки в Китай президента Кыргызской Республики А. Ш. Атамбаева в 2011 году, дочери президента Узбекистана Г. Каримовой и президента Таджикистана Э. Рахмона весной этого года, по сути, были связаны с их поиском альтернативы Таможенному союзу. Всё это, отрицательно влияя на внешнеполитические процессы, мешает центрально-азиатским странам войти в стабильное русло развития.

В настоящее время уровень проникновения Китая в центрально-азиатские страны таков, что скоро экономики Кыргызстана и Таджикистана

⁴²⁸ Джаманов Г. Возрождение Туркестана // URL: http://vk.com/topic-29040125_25126395

станут полностью зависимыми от его экономики. Такая же тенденция наметилась и в экономиках Узбекистана и Казахстана. К примеру, в Кыргызстане даже швейное производство на 80% зависит от поставок из Китая. При этом ежегодные темпы роста товарооборота с этой страной превышают 15–16%, когда этот же показатель в отношении других стран с каждым годом становится всё меньше⁴²⁹. Такая же картина наблюдается и в экономике Таджикистана. В Казахстане активно распродаются Китаю нефтяные активы и трубопроводы, что в перспективе может привести к потере этой страной экономической самостоятельности.

На внешнеполитические процессы в Центральной Азии достаточно сильное влияние оказывают и действия Китая, направленные на нейтрализацию политики США и западных стран по использованию ими государств этого региона в целях сдерживания Поднебесной. Регулярно проводимые Китаем в рамках ШОС военные учения как раз таки нацелены на то, чтобы показать возможности этой организации самостоятельно, без войск НАТО, решать проблемы, связанные с международным терроризмом. Такая задача по его инициативе записана и в Уставе самой организации. Этим подчеркивается ненужность американской военной базы, расположенной в международном аэропорту «Манас». И данная идея проталкивается на каждой встрече глав государств ШОС, а выделение кредита Кыргызстану вовсе связывается с выводом данной базы из страны.

Достаточно активная работа проводится Китаем и по недопущению распространения на свою территорию цветных революций, за которыми стоят США и западные страны⁴³⁰ и которые могут привести к изменению политики государств региона в пользу США. Дело в том, что после таких революций появляются фундаментальные различия в политических принципах и ценностях стран, которые способны разрушить внутреннее единство и сплоченность

⁴²⁹ Внешняя торговля остается основным каналом влияния экономических процессов в Китае на экономику в Кыргызстане / НБКР // URL: <http://www.tazabek.kg/news:353707>

⁴³⁰ *Монайло А. В.* Цветные революции на Ближнем Востоке и в Северной Африке: технологии управляемого хаоса // URL: <http://andreymanoylo.vov.ru/cvetrevol.html>

ШОС⁴³¹. Более того, цветные революции помимо дестабилизации политической ситуации могут значительно снизить международный авторитет ШОС, что противоречит интересам Китая. Поэтому цветные революции, режиссируемые Западом, не нужны ни Китаю, ни странам Центральной Азии. Значит, его политика по недопущению цветных революций оказывают стабилизирующее воздействие на политические процессы, происходящие вокруг этого региона.

Ещё одним направлением противостояния между Китаем и США в Центральной Азии является антинаркотическая борьба. Здесь США под видом борьбы с этим злом реализовывает задачи, прежде всего нацеленные на усиление своего влияния в регионе и нанесение вреда интересам Китая и России. Ими делается всё, чтобы наркотические потоки, идущие из Афганистана, направить на территорию Китая и создать в Центральной Азии разведывательные сети, которые под видом антинаркотической борьбы могли бы открыто и вполне легально вести наблюдение за действиями названных стран в этом регионе. Это Америкой делается для того, чтобы путем увеличения потока наркотиков на территорию Китая способствовать усилению там деструктивных сил, а значит, и дестабилизации политической ситуации. Сейчас ежегодный объем поступающих в Синьцзян-Уйгурский район наркотиков через Кыргызстан, Таджикистан и Казахстан, достиг 1 тонны⁴³². Причем почти стопроцентное увеличение его объема приходится на последние два года.

С другой стороны, влияние наркобизнеса в Центральной Азии настолько выросло, что он угрожает дестабилизацией ситуации не только в этом регионе, но и в Китае, поскольку тесно связан с экстремистскими силами, действующими на его территории. Вторжение отрядов боевиков в Кыргызстан и Узбекистан в 1999–2010 годы, революционная смена власти в Кыргызстане в 2005–2010 годы, протесты рабочих в казахстанском городе Жанозене в 2011 году и периодически происходящие беспорядки в Синьцзян-Уйгурской провинции Китая убе-

⁴³¹ Румер Е., Мезон Раджан, Тренин Д. В., Чжао Хуашен. Китай: отношение к цветным революциям // URL: <http://uchebnik-besplatno.com/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/kitay-otnoshenie-tsvetnyim.html>

⁴³² Комиссина И. Н. Северный маршрут смерти // URL: <http://www.oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2013/0114/12269923/detail.shtml>

дительно подтверждают наличие такой связи между наркобизнесом и экстремистами. Во всех этих событиях было отмечено непосредственное участие наркобизнеса и экстремистских сил⁴³³. Всё это говорит о том, что наркобизнес, тесно связанный с экстремистскими силами, несет угрозу не только внутренней безопасности Центральной Азии, но и соседних государств, в т. ч. и Китая.

Следовательно, прикрытие каналов поступления наркотиков на свою территорию через Центральную Азию и снижение оборота наркотиков в самом названном регионе (здесь ежегодный объем оборота наркотиков достигает 70 тонн) становится приоритетным направлением внешней политики Китая. В этих целях им помимо усиления контроля на своих границах за движением наркотиков оказывается всесторонняя помощь странам Центральной Азии. На грантовой основе Китай выделяет средства для оснащения государственных служб по борьбе с незаконным оборотом наркотиков этих стран необходимым оборудованием, делится с ними информацией о каналах движения наркотиков⁴³⁴ и помогает проводить повышение квалификации специалистов, занятых в этой сфере. С постоянной готовностью оказывает этим службам и организационную помощь с командированием к ним своих специалистов. Такая же помощь оказывается и в поиске этими службами сбежавших в другие страны активных членов наркобизнеса.

Подводя итоги, мы можем сказать, что интересы Китая в Центральной Азии находятся в противоречии с интересами главных геополитических игроков мира, а именно с интересами США и России. Они находятся в противоречии и с интересами регионального уровня держав и, конечно, во многих случаях и с интересами самих центрально-азиатских стран. Поэтому интересы Китая объективно выступают одним из факторов неустойчивого и нестабильного протекания внешнеполитических процессов в Центральной Азии. При обострении же этих противоречий они могут стать и причиной дестабилизации ситуации в регионе.

⁴³³ *Комиссина И. Н.* Северный маршрут смерти...

⁴³⁴ *Вайц Р.* Взгляд на войну с наркотиками в Центральной Азии // URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20120304/187434605.html>

Главное, дальнейшее продвижение Китаем своих интересов помешает в Центральной Азии развитию внутренних интеграционных процессов и не позволит ей превратиться в отдельное геополитическое образование. Перечисленные интересы не будут способствовать и сближению тюркских народов Центральной Азии и Синьцзяна, не говоря об укреплении единства тюркских народов. Отрицательно скажется и на сотрудничестве стран Центральной Азии с другими странами мира.

Благодаря продуманной внешней политике Китаю за исторически короткое время удалось не только закрепиться в Центральной Азии, но и продвинуть здесь свои интересы так далеко, что они превратились в один из основных факторов протекания внешнеполитических процессов. И влияние эволюции его интересов на внешнеполитические процессы в нашем регионе будет расти с ростом его экономической и политической мощи. Соответственно, будет расти и сила вовлечения народов Центральной Азии в китайскую цивилизацию.

2.4.5. Эволюция интересов Китая и проблемы обеспечения устойчивости политических процессов в ЦА

Для центрально-азиатских стран преодоление негативных последствий эволюции интересов Китая, направленных на вовлечение их в китайскую цивилизацию, превращается в важнейшее условие не только сохранения ими своей государственной независимости, но и в неотложную задачу обеспечения устойчивого протекания в них текущих политических процессов. Поскольку, как мы показали ранее, реализуемая в странах этого региона внешнеполитическая стратегия Китая, в исторической перспективе направленная на их поглощение, противоречит интересам центрально-азиатских стран, да и интересам глобальных и региональных держав тоже. В силу этого продвигаемые Поднебесной внешнеполитические интересы становятся одним из основных факторов неустойчивости происходящих как внутри, так и вокруг этого региона по-

литических процессов. Несмотря на крайне осторожные действия Китая, они вызвали в центрально-азиатских странах открытые и скрытые конфликтно опасные политические процессы, которые, если не будут приняты соответствующие меры, в недалеком будущем могут разрастись до небывалых масштабов. Ведь политика является наиболее чувствительной сферой, в которой, как говорили классики, сконцентрированно выражается всё то, что происходит в остальных сферах жизнедеятельности людей.

Конечно, отказ Китая от своей основанной на концепции китаецентризма внешнеполитической стратегии или ее существенная корректировка могли бы снять вышеназванные проблемы и снизить остроту протекания политических процессов в Центральной Азии. Но вряд ли это возможно, так как она является проверенным временем способом продвижения этой страной своих интересов на международной арене. При любых исторических ситуациях или условиях протекания международных отношений данная стратегия позволяет Китаю строго и безошибочно следовать в своей внешней политике национальным интересам. Она по своей глубинной сути исходит из национальных интересов – интересов, нацеленных на обеспечение выживания нации путем подавления и подчинения других. Отсюда следует, что средства и методы ее реализации берутся не из принципов и норм и обычаев международного права⁴³⁵, они основываются на исторически проверенных стратегиях военного искусства, отличающихся тотальностью и абсолютным приоритетом цели над средствами. Поэтому центрально-азиатским странам ничего не остается, кроме как, продолжая сотрудничество, вести работу по нейтрализации негативного влияния продвижения Китаем своих интересов как на сохранение ими государственной независимости, так и на обеспечение в них устойчивого протекания политических процессов.

В этом деле все проблемы решались бы сами собой, если бы центрально-азиатские страны были хорошо организованными государствами (государственное управление не было бы охвачено коррупцией), имели бы нацеленную

⁴³⁵ Мясников В. С. Антология хитроумных планов... – С. 8.

против таких притязаний других стран систему всесторонней государственной защиты. Естественно, им такую систему защиты придется создавать на ходу, не сокращая и не свертывая сотрудничество с Китаем. Для этого они обладают достаточными возможностями, к тому же геополитические конкуренты Китая с удовольствием готовы им в этом помочь. Нужно всего лишь четко определить, какие продвигаемые интересы Китая в силу несоизмеримости его демографического и экономического потенциала⁴³⁶ с потенциалом стран Центральной Азии в перспективе будут оказывать на них в политическом, экономическом и культурном плане гравитационное воздействие и интересы, которые сознательно направлены на вовлечение их в китайскую цивилизацию. Это даст возможность выработать и ввести в правовую базу сотрудничества с Китаем механизмы нейтрализации китаецентристских интересов. Также ввести изменения во внутреннее законодательство, которые бы запрещали соглашаться государственным деятелям с теми условиями сотрудничества, в которых скрыто или явно присутствует китаецентристский интерес. Очень важно и максимальное использование существующих противоречий во внешнеполитических интересах Китая и других геополитических игроков.

На наш взгляд, к продвигаемым в центрально-азиатских странах интересам Китая, которые в силу несоизмеримости его демографического и экономического потенциала с потенциалом государств этого региона могут оказывать на них гравитационное воздействие (поглотить их), относятся: стимулирование миграции китайцев; создание зон свободной торговли в рамках ШОС, предоставление этим странам без ограничения финансово-экономической помощи, а также льготных условий в торговле, по своей сути направленных на постепенное ориентирование их экономик к экономике Китая, превращение в зависимые экономики; политическая поддержка руководителей государств региона и разного ранга чиновников в распространении китайского опыта организации политической жизни. В этом отношении крайне осторожно нужно от-

⁴³⁶ *Портяков В. Я.* Видение многополярности в России и Китае и международные вызовы // Сравнительная политика. – 2013. – №1. – С. 93.

носиться и к росту потребности у населения этих стран в приобщении к китайской культуре и образу жизни. По этой же причине не желательно активное участие Поднебесной в строительстве в этих странах объектов инфраструктуры, коммуникаций, связывающих их с Китаем, и открытие структур, обеспечивающих культурный, образовательный и научный характер связей⁴³⁷, а также информационный обмен. Иными словами, названные интересы, в силу слишком большой разности потенциалов стран региона и Китая, имеют китаеццентристский интерес и их дальнейшее продвижение чревато развитием в Центральной Азии политических процессов по неустойчивому и конфликтному пути.

Косвенно относится к интересам Китая, которые могут оказать влияние на интеграционную ориентацию стран Центральной Азии, и проводимая им в регионе борьба с международным терроризмом и наркотической угрозой.

К интересам Китая, которые продвигаются им открыто и целенаправленно в центрально-азиатских странах в целях вовлечения их в китайскую цивилизацию, следует отнести: агрессивное распространение в них китайской культуры; использование ШОС в своих китаеццентристских целях; переориентация местных дунган к Китаю; способствование отчуждению уйгуров от местных сообществ; недопущение культурного и политического сближения тюркских народов Синьцзяна и Центральной Азии, блокирование интеграционных процессов внутри региона, а также интеграции этих стран к создаваемому Евразийскому союзу. К этим интересам относится и нейтрализация политики США и западных стран по использованию центрально-азиатских государств в целях сдерживания Китая.

Всё перечисленное говорит о том, что нейтрализация китаеццентристских целей в продвигаемых Китаем в Центральной Азии интересах требует разработки в этих странах определенной государственной политики, которая могла бы не только обезопасить регион от возможности в перспективе быть погло-

⁴³⁷ *Бабурова Н.* «Идти во вне» с именем Конфуция // URL: <http://www.ruvek.ru/?module=articles&action=view&id=7902®ion=13>

щенным Китаем, но и обеспечить стабильное и устойчивое протекание в нем политических процессов. И в той части политики, которая связана с интересами Китая, имеющими гравитационную силу, главное внимание должно обращаться на стимулирование Китаем миграции своих граждан в страны региона, так как этот процесс в настоящее время приобретает пугающий характер, становится причиной периодически вспыхивающих конфликтов⁴³⁸. В настоящее время Китай умело регулирует в странах пребывания своих мигрантов конфликты с их участием предоставлением этим странам льготных кредитов или вкладыванием инвестиций в строительство инфраструктуры, как это происходит в Кыргызстане. Там после очередного конфликта или обнаружения многочисленных китайских мигрантов с давно просроченной визой происходит со стороны Китая очередное выделение республике льготного кредита и финансов на строительство какого-либо объекта (хотя ранее Кыргызстан получал на это отказ).

В этом плане, на наш взгляд, в странах Центральной Азии должны быть срочно приняты законы, существенно снижающие квоты, выделяемые для приезжающих в регион с различными целями китайских граждан, и увеличивающие размеры штрафов за нарушение ими правил пребывания, а также предусматривающие немедленную их депортацию. Так как Китаем выработан большой опыт по преодолению законов других стран, ограничивающих миграцию, а в странах Центральной Азии государственная власть глубоко коррумпционирована, в т. ч. и органы, осуществляющие контроль над миграционными процессами, миграция китайцев в регион должна быть взята под международный контроль. По нашему глубокому убеждению, конфликты, которые происходят в мире и которые связаны с миграцией, требуют внесения изменений в международные законы, с тем чтобы миграцию поставить под жесткий международный контроль. Еще не окрепшие страны Центральной Азии не

⁴³⁸ Садовская Е. Ю. Китайская миграция в Центральной Азии: Экономическое наступление и миграция из КНР на примере республики Казахстан: вызовы и возможности...

должны оставаться наедине с этой проблемой и самим противостоять экспансионистской миграционной политике такой гигантской страны, как Китай.

В этой политике следовало бы четко установить для каждой из центрально-азиатских стран предельные суммы получения кредитов и других видов финансовой помощи, чтобы не оказаться в ситуации, в которой оказался Таджикистан, готовый в обмен на списание долга отказаться от своей Горно-Бадахшанской области в пользу Китая. Было бы хорошо, если бы в ней были расписаны негативные последствия, включая и политические, получения странами льготных условий в торговле с Китаем и пути их преодоления. Ни в коем случае нельзя давать согласия и на создание в рамках ШОС зоны свободной торговли, чего сейчас добивается Китай, так как тогда Китай легко сможет обеспечить практически все экономические потребности региона, наполняя рынок сравнительно дешевыми и относительно качественными товарами, и превратить экономики центрально-азиатских стран де факто в часть своей экономики. Здесь одним из лучших выходов было бы вхождение стран Центральной Азии в другие экономические объединения, куда не входит Китай.

В настоящее время очень серьезного внимания требуют китайские инвестиции, вкладываемые в инфраструктуру, коммуникации и в горнодобывающие отрасли экономик стран региона⁴³⁹, особенно коммуникации (автодороги, аэропорты и железные дороги), которые делают всё теснее их связь с Китаем. Всем известно, что Китай охотно вкладывает средства в строительство дорог и железнодорожных путей, выходящих к его границам, поскольку он рассматривает их как ключевые факторы интеграции стран региона к КНР. Поэтому эти проекты должны реализовываться после всестороннего их изучения. Вообще, нужно соглашаться только с теми инвестиционными проектами, которые будут реализовываться без привлечения китайских рабочих и специалистов, так как в основном они способствуют уве-

⁴³⁹ Пашкин Д. М. Китайско-центрально-азиатские отношения в двадцать первом веке // URL: <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/16/pash/>

личению китайских мигрантов в центрально-азиатских странах. Ситуация, складывающаяся в странах Центральной Азии, граничащих с Китаем, говорит о необходимости законодательного закрепления этого требования и неукоснительного его соблюдения.

Симптоматичными становятся, как мы уже говорили, такие явления, как частое обращение руководителей отдельных государств к Китаю за поддержкой при разрешении внутренних и внешних политических проблем в целях сохранения своей личной власти; помощь руководителям разных уровней в организации сотрудничества с аналогичными структурами КНР; внесение изменений в законы, способствующих ускорению интеграции стран региона к Китаю и меняющих систему организации политической жизни. Подобные действия руководителей государств и высокопоставленных чиновников должны быть закреплены в общественном сознании как предательство интересов страны и рассматриваться как повод для отстранения от власти политических сил и привлечения их к ответственности. Свобода и независимость страны не должны обмениваться на сиюминутные интересы руководителей государств и политических сил. За поддержкой к Китаю нельзя обращаться даже при противостоянии с внешними враждебными силами, пусть даже и большими геополитическими державами, ибо нацеленность этой великой империи на поглощение Центральной Азии приобретает неотвратимый характер.

Особую тревогу вызывает активное и целенаправленное продвижение Китаем в центрально-азиатских странах тех интересов, которые сознательно направлены на вовлечение их в свою цивилизацию. В этом отношении продвижение Китаем своей культуры и образа жизни в странах региона⁴⁴⁰ не назовешь иначе, как агрессивным. Это делается им вопреки протестам и неодобрению местной общественности. На многочисленных предприятиях, открываемых им в сфере услуг, в сельском хозяйстве и промышленности, работа организовывается как в Китае, с широким использованием китайско-

⁴⁴⁰ Гревцова А. Н. «Мягкая сила» Китая как способ расширения его политического влияния на страны АСЕАН...

го языка. Внутреннее и внешнее убранство рабочих помещений непременно оформляется в китайском стиле и на китайском языке. Вместе с ввозимыми этой страной товарами, оформленными в китайском стиле, широкое распространение получает и китайская культура. Можно только представить, какое воздействие они оказывают на сознание человека, когда товары, привозимые из Китая, составляют 50–80% от общего количества товаров, поступающих на рынки стран региона. В такой ситуации центрально-азиатским странам пора принимать такие же законы, какие принимаются в прибалтийских странах против использования в них русского языка и советских символов. Во всяком случае, разрешение открывать предприятия китайские предприниматели должны получать при взятии ими обязательств не организовывать работу, как в Китае и на китайском языке. Надо неустанно формировать в людях негативное отношение к таким действиям китайцев и организовывать бойкотирование таких предприятий.

Поскольку ШОС преимущественно используется Китаем, как мы доказали ранее, в своих китаецентристских целях, под угрозой выхода из этой организации центрально-азиатским странам нужно добиться, чтобы в нее вошли такие страны, как Индия, Пакистан и Иран; они уравнивали бы интересы участников организации. Крайне важно, чтобы ШОС выполняла свои указанные в Уставе задачи, а именно: борьба с терроризмом и другими угрозами, а не превращала страны организации в китайское экономическое пространство⁴⁴¹. Странам региона не нужны наднациональные экономические структуры, зависимые от китайского капитала. Кроме того, недопустимо и использование Китаем ШОС в своих геополитических целях; ни в коем случае странам не следует идти на такие обязательства. Словом, самим странам-участникам нужно формировать к этой организации совершенно новое отношение или распустить ее.

⁴⁴¹ Лаумулин М., Малика А. Центральная Азия: основные подходы в современной политической науке // Востоковедение и африканистика. – 2012. – Сер. 9. – № 1. – С. 27.

Таит в себе опасность возможной дестабилизацией политической ситуации и диаспоральная политика Китая в отношении местных дунган. Почему-то к дунганам, переселившимся из Китая в Кыргызстан и Казахстан в конце XIX века, он относится как к своей диаспоре, а к таким же переселенцам-уйгурам из этой же страны – нет. Более того, делается всё, чтобы у местного населения создать негативный образ уйгуров⁴⁴² и по мере возможности нейтрализовать у этого этноса диаспоральные возможности, особенно те, которые могли бы послужить связующим звеном между тюркскими народами Центральной Азии и Синьцзяна и способствовали бы их сближению, а в перспективе и политическому объединению. Такая политика Китая к этим двум диаспорам, проживающим в странах Центральной Азии, основана на том, что дунган он рассматривает родственным ханьцам этносом⁴⁴³, а уйгур – как этнос, добывающийся в этой стране создания своего государства, что является естественным и законным правом уйгур.

По отношению к дунганам в странах региона, кроме создания условий для их безболезненной интеграции в местные сообщества, нужно проводить на государственном уровне работу, направленную против диаспоральной политики Китая, так как он этот этнос намерен использовать в своих китаецентристских целях. Было бы хорошо, если бы был принят закон, запрещающий создавать не только политические партии по национальному признаку, но и общественные объединения, ставящие перед собой политические задачи, и выработать механизм, обеспечивающий безотказную реализацию этого закона, с тем чтобы ввести его в систему государственного управления. Кроме того, в ситуации, когда Китай в отношении местных дунган осуществляет китаецентристский подход, актуальным становится идеологическое воздействие на их диаспоральное поведение. Такое воздействие должно быть направлено на закрепление понимания того, что они являются частью этноса, который нахо-

⁴⁴² *Хализов Р.* Памяти жертв кровавой Урумчинской трагедии 5 июня // Иттйпак. – 2013. – №7, июль. – С. 11.

⁴⁴³ *Инь Шугуан.* Дунгане и Китай: незаконченная история // URL: <http://russian.people.com.cn/31516/6901040.html>

дится в территории Китая, на исторически принадлежащей им земле лишен права иметь, как и другие этносы, свое государство, соответственно, лишен главного права – права самому решать свою судьбу. Исходя из того, что в культуре этого народа очень сильно заложена религиозность, работа должна быть направлена и на развитие в их сознании единства с народами, исповедующими ислам, а значит, и единства с народами Центральной Азии.

С этой точки зрения, центрально-азиатским странам следует выработать политику, действительно противостоящую китаецентристской стратегии воспрепятствования культурному и политическому сближению тюркских народов Центральной Азии и Синьцзяна. Достижение такой цели предполагает, прежде всего, направленное выделение бюджетных средств на создание общественных объединений, деятельность которых была бы нацелена на организацию и проведение совместных с тюркскими народами Синьцзяна культурных, но не политических мероприятий, установление побратимских связей с селами и городами Китая, в которых проживают преимущественно тюркские народы. Немаловажной задачей остается трансляция на территории Восточного Туркестана передачи национальных телерадиоканалов центрально-азиатских стран. Дополнительно к этому, странам региона следует объединиться и создать выходящий на территорию Синьцзяна совместный телерадиоканал, ключевой задачей которого было бы распространение идеи единства тюркских народов.

Помимо этого, китаецентристская внешняя политика Поднебесной, предусматривающая также и недопущение развития интеграционных процессов в самой Центральной Азии, требует ускоренного решения тех проблем в отношениях между странами региона, которые становятся причиной приобретения политическими процессами конфликтного характера. К ним следует отнести: решение всех спорных вопросов, связанных с уточнением границ, которые есть в отношениях практически между всеми странами региона⁴⁴⁴; согласо-

⁴⁴⁴ *Маркедонов С.* Непокойные центрально-азиатские границы – «Новая Евразия» // URL: <http://www.ca-news.org/news:1074936>

ванное, с учетом интересов всех сторон, использование водных ресурсов⁴⁴⁵; эффективное регулирование в государствах региона проблем, имеющих в межнациональных отношениях; согласование правил транспортировки энергоресурсов и товаров через территории стран. Не менее важными являются и вопросы создания в регионе безвизового режима, с тем чтобы не были разорваны гуманитарные связи, которые сложились в советское время между людьми, проживающими в странах региона. Несмотря на большие различия политических режимов, установившихся в этих странах, следует начать работу и по сближению законодательств. Только после решения этих вопросов можно будет говорить об интеграции стран Центральной Азии, создании союза или какого-то другого политического объединения, которое бы могло эффективно противостоять китаецентристским амбициям соседней державы.

Темпы и масштабы проникновения Китая в страны Центральной Азии делают для стран региона актуальным и вопрос их вхождения в создаваемый на базе Таможенного союза Евразийский союз⁴⁴⁶. Предпочтительность данного союза обуславливается следующими обстоятельствами: отсутствием между ними естественных преград (гор, морей и океанов); состоянием народонаселения (никто из них не обладает избыточным населением); ориентированность интеграционных установок населения стран региона на страны Таможенного союза; схожесть экономической и социокультурной жизни; продолжающееся функционирование в них русского языка как языка межнационального общения. Более того, именно по этим причинам в современных условиях, когда регионализация международных отношений приобретает закономерный характер или вхождение стран в региональные объединения становится необходимым, Евразийский союз может обеспечить центрально-азиатским странам сохранение не только культуры, но и государственной независимости.

⁴⁴⁵ Сулаймони Ш. Проблемы региональной безопасности Центральной Азии: внутренние аспекты в теории и на практике // URL: <http://ca-cpp.org/dri/17-problemy-regionalnoy-bezopasnosti-centralnoy-azii-vnutrennie-aspekty-v-teorii-i-na-praktike.html>

⁴⁴⁶ Асанбеков М. К. Геополитические факторы евразийского интеграционного ориентира Кыргызстана // URL: <http://easttime.ru/analytics/kyrgyzstan/geopoliticheskie-factory-evraziiskogo-integratsionnogo-orientira-kyrgyzstana>

Чтобы неизбежное столкновение в Центральной Азии геополитических интересов США и Китая не становилось источником непрерывных политических конфликтов, странам региона следует занять по отношению к ним абсолютно нейтральную позицию. Используя потенциал Таможенного союза, выйти им из зависимости от международных финансово-экономических структур, находящихся под контролем западных стран. Ни под каким предлогом они не должны давать согласия на создание таких же структур, но основанных на китайском капитале. Под жесткий контроль поставить деятельность неправительственных организаций, финансируемых из-за рубежа; их финансирование на конкурсной основе, как в России, осуществлять из государственного бюджета стран Центральной Азии. Подлежит полному пересмотру статус и цели открытых западными странами и Китаем структур образовательного, культурного и научного характера. С участием российских экспертов целесообразно провести тщательный анализ взятых странами региона международных обязательств. В особом внимании, в плане исключения из их деятельности политических и идеологических компонентов, нуждаются и религиозные миссионерские организации. Ведь с их деятельностью связаны происходящие на территории региона многочисленные конфликты на религиозной почве.

Таким образом, центрально-азиатским странам сотрудничество с Китаем следует осуществлять с учетом того, что это государство в своей внешней политике исходит из китаецентристских целей, предполагающих в исторической перспективе поглощение региона. Продвижение им этой политики в странах региона уже сейчас вызвало не только скрытые, но и открытые конфликтные политические процессы, и чем дальше будут эволюционировать интересы Китая в заданном направлении, тем неустойчивее станут политические отношения. Следовательно, странам Центральной Азии нужно выработать политику, которая позволяла бы им при осуществлении сотрудничества с данной страной нейтрализовывать его китаецентристские цели. Конечно, такая политика должна включать в себя исторический опыт сотрудничества с этой страной самих народов Центральной Азии, а также опыт тех народов, которые сотруд-

ничают с ним в течение длительного времени, успешно обходя китаецентристские внешнеполитические ловушки⁴⁴⁷.

Главное, странам Центральной Азии нужно добиваться от мировой общечеловечности, чтобы китаецентризм рассматривался как экспансионистская внешняя политика, соответственно, сделать ее незаконной в международных отношениях. Требовать от ООН, чтобы были созданы структуры, которые бы отслеживали во внешнеполитических действиях стран любые, даже самые изощренные, формы экспансионизма и вносили бы предложения по их устранению из практики международных отношений. Это необходимо для построения реального «гармоничного мира», а не того обозначенного во внешнеполитической стратегии Китая, в котором он собирается играть главную роль⁴⁴⁸.

2.4.6. Преодоление негативных последствий эволюции интересов Китая – важнейшее условие сохранения устойчивости политических процессов в Кыргызстане

По степени вовлеченности в китайскую цивилизацию и масштабам экономической экспансии Китая Кыргызстан среди центрально-азиатских стран занимает первое место, а не второе, вслед за Таджикистаном, как утверждает известный политолог Александр Князев⁴⁴⁹. С 2010 года Поднебесная на территории Кыргызстана приступила к реализации задач, характерных предпоследнему – третьему этапу вовлечения стран в свою цивилизацию. Другими словами, Китай путем вложения в Кыргызстан огромных средств начал решать задачи, направленные на: полное ориентирование экономики республики на свою экономику, превращение китайских мигрантов в большую местную ди-

⁴⁴⁷ Михеев В. Китай и Япония на фоне глобальных тенденций // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – № 4. – С. 58.

⁴⁴⁸ Грачиков Е. Н. Проблемы новой формирующейся идентичности Китая в мировой политике // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 2013. – № 1. – С. 167.

⁴⁴⁹ Князев А. Атамбаев обречен // Деньги & власть. – 2013. – № 26 (159). – 19 июля. – С. 8.

аспору, придание необратимого характера распространению китайской культуры и языка, ограничение суверенитета республики в реализации своих внешнеполитических целей и внедрение китайских стандартов в кыргызстанское государственное управление.

В настоящее время первая из названных задач, а именно ориентирование экономики Кыргызстана на китайскую экономику является самой успешно реализуемой. Масштабы экономического проникновения Китая таковы, что уже начали говорить, будто «Киргизия становится китайской»⁴⁵⁰. Судите сами, только по официальным данным китайцами на территории республики открыто 400 предприятий, а если учесть те, которые оформлены на подставные лица, их, по мнению многих экспертов, насчитывается более тысячи. Причем доля произведенной продукции и оказываемых услуг предприятиями, фактически принадлежащими китайцам, давно превысила в ВВП страны 30-процентный рубеж, что само по себе таит опасность потери государством контроля над своей экономикой. Ведь подавляющее большинство открываемых и эффективно работающих предприятий и строящихся объектов – строительства, коммуникаций, инфраструктуры и т. д. – принадлежит китайцам. Если исходить из того, что буквально через два дня после подписания совместной декларации Кыргызстана и Китая об установлении отношений стратегического партнерства во время проведения саммита ШОС 13 сентября 2013 года в Кыргызстан приехала большая группа китайских предпринимателей, скоро производство всех необходимых для страны товаров будет осуществляться китайцами. Предприниматели намерены в первую очередь заняться производством «смолы, ацетилцеллюлозы, нефтяного и механического оборудования, оборудования цифрового телевидения и др.»⁴⁵¹.

Кстати, из текста названного документа видно, что экономику Кыргызстана Китай рассматривает как свою экономику, так как декларация направле-

⁴⁵⁰ Михайлов Г. Киргизия становится китайской // URL: http://www.ng.ru/cis/2013-07-22/1_kirgizia.html

⁴⁵¹ В Бишкек прибыли предприниматели Китая, которые намерены рассмотреть возможность создания совместных предприятий // URL: <http://www.tazabek.kg/news:357708>

на, прежде всего, на создание условий для реализации Китаем больших производственных и инфраструктурных проектов практически во всех сферах экономики республики, включая те многочисленные проекты, которые им уже осуществляются. И ключевыми, подтверждающими, что Китай к экономике Кыргызстана начинает относиться как к своей экономике, являются вмонтированные в текст декларации слова: «осуществлять совместное развитие»⁴⁵².

Решающими факторами не только в ориентировании экономики Кыргызстана на экономику Китая, но и вообще в вовлечении его в китайскую цивилизацию являются создание инфраструктуры и развитие коммуникаций, обеспечивающие тесную связь республики с этой великой страной. В этих целях Китай с 2010 года начал вкладывать огромные средства в реконструкцию крупных инфраструктурных объектов⁴⁵³, строительство автомагистралей и железных дорог республики. Уже вложено более 200 млн долларов на строительство дороги Бишкек – Балыкчы и дорог в Баткене. Большие средства вкладываются и в освоение многочисленных месторождений, возведение заводов и фабрик. Завершается строительство нефтеперерабатывающего завода (НПЗ) в г. Кара-Балта стоимостью 250 млн долларов⁴⁵⁴, а на строительство двух линий электропередач, которое уже идет полным ходом, запланировано 600 млн долларов; выделяется 500 млн долларов на реконструкцию ТЭЦ г. Бишкека. Заключены договоры и на строительство железной дороги, соединяющей юг Кыргызстана с севером, проектная стоимость которого равна 450 млн долларов. Ведутся переговоры по строительству железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан со сметной стоимостью 2 млрд долларов⁴⁵⁵. В планы двустороннего сотрудничества включено превращение аэропорта «Манас» в большой международный аэровокзал, с открытием рейсов во все

⁴⁵² Текст совместной декларации Кыргызстана и Китая об установлении отношений стратегического партнерства см.: URL: <http://www.tazabek.kg/news:357569>

⁴⁵³ *Нечаева Е. В.* Внешняя энергетическая стратегия Китая: возможности и риски для России // Вестник Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения. – 2013. – № 1. – С. 89.

⁴⁵⁴ *Токмаков А.* Экспансия Китая в Киргизии – угроза интересам России // URL: <http://www.inosmi.ru/sngbaltia/20121204/202966810.html>

⁴⁵⁵ *Панфилова П.* Китайская дорога разрежет Киргизию пополам // URL: http://www.ng.ru/cis/2013-09-10/7_kirgizia.html

близлежащие провинции Китая, что не обойдется без привлечения средств не меньших, чем на вышеназванные проекты.

Прогнозируемый экспертами рост ежегодных китайских инвестиций в Кыргызстан (бюджет которого составляет 2 млрд долларов) в ближайшей перспективе до 1 млрд долларов де-факто превратит его экономику в экономику Китая.

Не меньших успехов КНР достигла и в реализации второй задачи по вовлечению Кыргызстана в китайскую цивилизацию, а именно в превращении китайских мигрантов в местную диаспору. За короткое время, благодаря освоению больших проектов только своими подрядчиками и проведению агрессивной миграционной политики, китайцы превратились в четвертый по величине этнос – после кыргызов, узбеков и русских, количественно превысив 80 тыс. человек⁴⁵⁶. При этом динамика роста китайских мигрантов значительно опережает рост инвестиций Китая. Это связано с тем, что в Кыргызстане достаточно либеральные законы, регулирующие привлечение иностранных рабочих, и по социально-экономическому устройству он превращается в транзитную страну, большая часть населения которой имеет транзитный статус.

В настоящее время посольством Китая в Кыргызстане делается всё, чтобы местных дунган признали китайской диаспорой и отнесли к ним и китайских мигрантов, т. е. так же, как и местным дунганам, придать им статус постоянно живущего населения, что могло бы обеспечить им политические и гражданские права.

В этом отношении, по накопленному в других странах опыту, в организации жизни китайских мигрантов особое внимание уделяется их сплоченности, поддержанию связей между собой. Негласно созданы и работают целые структуры, выполняющие эту работу и находящиеся под контролем китайского внешнего разведывательного управления. Сами сотрудники кыргызских правоохранительных органов признают то, что китайские мигранты подразде-

⁴⁵⁶ Как Китай растворит в Кыргызстане \$3 млрд // Деньги & власть. – 2013. – № 28 (161). – 13 сент. – С. 7.

ляются на группы, в которых соблюдается строгая иерархия. Группы возглавляются, как правило, сотрудниками китайских спецслужб. Свидетельством их высокой организованности являются произошедшие в текущем году три массовые драки китайцев с местным населением (в рудниках, расположенных в Кемине, Узгене и Нарыне) и внезапная проверка законности пребывания в Кыргызстане рабочих, занятых на строительстве дороги Бишкек – Балыкчи. Если в первом случае китайцы получили быструю поддержку от близко находившихся своих земляков, то во втором случае сотрудники правоохранительных органов были крайне удивлены, как быстро и незаметно скрылась большая часть рабочих-китайцев, не имеющих паспорта.

Впечатляющих успехов Китай достиг и в распространении на территории Кыргызстана своей культуры и языка. В этой области китайцы достигли таких успехов, что начинают решать задачи, связанные с превращением китайского языка в язык производства на территории республики. Свидетельством тому является решение принимать на работу в строящийся в г. Кара-Балта НПЗ из числа местного населения только людей, знающих китайский язык или после прохождения ими курса по обучению китайскому языку. При контроле китайцами более 30% объектов сферы производства и услуг и стремительном росте китайских инвестиций, а также большом количестве китайских мигрантов превращение в республике китайского языка в один из основных производственных языков становится быстро реализуемой задачей. Тем более, когда подавляющее большинство местных специалистов, работающих на предприятиях с китайским капиталом, благодаря хорошей организации работы по их языковому обучению неплохо знают китайский язык. К тому же не остается сомнений в быстрой достижимости этой цели, если учесть невиданный рост интереса к изучению китайского языка среди молодежи (только в г. Бишкеке функционирует более 50 центров по обучению китайскому языку, 3500 студентов изучает его в вузах республики, свыше 1000 человек обучаются в вузах Китая и проходят языковые и другие стажировки).

Постепенно вместе с китайскими товарами быстрое распространение получает и китайская культура. Особенно заметно это в сфере быта и отдыха. Многие китайские блюда и культура их употребления стали обычными для жителей республики, а развлекательные центры, кафе, рестораны и бары, в которых обслуживание организовано в китайском стиле, становятся всё более популярными. В коллективах предприятий с китайским капиталом и в вузах, в которых обучают китайскому языку в обязательном порядке, широко отмечаются китайские национальные праздники, а такие, как встреча китайского нового года, начинают приобретать всеобщий характер. Среди молодежи невиданной ранее популярностью пользуются китайские фильмы. Китайские виды единоборств и традиционная китайская медицина становятся одними из больших каналов проникновения китайской культуры и китайского образа жизни. Словом, распространение китайской культуры в Кыргызстане приобретает необратимый характер.

Последовательно и неотступно, без какой-либо спешки Китаем делаются шаги и по постепенному ограничению суверенитета Кыргызстана. Если ШОС для Китая служит средством удержания Кыргызстана в геополитическом пространстве своего влияния, то подписанная 11 сентября 2013 года совместная декларация Кыргызстана и Китая об установлении отношений стратегического партнерства является документом, ограничивающим суверенитет Кыргызстана в реализации собственных внешнеполитических целей и позволяющим навязывать ему проекты, которые ориентируют его экономику на экономику КНР. Этим самым Китай «намеривается крепко привязать Кыргызстан к себе»⁴⁵⁷.

Всё вышеизложенное убедительно показывает, что Китай в продвижении своих интересов в Кыргызстане находится в начале третьего, предпоследнего этапа вовлечения нашей страны в свою цивилизацию. И такое китаецентристское проникновение Китая с самого начала периодически сопровождается обострениями политической ситуации, приводящими, как в 2005 и 2010 го-

⁴⁵⁷ *Верхотуров Д.* Китай готовится к большой сухопутной войне в Центральной Азии // Деньги & власть. – 2013. – № 28 (161). – 13 сент. – С. 9.

дах, к революциям. Поэтому в ситуации, когда невозможно не сотрудничать с Китаем, проблема преодоления или нейтрализации негативных последствий эволюции его интересов в нашей стране становится актуальной не только с точки зрения обеспечения устойчивости протекания политических процессов, но и в целом развития Кыргызстана.

В преодолении негативных последствий эволюции интересов Китая ключевыми являются вопросы сдерживания его экономической экспансии, а поскольку Кыргызстан со своим несравнимо низким экономическим потенциалом и при высоком уровне коррупционности государственных чиновников самостоятельно противостоять этому процессу не готов, он может быстро потерять контроль над своей экономикой⁴⁵⁸. А после этого и политические, и духовно-идеологические процессы сами собой выйдут из-под государственного контроля. Следовательно, единственным выходом из этой складывающейся ситуации является скорейшее вхождение Кыргызстана в Таможенный союз, который объективно заинтересован в его экономической и политической независимости. Кроме того, Кыргызстану следует серьезно заняться диверсификацией своей экономики и активным привлечением инвестиций из других стран, а не только из Китая. Не мешало бы осуществлять жесткий контроль и над деятельностью китайских компаний, работающих на его территории.

Серьезные меры должны быть приняты и в отношении контроля за миграцией китайцев. Мы должны всегда помнить, что китайцы являются единственным народом в мире, территория которого в течение трех тысячелетий постоянно расширялась их миграцией, а не завоеваниями. Вытеснение местных с постоянного места проживания или их ассимиляция – задачи, поставленные перед китайцами самими императорами⁴⁵⁹. Это раз и навсегда заданная внешнеполитическая стратегия, и это не просто политика, а суть самой китайскости, если хотите, его «поднебесности». Именно экономической экспансией

⁴⁵⁸ ШОС стал инструментом экономической экспансии Китая // URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/83648/>

⁴⁵⁹ Мясников В. С. Традиции китайской дипломатии и реализация Циньской империей стратегических планов в отношении Русского государства в XVII веке... – С. 15.

Китая, являющейся внешнеполитическим проявлением китаецентризма, в определенной степени обусловлено и бегство самих кыргызов в Россию⁴⁶⁰.

Здесь кроме ужесточения законодательства в сфере миграции, усиления контроля над миграцией китайцев, ограничения их привлечения к работе на предприятиях с китайским капиталом работа должна быть направлена на недопущение того, чтобы они, используя местных дунган, превратились в устойчивую диаспору. Приобретение ими в качестве диаспоры статуса постоянно проживающих чревато для страны потерей в перспективе контроля над своей территорией. Хорошо, если бы было разработано и внесено в ООН предложение, с тем чтобы направленные на ассимиляцию местного населения миграции поставить под международный контроль.

Нельзя обойтись без принятия решительных мер и по противодействию агрессивному продвижению китайской культуры и языка в нашей стране. В этом отношении незамедлительно должны быть приняты законы, запрещающие принятие на работу предприятиями с китайским капиталом только знающих китайский язык и использование в производственном процессе только китайского языка. Нужно законодательно закрепить недопустимость ведения делопроизводства на всех предприятиях, в заведениях и учреждениях, находящихся на территории Кыргызстана, на других языках, кроме как на кыргызском и русском. При принятии на работу в Кыргызстане в обязательном порядке предпочтения должны отдаваться тем китайцам, которые знают государственный и официальный языки страны пребывания. Строго запретить на территории Кыргызстана рекламу на китайском языке, при этом ограничив оформление на нем вывесок предприятий и фирм с китайским капиталом.

Что касается распространения китайской культуры, необходимо ограничить создание организаций, занимающихся в Кыргызстане продвижением этой культуры. Недопустимо, когда в течение каких-то 5–6 лет в разных вузах и школах республики открываются четыре Института Конфуция и сотни клас-

⁴⁶⁰ The Economist: Китайская экспансия гонит жителей Средней Азии в Россию // URL: <http://inotv.rt.com/2013-09-20/The-Economist-Kitajskaya-ekspansiya-gonit>

сов китайского языка, которые финансируются из китайского бюджета на регулярной основе⁴⁶¹. Даже такая относительно большая страна, как Узбекистан, имеет только один Институт Конфуция и несколько классов китайского языка, которые находятся под строгим контролем соответствующих органов власти. Нужны продуманные ограничения и по проведению в республике китайских национальных праздников. Очень важно, чтобы проводилась широкая разъяснительная работа среди населения о необходимости выработки и внедрения в жизнь законов, обеспечивающих защиту от китайской экономической и культурной экспансии.

Защитить государственный суверенитет от китаецентристских уловок внешней политики Китая такая маленькая страна, как Кыргызстан, может, только входя с ним не в двусторонний, а многосторонний политический союз, как, например, ШОС, и только при участии в нем других равных с Китаем по своему экономическому и демографическому потенциалу стран. С этой точки зрения, без вхождения в ШОС Индии эта организация будет служить для Китая всего лишь инструментом удержания центрально-азиатских стран под своим влиянием. Помимо этого, в плане защиты государственного суверенитета в такой высоко коррумпированной стране, как Кыргызстан, должны быть поставлены под тотальный контроль все контакты государственных чиновников всех уровней с китайской стороной.

Итак, сохранение устойчивости политических процессов в Кыргызстане, также как и в других центрально-азиатских странах, во многом будет зависеть от того, как мы сможем нейтрализовать в сотрудничестве с Китаем китаецентристские уловки его внешней политики. Из всего сказанного видно, что данная задача не будет решена, если в законодательство не внести изменения, направленные на ограничение миграции китайцев, распространения китайской культуры и языка, экономической экспансии и вхождения с ним в различные политические союзы. Кыргызстану кроме присоединения к Таможенному

⁴⁶¹ Якушева Ю. Китайский язык – дело государственной важности // URL: http://www.ia-centr.ru/archive/public_details1ca.html?id=983

союзу⁴⁶² нужно двигаться в направлении диверсификации экономики⁴⁶³ и проведения многовекторной внешней политики, добиваться осуществления контроля со стороны международных институтов над миграционной политикой демографически избыточных держав.

2.5. Эволюция интересов Ирана во внутри- и внешнеполитических процессах государств Центральной Азии

Исламская Республика Иран как региональный самостоятельный игрок продолжает оказывать влияние на политические процессы в странах Центральной Азии, где пересекаются геополитические и геоэкономические интересы таких крупных акторов мировой политики, как США, Россия и Китай. Вместе с тем между Ираном и США существует конфликт геополитических интересов в центрально-азиатском регионе, что влияет на стратегию внешней политики Тегерана. США не заинтересованы в реализации Ирана как региональной супердержавы. Это связано со специфическим геополитическим и геостратегическим положением Ирана, а также его ролью в исламском мире. Наряду с этим наблюдается совпадение стратегических интересов Ирана с Россией и Китаем по вопросу обеспечения региональной безопасности.

Интерес Ирана к данному региону вызван как территориальной близостью и исторической связью, этнической и культурной общностью, так и использованием территории Центральной Азии в качестве рынка реализации своих товаров и технологий, разработки нефти и газа, развития сети по транспортировке энергоносителей. Центрально-азиатский регион включен в состав

⁴⁶² Китайская экспансия: объединиться, чтобы противостоять // URL: <http://kgazeta.com/13-722-9-04-2008/kitajskaya-ekspansiya-obedinitnya-chtoby-protivostoyat.html>

⁴⁶³ Галиева Ф. Статья Вьетнамом: Как Казахстану противостоять экономической экспансии Китая? // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1335675660>

приоритетных направлений внешнеполитической доктрины Ирана⁴⁶⁴. Активность Ирана отмечается в Таджикистане, Туркменистане и Кыргызстане, но этого не наблюдается в отношении Казахстана и Узбекистана.

По типологии политического процесса Иран имеет как сходство, так и отличия со странами Центральной Азии. Рассматриваемые страны по типу политической культуры и специфике организации относятся к вертикально-организованному, где существует принцип «господство – подчинение», а по состоянию общества являются переходными. Однако они отличаются друг от друга по структуре политической системы, стадии развития общества. Иран представляет собой теократическое государство, ислам имеет конституционный статус государственной религии и шиитское духовенство наделено политической властью. Различие типов политических процессов не мешает Ирану в реализации геополитических интересов в центрально-азиатском регионе. В статье 11 Конституции Исламской Республики Иран говорится, что он должен «прилагать максимум усилий к тому, чтобы осуществить политическое, экономическое и культурное единство исламского мира»⁴⁶⁵.

Для достижения своих геополитических и стратегических целей, в частности, для закрепления статуса региональной державы в центрально-азиатском регионе и обеспечения «пояса безопасности» Иран использует принцип «мягкой силы» воздействия по следующим направлениям: *экономическое; религиозное; образовательно-культурное.*

В плане развития *культурных связей* стратегическим интересом Ирана является оказание идеологического влияния через распространение персидской культуры в центрально-азиатском регионе, интенсивно развивая культурные и образовательные связи. С начало 90-х годов Иран, обращая внимание на общее культурное наследие стран Центральной Азии и возвращение к своим историческим корням, открывает иранские культурные центры и пред-

⁴⁶⁴ Кузнецов А. Затяжной геополитический роман: Иран и постсоветская Центральная Азия...

⁴⁶⁵ Конституция Исламской Республики Иран // URL: <http://constitutions.ru/archives/140>

ставительства в регионе, книжные магазины иранских издательств, в рамках Организации экономического сотрудничества создаются Научный фонд и Культурная организация в области сотрудничества культуры и науки.

В этом направлении Иран акцентирует внимание на идентичность древней культуры с Таджикистаном и Туркменистаном. Он установил тесные контакты с Таджикистаном, являющимся единственным персоязычным государством в Центральной Азии. ИРИ, рассматривая Таджикистан в качестве «неотъемлемой части большого Ирана»⁴⁶⁶, ведет целенаправленную информационную работу по сближению народов двух государств через средства массовой информации. Расширение культурного сотрудничества между ними выражается в проведении совместных мероприятий, финансируемых Ираном, по сохранению культурного наследия, открытию совместного университета, учреждению нового телевизионного канала⁴⁶⁷. В 1991 году между двумя государствами подписано совместное Заявление «О принципах и основных целях сотрудничества между Исламской Республикой Иран и Республикой Таджикистан» в целях развития двустороннего сотрудничества в сфере политики, социальной экономики и культуры. Иран заинтересован в создании фарсиязычного союза трех государств – Таджикистана, Ирана и Афганистана.

В качестве экспорта иранской «мягкой силы» выступает Комитет имени имама Хомейни в Таджикистане, действующий под эгидой предоставления гуманитарной помощи, имеющий 43 филиала с головным офисом в Душанбе, шесть региональных офисов, 20 центров распространения, 13 рабочих подразделений, культурный центр и клинику. Деятельность данного Комитета сосредоточена в местах компактного проживания шиитских сообществ. Распространением иранского мировоззрения среди населения занимается радио «Таджики», под руководством и при поддержке Корпуса стражей иранской

⁴⁶⁶ *Мутов С. А.* Политика Ирана в отношении Центральной Азии...

⁴⁶⁷ *Месамед В. И.* Особенности ирано-таджикистанского сотрудничества // URL: <http://www.iimes.ru/?p=11658>

революции⁴⁶⁸. При содействии Комитета имама Хомейни в регионах активно работают культурные иранские центры. Сама по себе деятельность данного Комитета направлена на пропаганду преимуществ исламской системы.

Вместе с тем руководство Таджикистана, опасаясь «исламизации» страны, оказывает препятствие в реализации проекта по созданию персоязычного телеканала с охватом вещания территории Таджикистана и Афганистана, получении образования отечественных студентов и преподавателей в иранских университетах и учебных центрах, посещении таджикских детей школы при посольстве Ирана.

В сфере образования Иран оказывает финансовую поддержку таджикам, обучающимся в ИРИ, а также организует программы повышения квалификации преподавателей, активно внедряет изучение фарси в систему школьного образования⁴⁶⁹, т. к. через образования легче продвигать идеологию шиизма. В этом направлении активно работает офис иранского благотворительного комитета «Эмдад» («Содействие»), при содействии которого организованы 10 учебных заведений по обучению «народным ремеслам»⁴⁷⁰. Запланировано создание совместных общеобразовательных школ и международного вуза в Таджикистане и Иране. На строительство международной школы имени Рудаки в г. Душанбе Иран выделяет 2 млн долларов⁴⁷¹.

В сфере религии одной из значимых идеологических концептов официальной внешней политики Ирана считается распространение исламских ценностей в центрально-азиатском регионе. Вместе с тем Иран не оказывает существенного влияния на оживленную религиозную жизнь центрально-азиатских государств, население которых исповедует, в основном, ислам суннитского толка.

⁴⁶⁸ См.: Иран зомбирует Таджикистан ради урана? // URL: <http://www.copoka.net/site.php?cat=up&idItem=3794>

⁴⁶⁹ Багбан Э. Таджикистан – Иран – Афганистан: Персоязычный союз в действии // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1333472460>

⁴⁷⁰ См.: Иран зомбирует Таджикистан ради урана? ...

⁴⁷¹ Состояние и перспективы развития таджикско-иранского сотрудничества в конце XX – начале XXI веков // URL: <http://www.dissercat.com/content/sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya-tadzhiksko-iranskogo-sotrudnichestva-v-kontse-xx-nachale>

Для шиитского Ирана намного легче налаживать религиозные контакты с Таджикистаном, где большинство жителей Горно-Бадахшанской области принадлежит к исмаилитской ветви шиизма и где официально действует Исламская партия Таджикистана, обладающая политическим весом в стране. Концепция «мягкой силы» Ирана в Таджикистане проявляется в формировании аудитории лоббирования через религиозно-идеологическое воздействие. В 90-е годы Иран вел активную политику по экспорту исламской революции и «шиизации» в таджикском и туркменском суннитском обществе. Иранские бизнесмены вовлекали в шиизм отдельных таджиков, оказывая им финансовую поддержку. Идеологической обработке также подвергались предприниматели, регулярно выезжающие в Иран.

В направлении религиозно-идеологического проникновения прослеживается поддержка проирански настроенных группировок исламской таджикской оппозиции через различные государственные и неправительственные организации. Иран организует и финансирует курсы по изучению Корана, стимулируя религиозное образование таджиков. Идеология шиизма активно распространяется среди молодежи.

Возможно, в будущем увеличение числа приверженцев шиизма в Таджикистане приведет к столкновению представителей двух религиозных мировоззрений – суннитов и шиитов. В целях предотвращения данного процесса руководство республики запретило выезд граждан Таджикистана для получения религиозного образования за пределы государства, в т. ч. и в Иран.

Распространение идеологии шиизма в Туркменистане наблюдается среди переселенных из Ирана этнических туркмен по государственной программе «Возвращение туркмен мира на историческую родину», исповедующих шиизм и проживающих в приграничных районах с Ираном⁴⁷². В 90-е годы Иран активно финансировал строительство в Туркменистане мечетей и религиозное обучение в медресе. Но несмотря на это он не получил желаемого ре-

⁴⁷² См: *Курамагомедов М.* Готовят ли власти Туркмении боевиков для Сирии? // URL: <http://www.centrasia.ru/news.php?st=1375736400>

зультата в связи тотальным государственным контролем над религиозной жизнью в республике.

С каждым годом расширяется и укрепляется двухстороннее взаимовыгодное сотрудничество в области культуры и науки между Кыргызстаном и Ираном. Данное сотрудничество закрепляется организацией культурно-гуманитарных мероприятий, регулярным проведением международных симпозиумов и семинаров, посвященных персидскому языку и литературе. В целях закрепления связей в сфере культуры Иран инициирует создание сайта по культуре и туризму, освещающий новости культуры, ее достижения и туристические возможности двух стран⁴⁷³. Во время встречи в рамках саммита ШОС в г.Бишкек Президент Ирана Х. Рухани отметил, что в настоящее время существует благоприятная почва для развития кыргызско-иранских отношений⁴⁷⁴.

Для шиитского Ирана вызывает трудности налаживание религиозного контакта с Казахстаном. Ислам как религия не оказывает существенного влияния на политические процессы в стране. Шиизм в Казахстане представлен, в основном, верующими азербайджанской диаспоры.

В Узбекистане шииты проживают в Бухарской и Самаркандской областях.⁴⁷⁵ Их основная часть является этническими иранцами и занимается торговлей. В Бухаре действуют три официально зарегистрированные шиитские мечети. Для получения религиозного образования узбекская молодежь выезжает в Иран⁴⁷⁶.

⁴⁷³ Повестка дня десятого заседания Совместной Межправительственной комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству между Кыргызской Республикой и Исламской Республикой Иран (13.12.2012) // URL: <http://ru.convdocs.org/docs/index-84560.html>

⁴⁷⁴ Существует хорошая почва для развития кыргызско-иранских отношений – президент Рухани // URL: <http://ru.haberler.com/russian-news-302090/>

⁴⁷⁵ См.: *Нормухамедова М.* Взаимосвязь секуляризма с исламской культурой и образованием в Узбекистане // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет?: Мат-лы междунар. «круглого стола». Алматы, 30 ноября 2007 г. / Отв. ред. Б. К. Султанов. – Алматы: Изд-во КИСИ при Президенте РК, 2008; Узбекистан: информация о религиозности населения // URL: <http://www.advantour.com/rus/uzbekistan/religion.htm>

⁴⁷⁶ Шииты в Узбекистане // URL: <http://islam-ca.com/2011-06-12-20-30-13/579-2012-10-15-04-09-38>

С конца 90-х годов Иран в своей внешнеполитической деятельности строит стратегию на сотрудничество странами региона по развитию экономических отношений, укреплению торговых связей и созданию системы региональной безопасности. С этого момента Иран планомерно наращивает свое экономическое присутствие в Центральной Азии и его стратегическими интересами в этом направлении являются:

- 1) создание рынка реализации отечественных товаров и технологий в центрально-азиатском регионе и далее в Европу, Юго-Восточную Азию для обеспечения выхода на мировой рынок в качестве страны-импортера;
- 2) привлечение ресурсов стран Центральной Азии в решении собственных социально-экономических проблем;
- 3) развитие сети транспортных коммуникаций;
- 4) разработка единой сети транспортировки энергоносителей;
- 5) укрепление собственной и региональной безопасности;
- 6) минимизация влияния западных государств, в частности американского влияния, в центрально-азиатском регионе.

На укрепление взаимосвязей Ирана и центрально-азиатских стран оказывают влияние Организация экономического сотрудничества (ОЭС) и Организация Исламской конференции (ОИК). Сотрудничество в рамках ОЭС для Ирана хорошая возможность реализовать геополитические интересы, в которые входит развитие воздушных и наземных коммуникаций стран центрально-азиатского региона в привязке к своим морским портам в Персидском заливе. Иран заинтересован также в том, чтобы транспортные потоки стран Центральной Азии выходили через его территорию на международные рынки. Это даст ему возможность стать деловым центром региона. С этой целью в 1996 году построена железная дорога Мешхед – Серакс – Теджен, ставшая транзитным коридором, соединяющим железнодорожные линии Центральной Азии через Иран с Персидским заливом и Европой⁴⁷⁷. Иранские специалисты строят ав-

⁴⁷⁷ См.: Хуторская В. В. Взаимоотношения Исламской Республики Иран и стран Центральной Азии... – С. 220–237.

томобильную и железную дорогу, соединяющие Таджикистан, Афганистан и Иран.

В 2007 году между Казахстаном, Туркменистаном и Ираном подписано межправительственное соглашение о проекте «Север–Юг», в котором заинтересованы все его участники. В соответствии с ним строится железная дорога Иран – Туркменистан – Казахстан, дающая возможность двум странам выйти через Иран к морю⁴⁷⁸.

Региональная политика Иран направлена на развитие транспортной инфраструктуры с Узбекистаном. Между ними в 2003 году подписано соглашение о международных транспортных маршрутах, что дала возможность Узбекистану вывозить свою продукцию через иранские порты Бандар-Аббос и Чо-бахор на побережье Индийского океана, а Ирану через Узбекистан отправлять свои товары в Центральную Азию и страны СНГ. В 2011 году подписано соглашение о создании транспортного коридора Узбекистан – Туркменистан – Иран – Оман – Катар.

Для Ирана стратегически важным является разработка и продвижение проектов транспортировки энергоносителей через свою территорию из стран Центральной Азии. Он активно сотрудничает с Туркменистаном и Узбекистаном в газовой сфере. В начале 90-х годов принято решение о строительстве первой ветки туркмено-иранского газопровода, 80% которого было профинансировано Тегераном. По трубопроводу Даулетабад – Серахс – Ханджиран с 2006 года осуществляется поставка экспорта туркменского газа в Иран, а в 2009 году было заключено соглашение сроком на 25 лет о ежегодных поставках туркменского газа в Иран в объеме 10 миллиардов кубометров.

Иран строит гидроэлектростанцию «Сангтуда-2» в Таджикистане, планирует соорудить несколько малых электростанций, готовит к реализации проект Шурабадской ГЭС, а также не отказался бы от финансирования строительства Рогунской ГЭС. В начале 2010 года между двумя странами достигну-

⁴⁷⁸ Иран пригласил Кыргызстан присоединиться к строительству ЖД «Казахстан – Туркменистан – Иран» // URL: <http://rus.kg/news/policy/10935-iran-priglasil-kyrgyzstan-prisoedinitnya-k-stroitelstvu-zhd-kazahstan-turkmenistan-iran.html>

та договоренность о разработке технико-экономического обоснования строительства новой Айнинской ГЭС.

В связи с дефицитом урана Иран проявляет интерес к атомной энергетике Таджикистана. В Таджикистане сосредоточено 14 до 40% от общего количества мировых запасов урана⁴⁷⁹.

Иран и Кыргызстан в рамках ОЭС наладили двухсторонние торгово-экономические связи. Годовой товарооборот двух стран в 2012 году достиг до 100 млн долларов⁴⁸⁰. Иранский бизнес в Кыргызстане представлен около 170 иранскими фирмами, из них 30% составляют совместные кыргызско-иранские предприятия, а остальные – частные иранские фирмы⁴⁸¹. В Кыргызстане действует Ассоциация иранских бизнесменов. В Узбекистане действуют 19 совместных предприятий и несколько фирм со стопроцентным иранским капиталом. В 2010 году объем ирано-узбекского товарооборота превысил 600 млн долларов⁴⁸².

В сфере торгово-экономического сотрудничества между Ираном и Таджикистаном представлены все виды бизнеса. С начала 90-х годов по 2012 год между двумя странами подписано 150 документов о сотрудничестве⁴⁸³. В Таджикистане работают 200 иранских компаний⁴⁸⁴. В 2011 году товарооборот между двумя странами составил 204,2 млн долларов⁴⁸⁵. Ежегодный торговый оборот между Ираном и Казахстаном в 2005 году составил 500 млн долларов без учета экспорта углеводородного сырья⁴⁸⁶.

⁴⁷⁹ Месамед В. И. Особенности ирано-таджикистанского сотрудничества...

⁴⁸⁰ У Кыргызстана и Ирана есть большой экономический потенциал // URL: http://www.agromarket.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=377:2013-03-29-03-01-25&catid=10:2012-07-24-08-58-37&Itemid=106

⁴⁸¹ Шеримкулов М. Иран заинтересован в животноводческой отрасли Кыргызстана // URL: <http://www.gezitter.org/interviews/17127>

⁴⁸² Иран и Центральная Азия: Краткий обзор взаимоотношений // URL: <http://www.fergananews.com/articles/6130>

⁴⁸³ Состояние и перспективы развития таджикско-иранского сотрудничества в конце XX – начале XXI веков...

⁴⁸⁴ Иран и Центральная Азия: Краткий обзор взаимоотношений...

⁴⁸⁵ Пурьжинский Д. Центральноеазиатский вектор Ахмадинежада: проблемы и перспективы // URL: http://www.proektnoegosudarstvo.ru/publications/ca_vektor_ahmadinejada

⁴⁸⁶ Казахстано-иранские культурные отношения: день сегодняшний // URL: <http://www.extra.kz/art.asp?aid=65443>

В целях реализации внешнеполитической стратегии по экономическому проникновению в Центральную Азию и обеспечению военно-политической региональной безопасности и стабильности Иран активно участвует в работе ШОС. В 2008 году на саммите ШОС в Душанбе Иран подал официальную заявку на членство в организации. В настоящее время Иран имеет в ШОС статус наблюдателя. Интересы Ирана в ШОС лоббирует Таджикистан.

Иран для обеспечения «пояса безопасности» в регионе с 1997 года сотрудничает в военной сфере с Таджикистаном, и его заинтересованность в этой сфере растёт с каждым годом. В 2010 году между ними был подписан меморандум о взаимопонимании в сфере военного и военно-технического сотрудничества, взаимодействии в подготовке кадров⁴⁸⁷. Аналогичные отношения Иран начал выстраивать с Казахстаном⁴⁸⁸.

Взгляды и позиции Ирана и центрально-азиатских стран совпадают и по проблеме борьбы с распространением наркотиков. Иран, учитывая нестабильность военно-политической ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, в Пакистане и Афганистане, заинтересован в сотрудничестве со странами Центральной Азии в обеспечении региональной безопасности. Присутствие на территории региона США Тегераном воспринимается как «прямая угроза» собственным национальным интересам. По мнению Ирана, в обеспечении региональной безопасности должны принимать участие только региональные силы⁴⁸⁹.

Иран и страны Центральной Азии заинтересованы в развитии и наращивании торгово-экономического двухстороннего сотрудничества. Иран для стран центрально-азиатского региона является выгодным вариантом для выхода на мировые транспортные артерии и рынки Среднего и Ближнего Востока.

⁴⁸⁷ Месамед В. И. Особенности ирано-таджикистанского сотрудничества...

⁴⁸⁸ Казахстан и Иран обсудили перспективы сотрудничества // URL: <http://news.day.az/iran/422500.html>

⁴⁸⁹ См.: Роль Ирана и его спецслужб в формировании новой региональной ситуации в Закавказье и Средней Азии // URL: <http://ruc.podelise.ru/docs/index-519275.html>; Присутствие внешних сил в Каспийском регионе может создать угрозу – Пограничная полиция Ирана // URL: <http://ru.haberler.com/russian-news-303964/>

ка, Турции. Центрально-азиатскому региону сотрудничество с Ираном дает возможность диверсификации своей внешнеэкономической деятельности.

Сотрудничество в сфере транспортных и иных коммуникационных систем (железные и автомобильные дороги, трубопроводы) с Тегераном – хорошая возможность центрально-азиатским странам укрепить свою политическую независимость, а также выйти из полной зависимости от российской транспортной системы. В то же время они опасаются попасть в зависимость от Ирана. В реализации совместных проектов в области экономики и торговом обмене по суше, морю и воздуху заинтересованы все страны Центральной Азии. Однако осуществление отдельных совместных проектов зависит от вмешательства ведущих акторов в регионе.

Тегеран становится не только надежным партнером, но и основным импортёром туркменской нефти, доля которого в 1997 году составила 52% и растёт с каждым годом. Иранский коридор позволил Туркменистану выйти на мировой газовый рынок – в страны Средиземноморья, Европу, в регионы Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, создав альтернативный российским экспортный газопровод. Введенный в эксплуатацию в 1998 году газопровод Корпедже – Курдукуй длиной 200 км является успешным вариантом для Туркменистана, так как в течение 25 лет Иран будет покупать газ. В 2011 году экспорт в Иран туркменского газа составил 10,2 млрд кубометров⁴⁹⁰. Сотрудничество в создании общей энергосистемы выгодно Туркменистану в экономическом плане. Совместно построенной в 2003 году ЛЭП между туркменистанским г. Балканабат и иранским г. Алиабад приносит Туркменистану ежегодный доход в сумме 120 млн долларов.

Казахстану выгодно наращивание сотрудничества в области транспортировки грузов через территорию Ирана. Он также заинтересован в реализации совместных нефтегазовых проектов, иранских инвестициях в машиностроение, инфраструктуру, транспорт, телекоммуникации.

⁴⁹⁰ Акыев А. Туркменистан и Иран обсудили перспективы роста товарооборота и поставок газа // URL: <http://www.news-asia.ru/view/6040/3906>

Узбекистан, несмотря на политические разногласия с Ираном, заинтересован в развитии с ним торгово-экономического сотрудничества. В 2010 году объем ирано-узбекского товарооборота превысил 600 млн долларов⁴⁹¹.

Кыргызстан и Таджикистан с большим потенциалом гидроресурсов заинтересованы в решении вопросов в отношении поставки электроэнергии, в привлечении в строительство больших и особенно малых ГЭС иранских компаний.

Выводы. Присутствие Ирана в Центральной Азии связано с его стремлением в обеспечении региональной стабильности и безопасности в целях создания и развития взаимовыгодного экономического, культурного партнерства, ограничения влияния внешних мировых акторов в регионе.

Он строит отношения со странами региона не только на базе многовековых традиций добрососедства, но и на взаимовыгодном сотрудничестве на основе «универсальной дипломатии». Иран, наряду с крупными игроками, добился укрепления своих позиций в торговле и экономике Центральной Азии.

Вместе с тем новое руководство Ирана не меняет стратегический курс во внешней политике и продолжает реализовать принципы «Исламской революции»⁴⁹² в Центрально-азиатском регионе.

Несмотря на стремление Ирана прийти к общерегиональному сотрудничеству на общеисламской основе, политико-экономические отношения строятся на двухсторонней основе, которая характеризуется дифференцированным подходом. Отношения Ирана с Узбекистаном носят умеренный характер, в них не отмечается активности ни в экономической, ни в политической сфере. Ташкент опасается распространения исламского радикализма Тегерана. Однако Иран продолжает придавать узбекскому направлению важное значение, несмотря на присоединение Узбекистана к американскому эмбарго против него. Ирано-казахские отношения имеют дружественный характер, несмотря на то что Казахстан сосредоточил внимание на российском, западном и китайском

⁴⁹¹ Иран и Центральная Азия: Краткий обзор взаимоотношений...

⁴⁹² Иран должен вести переговоры с международным сообществом на понятном ему языке – МИД // URL: <http://ru.haberler.com/russian-news-294816/>

векторах. Отношения между Ираном и Кыргызстаном, с учетом американского военного присутствия в республике, не отличаются динамичностью, тем не менее экономическое и культурное присутствие Тегерана в республике ощущается. Туркмено-иранские отношения отличаются от других республик стабильностью и динамичностью. Отношения между Ираном и Таджикистаном, с учетом их этнокультурной близости, по сравнению с другими странами в регионе, сложились на высоком уровне.

Стабильно развивающейся сферой взаимоотношений между Ираном и центрально-азиатскими странами является сотрудничество в культурно-гуманитарной и торгово-экономической областях. Вместе с тем региональный идеологический интерес Тегерана, связанный с распространением исламского влияния через экономическое и культурное сотрудничество, остается актуальным.

2.6. Эволюция интересов арабских государств во внешнеполитических процессах в Центральной Азии

Среди арабских государств мира наиболее значительное влияние на страны Центральной Азии, на политику правительств региона оказывают, прежде всего, Саудовская Аравия, Кувейт, Катар и Объединённые Арабские Эмираты. Их интересы во внешнеполитических процессах стран Центральной Азии во многом детерминируют внутривнутриполитические процессы, вследствие чего анализ внешнего влияния следует проводить в ракурсе общих стратегических подходов в отношении центрально-азиатского региона в целом.

Наиболее заметным фактором влияния названных арабских стран является поддержка процесса исламизации населения стран Центральной Азии как посредством оказания финансового обеспечения при строительстве и функционировании мечетей, помощи официальному духовенству, так и через деятельность групп проповедников, незаконную работу ряда экстремистских и

террористических организаций. В этом смысле процесс исламизации носит противоречивый характер, имеет как положительные стороны в виде повышения нравственности части населения, так и отрицательные, что приводит к нарушению закона, вооружённому противостоянию с официальными властями, убийствам и терактам, грозит дестабилизацией в государствах региона.

Также неоднозначно проявляются образцы поведения у людей, причисляющих себя к мусульманам. Для одних религия никоим образом не ограничивает развития личности и даже более того, подталкивает к получению качественного образования, а для других, преимущественно жителей сельских районов, религия является одним из дополнительных факторов, провоцирующих традиционализацию и архаизацию населения, его отставание от процесса общественного развития.

Процесс исламизации в государствах Центральной Азии на сегодняшний момент помимо прочего носит разноскоростной характер. Наиболее активно данное явление получило развитие на территории Таджикистана, а также в ферганской части Узбекистана и Кыргызстана.

Следует сразу отметить определённую закономерность, что наибольшее количество религиозного мусульманского населения приходится на зоны с традиционно земледельческим населением, которым издревле были таджики и современные узбеки. Народы региона, которые менее активно приняли процесс исламизации, являются в прошлом кочевые кыргызы, казахи и туркмены⁴⁹³.

Можно предположить, что на данный процесс влиял и способ укоренения ислама среди людей в прошлом. Сконцентрированное в городах и привязанное к земле земледельческое население в большей степени находилось под контролем теократических государств прошлого – Арабского халифата, Мавераннахра, империй Караханидов и Великих Моголов, Коканда. Кочевое же население в меньшей степени контролировалось государственными структурами

⁴⁹³ Фергана: пагубные пристрастия и пороки // URL: <http://rus-turk.livejournal.com/154509.html>

прошлого, скотоводы практически не имели мечетей, а религиозные знания распространялись среди них странствующими суфиями. У этих проповедников не было власти для осуществления силового контроля над тем, как исполнялись мусульманские обряды среди кочевников, в отличие от земледельческих районов, где население находилось под постоянным контролем и имелось большое количество мечетей⁴⁹⁴.

Как итог, в 1980-е годы в СССР происходит возникновение первых подпольных исламских ячеек на территории современного Таджикистана и Ферганской долины. Первым руководителем такой организации был таджикский духовный лидер Саид Абдулло Нури, который в 1973 году сформировал тайную организацию «Возрождение исламской молодёжи», а в 1986 году после его ареста в г. Курган-Тюбе прошли первые в истории советского Таджикистана акции протеста⁴⁹⁵.

Параллельно в Ферганской долине начали создаваться подпольные школы, в которых помимо арабской графики преподавались также и каноны ислама, «со второй половины 80-х годов с ослаблением контроля со стороны государства происходят легализация и стремительное увеличение числа этих учебных центров. Параллельно идет усиление их контактов с зарубежными мусульманскими организациями, прежде всего из Саудовской Аравии. В результате таких контактов происходило изменение не только характера функционирования этих центров, но и их идеологии. В учебных и религиозных центрах долины усилилось влияние ханбалитской школы (мазхаба) суннизма, гораздо более радикального, нежели традиционный для народов Центральной Азии ханафитский мазхаб»⁴⁹⁶. Таким образом, наступил этап, при котором возрождение ислама на территории Центральной Азии вошло в зависимость от внешнего влияния. С этого времени государства арабского мира, такие как

⁴⁹⁴ Асланова Индира: «Думаю, что религиозные лидеры будут только за такое сотрудничество» // URL: <http://islam-ca.com/2011-06-12-20-54-23/836--q-q>

⁴⁹⁵ Партия исламского возрождения Таджикистана отметила 35-летие // URL: <http://www.regnum.ru/news/989366.html>

⁴⁹⁶ Князев А. Ваххабизм и другие течения радикального ислама в Центральной Азии...

Саудовская Аравия, ОАЭ и Катар, начали оказывать помощь религиозным лидерам из Таджикистана и Узбекистана⁴⁹⁷. В то же время они привносили собственное видение ислама, что сказалось на формировании радикальных религиозных групп.

В ферганской части Узбекистана происходили схожие процессы, в частности в период с 1989 по 1992 годы были созданы такие сильные радикальные исламистские организации, как Партия исламского возрождения, «Адолат», «Ислам лошкари», «Товба», «Халифатчылар», «Нур»⁴⁹⁸. Все они так или иначе имели моральную, а нередко и финансовую поддержку со стороны стран арабского мира. Фактором, который не позволил Узбекистану пойти по примеру Таджикистана, стали более эффективные меры президента Ислама Каримова по выстраиванию жёсткой вертикали власти и силовому подавлению активности религиозных радикалов. Как результат, они были вынуждены покинуть территорию Узбекистана и перебраться в Таджикистан. А после подписания перемирия между Объединённой таджикской оппозицией и Народным фронтом в 1997 году религиозно-радикальные организации были выдвинуты на территорию Афганистана, где они вошли в непосредственный контакт с представителями различных арабских государств и неправительственных фондов.

На сегодняшний день наиболее влиятельными мусульманскими религиозными организациями религиозно-радикального толка являются Исламское движение Туркестана (бывшее Исламское движение Узбекистана) и Хизб ут-Тахрир. Они являются носителями религиозно-радикальных взглядов, восприняли общие основы идеологии ваххабизма, проповедуемого Саудовской Аравией⁴⁹⁹ и Катаром. Также монархии Персидского залива, помимо оказания идеологического влияния оказывают названным организациям и основную финансовую поддержку⁵⁰⁰.

⁴⁹⁷ Ушаков В. Н. Политический ислам в Центральной Азии... – С. 96.

⁴⁹⁸ Курбанова Н. У. Религия в общественно-политической жизни Кыргызстана на рубеже XX–XXI вв. – Бишкек, 2010. – С. 211.

⁴⁹⁹ Маликов К. Теоретические и практические основы по взаимодействию с мусульманской общиной... – С. 74–77.

⁵⁰⁰ Ушаков В. Н. Политический ислам в Центральной Азии... – С. 103–104.

По мнению политолога, эксперта по религиозным вопросам Орозбека Молдалиева, религиозно-экстремистские группировки, которые базируются в Афганистане, но действуют в государствах Центральной Азии, нельзя относить к исламским организациям, так как они не представляют веру в Аллаха, а преследуют, в первую очередь, политические, идеологические цели. Данные структуры представляют не ислам, а исламизм, который трактуется в ракурсе практического применения как целостная система борьбы за некий политический идеал теократического государства. Эксперт считает, что «радикальный исламизм проник в Центральную Азию, где паразитирует на исламе»⁵⁰¹.

По мнению богослова, муфтия Талгата Таджуддина, исламизм – это искусственное понятие, означающее лишь внешнее использование исламских лозунгов для прикрытия еретических, сектантских целей; исламизм – это не только не ислам, это отрицание ислама, отрицание его духовной, традиционной сущности»⁵⁰².

На сегодняшний день исламистские группировки различного толка функционируют уже во всех государствах Центральной Азии, они провели ряд терактов в каждой из стран региона, в каждой из них происходили в разное время вооружённые столкновения, в результате чего гибли не только военные, но и мирное гражданское население. Таким образом, наглядно видна деструктивная функция исламизма и целей тех, кто является спонсорами религиозно-радикальных группировок. К таковым спонсорам, напомним, относятся преимущественно Саудовская Аравия, Кувейт, Катар и ОАЭ.

При анализе влияния названных выше стран на государства Центральной Азии можно прийти к выводу, что они используют, образно выражаясь, теорию «двух рук». С одной стороны, происходит разрушительное воздействие со стороны радикально-религиозных группировок, которые финансово и идеологически поддерживаются монархиями Персидского залива, состоятель-

⁵⁰¹ Молдалиев О. А. Исламизм и международный терроризм: угроза ислама или угроза исламу? – Бишкек, 2004. – С. 18.

⁵⁰² Цит. по: Молдалиев О. А. Исламизм и международный терроризм: угроза ислама или угроза исламу? ... – С. 69.

ными гражданами этих стран. С другой стороны, одновременно осуществляется меценатство, жертвование больших сумм денег на строительство мечетей, бесплатное обучение студентов из Центральной Азии в арабских странах, в т. ч. и в Саудовской Аравии. При этом выходцы из этих учебных заведений не выказывают ваххабитских вероубеждений, как, к примеру, бывший муфтий Кыргызстана Чубак ажы Жалилов и нынешний муфтий КР Рахматулла ажы Эгембердиев. Из этого следует сделать вывод, что политика арабских монархий в отношении укрепления позиций ислама путём помощи в обучении студентам имеет положительное значение. В то же время помощь и идейное влияние на исламистов, стремящихся к вооружённым методам борьбы против светских режимов, носит крайне негативный характер.

Говоря о помощи официальному духовенству стран Центральной Азии, стоит сказать, что практически только благодаря усилиям арабских монархий стал возможен бум строительства мечетей. Так, в период с 1990 по 1992 годы в Узбекистане количество мечетей увеличилось в 6,6 раз, с 300 до почти 2 тысяч. Правда, в период 1993–1994 годов наступил этап разгрома исламской оппозиции, что отразилось и на официальном исламе. В итоге было закрыто около 80% мечетей. В последующем обострение политической борьбы между президентом Исламом Каримовым и исламской оппозицией ещё больше затруднило деятельность официального духовенства.

На сегодняшний день закрытые ранее мечети вновь открылись, их число достигло 2200, и все они находятся под контролем правоохранительных структур республики⁵⁰³. Также в республике были открыты Ташкентский исламский университет, 9 медресе⁵⁰⁴. От материальной поддержки со стороны спонсоров из арабских стран, равно как и Турции, Узбекистан отказывается. Соответственно, эти государства не влияют на политику официального Ташкента. Воздействие может оказываться только посредством радикальных рели-

⁵⁰³ По количеству мечетей Казахстан опережает Узбекистан, Азербайджан, Кыргызстан и Туркменистан // URL: <http://shymkent.kz/?previd=32467>

⁵⁰⁴ Религиозная деятельность в Узбекистане // URL: <http://www.gov.uz/ru/helpinfo/religion/252>

гиозно-экстремистских организаций, которые на сегодняшний день большей частью находятся за пределами страны, преимущественно в Афганистане. Вследствие строгого государственного контроля над любыми проявлениями религиозности можно только предположить, что влияние со стороны арабских стран Персидского залива на население Туркменистана осуществляется в незначительной степени.

Современный ислам в странах Центральной Азии являет собой смешение местного традиционного ислама с привнесёнными извне более жёсткими и строгими трактовками религиозных положений. Внешнее влияние осуществлялось как путём спонсорской деятельности Саудовской Аравии, Кувейта, Катара и ОАЭ, строительства при их поддержке значительного числа мечетей, так и путём обучения студентов из государств Центральной Азии в религиозных учебных заведениях Пакистана, Афганистана, Бангладеш, Саудовской Аравии, Кувейта, Иордании, Египта.

В ситуации роста социального неравенства, авторитаризма властей, расцвета коррупции, влияния активизирующей деятельности исламских радикалов арабских стран и прихода талибов во власть в случае победы на предстоящих президентских выборах в Афганистане возникнет благоприятная почва для поддержки радикальных исламистов, выступающих за создание на территории Центральной Азии теократического государства. В случае возвращения участников боевых действий из Сирии домой, а также уверенные действия сторонников радикального ислама в ряде арабских государств ускорят темп распространения идей радикального ислама и расширят зоны его влияния в странах Центральной Азии. Возникнут угрозы и со стороны вооружённых радикально-исламистских групп и движений, претендующих на политическую власть с исламистской идеологией.

Усиление репрессивных действий власти способствует еще большему росту популярности радикального ислама, который имеет социальную базу и поддержку из других стран. В результате, радикальные исламские организации вступят в открытое противостояние с действующей властью. Для роста

влияния ислама в Центральной Азии нет никаких препятствий. В сложившейся обстановке не исключена дестабилизация региона в связи с межстрановыми конфликтами и формирование единой линии фронта радикальных исламистов в Центральной Азии, которые сформировавшись как политическая сила и в будущем займут ключевые посты во властных структурах для построения, возможно, нового объединенного государства теократического характера на территории Центральной Азии.

Важным, после признания независимости, в плане внешнеполитического взаимодействия направлением является вступление с 1992 по 1995 годы Кыргызстана, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана в Организацию Исламская Конференция (ОИК), которая объединяет большинство стран с мусульманским населением. Государства Центральной Азии тем самым сделали важный внешнеполитический шаг, так как, в соответствии с уставом Организации, они принимали и один из главных принципов ОИК – «координации усилий, направленных на сохранение святых мест и поддержание борьбы народа Палестины, с тем чтобы помочь ему вновь обрести свои права и освободить свою землю»⁵⁰⁵.

Правда, Кыргызстан в этой ситуации, скорее всего в силу недостаточного опыта во внешнеполитических отношениях, сделал одновременно и совершенно противоположный шаг – он официально выступил с признанием независимости государства Израиль и признания Иерусалима его столицей. Соответственно, отношения между КР и арабскими странами, а также Ираном после этого были испорчены более чем на десятилетие и возобновились на официальном уровне лишь в последние несколько лет.

В 1999 году государства Центральной Азии, за исключением Узбекистана, присоединились к Парламентскому союзу ОИК (ПСИК).⁵⁰⁶

⁵⁰⁵ Устав ОИК. Ст. 2, п. 5 // URL: <http://www.worldislamlaw.ru/archives/145>

⁵⁰⁶ List of member parliaments of the PUIC // URL: <http://www.puic.org/new/index.php/member-states/member-states>

Важным событием стало проведение 30 июня 2011 года 38-й сессии Совета министров иностранных дел ОИК в Астане, на которой Казахстан в качестве председателя выдвинул ряд инициатив. Во-первых, было поддержано решение о переименовании ОИК в Организацию исламского сотрудничества. Во-вторых, была учреждена Комиссия по правам человека при ОИС. В-третьих, итоговая декларация делала упор на необходимость модернизации и реформ как неотъемлемых требований современности. В-четвёртых, были приняты резолюции по борьбе с оборотом наркотиков, дальнейшей реабилитации Семипалатинского полигона и преодолении последствий экологической катастрофы в районе Аральского моря. В-пятых, были вновь подтверждены инициативы Казахстана, выдвинутые в 2011 году на VII Всемирном Исламском экономическом форуме, по созданию системы продовольственной взаимопомощи, механизма поддержки среднего и малого бизнеса, обеспечению участия представителей ОИС в саммитах G20⁵⁰⁷.

Итоговая декларация, принятая по результатам 38-й сессии, закрепила общее видение по наиболее острым проблемам для мусульманского мира. В частности, важными пунктами явились следующие: «5. Мы подтверждаем необходимость скорейшего урегулирования палестинской проблемы и выражаем полную поддержку Арабской мирной инициативе, направленной на достижение прочного, всеобъемлющего и справедливого решения арабо-израильского конфликта. Мы одобряем значительные усилия Палестинской национальной администрации по институциональному строительству и призываем международное сообщество подтвердить достигнутый прогресс, а также признать независимость суверенного государства Палестина в границах 4 июня 1967 года.

6. Мы решительно осуждаем строительство Израилем поселений и их расширения, что является вопиющим нарушением международного права и препятствует переговорам по прекращению оккупации Израилем палестин-

⁵⁰⁷ Председательство Казахстана в ОИС // URL: http://www.akorda.kz/ru/page/predsedatelstvo-kazahstana-v-ois_1341478616

ских территорий, захваченных Израилем в 1967 году. Мы призываем к имплементации всех соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН касательно арабо-израильского конфликта, в частности, резолюций 242, 338, 425, 1515 и 1860. Мы также осуждаем незаконную израильскую политику и действия по изменению демографического состава и его изоляции от прилегающих Палестинских территорий. <...>

7. Мы осуждаем сохраняющуюся оккупацию Израилем Голанских высот Сирии и территорий Ливана и заявляем о нашей поддержке этих двух стран в восстановлении всех их территорий, захваченных Израилем»⁵⁰⁸.

Также важным пунктом было выделение проблемы Афганистана и необходимость оказания мер по реализации инфраструктурных проектов в этой стране. В вопросе борьбы с оборотом наркотиков все страны-участницы ОИС приветствовали «деятельность Центрально-азиатского регионального информационного координационного центра по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (ЦАРИКЦ) в Алматы»⁵⁰⁹.

Также Нурсултан Назарбаев заручился поддержкой государств ОИС в необходимости созыва Конференции лидеров мировых религий в Казахстане, которая в последующем была успешно проведена. На ней был изучен и одобрен опыт взаимодействия Казахстана с религиозными группами внутри страны и опыт сохранения межконфессионального мира в республике.

Таким образом, Казахстан показал себя не только как пассивный бенефициар помощи из арабских стран, но и как активный инициатор важных для всего мусульманского мира предложений.

⁵⁰⁸ Астанинская декларация ОИС «Мир, сотрудничество и развитие», принятая 38-й сессией Совета министров иностранных дел ОИС // URL: <http://www.worldislamlaw.ru/archives/768>

⁵⁰⁹ Там же.

2.7. Эволюция интересов Турции во внешне- и внутривнутриполитических процессах в Центральной Азии

2.7.1. Интересы Турции во внешнеполитических процессах в ЦА

Интересы Турции во внешнеполитических процессах стран Центральной Азии во многом детерминируют логику развития внутривнутриполитических процессов, вследствие чего анализ внешнего влияния следует проводить в ракурсе общих стратегических подходов в отношении Центрально-азиатского региона в целом.

Так, наиболее полно подходы Турции к странам Центральной Азии выражаются концепциями *пантюркизма* и *экономической экспансии* в указанные республики. Если рассматривать пантюркизм концептуально, то для его понимания следует определить два основных компонента, составляющих данное понятие:

- идея о некогда единых исторических корнях тюркских народов, которые на сегодняшний день сохранили родственные язык и культуру. В силу чего появляется необходимость создания общетюркского языка (переход на латинский алфавит считается первым шагом на пути к этому) и единой всеобъемлющей общетюркской истории⁵¹⁰;

- единение тюркских народов на основе единой для всех них веры – ислама. При этом религия также трактуется в определённом и выгодном для официальной Анкары историко-культурологическом ключе⁵¹¹. Турция в рамках данного подхода предлагает государствам Центральной Азии использовать как образец свою модель государственно-конфессиональных отношений, где государство отделено от религии, финансово помогает официальному исламу.

⁵¹⁰ *Вербанец П.* Региональные центры силы и их политика в Центральной Евразии (турецкий вектор борьбы за лидерство на исламском Востоке) // *Центральная Азия и Кавказ*. – 2008. – № 1 (55). – С. 57.

⁵¹¹ См.: *Гюлен Ф.* Жизнь и исламская вера. – Алматы, 2007.

Пантюркизм в изложении турецких политиков начала XX века позволил объединить Турцию в новое независимое государство. В последующем данная идеология была постепенно «отложена» на будущее, так как практически все тюркские народы, за исключением турок, проживали в границах единого Советского Союза, распад которого вновь актуализировал данную концепцию.

Стоит понимать, что на сегодняшний день вместе с идеологией пантюркизма Турция также инициирует реализацию разного рода экономических и геоэкономических проектов, выгодных, прежде всего, самой Анкаре.

Таким образом, турецкая модель подразумевает под собой интеграцию тюркских государств на основе общности языка, культуры, религии и создания экономической взаимозависимости. При этом Турция, бесспорно, оставляет за собой роль лидера нового объединения⁵¹².

В качестве дополнения: «...пантюркизм является несколько усеченной версией пантуранизма»⁵¹³. «Великий Туран» должен объединить все тюркоязычные народы в единое государство, даже если сейчас они проживают в разных странах⁵¹⁴ (в его состав должны войти часть России, Ирана, Афганистана, СУАР).

Первым шагом межгосударственного масштаба в реализации идей пантюркизма стало проведение в Стамбуле в декабре 1990 года Международного курултая Туркестана, на котором была высказана идея о необходимости укрепления единства тюркских государств на основе общности языка и культуры⁵¹⁵.

В 1991 году была создана Ассамблея тюркских народов, позднее получившая приставку «всемирная». Данная организация провозгласила в качестве своей главной цели «воссоздание, разработку и пропаганду тюркского пути

⁵¹² *Нартов Н. А.* Геополитика современного мира. – М., 2004. – С. 380.

⁵¹³ *Лизан И.* У Евразийского проекта есть конкурент: имперская Турция / Информационно-аналитический центр МГУ // URL: <http://islamsng.com/sng/analytics/6857>

⁵¹⁴ См.: *Нартов Н. А.* Геополитика современного мира... – С. 452.

⁵¹⁵ *Вахитова Г. А.* Политический ислам в Турции: неоосманизм и пантюркизм // Вестник КРСУ. – 2007. – Т. 7. – № 2. – С. 98.

развития»⁵¹⁶. Таким образом, должны были быть выработаны пути для объединения общетюркского пространства, естественно, при лидерской роли Турции. Всего в период с 1990 по 2007 годы было проведено пять съездов Всемирной ассамблеи тюркских народов (BATH), проходивших на территории России, Казахстана и Турции. Во всех этих государствах идеи пантюркизма и пантуранизма, объединения тюрков при лидерской роли Турции активно пропагандировались, а также разрабатывались теоретические основы для данного союза⁵¹⁷.

Для продвижения идеологии единения тюрков как можно в более короткие сроки требовалась, помимо информационной, ещё и политическая поддержка. Поэтому во время своего турне по центрально-азиатским государствам в 1992 году президент Турции Сулейман Демирель выдвинул идею о необходимости проведения регулярных саммитов глав тюркоязычных государств. В соответствии с его предложением решение важных интеграционных предложений должно инициироваться и обсуждаться на самом высоком уровне, и лишь после этого наступать этап реализации. Турецкая сторона предполагала, что такой формат встреч станет удобной платформой для дискуссий по вопросам сотрудничества и перспектив установления тесных политико-экономических взаимоотношений между тюркскими государствами⁵¹⁸.

Первый тюркский саммит был проведён в Анкаре 30–31 октября 1992 года, когда Турция, практически без согласования с государствами Центрально-азиатского региона, полностью сформулировала повестку предстоящего саммита, что вызвало настороженность со стороны лидеров новых независимых стран. По итогам саммита главами государств была принята декларация, в которой делался акцент на особый характер отношений Турции со странами Центральной Азии. В качестве оснований для такого выделения указывались общность языка и культуры. В документе нашла своё отражение

⁵¹⁶ У Евразийского проекта есть конкурент: имперская Турция // URL: <http://islamsng.com/sng/analytics/6857>

⁵¹⁷ О Всемирной Ассамблее Тюркских Народов – BATH // URL: [www.dta-turan.org/...](http://www.dta-turan.org/)

⁵¹⁸ Демоян Г. Тюркские саммиты: цели, задачи, приоритеты и позиция в карабахском вопросе...

приверженность государств принципам секуляризма, демократии и рыночной экономики.

Но, помимо этого, турецкая сторона предложила и обширный экономический пакет, который был фактически проигнорирован лидерами стран региона. Так, президент Турции Тургут Озал в качестве главного требования времени выдвинул инициативу о формировании «общего рынка», без таможенных барьеров для тюркских государств. Другим его предложением было создание регионального банка реконструкции и развития. В случае принятия данных инициатив Турция получила бы неоспоримое преимущество в торговле с центрально-азиатскими государствами. Достаточно конкурентоспособная турецкая экономика смогла бы произвести интервенцию на рынок региона, ведь экономические системы новых независимых государств находились ещё в стадии формирования. Поэтому профицит в торговле оставался бы за Анкарой. Учитывая это, президенты Узбекистана и Казахстана приняли решение отказаться от данных инициатив.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно прийти к заключению, что саммит в Анкаре в целом стал провальным для Турции, так как были декларативно поддержаны развитие культуры и языков тюркских государств, но вся экономическая программа была решительно отвергнута главами государств региона⁵¹⁹.

Второй саммит глав тюркоязычных государств прошёл лишь в 1994 году в Стамбуле. На нём был достигнут определённый успех по проектам транспортировки каспийских углеводородов через Азербайджан, Грузию и Турцию⁵²⁰.

В 1995 году в Бишкеке прошёл третий саммит глав тюркоязычных государств. Его повестка мало изменилась с момента проведения прошлой встречи глав-государств. Сторонами было отмечено, что существует необходимость

⁵¹⁹ См.: Демоян Г. Тюркские саммиты: цели, задачи, приоритеты и позиция в карабахском вопросе...

⁵²⁰ См.: «Евразийский союз-2»: не с Москвой, так с Анкарой // Коммерсантъ. – 1994. – № 200 (668). – 21.10 // URL: <http://www.kommersant.ru/doc/93050>

активизации интеграционных процессов между Казахстаном, Узбекистаном и Кыргызстаном. Отдельно указывалось также, что военное и экономическое сотрудничество положительно повлияет на развитие стран региона. Отдельная статья в итоговой Декларации касалась вопроса совместной борьбы против наркотрафика, незаконной торговли оружием и терроризма. Отмечалась возможность превращения Каспийского региона в зону экономического сотрудничества и реализации многосторонних проектов по освоению энергоресурсов⁵²¹.

В 1996 году состоялся четвёртый тюркский саммит. В итоговой Декларации лидеры государств выразили стремление к снижению таможенных барьеров и скорейшей реализации проектов по транспортировке каспийских углеводородов в Европу через Кавказ и Турцию. Нашли своё отражение и проекты по созданию единой транзитной транспортной системы, соединяющей Центральную Азию и Турцию, а также строительство транспортного коридора «Центральная Азия – Афганистан – Пакистан» с выходом к Индийскому океану⁵²².

В 1998 году в Астане работал пятый тюркский саммит, В его Декларации были закреплены многие положения предыдущих саммитов. Было утверждено Положение о секретариате встреч глав тюрко-язычных государств⁵²³.

Шестой саммит, организованный в 2000 году в Баку, оказался, наверное, одним из самых безрезультативных. Мероприятие было проигнорировано президентами Исламом Каримовым и Сапармуратом Ниязовым, а отсутствие глав Узбекистана и Туркменистана не позволило наладить полноценный диалог. Существенных новшеств в итоговую Декларацию внесено не было.

Седьмой саммит тюркских государств прошёл в 2001 году в Стамбуле. Результатом переговоров глав государств стала Стамбульская декларация, в которой стороны в очередной раз выразили намерение укрепить сотрудниче-

⁵²¹ Демоян Г. Тюркские саммиты: цели, задачи, приоритеты и позиция в карабахском вопросе...

⁵²² Там же.

⁵²³ Мамедли Н. Вопросы интеграции на саммитах глав тюркоязычных государств // URL: http://www.ca-c.org/journal/2003/journal_rus/cac-01/17.mamrus.shtml

ство между тюркскими странами в области международных отношений, культурного обмена, а также продолжить работу по сближению своих народов⁵²⁴. В качестве вывода стоит отметить, что стамбульский саммит окончательно показал наличие растущих противоречий между тюркскими странами.

16 ноября 2006 года в Анталье был организован Восьмой саммит глав тюркоязычных государств. Инициативу на нём проявил президент Казахстана Н. Назарбаев, который выразил желание своей страны принять участие в транспортировке каспийских углеводородов по нефтепроводу «Баку – Тбилиси – Джейхан». Также глава Казахстана предложил создать Совет старейшин тюркских стран. В итоге, все предложения Нурсултана Назарбаева нашли поддержку на данном саммите⁵²⁵.

Девятый саммит глав тюрко-язычных государств прошёл в октябре 2009 года в Нахичевани. Главным решением руководителей государств стало предложенное Н. Назарбаевым создание Совета сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ) (Тюркского совета). Основными целями деятельности данного объединения было обозначено укрепление связей в экономике, культурно-гуманитарной сфере и развитие экологической безопасности⁵²⁶. С этого момента вместо саммитов глав тюркоязычных государств начали проводиться саммиты Совета сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ), в которых неизменно участвуют лидеры Кыргызстана, Казахстана, Турции и Азербайджана.

Первый саммит ССТГ в Алматы 20 октября 2011 года уделил первостепенное значение созданию и укреплению экономического сотрудничества между государствами организации, для чего было принято решение о создании Делового совета ССТГ⁵²⁷. Примечательно, что турецкая сторона вновь попы-

⁵²⁴ Демоян Г. Тюркские саммиты: цели, задачи, приоритеты и позиция в карабахском вопросе...

⁵²⁵ VIII саммит глав тюркоязычных стран в Анталье // URL: <http://www.aze.az/news.php?id=2928>

⁵²⁶ 9-й саммит тюркских государств: культура прежде всего? / Фонд стратегической культуры // URL: <http://www.fondsk.ru/news/2009/10/12/9793-9793.html>

⁵²⁷ В Алматы создан Деловой Совет тюркоязычных государств // URL: <http://news.nur.kz/198666.html>

талась поднять вопрос о снятии таможенных ограничений между странами союза, но в очередной раз данная попытка не увенчалась успехом⁵²⁸.

Во время Бишкекского саммита 23 августа 2012 года первостепенное внимание было уделено вопросам развития культуры. Так, были подписаны соглашения об учреждении Тюркской академии ССТГ и о создании Фонда поддержки тюркской культуры и наследия ССТГ⁵²⁹.

На саммите в азербайджанском городе Габала 16 августа 2013 года продолжилось обсуждение транспортно-коммуникационных проектов. Их реализация, по мнению глав тюркских государств, позволит сделать регион Центральной Азии и Южного Кавказа транзитным маршрутом между Китаем и Европой и возродить, таким образом, магистраль Великого Шёлкового пути.

В итоге анализа документов и соглашений, принятых на названных саммитах, можно прийти к следующим **выводам**:

- предложения Турции о снятии ряда таможенных барьеров между странами ССТГ декларативно были поддержаны лидерами стран Центральной Азии, но с их стороны на протяжении многих лет не предпринимается необходимых усилий для реализации данных инициатив;
- попытки Турции в продвижении идей пантюркизма в странах центрально-азиатского региона претерпевают неудачи, эти государства отвергают любые попытки создания наднациональных структур и организаций;
- единственной стабильно развивающейся сферой взаимоотношений является сотрудничество в культурно-гуманитарной сфере, в которой Турция продолжает активно продвигать имидж родственной по духу страны;
- Узбекистан прервал политическое, культурно-гуманитарное сотрудничество с Турцией, однако сохранил и поступательно развивает экономическое взаимодействие.

⁵²⁸ В. Мытарев: Тюркский совет – не экономикой единой (к итогам алматинского саммита) // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1319207880>

⁵²⁹ В Бишкеке состоялся саммит тюркоязычных стран // URL: http://www.gezitter.org/politic/13605_v_bishkeke_sostoyalsya_sammit_tyurkoyazyichnyih_stran/

2.7.2. Интересы Турции во внутривосточных процессах в ЦА

Оказание финансовой и иной помощи Турцией странам Центральной Азии, вовлечение их в транснациональные энергетические проекты было обусловлено заинтересованностью официальной Анкары в данном регионе. Можно обозначить следующие категории таких интересов:

- *стратегические интересы*: учитывая, что Турция является одним из стратегических союзников США в Центральной Азии, политика официальной Анкары направлена на предоставление странам и народам региона альтернативного российскому и китайскому направлению интеграции. Также Турция продолжает реализовывать собственную идеологию пантюркизма, но в завуалированном виде, под маркой культурного и образовательного обмена, религиозно-конфессионального и экономического сотрудничества;

- *экономические интересы*: ввиду нехватки энергоресурсов для бурно развивающейся турецкой экономики её руководство с начала 1990-х годов стремится получить доступ к каспийским месторождениям нефти и газа посредством вовлечения стран региона в транснациональные трубопроводные проекты. Также Турцию регион интересует как перспективный рынок для сбыта собственной продукции, и источник сырья. В качестве методов достижения обозначенных интересов официальной Анкарой были использованы механизмы стратегии «мягкой силы» или не прямых действий, включающие в себя инструменты политического, экономического и культурного давления, нацеленные на установление контроля над общественно-политическими системами государств Центральной Азии посредством систем кредитования, предполагающих принятие определенных условий улучшения бизнес-климата в отдельных секторах экономики.

Экономическое влияние в Центральной Азии: цели и результаты

В отношении **Кыргызстана** можно сказать, что официальная Анкара первой среди стран мира признала независимость КР 18 декабря 1991 года,

а 24 декабря того же года между двумя странами были установлены дипломатические отношения⁵³⁰. В апреле 1992 года было открыто посольство Турецкой Республики в Бишкеке.

Ещё до открытия диппредставительства два государства сделали шаги для налаживания торгово-экономических отношений. Уже 29 мая 1991 года в Анкаре был подписан протокол «Об экономическом и торговом сотрудничестве Кыргызстана с Турецкой Республикой». Далее последовал первый визит президента КР Аскара Акаева в Анкару и подписание 23 декабря 1991 года «Соглашения о дружбе и сотрудничестве»⁵³¹. 27 апреля 1992 года в Кыргызстан впервые прибыла турецкая делегация во главе с президентом Сулейманом Демирелем. Главным итогом переговоров стало подписание Протокола о защите капиталовложений, а также соглашения о выделении республике кредита в размере 75 млн долларов⁵³². Принятие в течение 1991–1992 годов данных документов послужило основой для налаживания тесных торгово-экономических отношений между двумя странами.

Во время официального визита президента КР Аскара Акаева в Турцию 24 октября 1997 года был подписан Договор о вечной дружбе и сотрудничестве, а 1 июля 1999 года президенты двух стран сделали совместное заявление: «Кыргызстан и Турция: вместе в XXI век»⁵³³. Всего за период с 1991 по 2002 год было подписано в общей сложности 92 договора и соглашения по самым различным аспектам⁵³⁴.

Постепенно на кыргызстанский рынок начали приходить частные турецкие инвесторы. В 1999 году был создан Кыргызско-Турецкий деловой совет, в

⁵³⁰ См.: *Чыналиева М.* Становление и развитие кыргызско-турецких отношений // URL: bizdin.kg/elib/jurnaldar/vik/2009_1/4inalieva.doc

⁵³¹ См.: *Вахитова Г. А.* Взаимодействие стран Центральной Азии с Турецкой Республикой (начало 1990-х – 2009 гг.)... – С. 17.

⁵³² Там же.

⁵³³ Посольство КР в Турции: Двусторонние отношения Кыргызстана и Турции // URL: http://www.kyrgyzembassy.org.tr/html/iliskiler_ru.htm

⁵³⁴ *Чыналиева М.* Становление и развитие кыргызско-турецких отношений...

задачи которого входит налаживание инвестиционных контактов между двумя странами⁵³⁵.

В целом же стоит отметить, что постепенно, за 22 года независимости республики, турецкий бизнес в Кыргызстане активно освоил сферы обслуживания (в первую очередь, через собственные супермаркеты), жилищного и дорожного строительства. На сегодняшний день, по последним данным, в КР на постоянной основе работают уже более 200 турецких фирм⁵³⁶ и 113 совместных кыргызско-турецких предприятий⁵³⁷.

Экономические связи двух стран активно расширяются. Если в 2000 году товарооборот между ними составил 88 млн долларов, то в 2010 году он достиг уровня в 200 млн долларов⁵³⁸. Максимальные показатели были достигнуты в 2008 году, составив 239 млн долларов⁵³⁹. В 2012 году взаимный товарооборот составил 228,7 млн долларов⁵⁴⁰. При этом стоит отметить, что с самого начала 1990-х годов экспорт из Турции в Кыргызстан значительно превосходит поставки в обратном направлении⁵⁴¹.

Таким образом, официальная Анкара на сегодняшний день является важным инвестором, хотя и имеет незначительный по объёму торговый оборот с Кыргызстаном.

Если же говорить относительно перспектив сотрудничества, то можно отметить, что Турция в КР чувствует себя достаточно устойчиво. К примеру, если в 2011 году турецкий премьер просил кыргызское руководство защитить

⁵³⁵ Кыргызстан в мировом сообществе / Кафедра истории, культурологи и рекламы КРСУ // URL: http://www.history.krsu.edu.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=479&Itemid=73&limitstart=7

⁵³⁶ В Кыргызстане работает более 200 турецких фирм // URL: http://www.gezitter.org/economics/906_v_kyrgyzstane_rabotaet_bolee_200_turetskih_firm/

⁵³⁷ В Кыргызстане 113 совместных кыргызско-турецких организаций (список) // URL: <http://www.tazabek.kg/news:289051/>

⁵³⁸ В Кыргызстане работает более 200 турецких фирм...

⁵³⁹ Мамонтова Д. Турция занимает пятое место по объёму инвестиций в Кыргызстан // URL: http://www.knews.kg/econom/11059_turtsiya_zanimaet_pyatoe_mesto_po_obyemu_investitsiy_v_kyrgyzstan/

⁵⁴⁰ Внешнеторговый оборот Кыргызстана и Турции в 2012 году составил 228,7 млн долларов // URL: <http://kabar.kg/economics/full/52625>

⁵⁴¹ См.: Вахитова Г. А. Взаимодействие стран Центральной Азии с Турецкой Республикой (начало 1990-х – 2009 гг.)... – С. 18.

турецких бизнесменов от повторения погромов и мародёрства 2005 и 2010 годов, то в 2013 году он уже потребовал создания упрощённых условий деятельности для бизнесменов из его страны. Это условие он назвал обязательным для прихода турецких инвестиций⁵⁴².

На сегодняшний день официальная Анкара впервые открыто заявляет о том, что в качестве приоритетных отраслей для инвестирования она начинает рассматривать гидроэнергетику республики и её туристический потенциал⁵⁴³. Другим приоритетным направлением после визита Реджепа Эрдогана в Бишкек стал туризм. Также одним из приоритетов в инвестировании было обозначено вложение турецкой стороны в сельскохозяйственный сектор Кыргызстана. Приоритетным направлением в области сотрудничества двух стран стала горнорудная отрасль, в первую очередь разработки золота⁵⁴⁴. С экономической точки зрения, это долгосрочные вложения.

Помимо интересов Турции в регионе и путей их реализации также весьма интересно и то, как на предложения из Анкары реагируют в Бишкеке. Естественно, что в соответствии с генеральной линией президента Алмазбека Атамбаева кыргызские чиновники выступают в поддержку инициатив из Турции и воздерживаются от критики в её адрес. Наиболее ёмко позицию руководства КР выразил министр экономики Темир Сариев, выступивший главным докладчиком на бизнес-форуме двух стран 10 апреля 2013 года, где он охарактеризовал Турцию как одного из основных торговых партнёров республики.

Резюмируя вышесказанное, можно прийти к следующим **выводам**:

- частые визиты турецкого премьер-министра в Кыргызстан, обещания помощи, выделение кредитов и грантов позволили укрепить в республике позиции турецкого бизнеса. Помощь, оказанная турецким правительством сна-

⁵⁴² Премьер-министр Турции попросил парламент Кыргызстана упростить законодательную базу для ведения бизнеса турецкими предпринимателями // URL: <http://www.24kg.org/economics/151911-premer-ministr-turcii-poprosil-parlament.html>

⁵⁴³ *Донис И.* Турция планирует перехватить у России первенство в строительстве ГЭС в Киргизии // URL: <http://www.news-asia.ru/view/ks/economy/4552>

⁵⁴⁴ Турецкие компании заинтересованы разрабатывать золоторудные месторождения в Кыргызстане, – TUSKON // URL: http://www.inform.kg/ru/business_novosti_kr/628#axzz2V5UKrkC3

чала Временному правительству, а затем и правительству Алмазбека Атамбаева, начинает приносить свои плоды и окупаться. До недавнего времени Турция активно действовала в таких сферах, как жилищное и дорожное строительство, торговля через сеть собственных супермаркетов, образование. Но теперь становится ясно, что она планирует всерьёз войти в такие сферы, как гидроэнергетика, промышленность, туризм, сельское хозяйство;

- Турция рассматривает Кыргызстан как своего главного союзника в Центральной Азии;
- кыргызская сторона заявляет о готовности поддержать практически все инвестпроекты, а также оказать защиту турецкому бизнесу.

Экономическое сотрудничество **Турции** и **Казахстана** началось с момента обретения независимости новым государством. Вышеуказанные факторы позволили быстро наладить торгово-экономические, культурно-гуманитарные и политические отношения между двумя странами. На казахстанский рынок турецкий бизнес вошёл активно, однако, как было сказано выше, Казахстан выступил против попыток Турции снять таможенные барьеры между тюркскими государствами, а также вплоть до 1996 года не проявлял заинтересованности в лоббируемом Анкарой проекте транспортировки каспийской нефти по трубопроводам «Баку – Тбилиси – Джейхан» и «Набукко». Лишь в 1998 году Н. Назарбаев выразил заинтересованность в указанных проектах и возможности поставки казахстанской нефти. 29 октября 1998 году в Анкаре президенты Казахстана, Узбекистана, Азербайджана, Грузии, Турции, а также министр энергетики США подписали Декларацию, принципиально согласовавшую позиции сторон и выразившим единство взглядов на необходимость строительства нефтепровода «Баку – Тбилиси – Джейхан»⁵⁴⁵. Строить нефтепровод начали в 2002 году, а запуск его произошёл в 2006 году.

Если же говорить о секторах экономики, не связанных с добычей и транспортировкой углеводородных ресурсов, то здесь сотрудничество Турции

⁵⁴⁵ См.: Нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан имени Гейдара Алиева // URL: http://www.azerbaijan.az/_Economy/_OilStrategy/oilStrategy_06_r.html

и Казахстана развивается также активными темпами. Турецкие бизнесмены освоили в республике сферы услуг, общественного питания, также традиционные для себя дорожное и жилищное строительство, торговлю собственными товарами. По итогам официального визита Нурсултана Назарбаева в Турцию в мае 2003 года были достигнуты договорённости о стратегическом уровне партнёрства между двумя странами⁵⁴⁶. В 2009 году эти соглашения были вновь подтверждены главами обоих государств. Благодаря активности бизнеса с двух сторон и предоставленным возможностям государства товарооборот между Казахстаном и Турцией за последние три года увеличился с 1,9 до 4 млрд долларов. Инвестиции же РК в экономику Турции составили 978,1 млн долларов, а вложения РТ в Казахстан – 859,8 млн долларов⁵⁴⁷.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать определённый **вывод** о том, что экономические отношения Турции и Казахстана развиваются достаточно активно. Причём отсутствие прогресса последних лет в энергетической отрасли компенсируется развитием бизнеса с обеих сторон самого обширного профиля и показывает очень активный рост. Казахская экономика по темпам развития и инвестирования в этом смысле не уступает турецкой и действует с ней на равных.

Сотрудничество **Турции** и **Узбекистана** началось с момента обретения республикой независимости. Официальная Анкара первой признала новое суверенное государство 16 декабря 1991 года. Важным событием двусторонних отношений стал визит президента Ислама Каримова в Турцию. В следующем году 4 марта были официально установлены дипломатические отношения⁵⁴⁸.

Взаимосодействие Узбекистана и Турции в сфере хозяйственных отношений началось достаточно активно в период с 1992 по 1993 годы. В 1992 году официальный Ташкент получил кредит от турецкого «Эксимбанка» в

⁵⁴⁶ Визит президента Турции в Казахстан – новый большой этап в сближении тюркоязычного мира // URL: <http://synapse.kz/blog/inkz/949.html>

⁵⁴⁷ Турция является важным и надежным партнером Казахстана – глава МИД // URL: <http://www.trend.az/regions/casia/kazakhstan/2144129.html>

⁵⁴⁸ *Алок Шекар*. Премьер Турции Реджеп Эрдоган посетит с официальным визитом Узбекистан // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1071678420>

250 млн долларов, большая часть которого была предназначена для закупки товаров из Турции. В том же году Турцией был предоставлен кредит в 595 млн долларов, или 63% от общей суммы помощи тюрко-язычным государствам⁵⁴⁹.

В 1994 году произошло первое резкое охлаждение отношений между этими двумя странами. Оно объясняется следующими факторами: по мнению узбекского руководства, объемы реальной экономической помощи были недостаточны, также отмечались «непрекращающиеся попытки прямой и косвенной вербовки обучающихся в Турции узбекских военнослужащих и студентов»⁵⁵⁰. Последней причиной, повлиявшей на ухудшение отношений между странами, стало прибытие в 1993 году в ТР узбекского оппозиционера Мухаммеда Салиха, который нашёл в этой стране определённую поддержку⁵⁵¹. Ответной реакцией узбекского руководства явилось значительное сокращение, начиная с 1994 года, сотрудничества в культурно-образовательной и религиозно-конфессиональной сферах между Узбекистаном и Турцией. В области внешней политики наступил период крайне сдержанных отношений, но выгодное обеим странам экономическое сотрудничество, вследствие этого, хоть и испытывало значительные временные затруднения, но всё-таки активно развивалось и развивается по сей день. Таким образом, налицо сильная избирательность официального Ташкента к взаимодействию с Турцией.

За первым охлаждением отношений последовала жёсткая критика, высказанная президентом Исламом Каримовым на IV саммите глав тюркских государств, где он обозначил узость и неполноценность предлагаемых Турцией парадигм интеграционных процессов, а также указал на невнимание к проблеме уйгуров в Китае⁵⁵².

Стоит также отметить, что игнорирование Узбекистаном и Туркменистаном инициатив Анкары, невступление Узбекистана в уже существующие

⁵⁴⁹ Особенности узбекско-турецких отношений в 90-е годы // URL: <http://ref.rushkolnik.ru/v31930/>

⁵⁵⁰ Там же.

⁵⁵¹ Там же.

⁵⁵² Демоян Г. Тюркские саммиты: цели, задачи, приоритеты и позиция в карабахском вопросе...

тюркские интеграционные структуры отрицательно сказывается на самой идее таких объединений. Ведь без РУз, в которой проживает почти половина всех тюрков Центральной Азии, данные проекты становятся половинчатыми.

Частое охлаждение отношений между Узбекистаном и Турцией привело к снижению экономической активности. Так, в результате первого кризиса в 1994 года взаимный товарооборот за год сократился с 245,5 млн долларов до 142 млн долларов⁵⁵³. Ситуация повторилась в 2007 году. Тогда объём взаимной торговли достиг уровня в 400 млн долларов. В 2008 году из-за политического охлаждения отношений этот показатель сократился до 285 млн долларов⁵⁵⁴.

Впоследствии политические препоны продолжали заметно ослаблять экономическое взаимодействие двух стран, но, тем не менее, оно продолжало развиваться и увеличивать свои объёмы. Так, в 2010 году показатели взаимной торговли достигли 957,8 млн долларов⁵⁵⁵. В 2011 году они составили 1,187 млрд долларов⁵⁵⁶. Но в том же году в отношении ряда крупных турецких предпринимателей государственными органами были применены санкции, по различным причинам были закрыты несколько турецких супермаркетов, часть бизнесменов была выслана из республики⁵⁵⁷. О политической подоплёке вопроса говорит и факт единовременного запрета показа на телевидении республики турецких сериалов и фильмов. Но несмотря на определённые препятствия товарооборот между двумя странами составил в 2012 году около 1 млрд долларов.

С другой стороны, инвестиции Анкары в узбекскую экономику, по сообщениям турецкого посольства, за годы независимости составили около

⁵⁵³ Особенности узбекско-турецких отношений в 90-е годы...

⁵⁵⁴ Там же.

⁵⁵⁵ Информация по торгово-экономическому сотрудничеству Республики Узбекистан с Турецкой Республикой / Министерство внешних экономических связей, инвестиций и торговли Республики Узбекистан // URL: http://www.mfer.uz/rus/mejdunarodnoe_sotrudnichestvo/sotrudnichestva_s_zarubejnimi_stranami/aziya_i_afrika/turiya/

⁵⁵⁶ *Хамраев Т.* Узбекистан и Турция развивают отношения по различным направлениям сотрудничества // URL: <http://www.anons.uz/article/politics/8147/>

⁵⁵⁷ В Узбекистане запретили турецкие сериалы // URL: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2012/02/24/949863.html>

1 млрд долларов. За тот же период турецкими фирмами на территории РУз было выполнено работ на 2 млрд долларов. В республике работает более 550 турецких фирм, в т. ч. и строительных, в то время как на территории ТР узбекских насчитывается менее десятка⁵⁵⁸.

Взаимоотношения **Турции** и **Туркменистана** начались с момента провозглашения последним независимости в 1991 году и открытием посольства в 1992 году⁵⁵⁹. Принятие в 1992 году закона «О внешнеэкономической деятельности в Туркменистане» и в 1993 году «Об иностранных концессиях» открыли турецким предпринимателям путь на туркменский рынок⁵⁶⁰.

В итоге, доля Турции во внешнеторговом обороте Туркменистана составляет на сегодняшний день более 12%⁵⁶¹. Также турецкие фирмы выполняют большую часть заказов по строительству и реконструкции зданий, дорог, мостов, железнодорожных путей⁵⁶². Сам Туркменистан занимает первое место в регионе Центральной Азии в аспекте активности турецкого бизнеса и разнообразии экономических проектов⁵⁶³. Товарооборот между двумя странами в 2012 году составил около 3,5 млрд долларов. Однако сальдо торгового баланса складывается со значительным профицитом в пользу официальной Анкары⁵⁶⁴. С приходом к власти президента Гурбангулы Бердымухаммедова двусторонние отношения значительно активизировались. Более того, практически каждый год происходят встречи главы Туркменистана с президентом либо премьер-министром Турции⁵⁶⁵.

⁵⁵⁸ Турция инвестировала более \$1 млрд в Узбекистан // URL: <http://www.uzdaily.uz/articles-id-13159.htm>

⁵⁵⁹ Мхитарян Н. Консолидация тюркского мира в идеологической и политической практике официальной Анкары (ретроспективный анализ этапов)...

⁵⁶⁰ Итоги внешнеэкономической деятельности Туркменистана / Портал внешнеэкономической информации Министерства экономического развития РФ // URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/tm/about_tm/ved_tm/

⁵⁶¹ Там же.

⁵⁶² Турецкие компании продолжают лидировать на рынке Туркменистана // URL: <http://rusorient.ru/page.php?vrub=tm&vparid=16&vid=4485>

⁵⁶³ И. Свистунова: Турция – Туркменистан: «Два государства – один народ» // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1307512620>

⁵⁶⁴ Турция и Туркменистан: обороты растут / Газета «Босфор» // URL: <http://www.vestiturkey.com/turci-i-turkmenistan-oborot-rastut-2301h.htm>

⁵⁶⁵ И. Свистунова: Турция – Туркменистан. «Два государства – один народ»...

В аспекте рассмотрения перспектив взаимоотношений двух стран стоит отметить, что наиболее значительным проектом является прокладка транскаспийского газопровода из Туркменистана через море в Азербайджан и присоединение, таким образом, к уже имеющемуся маршруту «Баку – Тбилиси – Джейхан», с возможным выходом на европейскую и украинскую газотранспортную систему⁵⁶⁶.

В 1992 году Турция установила дипломатические отношения с официальным Душанбе и в августе того же года открыла собственное посольство в этой стране, поддержав молодую республику в её становлении⁵⁶⁷. В 1995 году прошёл первый визит президента Турции в Душанбе. С этого года начала набирать динамику работа по заключению межгосударственных договоров между правительствами двух стран по основополагающим вопросам взаимных отношений, перемещения граждан, гражданско-правовому регулированию и т. д.

Сотрудничество на двусторонней основе между Турцией и Таджикистаном позволило значительно увеличить товарооборот, объём которого в 2012 году составил 600,6 млн долларов, а доля ТР среди партнёров республики составила 11,7%⁵⁶⁸. При этом на Турцию приходится 36,3% таджикского экспорта⁵⁶⁹. Положительным фактором для официального Душанбе является то, что, по последним данным, объём экспорта в Турцию почти в 4 раза превышает импорт из этой страны⁵⁷⁰.

Взаимодействие двух государств в хозяйственной сфере дополняется активностью турецких фирм в реализации различных строительных, инфра-

⁵⁶⁶ Турция откроет Украине доступ к туркменскому газу // URL: <http://rusorient.ru/page.php?vrub=rm&vparid=5296&vid=6030&lang=rus>

⁵⁶⁷ См.: Политика на пути к миру и стабильности: Интервью посла Турции в Таджикистане. – С. 36, 56 // URL: <http://www.avesta.tj/interview/10049-politika-na-puti-k-miru-i-stabilnosti-intervyu-posla-turcii-v-tadzhikistane.html>

⁵⁶⁸ Внешнеэкономическая деятельность Таджикистана: экспорт, импорт, итоги 2012 / Портал внешнеэкономической информации Министерства экономического развития РФ // URL: <http://www.ved.gov.ru/news/7329.html>

⁵⁶⁹ Чоршанбиев П. Ориентация – Китай и Турция. Таджикистан изменил направления экспорта алюминия // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1343821080>

⁵⁷⁰ Турецкие компании «Akbulut Grubu» привлек инвестиционный климат Таджикистана // URL: <http://www.pressa.tj/news/tureckie-kompanii-akbulut-grubu-privlek-investicionnyu-klimat-tadzhikistana>

структурных проектов, среди которых возведение ряда супермаркетов в столице, строительство стратегической трассы через памирские горы в Китай, реконструкция ирригационных систем и т. д.⁵⁷¹.

Таким образом, на основе вышесказанного следует сделать **вывод**, что Турция для Таджикистана на сегодняшний день стала не только важным внешнеэкономическим партнёром, но и оправдала надежды на нахождение альтернативного рынка сбыта для таджикской продукции. В настоящий момент двусторонние отношения между Турцией и Таджикистаном динамично развиваются.

Более наглядно уровень и активность в сфере экономического сотрудничества показана на примере динамики товарооборота между Турцией и государствами Центральной Азии в следующей таблице.

Таблица 10

Товарооборот Турции с государствами Центральной Азии

	2012 г., долл.	2011 г., долл.	2010 г., долл.
Кыргызстан	228,7 млн	212 млн	200 млн
Казахстан	ок. 4 млрд	3,3 млрд	1,85 млрд
Узбекистан	ок. 1 млрд	1,187 млрд	957,8 млн
Туркменистан	3,5 млрд	3,650 млрд	1,5 млрд
Таджикистан	600,6 млн	619,1 млн	436,8 млн

***Проекты в сфере культурного и образовательного сотрудничества:
результаты их реализации***

Сотрудничество между Кыргызстаном и Турцией в культурно-гуманитарной и сфере образования началось практически с момента обретения независимости странами Центрально-азиатского региона. О том внимании, которое Турция уделяет тюркским государствам и Кыргызстану, в част-

⁵⁷¹ Шарофов Э. У. История таджикско-турецкого сотрудничества (1991–2011 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук // URL: http://discollection.ru/article/28102012_96860_sharofov

ности, говорит тот факт, что в правительстве этой страны имеется пост государственного министра по связям с тюркоязычными странами⁵⁷².

В ноябре 1992 года впервые были организованы дни Турецкой Республики в Кыргызстане. Помимо этого в указанный год турецкая сторона согласилась выделить в своих высших учебных заведениях 1000 мест для обучения кыргызстанских студентов⁵⁷³. В следующем 1993 году прошли аналогичные дни Кыргызстана в Турции.

В 1993 году в Кыргызстан прибыла делегация турецкой радиовещательной компании, которая осуществила изучение телекоммуникационного рынка республики⁵⁷⁴. Как результат, на протяжении нескольких лет в Кыргызстане осуществлял вещание телевизионный канал на турецком языке.

Стоит отметить, что КР активно участвовала практически во всех международных культурных мероприятиях, организованных Турцией. Такими были, например: курултай тюркоязычных государств, конгрессы мусульманских государств и общин, международные выставки произведений искусства и изделий народного творчества, симпозиумы тюркской культуры и искусства⁵⁷⁵, Международный симпозиум «Дни Айтматова» в Анкаре⁵⁷⁶ и т. д.

Современный геополитик Николай Нартов считает, что период 1992–1994 годов – время активного обсуждения и развития идей пантюркизма, которые внешне выглядели как налаживание сотрудничества тюркоязычных государств в сфере культуры, образования и истории. По его мнению в 1995 году во время празднования в Бишкеке 1000-летия кыргызского эпоса

⁵⁷² Чыналиева М. Культурное сотрудничество Кыргызстана и Турции // URL: <http://todo.selyam.net/docs/78/index-82639.html>

⁵⁷³ Там же.

⁵⁷⁴ Там же.

⁵⁷⁵ Там же.

⁵⁷⁶ 2-й Международный симпозиум, посвященный творчеству кыргызского писателя Ч. Айтматова «Дни Ч. Айтматова», состоялся в Анкаре // URL: http://www.mfa.kg/news-foreign-missions-of-kr-/2-i-mejdunarodnii-simpozium-posvyashennii-tvorchestvu-kirgizskogo-pisatelya-ch.-aitmatova_en.html

«Манас» проходило серьёзное обсуждение идей пантуранизма, но «они не нашли должной поддержки и понимания»⁵⁷⁷.

Помимо проведения конференций и симпозиумов турецкое правительство также оказало значительную финансовую и техническую помощь в проведении праздничных мероприятий: «Турция выделила КР 100 тысяч долларов на проведение мероприятий, кроме того, при финансовой поддержке турецкого правительства был издан ряд книг и альбомов, сняты документальные фильмы, организована прямая трансляция праздничных торжеств по каналу CNN на огромное информационное пространство»⁵⁷⁸. В 33-х университетах Турции были проведены конференции по теме чествования эпоса «Манас», а также по пропаганде общетюркских ценностей. В Кыргызстане, в качестве благодарности за оказанную помощь, был воздвигнут монумент основателю турецкого государства – Ататюрку.

В 1995 году произошло знаменательное событие в культурно-гуманитарной сфере сотрудничества двух государств: в Измире был подписан документ о создании Кыргызско-Турецкого университета «Манас»⁵⁷⁹. За период своей деятельности данное учебное заведение сумело стать одним из ведущих вузов страны, в первую очередь благодаря своему материально-техническому обеспечению, наличию исключительно бюджетного финансирования и отсутствию коррупции. В среднем в университете обучается около 3800 студентов⁵⁸⁰. За период с момента основания вуза Турция инвестировала в него 289 млн долларов. Вуз постоянно расширяется, на данный момент построено уже 14 зданий единого образовательного комплекса⁵⁸¹.

Период с 1997 по 2001 год в отношениях Турции и Кыргызстана характеризуется как время определённого «затишья» в сфере межгосударственных

⁵⁷⁷ *Нартов Н. А.* Геополитика современного мира... – С. 452.

⁵⁷⁸ *Чыналиева М.* Культурное сотрудничество Кыргызстана и Турции...

⁵⁷⁹ См.: Официальный сайт КТУ «Манас» // URL: <http://www.manas.kg/index.php/ru/university/istoriya>

⁵⁸⁰ Там же.

⁵⁸¹ Канат Садыков: Турция вложила в КТУ «Манас» 289 млн долл. // URL: http://www.vb.kg/doc/223846_kanat_sadykov:_tyrcia_vlojila_v_kty_manas_289_millionov.html

связей. Это связано, в первую очередь, со сменой политического руководства в самой Анкаре. За это время наиболее заметными событиями стали заключение Договора о вечной дружбе и сотрудничестве между КР и ТР, подписанного 24 октября 1997 года во время официального визита в Анкару президента Кыргызстана Аскара Акаева⁵⁸². Во время очередной поездки президента КР в Турцию 1 июля 1999 года было подписано совместное Заявление «Кыргызстан и Турция: вместе в XXI век»⁵⁸³.

В последующие годы культурно-гуманитарное и образовательное сотрудничество между Кыргызстаном и Турцией продолжало поступательно развиваться, а число проведённых мероприятий достаточно велико. Для понимания интенсивности контактов достаточно проследить динамику хотя бы на примере мая 2013 года, в ходе которого в среднем в месяц проходило около четырёх-пяти мероприятий в сферах культуры и образования. 3–6 мая в Бурсе в университете Улудаг прошла международная конференция «Кыргызско-турецкие отношения, идущие из глубины истории до наших дней»⁵⁸⁴; 9 мая в Кыргызском национальном университете прошёл 2-й Международный курултай университетов тюркоязычных государств⁵⁸⁵; 24–25 мая в КТУ «Манас» организована конференция «Будущее кыргызско-турецких взаимоотношений в свете 22-летнего опыта»⁵⁸⁶.

Однако несмотря на столь активное взаимодействие двух стран среди некоторых общественных деятелей, так или иначе, проявляется неудовлетворённость качеством и направлением культурно-образовательного сотрудничества. К примеру, экс-посол Кыргызстана в Турции Мамбетжунус Абылов обозначил определённые «болевые точки» во взаимоотношениях

⁵⁸² Чыналиева М. Становление и развитие кыргызско-турецких отношений...

⁵⁸³ Там же.

⁵⁸⁴ В г. Бурса вспомнили кыргызско-турецкое сотрудничество, идущее из глубины // URL: <http://www.for.kg/news-224997-ru.html>

⁵⁸⁵ Пройдет 2-й курултай ассоциации университетов // URL: http://www.gezitter.org/politic/19359_proydet_2-y_kurultay_assotsiatsii_universitetov/

⁵⁸⁶ См.: На конференции в Бишкеке обсуждается будущее кыргызско-турецких отношений // URL: <http://kant.kg/2013-05-24/na-konferentsii-v-bishkeke-obsuzhdaetsya-budushhee-kyirgyizsko-turetskih-otnosheniy/>

двух стран: «Тюркский мир возник, как известно, после возникновения общего языка у приобщенных к Тюркскому каганату народов и этносов. Узнаваемость языка, к счастью, сохранилась у наших народов даже после тысячелетней разобщенной жизни. Этот факт воспринимается турками как признак этнического родства, нам же это утверждение кажется довольно спорным. Однако, когда начинаешь говорить об этом с турками, они видят в наших взглядах влияние русской политики на сознание советских людей»⁵⁸⁷. Также он считает, что навязывание турками их представления о тюркском мире вызывает настороженность: «Вместе с тем трудно “проглатывать” их представление об истории, которое словно требует от нас затушевать индивидуальность происхождения нашего собственного народа», – заключил дипломат⁵⁸⁸.

Несмотря на критику со стороны некоторых общественных деятелей, следует признать, что культурное и образовательное сотрудничество между Кыргызстаном и Турцией находится на высоком уровне и очень активно развивается, сближая две страны между собой.

Культурное сотрудничество **Казахстана и Турции** началось с момента обретения независимости новым постсоветским государством. При этом наиболее активно культурно-образовательное сотрудничество начало развиваться с 1992 года.

Первым документом, положившим начало взаимодействию двух государств, стало подписание в мае 1992 года Соглашения о сотрудничестве в сферах культуры, науки, образования и спорта.. Это привело к тому, что уже в ноябре того же года в Алматы были организованы Дни культуры Турции в Казахстане⁵⁸⁹. В апреле 1992 года турецкая сторона наладила вещание специаль-

⁵⁸⁷ Бывший посол Кыргызстана в Турции Мамбетжунус Абылов: «Не нужно считать киргизов туркклерами!» // URL: <http://www.fergananews.com/articles/6375>

⁵⁸⁸ Там же.

⁵⁸⁹ *Перепелица Е. Ф.* Сотрудничество Республики Казахстан и Турецкой Республики в области культуры в I половине 1990-х годов // Вестник ВолГУ. – Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2007. – № 12. – С. 175 // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-respubliki-kazahstan-i-turetskoj-respubliki-v-oblasti-kultury-v-i-polovine-1990-h-godov>

но созданного собственного телеканала на Азербайджан и некоторые государства Центральной Азии. Помимо этого по инициативе турецкой стороны был заключён договор о реставрации знаменитого мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави. Работы длились с 1993 по 2000 год⁵⁹⁰. Финансирование данных мероприятий парламент Турции полностью взял на себя. Расходы составили 54 млн долларов. Также этот год ознаменовался ещё одним крупным событием – было принято решение о реорганизации Туркестанского государственного университета в Международный казахско-турецкий университет им. А. Ясави. На сегодняшний день в нём обучается около 22 тыс. студентов из разных стран, и он стал одним из самых крупных вузов страны⁵⁹¹.

В последующие годы культурное и образовательное сотрудничество Казахстана и Турции продолжало развиваться поступательными темпами. Были открыты Турецкий культурный центр имени поэта Юнуса Эмре, учреждён Университет имени Султана Демиреля, республика активно участвует в мероприятиях, организуемых межгосударственными фондами и организациями. Более того, в связи с усилением внимания Казахстана к взаимоотношениям с Турцией заметно активизировалась и работа республики в данном направлении, в частности в Международной организации тюркской культуры «Тюркской»⁵⁹².

Если посмотреть статистику культурно-образовательных мероприятий международного уровня между РК и ТР, то мы увидим, что сотрудничество в указанных областях имеет хорошую динамику. Например, в течение мая 2013 года состоялся ряд мероприятий. 13 мая в турецкой провинции Мугла совместно с университетом «Сыткы кочман» был проведён симпозиум «Тюркский мир и выдающиеся деятели Казахстана»⁵⁹³; 15 мая в комплексе «Анкара-

⁵⁹⁰ *Доброта Л.* Всё дело в кровле: Продолжается реставрация мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави // URL: <http://www.kazpravda.kz/c/1301599065>

⁵⁹¹ *Доброта Л.* Туркестан наша общая гордость: Н. Назарбаев и А. Гюль посетили «духовную столицу» тюркского мира // URL: <http://userdocs.ru/pravo/28900/index.html>

⁵⁹² *Шацких В.* Турецкий марш // URL: <http://www.zonakz.net/articles/65025>

⁵⁹³ В Турции состоялся симпозиум «Тюркский мир и выдающиеся деятели Казахстана» // URL: <http://kazpravda.kz/c/1368411807>

Арена» при поддержке «Тюрксоя» прошёл фестиваль танцев и пения, в котором приняли участие тюркские народы всего мира⁵⁹⁴. 16 мая в штаб-квартире «Тюрксоя» в Анкаре состоялось открытие памятника-эпитафии Бильгекагану⁵⁹⁵. 25 мая в Алматы совместно с Государственным академическим симфоническим оркестром РК состоялся концерт турецкой певицы Шефики Кутлуэр⁵⁹⁶. 29 мая в Баку при участии «Тюрксоя» был организован Всемирный форум по межкультурному диалогу «Совместное проживание в условиях мира в мультикультурном мире»⁵⁹⁷. Помимо этого в течение всего года в разных городах Турции и Казахстана проходили праздничные мероприятия в честь 100-летия казахского композитора Мукана Тулебаева⁵⁹⁸.

Таким образом, относительно культурно-образовательного сотрудничества между Казахстаном и Турцией можно отметить, что взаимодействие двух государств в указанных сферах развивается достаточно активно. Более того, если на начальном этапе сотрудничества имело однонаправленный характер и продвигалось лишь усилиями турецкой стороны, то на современном этапе в развитии культурного взаимодействия и Казахстан и Турция выступают с одинаково активных позиций.

Начало сотрудничества **Турции** и **Узбекистана** в духовной и гуманитарной сферах было положено на встрече министров культуры Турции, Кыргызстана, Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, а также самопровозглашённой Турецкой Республики Северного Кипра летом 1992 года. В первый

⁵⁹⁴ Краски тюркского мира украсили арену молодежного фестиваля в Анкаре // URL: <http://www.turksoy.org.tr/RU/belge/5-11863/11863.html>

⁵⁹⁵ Эхо орхонских древностей в штаб-квартире ТЮРКСОЙ // URL: <http://www.turksoy.org.tr/RU/belge/5-11864/11864.html>

⁵⁹⁶ Тургазиева К. Культурные проекты сближают народы Турции и Казахстана // URL: <http://www.inform.kz/rus/article/2560941>

⁵⁹⁷ Генеральный секретарь ТЮРКСОЙ Дюсен Касеинов участвовал во втором Всемирном форуме по межкультурному диалогу в Баку // URL: <http://www.turksoy.org.tr/RU/belge/5-11867/11867.html>

⁵⁹⁸ К 100-летию Мукана Тулебаева в Казахстане и Турции пройдут юбилейные мероприятия // URL: <http://art.gazeta.kz/news/?id=15833>

год (1992–1993 учебный год) на обучение в Турцию из Узбекистана выехало около 2000 студентов⁵⁹⁹.

Но наступившее с 1994 года охлаждение политических отношений повлекло за собой и остановку ранее достигнутых договорённостей. В частности, в этот год была отменена поездка группы узбекских студентов, в т. ч. и военных вузов, на обучение в Турции. «После укрепления позиций исламистов в Турции власти РУз незамедлительно заблокировали приезд даже этой небольшой группы учащихся. В дальнейшем обмены были фактически свернуты и, несмотря на настойчивость турецкой стороны, не возобновлены до сегодняшнего дня»⁶⁰⁰.

Таким образом, можно констатировать, что вследствие политических причин сотрудничество Турции и Узбекистана в культурно-образовательной сфере на сегодняшний день фактически не осуществляется.

Взаимодействие в культурно-образовательной сфере между **Турцией** и **Туркменистаном** началось с момента обретения независимости бывшей советской республикой. Самыми первыми значимыми мероприятиями были фестивали культуры, которые ранее проходили в качестве сопровождения саммитов глав тюркских государств.

В культурной области сотрудничество также активизировалось с приходом к власти нового президента Гурбангулы Бердымухаммедова. Туркменские творческие коллективы участвуют в различных фестивалях тюркской культуры как у себя на родине, так и за рубежом.

В целом, сотрудничество между Туркменистаном и Турцией в сфере культуры осуществляется, в основном, посредством организации крупных фестивалей и конференций. Однако число таковых не идёт ни в какое сравнение с активностью в культурной сфере Турции с такими государствами, как Казахстан и Кыргызстан. Из этого следует вывод, что официальный Ашхабад

⁵⁹⁹ Особенности узбекско-турецких отношений в 90-е годы...

⁶⁰⁰ Там же.

довольно значительно ограничивает инициативы турецких организаций по организации более тесного сотрудничества.

В сфере образования первые контакты между странами начали формироваться с появлением в республике туркмено-турецких школ, число которых достигло 14, турецкой начальной школы и образовательного центра «Башкент». Однако в 2011 году практически все туркмено-турецкие школы были переведены в разряд государственных, а оставшаяся единственная школа имени Кемаля Ататюрка полностью приняла стандарты туркменской системы образования и отказалась от вызывавших нарекания предметов⁶⁰¹. Подобные меры были вызваны обвинениями в адрес руководства данных образовательных учреждений, связанных с подозрениями в проповедовании религиозных идей турецкого писателя и общественного деятеля Фетхуллага Гюлена. Его обвиняли в продвижении экстремистских взглядов.

В системе высшего образования важным событием стало открытие в 1994 году Международного туркмено-турецкого университета⁶⁰². В июне 2013 года было принято решение о расширении вуза и постройке нового корпуса на 3000 студентов⁶⁰³. Проявлением сотрудничества здесь является и то, что туркменские студенты обучаются на льготных отделениях турецких вузов, в т. ч. и военных. Их число составляет на данный момент около 4000 человек, что является наибольшим показателем среди стран Центральной Азии.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод о том, что туркмено-турецкое сотрудничество развивается достаточно активно, особенно в сфере высшего образования. Но, в свою очередь, правительство Туркменистана крайне настороженно относится к влиянию, оказываемому турецкой стороной на обучающихся, что привело к закрытию общеобразовательных туркмено-турецких школ.

⁶⁰¹ В Туркмении закрывают турецкие школы («Хроника Туркменистана», Туркменистан) // URL: http://www.inosmi.ru/middle_asia/20110816/173388197.html

⁶⁰² Туркмено-турецкое сотрудничество в сфере образования // URL: <http://gundogar-news.com/arhiw/naukaibrazovanie/block/2191/newsid/29179.aspx.html>

⁶⁰³ Там же.

Первым шагом на пути духовного и ментального сближения **Турции** и **Таджикистана** стало соглашение между правительствами двух стран о сотрудничестве в культурной сфере от 1 марта 1992 года. В области образования вызывают интерес таджикско-турецкие школы-интернаты. Начало созданию таких учреждений положило подписание соглашения между правительством республики и Турецким образовательным обществом «Шалола» 2 сентября 1992 года. В настоящий момент в республике насчитывается порядка шести таких школ-интернатов, а также совместная школа по изучению иностранных языков и компьютера и международная школа⁶⁰⁴.

Таблица 11

**Количество турецких учебных заведений
в государствах Центральной Азии**

	Школы, лицеи, учебные центры	Университеты	Национальные культурные центры, руководимые Турцией
Кыргызстан	22 школы «Sebat» и Международная школа «Silk Road»	Кыргызско-турецкий университет «Манас» и Международный университет «Ататюрк–Ала-Тоо»	Достигнута договорённость об учреждении в Бишкеке Турецкого культурного центра им. Юнуса Эмре
Казахстан	28 казахско-турецких лицеев	Международный казахско-турецкий университет им. Х. А. Ясави и Университет им. С. Демиреля	Турецкий культурный центр им. Юнуса Эмре
Узбекистан	0	0	0

⁶⁰⁴ Шарофов Э. У. История таджикско-турецкого сотрудничества (1991–2011 гг.)...

Туркменистан	Осталась одна туркмено-турецкая школа им. Кемаля Ататюрка	Международный туркмено-турецкий университет	Турецкий культурный центр
Таджикистан	6 таджикско-турецких школ «Шалола», 1 международная школа и 1 школа изучения международных языков и компьютера	0	0

***Религиозное влияние Турции на государства Центральной Азии
и на процессы исламизации***

В отличие от взаимодействия в экономической и культурно-гуманитарной областях, турецкая сторона сравнительно поздно активизировала свои контакты с мусульманским духовенством Кыргызстана. В первую очередь это было связано с приоритетом проектов в сфере образования, а именно с учреждением в республике сети общеобразовательных турецких школ «Себат». Их основателем является глава организации религиозного направления «Нуржилер» Фетхулах Гюлен. За период с 1992 по 2012 год была создана сеть из 22 таких учебных заведений, международной школы «Silk Road» и университета «Ататюрк–Ала-Тоо»⁶⁰⁵. Как считают различные аналитики, в т. ч. и эксперты Института Ближнего Востока, данные учебные заведения имеют целью пропаганду турецкого образа жизни и лидирующей роли Турции в Центрально-азиатском регионе: «Особое внимание “Нурджулар” уделяет пропаганде исламских и пантюркистских идей в различных странах

⁶⁰⁵ Шепеленко А. «Себат»: 20 лет в Кыргызстане // URL: <http://slovo.kg/?p=5761>

путем создания подконтрольных светских и религиозных учебных заведений различного уровня»⁶⁰⁶.

Также стоит упомянуть про учреждение в 1995 году межгосударственного Кыргызско-Турецкого университета «Манас», который также оказывает протурецкое влияние на своих студентов. Более того, на сегодняшний день данное учебное заведение считается одним из самых оснащённых, с самой развитой инфраструктурой. Ввод в строй строящихся сейчас корпусов ещё больше усилит роль этого вуза в образовательной системе КР.

Следующей ступенью в развитии взаимоотношении Турции и Кыргызстана стало участие официальной Анкары в строительстве новых мечетей в республике. В основном, бум их строительства пришёлся на 1998–2008 годы⁶⁰⁷, но связан он был, в первую очередь, с активной спонсорской помощью ряда арабских стран. В процессе сотрудничества Духовного управления мусульман Кыргызстана с Турцией достигнута договорённость с турецкой стороной о финансировании давно планировавшегося строительства новой центральной мечети в Бишкеке. По информации муфтията 70% средств на возведение нового здания согласилась выделить Турция, а оставшиеся 30% – Кувейт⁶⁰⁸. Влияние Анкары явно прослеживается и в архитектуре нового здания, которая практически полностью копирует Софийский собор в Стамбуле⁶⁰⁹.

Турция предложила свою помощь в обучении канонам ислама кыргызских священнослужителей. Она ранее уже выступала с инициативами оказания помощи в обучении и повышении квалификации имамов мечетей Кыргызстана⁶¹⁰, но наибольшая интенсивность контактов в данном направлении на-

⁶⁰⁶ Давыдов М. Н. Деятельность турецкой религиозной секты «Нурджулар» // URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/03-11-07b.htm>

⁶⁰⁷ Курбанова Н. Религия в общественно-политической жизни Кыргызстана на рубеже XX–XXI вв. ... – С. 205.

⁶⁰⁸ Курулуп жаткан борбордук мечит толугу менен Туркиянын Кыргызстанга белеги болуп саналат // URL: <http://muftiyat.kg/.../>

⁶⁰⁹ Там же.

⁶¹⁰ Государственная комиссия по делам религий при Президенте КР: Кыргызстан и Турция намерены сотрудничать в сфере научно-исследовательской деятельности и по рас-

блюдалась именно во время руководства муфтия Чубака ажы Жалилова. Упор был сделан на теологический факультет Ошского государственного университета⁶¹¹. За время работы курсов турецкими и местными преподавателями было обучено несколько сотен человек.

Кроме этого предыдущий муфтий, после посещения конференций и деловых поездок в Турцию стал активно пропагандировать принципы «турецкой модели» государственно-конфессиональных отношений. Заместитель муфтия, ректор Кыргызского исламского университета Абдишукур ажы Нарматов и в настоящее время выступает за привнесение опыта Турции, использование её методик в преподавании ислама в республике⁶¹². Данные предложения продолжают обсуждаться в кыргызстанском социуме. В частности, многие, в первую очередь религиозные деятели, ратуют за приравнивание их к государственным служащим по примеру Турецкой Республики, с положенной им заработной платой, социальным страхованием и прочими льготами⁶¹³.

Наряду с легальным проникновением в Кыргызстан турецких трактовок ислама и взглядов на общественно-политическую жизнь существует ещё и достаточно опасное влияние посредством деятельности религиозно-экстремистских сект «Сулеймания» и «Нуржилер». Так, на территории южного региона КР в настоящее время действуют по разным данным шесть-семь медресе суфийской секты «Сулеймании», в которых ведётся преподавание достаточно радикальных взглядов на ислам⁶¹⁴. Основателем движения считается Сулейман Хилми Туннахан. Они расположены как в северном, так и в южном регионах республики. Наиболее одарённых учеников отправляют на

пространению истинных религиозных ценностей среди населения // URL: <http://www.religion.kg/?show=article&id=121>

⁶¹¹ См.: Имамы южных областей Кыргызстана повышают квалификацию // URL: <http://md.mirtv.ru/news/27000>

⁶¹² Кыргызстан: Активизируется деятельность религиозно-экстремистскими организациями // URL: <http://www.paruskg.info/2012/08/16/66789>

⁶¹³ Должны ли быть имамы госслужащими? // URL: <http://www.time.kg/index.php?newsid=5271>

⁶¹⁴ И. Мадылбеков: Третьего не дано. Кыргызстан всегда входил в зону интересов различных политических и религиозных сил // URL: http://www.vesti.kg/index.php?option=com_k2&view=item&id=19268

бесплатное обучение в Турцию, после чего выпускники медресе начинают проповедовать усвоенные взгляды в качестве имамов и преподавателей⁶¹⁵.

Кроме этого, в Кыргызстане также действует ещё не менее известная турецкая религиозно-просветительская организация «Нуржулар», которую многие представляют экстремистской сектой. Данная структура в течение 1990-х годов создала в Кыргызстане сеть общеобразовательных школ «Себат» и «Silk Road». По словам самого основателя данного движения Фетхуллага Гюлена, в этих «школах нового типа» помимо изучения светских предметов упор также делается и на нравственное воспитание⁶¹⁶. Последнее опирается на собственные трактовки ислама: «Учащимся активно прививается мысль о приверженности к исламским ценностям и турецкой культуре, осознании ими мусульманского единства»⁶¹⁷. Стоит отметить, что в самой Турции деятельность «Нуржиллер» находится под запретом, а сам Фетхулах Гюлен был вынужден на долгое время эмигрировать в США. «Однако деятельность секты, осуществляемая за пределами Турецкой Республики, признана правительством страны полезной с точки зрения реализации стратегических задач Турции и доктрины пантюркизма. С приходом к власти правительства Р. Эрдогана позиции “Нурджулар” на территории стран проживания мусульманского и тюркоязычного народов значительно усилились»⁶¹⁸, – считают эксперты Института Ближнего Востока. Турецкое правительство «поощряет и направляет “просветительскую” деятельность секты за пределами Турции, где “движение” реализует идею тюркского превосходства и необходимости объединения исламского мира под эгидой Анкары с конечной целью создания “чистого государства” на основе “просвещенного шариата”»⁶¹⁹.

Эксперт по религиозным вопросам Кадыр Маликов выражает относительно данного движения несколько обособленную позицию. Во-первых, он

⁶¹⁵ Т. Бактыбаев: Турция раскручивает в Киргизии религиозное течение «Сулеймания» // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1298066340>

⁶¹⁶ Выступления Ф. Гюлена (Компакт-диск).

⁶¹⁷ Давыдов М. Н. Деятельность турецкой религиозной секты «Нурджулар»...

⁶¹⁸ Там же.

⁶¹⁹ Там же.

именует его социально-гражданской организацией «Хизмет» и отделяет от учения собственно «Нуржулар» Саида Нурси. Во-вторых, он считает, что «данное социально-гражданское движение не является экстремистским, радикальным или политическим. Движение идентично традиционному исламу в Кыргызстане...»⁶²⁰.

Таким образом, из всего вышесказанного относительно взаимовлияния Турции и Кыргызстана можно сказать, что КР на сегодняшний день подвергается активному идеологическому воздействию турецких организаций и структур, которые проповедуют в республике турецкий образ жизни, идеи тюркского единства, политического объединения при лидирующей роли Анкары.

Говоря о влиянии Турции на религиозную сферу **Узбекистана**, стоит сказать, что она очень активно начала действовать в данной области с начала установления отношений между двумя странами. В первые годы независимости в крупных городах РУз были открыты узбекско-турецкие школы. Однако со временем официальный Ташкент стал обвинять руководство данных образовательных учреждений в пропаганде ислама, в т. ч. в распространении экстремистских взглядов основателя этих школ Фетхуллага Гюлена. Как итог, в 1999 году все они были закрыты⁶²¹.

На сегодняшний день можно констатировать, что в религиозной сфере взаимовлияние Турции и Узбекистана не осуществляется. Официальный Ташкент видит угрозу в турецкой внешней религиозной политике, и, как следствие, блокирует любые контакты в данном направлении.

Говоря о влиянии Турции на религиозную сферу **Туркменистана**, стоит сразу отметить, что с самого начала обретения независимости местные власти крайне негативно относились к росту религиозности в своей стране. Все туркмено-турецкие школы, которые считались проводниками идеологии Фетхуллага Гюлена, находились под надзором правоохранительных структур. И это

⁶²⁰ См.: *Маликов К.* Теоретические и практические основы по взаимодействию с мусульманской общественностью... – С. 66–71.

⁶²¹ Радио «Свобода»: Турецкие учебные заведения в ЦентрАзии вызывают подозрения... // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1240819620>

не позволило им укорениться – в 2011 году все они, кроме одной, были закрыты и переведены в разряд общеобразовательных государственных⁶²².

Туркменистан – подчёркнуто светское государство, и оно крайне негативно относится к каким бы то ни было попыткам оказания религиозного влияния на собственных граждан. Поэтому есть основания говорить, что турецкая сторона не оказывает на Туркменистан сколько-нибудь значимого влияния в религиозно-духовной сфере.

Достаточных свидетельств оказания религиозного воздействия Турции на **Таджикистан** на сегодняшний день не имеется. Это связано с двумя факторами: во-первых, имеющийся уровень проникновения традиционного для этой страны ханифитского ислама в морально-нравственную сторону жизни общества достаточно высок; во-вторых, правительство в Душанбе крайне настороженно относится к любым попыткам использовать религиозный фактор. Опыт гражданской войны 90-х годов служит явным тому свидетельством использования религии для консолидации противников тогдашних властей республики. В сегодняшней обстановке Турция не рискует пропагандировать исламские ценности в таджикско-турецких школах и ограничивается образовательным и идеологическим влиянием.

Таким образом, несмотря на активное взаимодействие Турции со странами Центральной Азии, воздействие с её стороны вызвало как положительную реакцию – взаимосодействие, так и отрицательную – противодействие. Взаимосодействие особо четко проявилось в первые годы после распада СССР, когда страны региона стремились к построению новых экономических и административно-государственных систем на фоне острой нехватки материальных ресурсов для проведения необходимых реформ и отсутствия альтернативных доноров. Вместе с тем, по мере формирования собственного видения геополитического позиционирования каждой из новых независимых государств все они единодушно отвергли экономическую программу Турции, оказав, таким образом, противодействие её внешнеполитическому курсу.

⁶²² В Туркмении закрывают турецкие школы...

Сферы сотрудничества Турции и государств Центральной Азии

	Сотрудничество в сфере правоохранительных органов	Экономическое сотрудничество	Политический диалог	Культурно-образовательное сотрудничество	Оказание религиозного влияния
Кыргызстан	+	+	+	+	+
Казахстан	–	+	+	+	+
Узбекистан	–	+	–	–	–
Туркменистан	–	+	+	+	–
Таджикистан	–	+	+	+	–

В настоящее время наблюдаются как тенденции взаимодействия в форме привлечения инвестиций, культурно-образовательного сотрудничества, так и противодействия внешнеполитическим инициативам Турции. Последнее привело к закрытию либо существенному ограничению свободы действий сети турецких школ; отказу Казахстана поставлять требуемые объёмы нефти по нефтепроводу «Набукко»; фактическому игнорированию Туркменистаном проекта Транскаспийского газопровода. Проявившиеся особо остро в 2000-е годы процессы ретрадиционализации и архаизации политических процессов и институтов также оказывают отрицательное влияние на деятельность турецкого бизнеса в странах региона. В первую очередь, это проявляется в коррупции, попытках захвата турецкого бизнеса на уровне отдельных областей, погромах турецких супермаркетов во время двух «революций» в Кыргызстане.

В целом же, можно схематично представить проблему взаимодействия и противодействия внешнеполитическим инициативам Турции в виде следующей таблицы:

**Взаимодействие и противодействие
внешнеполитическим инициативам Турции**

Сфера	Воздействие Турции	Противодействие инициативам Турции	Взаимодействие инициативам Турции
Экономика	Вложение инвестиций, в первую очередь, в строительную сферу, обслуживание, обрабатывающую промышленность, торговлю	Значительная коррупция госчиновников, а также форс-мажорные потери турецкого бизнеса в КР во время «революций»	Стремление к привлечению инвестиций из Турции; попытки расширения сфер вложения турецких средств
Культура и образование	Учреждение турецких культурных центров в странах Центральной Азии, организация концертов, выставок, научных конференций; учреждение и расширение сети турецких университетов и школ	Определённое противодействие влиянию турецким представлениям на историю тюрок среди некоторых общественных деятелей; закрытие и существенное сокращение самоуправления турецких школ	Проведение дней культуры, языков, фестивалей, стажировок
Ислам	Организация стажировок мусульманских священнослужителей в Турции; проведение конференций для мусульманского духовенства	Критика турецких организаций «Нуржиллер», «Сулеймания» и др. как религиозных сект и требования их закрытия	Проведение совместных курсов по повышению квалификации имамов (КР)

На основе вышеизложенного можно проследить определённые изменения в политике Турции за 22-летний период её взаимоотношений с государствами Центральной Азии.

- В начале 90-х годов официальная Анкара под предлогами культурного и образовательного обмена пыталась продвигать в регионе идеи пантюркизма и «Великого Турана». Но государства Центральной Азии решительно отвергли принцип нового наднационального объединения. На современном этапе турецкое руководство отказалось от подобных притязаний.

- Претензии Турции на политическое лидерство в Центральной Азии в 90-х годах сменились признанием лидерских амбиций Казахстана, с которым Анкара стремится укреплять сотрудничество. В отношении Туркменистана, Таджикистана и Кыргызстана выстраиваются равные партнёрские взаимоотношения.

- Анкара не сумела добиться устранения внутренних таможенных барьеров между тюрко-язычными государствами. Вместо этого была избрана стратегия активного проникновения турецких фирм на рынки государств региона. Для защиты и представления их интересов Турция была вынуждена активизировать двустороннее экономическое и политическое взаимодействие со странами Центральной Азии. Ежегодные визиты президента и премьер-министра Турции в каждое из государств, кроме Узбекистана, служат тому лишним подтверждением.

- Взаимодействие в культурно-образовательной сфере не претерпело кардинальных изменений. Оно активизировалось с Кыргызстаном и Казахстаном, на относительно низком уровне находится с Таджикистаном и Туркменистаном.

- Повсеместное распространение в Центральной Азии турецких школ и лицеев натолкнулось на определённое сопротивление в государствах региона. В результате, названные школы продолжают активно действовать только в Кыргызстане и Казахстане.

- Начиная с 2000-х годов, Турция проводит работу по популяризации собственной модели взаимоотношений религиозного и светского государства. Наибольшую поддержку данные идеи нашли в Кыргызстане.

Если касаться прогнозной части взаимоотношений Турции и государств Центральной Азии, то можно с уверенностью сказать, что влияние Анкары сохранится и будет иметь определённое влияние на элиты стран региона, хотя и будет уступать первенство России либо Китаю.

Учитывая активную пропаганду идеологии пантюркизма и ещё более активную позицию различных протурецких организаций, следует полагать, что в перспективе эта идеология составит серьёзную конкуренцию идеям евразийства и может стать дополнительным фактором в более активном притяжении стран региона к Турции.

Учитывая активную спонсорскую помощь турецких фондов и организаций развитию ислама в государствах Центральной Азии, следует полагать, что эта поддержка и осуществление программ стажировок и приглашения на конференции по религиозной проблематике лидеров исламского духовенства в перспективе позволят отодвинуть на второй план влияние арабских стран на ислам в регионе. Учитывая, что турецкие организации работают преимущественно со структурами официального духовенства, следует ожидать нового раскола в исламской среде по внешнеполитическим ориентирам. Официальное духовенство будет в целом настроено протурецки, а неофициальные религиозные структуры, в т. ч. и радикального толка, нацелены на арабские страны и Пакистан.

2.8. Эволюция интересов Японии во внешне- и внутривнутриполитических процессах в Центральной Азии

2.8.1. Этапы внешней политики Японии в ЦА: внутриполитический аспект

Геостратегическое положение и богатая ресурсная база Центрально-азиатского региона являются решающими для японского руководства в выстраивании им системы отношений с центрально-азиатскими странами. При

этом необходимо отметить, что собственно японские интересы в Центральной Азии касаются сырьевой базы, тогда как геополитические аспекты находятся в фарватере союзнических обязательств Японии перед США.

Последний факт особенно отчетливо стал проявляться с начала 2000-х годов. В силу этого ряд экспертов, в частности координатор Проекта по энергетике и сотрудничеству в Институте Центральной Азии и Кавказа и Программы исследований «Шелкового пути» в Университете Уппсала Крис Лен, выделяют три этапа в динамике взаимодействия Японии и стран Центральной Азии: 1992–1997 годы; 1997–2004 годы; 2004 год – по настоящее время.

Первый этап (1992–1997 гг.). Япония, никогда не рассматривалась в политических кругах центрально-азиатских республик в качестве одного из главных внешних акторов как в политико-экономическом, так и в геополитическом контекстах. Тем не менее она занимает одно из первых мест по объему предоставляемой безвозмездной финансовой и технической помощи. В частности, в 90-е годы прошлого века страны региона получили 2,3 млрд долларов в рамках Официальной помощи развитию (ОПР)⁶²³. При этом в качестве приоритетных интересов Японии в Центральной Азии, детерминирующих выделение значительных финансовых средств, необходимо выделить:

- исследование энергетического потенциала региона;
- поддержка усилий США по «экономическому закабалению» региона.

Кроме того, Япония стремилась использовать усиление своего веса в регионе для оказания давления на Россию в территориальном споре, так как Центральная Азия является зоной традиционного влияния последней. В 1993 году Япония на седьмом симпозиуме Тихоокеанского энергетического сотрудничества официально объявила, что собирается диверсифицировать свои поставки энергоресурсов за счет центрально-азиатских республик, в первую очередь Казахстана и Туркменистана. В том же году министерство меж-

⁶²³ См.: *Синода К.* Политика Японии в отношении Центральной Азии и Закавказья: содействие экономическим реформам (28 сент. 2006) // URL: <http://www.iep.ru/en/politika-yaponii-v-otnoshenii-centralnoi-azii-i-zakavkazya-sodeistvie-ekonomicheskim-reformam.html>

дународной торговли и промышленности предложило проекты строительства нефте- и газопроводов из Центральной Азии через КНР в Японию⁶²⁴.

Так, страны региона в 1993 году посредством лоббирования Токио были включены в программу ОПР Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), что позволило японскому правительству формализовать свою помощь, предоставляемую через Японское агентство международного сотрудничества (JICA) и Японский банк международного сотрудничества (JBIC). К 2006 году она составила 30% (2,5 млрд долл.)⁶²⁵ всей помощи, выделяемой странам Центральной Азии по линии ОПР. Кроме того, Токио способствовал принятию центрально-азиатских стран в члены Азиатского банка развития (АБР), что позволило им получать кредиты как от АБР, так и по линии Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР).

Диаграмма 9

**Объемы финансовой помощи по линии ОПР
странам ЦА (1993–2002 гг.)***

*Диаграмма составлена нами на основе данных источника: *Усубалиев Э. Экономическая политика Японии в Центральной Азии (1991–2003 гг.)* // URL: <http://analitika.org/kyrgyzstan/kg-foreign-affairs/80-20100405060031622.html>

⁶²⁴ См.: *Len C. Japan's Central Asian Diplomacy: Motivations, Implications and Prospects for the Region...*

⁶²⁵ См.: *Central Asia as a Corridor of Peace and Stability Speech by Mr. Taro Aso, Minister for Foreign Affairs at the Japan National Press Club (1 июня 2006)* // URL: <http://www.mofa.go.jp/region/europe/speech0606.html>

Кроме выделяемых грантов и льготных кредитов, с начала 90-х годов в центрально-азиатские страны начали активно проникать японские корпорации. В частности, в марте 1993 года Японская национальная нефтяная корпорация приступила к проведению широкомасштабного изучения экономической целесообразности разработки нефтяных и газовых месторождений в Узбекистане и Казахстане. В 1995 году японская корпорация Mitsubishi, американская Exxon и Китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPC) начали совместные исследования углеводородного потенциала перспективных газовых месторождений Туркменистана и экономических выгод строительства 7000-километрового газопровода из Туркменистана через Казахстан в Западный Китай, а затем в Японию⁶²⁶.

Таким образом, на первом этапе воздействие Японии на государства региона, в основном, ограничивалось нефтегазовым сектором. Взаимодействие, проявлявшееся во взаимном стремлении диверсифицировать импортеров нефти и газа, во многом нивелировалось противодействием стран Центральной Азии ввиду региональной дезинтеграции, на фоне острых водно-энергетических и пограничных проблем. Она превращала реализацию иницируемых Японией широкомасштабных проектов строительства трансграничных трубопроводов в труднодостижимую цель.

В результате, сотрудничество с Японией в экономической сфере при отсутствии у Токио жестких требований к результатам и условиям проводимых центрально-азиатскими республиками преобразований, воспринималось ими, прежде всего, в аспекте оказания ни к чему не обязывающей внешней помощи. Такому типу взаимоотношений во многом способствовала их многовекторная политика в ее деструктивной форме, строящейся на сотрудничестве со всеми внешними акторами без выстраивания четкой внешнеполитической концепции. Во многом катализатором формирования

⁶²⁶ См.: *Len C. Japan's Central Asian Diplomacy: Motivations, Implications and Prospects for the Region...*

подобных настроений явилась и политика самого японского правительства. Во-первых, отсутствовала четкая стратегия в отношении региона; во-вторых, присутствие в Центральной Азии рассматривалось, прежде всего, как рычаг давления на Россию в территориальном споре; в-третьих, оказываемая помощь не была «привязана» к определенным проектам, участие в которых могло бы стать обязательным условием получения финансовой помощи.

Второй этап (1997–2004 годы). Такая позиция правительства подверглась резкой критике в академическом сообществе Японии. В результате, в 1997 году новый глава кабинета министров Р. Хашимото предложил концепцию «Евразийской дипломатии», которая дополняла европейские транспортно-коммуникационные проекты TRACECA и CAREC. Цель новой стратегии Японии в отношении Центральной Азии состояла в обеспечении доступа к ресурсной базе региона через создание разветвленной системы транспортных магистралей и трубопроводов. При этом последующая смена правительства в 1998 году не привела к кардинальным переменам в политике Японии в Центральной Азии. Инициатива нового председателя правительства К. Обути «Дипломатия Великого Шелкового пути» под другим названием воспроизводила принципы, заложенные в «Евразийской дипломатии»: политический диалог, оказание финансово-экономической помощи, содействие в установлении мира и стабильности⁶²⁷. В качестве же приоритетных интересов Японии в ЦА в этот период можно обозначить:

- продвижение принципов рыночной экономики и либеральной демократии, что должно обеспечить благоприятные условия для работы японских инвесторов и большую предсказуемость режимов региона;
- диверсификация импортных поставок энергоресурсов посредством реализации проектов строительства транзитных трубопроводов через КНР;

⁶²⁷ См.: *Синода К.* Политика Японии в отношении Центральной Азии и Закавказья: содействие экономическим реформам...

- создание материально-технической базы для размещения военных объектов США.

В целом, именно с начала военной операции в Афганистане стала очевидна взаимосвязь действий японо-американского тандема в Центральной Азии: Токио создает техническую базу для реализации стратегических планов Вашингтона и одновременно получает доступ к природным ресурсам региона.

В совокупности, JBIC до 2006 года выделила странам Центральной Азии льготных кредитов на сумму в 2,228 млрд долларов в рамках финансирования 20 проектов в сферах транспорта, телекоммуникаций, энергетики, водоснабжения и образования⁶²⁸. Однако на этом этапе Япония, учитывая ошибки начала 90-х годов, определила обязательные условия для выделения грантов и кредитов.

Диаграмма 10

Объемы кредитов, выделенных JBIC по линии ОПР странам Центральной Азии (по состоянию на 2006 г.)*

* Диаграмма составлена нами на основе данных источника: Central Asia and ODA Loans. Japan Bank for International Cooperation // URL: http://www.jica.go.jp/publication/archives/jbic/pdf/centralasia_e.pdf

⁶²⁸ См.: Central Asia and ODA Loans. Japan Bank for International Cooperation (31 марта 2006) // URL: http://www.jica.go.jp/publication/archives/jbic/pdf/centralasia_e.pdf

В целом, JBIC предоставляет средства на финансирование проектов в трех сферах: модернизация экономической и социальной инфраструктуры на основе внедрения принципов рыночной экономики; развитие человеческого потенциала и институциональное реформирование; содействие внутрирегиональной интеграции. При этом все инициативы в экономической плоскости Японии подкрепляла «культурным фактором» – культивированием интереса широких слоев населения к японской культуре, традициям и языку через формирование сети культурных и лингвистических центров, а также организацию стажировок в рамках программы «Предоставление стипендий для подготовки кадров», нацеленной на подготовку специалистов в сфере государственной службы, экономики и финансов.

Важным результатом культурно-просветительской деятельности Токио в регионе стало создание Парламентской лиги Японо-Казахстанской дружбы, Ассоциации дружбы между Японией и Кыргызстаном, Ассоциации культурно-экономического сотрудничества «Фукусима – Узбекистан», которые представляют собой диалоговую площадку, объединяющую политиков и предпринимателей. К концу 2002 года в Японии по программе «Предоставление стипендий для подготовки кадров», прошли стажировку более трех тысяч стажеров в различных областях науки и производства из стран Центральной Азии и Кавказа⁶²⁹.

В свою очередь, страны Центральной Азии посетили японские эксперты в таких областях, как экономика, правовая система, телекоммуникации, финансы, охрана окружающей среды, транспортная инфраструктура и здравоохранение⁶³⁰.

В целом, несмотря на принимаемые меры, воздействие Японии на Центральную Азию оставалось ограниченным. Реализация проектов Токио в энергетическом секторе и транспортно-коммуникационной системе в качестве

⁶²⁹ См.: *Усубалиев Э.* История инициатив Японии в Центральной Азии: «Евразийская дипломатия» и «Дипломатия Шелкового пути»...

⁶³⁰ См.: *Синода К.* Политика Японии в отношении Центральной Азии и Закавказья: содействие экономическим реформам...

стимулирующего фактора регионального сотрудничества при оказании финансовой помощи на основе согласия республик способствовать реализации данных проектов нивелировалась их противодействием. Оно выражалось в постепенном их вовлечении в военные и экономические интеграционные объединения (ОДКБ и ЕврАзЭС), инициируемые Россией.

В итоге, ни один из интересов собственно Японии на внутривосточном уровне не был реализован. В то же время Токио была заложена база для реализации стратегических целей США, основным мотивом действий которых в Афганистане была не борьба с терроризмом и обеспечение безопасности, а наращивание своего присутствия в регионе.

Третий этап (2004 г. – по настоящее время). С начала 2000-х годов японское правительство пересмотрело свою стратегию в отношении стран региона, что было связано, прежде всего, с провалом предыдущих инициатив и началом военной операции в Афганистане. Разработанная Токио новая стратегия «Центральная Азия плюс Япония», озвученная в 2004 году министром иностранных дел Й. Кавагучи в ходе ее визита в Казахстан, стала предложением альтернативной ШОС площадки регионального сотрудничества с ведущей ролью Японии с учетом тесной ее привязки к США. Участниками этого проекта являются четыре республики, за исключением Туркменистана, имеющего статус наблюдателя ввиду проводимой им политики позитивного нейтралитета. Реализация данной стратегии должна обеспечить продвижение японских интересов в Центрально-азиатском регионе, которые в систематизированном виде были обозначены премьерником Й. Кавагучи Т. Асо в его докладе «Центральная Азия как коридор мира и стабильности» на пресс-конференции в японском национальном медиа-клубе в преддверии токийской встречи министров иностранных дел центрально-азиатских республик и Афганистана 5 июня 2006 года⁶³¹:

Привлекают Японию и урановые залежи в странах Центральной Азии. В 2007 и 2008 годах между японскими компаниями Marubeni, Mitsui, Sumitomo,

⁶³¹ См.: Central Asia as a Corridor of Peace and Stability Speech by Mr. Taro Aso, Minister for Foreign Affairs at the Japan National Press Club...

Toshiba и Sijitz и их партнерами в странах региона был подписан ряд соглашений⁶³². В настоящее время в Казахстане, на территории которого сосредоточено 19% мировых запасов урана, урановое месторождение «Западный Мункудук» разрабатывается совместно с государственной корпорацией «Казатомпром» и японскими компаниями Керко и Sumitomo Shoji⁶³³. А JOGMEC в июле 2013 года достигла соглашения о совместной добыче урана с Узбекистаном.

Вместе с тем, Япония продолжает оказывать грантовую и техническую помощь, а также выделять кредиты по линии ОПР через JICA как на двусторонней основе, так и через международные финансовые институты. В **Кыргызстане** JICA реализует 9 проектов, в их числе: Проект по подготовке бизнесменов на базе Японского центра человеческого развития в КР (Бишкек, 2013–2016 гг.), Проект по созданию технической базы занятий по дзюдо через Государственное агентство физической культуры и спорта (Бишкек, 2011 г.), Проект по налаживанию экспорта семян овощных культур в Чуйской и Таласской областях (2013–2018 гг.), Проект по поддержке совместного управления лесным хозяйством в Иссык-Кульской области (2009–2014 гг.), Проект по поддержке малого бизнеса, организованного по принципу «одно село – один продукт» в Иссык-Кульской области (2011–2014 гг.), Проект по повышению способности оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации и оценке рисков и угроз в КР, а также по налаживанию регионального диалога для предотвращения ЧС в КР (Бишкек, Ош, Жалал-Абад, 2013 г.); Проект по предоставлению стипендий для подготовки кадров (2009, 2011, 2012 гг.); Проект по реконструкции моста через реку Кок-Арт на участке дороги Бишкек – Ош (2013); Изучение возможностей улучшения движения в Бишкеке (2011–2013 гг.)⁶³⁴.

⁶³² См.: *Kassenova N.* Japan's Hesitant Embrace of Central Asia: Will There Be a Strategy? // *Great Powers and Regional Integration in Central Asia...*

⁶³³ См.: *Музалевски Р.* Япония прошерстит Центральную Азию в поисках полезных ископаемых (14 дек. 2012) // URL: <http://hvylya.org/analytics/economics/yaponiya-prosherstittsentralnuyu-aziyu-v-poiskah-poleznyih-iskopaemyih.html>

⁶³⁴ См.: *Maps of JICA Major Projects (as of April 1, 2013)* (апр. 2013) // URL: https://libportal.jica.go.jp/fmi/xsl/library/public/data/plan_in_operation_e-p.html

На втором месте по количеству реализуемых проектов находится **Таджикистан**. В числе 8-ми проектов: Проект по улучшению технической базы для текущего ремонта и содержания дорог в Хатлонской области и районах республиканского подчинения (2013 г.); Проект по развитию села на афганотаджикской границе в Горно-Бадахшанской области (2012–2015 гг.); Проект по улучшению системы охраны материнства и детства в Хатлонской области (2011 г.); Проект по реконструкции дороги Курган-Тюбе – Дусти (2011–2013 гг.); Проект по предоставлению стипендий для подготовки кадров (2010, 2011 гг.); Проект по предоставлению продовольственной помощи фермерам (2012 г.); Проект по улучшению технической базы медицинского обслуживания, водоснабжения и канализации учреждений по охране материнства и детства (Душанбе, Хатлонская область, 2013 г.)⁶³⁵.

В **Узбекистане** была предусмотрена реализация 5-ти проектов на грантовой основе: Проект по подготовке бизнесменов на базе Японского центра человеческого развития в Узбекистане (Ташкент, 2010–2015 гг.); Проект по применению профилактических мер неинфекционных заболеваний (2010–2013 гг.); Проект по реконструкции состояния железнодорожного полотна и повышению навыков управления поездом на железной дороге Ташгузар – Кумкурган (2012–2013 гг.); Проект по улучшению системы водопользования (Ташкент, Джизак, Сырдарья, 2009–2013 гг.); Проект по предоставлению стипендий для подготовки кадров (2007, 2009, 2010, 2011, 2012 гг.). Кроме того, Узбекистану были выделены 3 кредита на запуск Талимаржанской ТЭС (2010 г.), на электрификацию железной дороги Карши – Термез (2012 г.), а также на модернизацию Навойской ТЭС (2013 г.)⁶³⁶.

В систематизированном виде данные о количестве полученных займов и кредитов можно представить в виде следующей таблицы:

Таблица 14

⁶³⁵ См.: Maps of JICA Major Projects (as of April 1, 2013)...

⁶³⁶ Там же.

Официальная помощь Японии странам Центральной Азии

(на 1 апреля 2011 г.) (млн долл.)*

Ранг	Страна	Гранты			Всего	Кредиты	
		На двусторонней основе	Через международные финансовые институты	Техническая помощь		Выплачено	Возвращено
1	Таджикистан	31,00	9,01	4,28	35,28	–	–
2	Кыргызстан	20,46	3,96	9,81	32,27	–	0,37
3	Туркменистан	0,48	0,40	0,51	0,99	–	2,74
4	Узбекистан	10,19	0,78	10,78	20,97	8,45	33,06
5	Казахстан	1,42	1,06	3,70	5,12	13,88	40,52

*Таблица составлена нами на основе данных источника: Japan's Official Development Assistance. White Paper 2012. Japan's International Cooperation // URL: http://www.mofa.go.jp/policy/oda/page_000016.html

Учитывая прозападный вектор азиатской Японии, представляется, что действия Японии являются частью общего проекта Запада по вовлечению региона в сферу своего влияния. В итоге, в регионе наблюдается своеобразное разделение зон влияния, которое должно обеспечивать присутствие Запада в странах региона: США – военная сфера, ЕС – проекты либерализации и демократизации, Япония – социально-экономическая и техническая помощь не опосредованная идеологическими ценностями.

Таким образом, воздействие Японии на страны Центральной Азии осуществляется через механизмы «мягкой силы». При этом оказываемая помощь в социально-экономическом секторе не опосредуется вмешательством во внутреннюю политику стран региона, что выгодно выделяет Японию на фоне ее трансатлантических союзников. Демократическая риторика и военное присутствие в регионе последних выступает дополнением к гуманитарным и со-

циально-экономическим проектам Токио. При этом заявленное стремление культивировать ценности демократии и рыночной экономики в большей степени является демонстрацией своей принадлежности к западному миру, нежели стимулом к действию. Собственные национальные интересы Японии лежат в плоскости ресурсно-сырьевой базы, и в этом аспекте вопросы демократических преобразований Токио рассматривает в долгосрочной перспективе, а притеснение прав человека не считает причиной для разрыва экономических связей.

В целом, государства региона нацелены на взаимодействие с Японией. Таджикистану и Кыргызстану необходима выделяемая финансовая помощь для преодоления экономических проблем, Казахстан и Туркменистан стремятся расширять свою сеть импортеров природных ресурсов. Противодействие проявляется в том, что Японии отводится второстепенная роль среди внешних акторов ввиду ее конституционной ограниченности в использовании механизмов жесткой силы. Кроме того, еще одним моментом противодействия выступает стремление стран региона принимать предложения о разработке и транспортировке своих ресурсов всем внешним игрокам, ориентируясь только на объем предлагаемых ими инвестиций при отсутствии или неэффективности, в силу персонализации властных отношений, правовой базы, регулирующей инвестиционный климат.

2.8.2. Эволюция интересов Японии во внешнеполитических процессах в ЦА

Анализ геополитических интересов Японии в Центральной Азии необходимо проводить, учитывая ее союзнические отношения с США. Концепция внешней политики и безопасности, обнародованная новым премьер-министром С. Абэ в декабре 2012 года под названием «Бриллиант безопасности», фактически представляет собой составную часть глобальной стратегии США «Петля анаконды».

В условиях оформления новой геостратегии в рамках «Диалога Центральная Азия плюс Япония» была выдвинута новая инициатива «Центральная Азия как коридор мира и стабильности», описанная в докладе Т. Асо, в котором подчеркивалась расширенная пространственная интерпретация региона с включением Афганистана, что, свою очередь, отложило отпечаток на характере геополитических интересов Японии в ЦА⁶³⁷:

Интересы Японии во внешнеполитических процессах ЦА (2004 – по настоящее время):

- географическая разблокировка Центральной Азии для обеспечения доступа к ее природным ресурсам через строительство транспортно-коммуникационных и энергетических сетей через Афганистан в обход РФ и КНР;
- содействие региональной интеграции на идеологической основе западных ценностей;
- повышение своего статуса международного донора и катализатора региональной интеграции.

Однако и предшествующие стратегии в отношении Центральной Азии: «Евразийская дипломатия» Р. Хашимото, «Дипломатия Великого Шелкового пути» К. Обути – предполагали строительство трансконтинентальных транспортно-энергетических магистралей и внедрение систем телекоммуникаций (аналог европейского проекта «Электронного Шелкового пути»). Вкупе они должны были способствовать внутрорегиональной интеграции и встраиванию Центральной Азии в глобальную транспортную и информационную систему.

В этих условиях в предложенной Японией в 2004 году концепции «Диалог Центральная Азия плюс Япония» основной акцент был сделан на предотвращение роста китайского влияния в регионе и на открытом формате сотрудничества. Главное отличие новой концепции от старых состояло в переходе от двустороннего уровня отношений к содействию развитию процессов централь-

⁶³⁷ См.: Central Asia as a Corridor of Peace and Stability Speech by Mr. Taro Aso, Minister for Foreign Affairs at the Japan National Press Club...

но-азиатской региональной интеграции. Представляется, что США используют Японию в качестве «троянского коня», поскольку страна, относящаяся к азиатскому региону, лоббирует интересы и ценности США. Подчеркнутое в докладе Т. Асо «Центральная Азия как коридор мира и стабильности» стремление культивировать либерально-демократические ценности, а также использование понятия «дуги свободы и процветания», ассоциирующейся с американской «дугой нестабильности», свидетельствует о комплиментарности геополитических стратегий США и Японии.

Таким образом, в эволюции воздействия Японии на страны Центральной Азии во внешнеполитических процессах можно обозначить два этапа: 1990-е годы – 2001 год и с 2001 года – по настоящее время. На первом этапе внешнеполитические концепции Японии «Евразийской дипломатии» и «Дипломатии Великого Шелкового пути» были нацелены на развитие сотрудничества с КНР и предполагали строительство трубопроводной сети из центрально-азиатских источников энергоресурсов в Японию через КНР. Согласно результатам исследования, проведенного международной исследовательской организацией Asian Barometer, во всех странах Центральной Азии в 2005 году 40% респондентов считали, что Япония оказывает благоприятное влияние на страну их проживания⁶³⁸.

Однако, несмотря на благожелательное отношение к политике Японии населения, многовекторный внешнеполитический курс руководства стран региона явился фактором противодействия инициативам Токио. В частности, была «сокращена» география газопровода «Туркменистан – Китай – Япония», и его конечной точкой стал Китай в свете обострившегося территориального спора между КНР и Японией по факту принадлежности островов Сенкаку (Дяоюйдао) в 2002 году.

На втором этапе воздействие Японии на страны региона приобрело более четко очерченный характер как в институционально-идеологическом пла-

⁶³⁸ См.: *Kassenova N. Japan's Hesitant Embrace of Central Asia: Will There Be a Strategy? // Great Powers and Regional Integration in Central Asia...*

не, так и в аспекте определения основного союзника – США, что отразилось на финансировании проектов по экономической интеграции Афганистана в Центральную Азию и блокировании морских выходов КНР.

Однако центрально-азиатские республики оказывают противодействие японо-американским инициативам – ТАРП, «южный маршрут». Во-первых, в форме участия в евразийских интеграционных образованиях; во-вторых, через лоббирование китайских предложений по созданию банка развития и специального счета ШОС, средства из которых будут направляться и на реализацию региональных транспортных проектов; в-третьих, через двустороннее сотрудничество с КНР. Взаимодействие с Узбекистаном по строительству железных дорог в направлении Афганистана нивелируется тем, что Ташкент, понимая бесперспективность превращения ИРА в центр огромного азиатского интеграционного образования, использует предоставляемые кредиты и гранты для развития, в первую очередь, собственной железнодорожной сети.

В целом, в развитии интересов Японии во внутри- и внешнеполитических процессах стран Центральной Азии можно обозначить три этапа: 1992–1997 годы, 1997–2004 годы, с 2004 года – по настоящее время. На первом этапе Токио действовал без какой-либо концептуально оформленной стратегии. Основная задача состояла в создании положительного имиджа страны в центрально-азиатских республиках через оказание массивной финансово-экономической помощи, что, в свою очередь, должно было обеспечить фундамент доступа к энергоресурсам и последующего их транзита в Японию. С другой стороны, учитывая союзнические отношения Токио и Вашингтона, представляется, что оказанная материальная помощь Японии странам региона была детерминирована также и обязанностями Японии в рамках этого союза – содействовать экономическому закабалению центрально-азиатских стран.

На втором этапе руководством Японии был выработан концептуальный подход к региону Центральной Азии, который находился в русле европейских проектов TRACECA и CAREC. Основу стратегий Р. Хашимото

«Евразийская дипломатия» и К. Обути «Дипломатия Великого Шелкового пути» составляла задача диверсификации импортных поставок энергоресурсов в Японию за счет месторождений Центральной Азии путем их транзита через территорию КНР.

Однако осложнение японо-китайских отношений из-за взаимных территориальных претензий в АТР сказалось и на эскалации их противостояния в Центральной Азии. Необходимость выполнения обязательств в рамках союза с США на фоне начала военной операции в Афганистане и активизацией в связи с этим РФ и КНР привела к пересмотру Японией целей политики в регионе. При сохранении основного императива – разработка нефтегазовых месторождений – Токио пересмотрел пути транзита углеводородов в Японию. В рамках инициативы превращения Центральной Азии в «коридор мира и стабильности», являющейся составной частью центральноазиатской стратегии Японии «Диалог Центральная Азия плюс Япония», Япония стала поддерживать «южный маршрут» доставки энергоресурсов – через Афганистан и Пакистан.

Таблица 15

Результаты оказываемого влияния Японии на страны ЦА

Сфера	Воздействие	Противодействие	Взаимодействие
Энергетика	Проекты строительства трубопроводов в Японию	Участие в российских и китайских проектах	Строительство трубопроводов: <i>ЦА</i> : диверсификация партнеров; <i>Япония</i> : обеспечение энергетической безопасности
Содействие проектам США (внутриполитический аспект)	Финансово-экономическое закабаление, культивирование ценностей либеральной демократии	Многовекторная внешняя политика, предполагающая отсутствие четко определенно-	Оказание финансовой помощи: <i>ЦА</i> : получение средств на развитие инфраструктуры и энергетического сектора <i>Япония</i> : создание условий для деятельности японских

		го стратегического партнера	компаний + содействие имплицитному присутствию США в регионе
Интеграционные инициативы (в сотрудничестве с США)	Финансирование инфраструктурных проектов, попытки создать наднациональную структуру в рамках инициативы «Диалог Центральная Азия плюс Япония»	Участие в евразийских интеграционных проектах, ШОС	Конструирование транспортных магистралей через Афганистан и Пакистан: <i>ЦА</i> : получение финансовой помощи, диверсификация внешнеполитических партнеров; <i>Япония</i> : содействие США по долгосрочному присутствию в регионе + создание маршрутов для доставки в Японию природных ресурсов региона в обход КНР

В целом, влияние Японии на внутри- и внешнеполитические процессы стран Центральной Азии является ограниченным по двум причинам. Во-первых, в рамках тандема США плюс Япония последняя играет второстепенную роль, которая заключается, в первую очередь, в продвижении американских интересов. Во-вторых, реализации собственных интересов Японии, связанных с ресурсным потенциалом региона, мешает слабое развитие транспортно-коммуникационной сети.

Страны Центральной Азии по характеру преследуемых Японией интересов можно разделить на три группы: 1) страны, в которых присутствие Японии обусловлено интересами и проектами США (Узбекистан, Кыргызстан); 2) «страны-поставщики» природных ресурсов (Казахстан, Туркменистан); 3) Таджикистан – «страна-ворота» для транспортировки природных ресурсов через Пакистан к Индийскому океану.

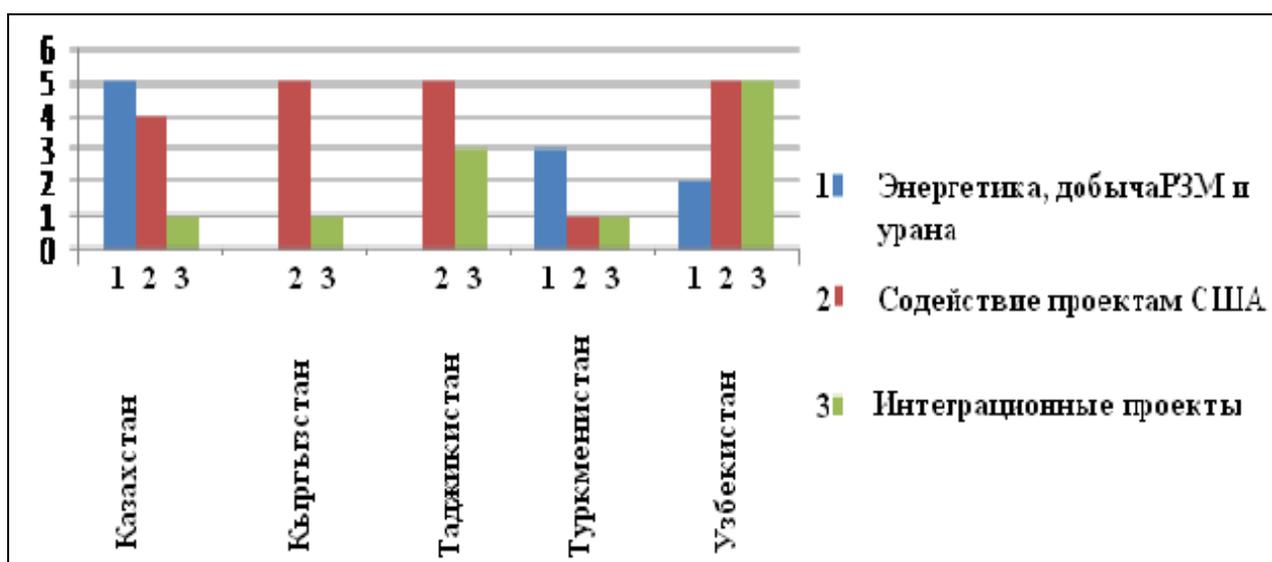
В этом отношении прослеживается отличие Японии в тактике ее воздействия на страны региона от ее западных союзников. Страны Запада опосредуют любую финансовую помощь требованиями политических и экономических преобразований. Токио, в свою очередь, разделяет идеологическое воздейст-

вие и финансово-экономическое, используя в последнем случае экономические рычаги давления.

Графически степень вовлеченности стран региона в проекты Японии по сферам можно изобразить в виде следующей диаграммы, где 1 – наименьшая степень вовлеченности, 5 – наибольшая:

Диаграмма 11

Степень вовлеченности стран ЦА в проекты Японии (по сферам)

Выводы. Резюмируя проведенный анализ оказываемого Японией воздействия на внутри- и внешнеполитические процессы в странах Центральной Азии, необходимо обозначить ряд важных моментов. Особенность внешнеполитического имиджа Японии состоит в том, что ее союзнические отношения с США имплицитно закладывают основу американского присутствия в регионе. Ввиду этого ее влияние на центрально-азиатские республики необходимо рассматривать в ракурсе не только японских национальных интересов, но и геополитических интересов США.

Факторы собственной заинтересованности Токио в вовлечении региона в орбиту своего влияния лежат в плоскости освоения его богатой нефтегазовой ресурсной базы, а также месторождений урана и РЗМ, имеющих первостепенное значение в сфере производства высоких технологий, которая является основой японской экономики. Вместе с тем союз с Вашингтоном обяза-

вает Токио содействовать расширению присутствия США в регионе. Это отчетливо прослеживается на примере японских и американских интеграционных проектов, инициированных сразу после начала военной операции в Афганистане. В их числе: американская «Большая Центральная Азия», заложившая основу «Нового Шелкового пути» и японский «Диалог Центральная Азия плюс Япония», в рамках которого реализуется концепция «Центральная Азия как коридор мира и стабильности».

Между тем, существуют различия в методах воздействия на регион: США – военное присутствие (*hard power*), ЕС – создание идеологической основы (*soft power*), Япония – оказание материально-технической помощи в отрыве от идеологического детерминизма (*soft power*), создают основу сетевого воздействия (*smart power*) на Центральную Азию, предполагающего всестороннее вовлечение центрально-азиатских стран в сферу интересов японо-атлантического союза.

Однако страны Центральной Азии не рассматривают Японию в качестве релевантного внешнего актора ввиду, во-первых, неприменения ею механизмов жесткой силы в силу конституционных ограничений, во-вторых, отсутствия в ее внешнеполитической тактике привязки идеологических принципов к предоставляемой финансовой помощи. В связи с этим представляется, что «Диалог Центральная Азия плюс Япония» в среднесрочной перспективе не превратится в полноценную наднациональную структуру.

Маловероятна в среднесрочной перспективе и реализация транспортно-энергетических проектов (ТАРІ, «южный маршрут») в аспекте полномасштабного включения в них нестабильного Афганистана.

2.9. Интересы Республики Индия в Центральной Азии

С момента распада Советского Союза Центральная Азия являлась упущенной возможностью для Республики Индия, и только в начале XXI века она начала проявлять активность в регионе. На данный момент существует доста-

точно возможностей для её закрепления в Центральной Азии. В то же время, ей необходимо затратить значительное количество усилий и ресурсов для соперничества с Российской Федерацией, Соединенными Штатами Америки, Китайской Народной Республикой и другими глобальными игроками, имеющими интересы в Центральной Азии.

Основные интересы Республики Индия в Центральной Азии:

- стремление укрепиться в регионе;
- ограничение влияния КНР и ИРП в странах региона;
- сотрудничество со странами региона в сфере энергетики;
- военное сотрудничество;
- противодействие терроризму и наркоугрозе;
- торгово-экономическое сотрудничество.

Несмотря на быстрое установление дипломатических отношений между Индией и государствами Центральной Азии⁶³⁹, она не проявляла активной внешнеполитической деятельности в отношении новых государств. 90-е годы XX века характеризуются лишь отдельными визитами государственных деятелей, направленных на углубление некоторых направлений двустороннего сотрудничества, но не имевших под собой никакой долгосрочной стратегии.

Качественно иной уровень отношений Республики Индия и государств Центральной Азии начался на рубеже XX и XXI веков. Тогда состоялись визиты в центрально-азиатский регион в мае 1999 года министра иностранных дел Индии Джасвант Сингха, а после и премьер-министра страны Атал Бихари Ваджпай в Узбекистан в мае 2000 года и в июне 2002 года в Казахстан, которые подтвердили желание укреплять связи со всеми государствами региона. Также это было отражено в инициативе так называемого «Нового Шелкового

⁶³⁹ С Казахстаном – 22 февраля 1992 г.; С Кыргызстаном – 18 марта 1992 г.; С Таджикистаном – 21 мая 1992 г.; С Туркменистаном – 20 апреля 1992 г.; С Узбекистаном – 18 марта 1992 г.

пути дружбы и сотрудничества» между Республикой Индия и государствами региона⁶⁴⁰.

Политическое руководство страны изменило свое видение о роли Центральной Азии в развитии своей внешнеполитической стратегии, и начало поступательное и целенаправленное вхождение в регион. Сегодня отчетливо прослеживается стремление Индии стать одним из ключевых игроков в регионе и, соответственно, занимать важную роль в его развитии. Необходимо отметить, что амбиции руководства Республики Индия подпитываются объективными факторами, такими как: более чем миллиардное население, выгодное геополитическое положение, ощутимые военно-политические возможности, в т. ч. обладание ядерным оружием, значительный экономический потенциал и статус одного из лидеров в сфере информационных технологий.

Всё это позволяет проводить достаточно активную внешнюю политику в различных регионах мира, одним из которых является Центральная Азия, развитию политических, экономических и военных отношений с которой официальный Дели придает большое значение. Повышенное внимание Республики Индия к центрально-азиатскому региону объясняется и тем, что в последнее десятилетие регион является ареной политической борьбы, в которой участвуют не только мировые, но и региональные державы, в т. ч. Исламская Республика Пакистан – исторический соперник Индии. И сегодня руководство Республики Индия считает одной из важнейших задач нейтрализацию расширения влияния Исламской Республики Пакистан в регионе, вследствие чего её дипломатическая активность гораздо более высока, нежели ее экономическое присутствие⁶⁴¹.

Республика Индия, получившая в 2005 году статус страны наблюдателя в ШОС (Шанхайская Организация Сотрудничества), стала полноправным участником совместной с государствами-членами этой организации рабочей

⁶⁴⁰ Пресс-конференция Премьер-министра Республики Индия Атала Бихари Ваджпаи
// URL:
http://www.indianembassy.org/special/cabinet/Primeminister/2002/pm_june_05_2002.htm

⁶⁴¹ Касенов У. Новая «большая игра» в Центральной Азии? // Центральная Азия. – 1997. – № 2. – С. 51.

группы по противодействию терроризму⁶⁴². Также, посредством данной группы, она получила возможность мониторинга деятельности Пакистана на пакистано-афганской и таджикско-афганской границах. Являясь соседом Афганистана, Индия также является одним крупнейших доноров вкладывающих значительные средства в восстановление его экономики. Пособием развития экономики и совместных инфраструктурных проектов, осуществляемых на территории Афганистана, она планирует получить доступ к рынкам центрально-азиатского региона. Помимо этого Индия стремится к получению доступа к энергетическим ресурсам Центральной Азии. Также одной из целей расширения индийского присутствия в регионе является стремление сбалансировать растущее влияние в нём своего геополитического соперника Китая. Возрастающее влияние КНР на страны центрально-азиатского региона явилось катализатором роста активности Индии в регионе⁶⁴³.

Республика Индия, претендующая на роль новой супердержавы XXI века, переходит к новой тактике, её присутствие в Центральной Азии, вне зависимости от степени вовлечения в происходящие процессы, является критически важным для выхода за пределы своей традиционной зоны влияния в Юго-Восточной Азии и акватории Индийского океана.

Несмотря на впечатляющий экономический рост Индии, активность КНР многократно превышает её деятельность в Центральной Азии, что выражается импорте энергоресурсов, осуществлении инфраструктурных проектов и налаживании торговли. Необходимо отметить тот факт, что на данный момент Республика Индия проигрывает КНР конкурентную борьбу в Центральной Азии. Китайские компании строят дороги, прокладывают железные дороги и трубопроводы. Казахстанская нефть, узбекистанский и туркменистанский природный газ, афганская медь уже направляются непосредственно в Китай через недавно построенные в восточном направлении сети, еще в большей степени способствуя быстрому развитию КНР.

⁶⁴² Гусев Л. Индийские аналитики о ШОС // URL: apn.kz/authors/author339.htm

⁶⁴³ Миркасимов С. Особенности внешней политики Индии в настоящее время (конец XX – начало XXI в)...

Но и потребности Индии в ресурсах становятся всё больше. Для Индии чрезвычайно важно диверсифицировать источники энергоресурсов⁶⁴⁴. Необходимо отметить тот факт что, вследствие быстрого развития экономики её потребности в энергоресурсах растут. Это означает необходимость в скором времени того, что Индии придется игнорировать препятствия на импорт нефти и газа из любой страны, включая Исламскую Республику Иран, поскольку она будет вынуждена покупать энергоресурсы там, где сможет их найти. В этих условиях Центральная Азия, прежде всего Каспийский бассейн, рассматривается в Индии как перспективный источник углеводородов. ONGC (Нефтяная и газовая корпорация Индии) выкупила 8,42% акций нефтяной компании Conoco Phillips в Казахстане. Индийская нефтегазовая компания ONGC–Videsh Ltd. (дочерняя компания ONGC) является собственницей 15% пакета акций в казахско-российском проекте «Алибекмола» и 10% в казахстано-российском проекте по разработке нефтяного месторождения «Курмангазы» на Каспии, в который Индия планирует инвестировать около 1,5 млрд долларов⁶⁴⁵. Она стремится участвовать и в энергетических проектах в Республике Узбекистан. В этом отношении для Дели особенно интересно участие в разведке и добыче природного газа в Каракалпакстане, предполагается, что доставка с этих месторождений будет осуществляться при помощи транспортного коридора «Туркмения – Узбекистан – Иран – Катар – Оман», который может быть реализован уже в ближайшее время.

Особенный интерес в Индии вызывает проектируемый газопровод ТАПИ (Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия), о чем её руководители заявили в 2008 году и в конце 2010 года, в Ашхабаде, где руководители стран-участниц подписали Межправительственное соглашение о строительстве газопровода. Помимо энергетической и коммерческой выгоды проект чрезвычайно важен для Республики Индия с точки зрения её

⁶⁴⁴ Гусев Л. Энергетическая стратегия Индии в свете геоэкономических проблем Центральной, Южной и Восточной Азии...

⁶⁴⁵ Перспективы укрепления казахстанско-индийского партнерства. – Алматы, 2006. – С. 24.

внешнеполитических интересов. Реализация проекта позволяет Дели прочно закрепиться на энергетическом рынке Центральной Азии не только в качестве покупателя, но уже и как оператора межгосударственного проекта, со всеми вытекающими выгодами.

Также Индия стремится получить доступ к узбекистанскому урану. Так, в ходе визита министра иностранных дел Республики Индия Салмана Хуршида в Республику Узбекистан в сентябре 2013 года была достигнута договоренность о заключении контракта между странами по закупке индийской стороной 2000 тонн урана для нужд индийской атомной энергетики.

Возможность военного присутствия на территории Центральной Азии Республика Индия получила благодаря подписанию в 2002 году трехстороннего индийско-российско-таджикского соглашения, по которому она получила возможность провести модернизацию, оцениваемую в 70 млн долларов, аэродрома «Айни», находящегося рядом со столицей Таджикистана Душанбе.

До распада Советского Союза на территории аэродрома «Айни» находился завод по ремонту вертолетов со взлетно-посадочной полосой, протяженностью 3200 метров. После завершения модернизации, в результате которой было осуществлено полное обновление покрытия и расширение взлетно-посадочной полосы, организация диспетчерской службы, создание периметра и оборудование укрепленных убежищ, «Айни» способен принимать все типы воздушных судов, существующих в мире, что делает его объектом стратегической важности.

Кроме аэродрома «Айни», Республика Индия проявляет интерес к возможности строительства военного госпиталя в Таджикистане, а также к использованию аэродрома «Фархор», расположенного поблизости от таджикско-афганской границы, который в свое время использовался для доставки гуманитарных грузов в Исламскую Республику Афганистан.

Кроме Таджикистана, военные интересы Индии также привлечены к Кыргызской Республике. Основным направлением, интересующим индийскую сторону, является производство и испытание скоростных подводных торпед.

На существующем, на Иссык-Куле, торпедном испытательном полигоне проходят проверку скоростные подводные торпеды «Шквал», производимые корпорацией «Дастан», которая уже несколько лет является предметом торга между Кыргызской Республикой и российскими, индийскими и турецкими инвесторами. После испытаний торпеды «Шквал» экспортируются в Российскую Федерацию и Республику Индия, при этом большая часть идет на экспорт в Республику Индия (порядка 70%). Интерес же непосредственно к торпедному испытательному полигону Индия начала активно проявлять в 2011 году. В это время на Иссык-Куле индийским военным были продемонстрированы новые образцы противокорабельных торпед, которые вызвали их интерес. Тогда же, после визита министра обороны Аракапарамбила Энтони индийская сторона предложила модернизировать испытательный полигон, что дало бы возможность проверки всех видов торпед, а также испытания автономных подводных аппаратов.

Также в Кыргызстане в 2011 году был открыт Кыргызско-индийский горный биомедицинский научный центр. Особую пикантность открытию этого центра придавало присутствие на открытии, совместно с Президентом Кыргызской Республики Розой Отунбаевой, министра обороны Республики Индия Аракапарамбила Энтони, что позволяет предположить не только медицинскую, но и военную составляющую научных исследований данного центра.

Несмотря на некоторые неудачи в попытках прямого военного закрепления на территории Центральной Азии, можно уверенно говорить о том, что Индия будет стремиться к увеличению своего военного присутствия в регионе, но при этом будет действовать более осторожно, в соответствии с принципами так называемой «мягкой силы».

Дели имеет давние связи с государствами Центральной Азии. Модернизация аэродромной инфраструктуры, строительство военного госпиталя, открытие исследовательского центра позволят индийским военным установить долгосрочные отношения со своими коллегами из региона.

Необходимо отметить всё более углубляющееся сотрудничество между Республикой Индия и странами Центрально-азиатского региона в сфере противодействия терроризму и наркобизнесу. Возрастающая угроза со стороны террористических структур подталкивает государства Центральной Азии к региональному и международному сотрудничеству, отдавая предпочтения государствам, которые имеют опыт борьбы с террористической угрозой. Одним из таких государств является Республика Индия⁶⁴⁶. Особенно необходимо отметить близость и к Центрально-азиатскому региону и Индии Исламской Республики Афганистан, одного из крупнейших поставщиков терроризма и наркотиков на планете.

Во время визита президента Кыргызской Республики Аскара Акаева в Республику Индия в апреле 1999 года было отмечен общий подход к данной проблематике, а во время следующего его визита, в августе 2002 года, была создана Межправительственная объединенная рабочая группа по борьбе с международным терроризмом и другими преступлениями.

В ходе визита президента Республики Узбекистан Ислама Каримова в Республику Индия в мае 2000 года были подписаны соглашения по борьбе с террористической угрозой в регионе. И. Каримов подчеркнул, что помимо терроризма опасность представляет религиозный экстремизм, а также наркобизнес, зачастую финансово обеспечивающий террористические группировки⁶⁴⁷. Этот визит И. Каримова являлся частью дипломатических усилий стран региона, направленных на привлечение Республики Индия к созданию международной коалиции, основной целью которой была изоляция радикальных сил в Афганистане.

Посетивший Индию с официальным визитом в феврале 2002 года президент Республики Казахстан Н. Назарбаев подтвердил решимость бороться с терроризмом и высказался за «глобальную, всеобъемлющую и последователь-

⁶⁴⁶ См.: Embassy of India // URL: http://www.indianembassy.org/policy/Foreign_Policy/FP_1999/CAsia_FP_98-99.html

⁶⁴⁷ Сиротин А. Наркотики из Афганистана // Чайка. – 2002. – № 1 (17) // URL: <http://www.chayka.org/article.php?id=363>

ную» борьбу с ним до полного его уничтожения. По итогам переговоров было подписано соглашение о создании совместной рабочей группы по борьбе с международным терроризмом. Развитие данных договоренностей последовало во время визита в Республику Казахстан премьер-министра Республики Индия Атала Бихари Ваджпаи в июне 2002 года, результатом чего явилось подписание совместной декларации о борьбе с терроризмом.

Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмонов неоднократно призывал Индию использовать свое влияние и способствовать мирному урегулированию конфликта в Афганистане. Во время официального визита Э. Рахмонова в Дели в мае 2001 года и переговоров с премьер-министром Республики Индия Аталом Бихари Ваджпаи особое внимание было уделено вопросам региональной безопасности, влиянию на Центрально-азиатский регион происходящих в Исламской Республике Афганистан процессов, а также совместным мерам по борьбе с распространением наркотиков. После чего в декабре 2001 года Республика Индия и Республика Таджикистан подписали протокол об обмене информацией по вопросам борьбы с терроризмом и сепаратизмом, позднее – договор о создании рабочей группы по терроризму.

Близость Афганистана к государствам Центрально-азиатского региона и Индии также подталкивает стороны к взаимному сотрудничеству в сфере противодействия наркобизнесу. Необходимо отметить тот факт, что Исламская Республика Афганистан является крупнейшим поставщиком наркотиков на планете: на его долю приходится до 70% мирового производства опиума. При этом через государства Центрально-азиатского региона проходит транзитный коридор по доставке наркотиков в страны СНГ, Восточной и Западной Европы⁶⁴⁸.

Несмотря на то, что Индия не является крупным центром производства наркотиков, эта проблема весьма актуальна и для неё, так как, помимо традиционного потребления конопли и опиума, в стране также растет потребление

⁶⁴⁸ International Narcotics Control Strategy Report-2002 (March 2003) // URL: <http://www.state.gov/g/inl/rls/nrcrpt/2002/html/17949.htm>

героина и синтетических наркотиков. Республика Индия и государства Центрально-азиатского региона объединяют и углубляют свои усилия в направлении борьбы с терроризмом и наркоугрозой, и наряду с подписанием двусторонних соглашений о сотрудничестве в данных сферах и в борьбе с иными преступлениями ведется поиск новых форм взаимодействия.

Центрально-азиатский регион весьма интересен для Республики Индия в отношении развития торгово-экономического сотрудничества. Уже сегодня регион рассматривается как рынок сбыта индийской продукции и перспективный источник природных ресурсов, в первую очередь энергетических. Кроме этого, Республика Индия крайне заинтересована в регионе как в транзитном коридоре транспортировки индийских товаров в страны СНГ и Европу.

Стремясь к развитию торгово-экономического сотрудничества, она опирается на те сегменты экономики, где имеет устойчивые позиции. Это, прежде всего, информационные технологии и программное обеспечение, фармацевтика и медицинское оборудование, текстильная промышленность. Крупнейшим экономическим партнером Республики Индия в регионе является Узбекистан, где на данный момент существует несколько десятков совместных предприятий в области фармацевтики, сельскохозяйственной сфере, текстильной промышленности. Также необходимо отметить увеличение в последние годы торгово-экономического сотрудничества между Индией и Казахстаном.

И всё же, несмотря на постепенное увеличение торгово-экономического сотрудничества между Республикой Индия и государствами Центрально-азиатского региона, общий объем торгово-экономических связей остается весьма незначительным. Основными причинами незначительного экономического присутствия Республики Индия в регионе являются транспортные и коммуникационные сложности, связанные с её географическим и политическим положением, прежде всего, это отсутствие общей границы, а также развитой транспортной инфраструктуры⁶⁴⁹.

⁶⁴⁹ *Алибеков И.* Индия намерена расширить свое присутствие в Центральной Азии // URL: <http://russian.eurasianet.org/departments/business/articles/eav120403ru.shtml>

Приходу индийского капитала на рынки Центрально-азиатского региона должен способствовать развиваемый международный транспортный коридор «Север – Юг», инициатором создания которого была, в том числе, и Индия, который призван соединить страны Южной и Юго-Восточной Азии с Европой через территорию Ирана, Каспийского моря и России путем создания сети железнодорожного, морского, автомобильного сообщения. Также в Дели возлагают большие планы на автодорогу Заранж (Афганистан) – Чарбахар (Иран), строительство которой ведут индийские компании и к которой будут подведены подъездные пути из Индии и Узбекистана. Данная автомагистраль позволит сократить существующие маршруты грузоперевозок более чем на 1 тысячу километров.

В своем стремлении к расширению торгово-экономических связей с государствами региона у Индии прослеживается стремление создать комфортные условия для решения своих политических задач. Одним из свидетельств этого можно считать тот факт, что основным двигателем развития экономических связей является индийская сторона. Именно она является основным инициатором международных выставок, встреч представителей деловых кругов, при этом её правительство, вкладывая инвестиции в экономики стран Центральной Азии, стремится к более широкому участию частного индийского бизнеса в регионе⁶⁵⁰.

Несмотря на различный уровень двустороннего и регионального сотрудничества сторон, события и процессы, происходящие в центрально-азиатских странах, привлекают внимание индийских политиков и бизнесменов. Главной отличительной чертой политики Республики Индия в регионе является акцент на развитие двустороннего межгосударственного сотрудничества и ограниченное участие в деятельности региональных и международных структур.

⁶⁵⁰ *Миркасимов С.* Особенности внешней политики Индии в настоящее время (конец XX – начало XXI в.)...

В то же время меняющийся баланс сил и интересов в Центральной Азии требует активизации центрально-азиатского направления во внешнеполитической стратегии Индии по всем существующим форматам и направлениям сотрудничества, хотя она и не является ведущим «игроком» в Центрально-азиатском регионе. Тем не менее, Республика Индия стремится формировать условия, которые позволят занять ей более значимую позицию в Центральной Азии.

Глава 3

СПЕЦИФИКА И ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

3.1. Характер взаимодействия геополитических центров силы: тенденции соперничества

В предыдущей главе данного исследования с достаточной полнотой рассмотрены вопросы воздействия основных внешних акторов на внешние и внутренние политические процессы государств Центральной Азии. Содержащийся в ней материал свидетельствует о том, что в условиях геополитической размытости региона, отсутствия региональной идентичности и неуспеха внутререгиональных интеграционных проектов, внешнее вмешательство играет особо важную роль. С одной стороны, расширению его масштабов способствует многовекторная внешняя политика центрально-азиатских стран, которые в крайней степени заинтересованы в привлечении в регион внешних акторов. Их интерес связан с использованием материальных, финансовых, политических и прочих ресурсов последних для решения насущных задач собственного развития. С другой стороны, внешние глобальные акторы, в силу своих геостратегических и геополитических интересов, усиливают присутствие в странах Центральной Азии. В итоге, подобное вмешательство имеет своим следствием соперничество различных геополитических центров силы в регионе.

При этом, внешние воздействия оказывают негативное воздействие на ситуацию, перенося в регион противоречия мировой политики. Внешние воздействия характеризуются также стремлением закрепить позиции в отдельных государствах Центральной Азии и в целом в регионе через навязывание собственных проектов, собственных моделей развития, что порождает конкуренцию и борьбу между ними. В результате, «борьба проектов идёт в нескольких уровнях и в разных социальных пространствах (политическом, экономиче-

ском, социокультурном, идеологическом и т. д.), что делает очень неустойчивой ситуацию на центрально-азиатской площадке и является источником нестабильности и конфликтов»⁶⁵¹.

Всё это приводит к тому, что зачастую неопределённостью и нестабильностью, характерными для государств Центральной Азии, отличается и политика внешних акторов в регионе. В этом свете верным, на наш взгляд, является вывод о том, что «внутренне противоречивая (неопределённая) международно-региональная структура вызывает серьёзную нестабильность в Центральной Азии и поэтому негативно сказывается на политиках всех вовлечённых в регион ключевых глобальных игроков»⁶⁵².

Центральная Азия – регион нарастающей геополитической важности. Являясь буферной зоной или, в терминологии англосаксонской школы геополитики, пограничной зоной Суши и Моря Римленд, Центральная Азия представляет собой территорию, контроль над которой обеспечит плацдарм для закрепления в Евразии любому внешнему актору, в первую очередь США, КНР и РФ, которые занимают лидирующие позиции в схеме регионального расклада сил.

Однако отношения в рамках этого геополитического треугольника сложны и многоплановы, особенно в отношении Центральной Азии, ввиду того, что регион непосредственно граничит с КНР и РФ, и какие-либо агрессивные действия любого из внешних акторов приведут к активизации остальных. Поэтому и санкции США в отношении Узбекистана после Андижанских событий не носили такого жесткого характера, как, например, в случае с Ираном. Кроме того, регион богат углеводородным сырьем, что вкупе с транзитным географическим положением определяет особые геостратегические тактики внешних игроков, сосредоточенные вокруг интеграционных инициатив и проектов строительства трансконтинентальных магистралей.

⁶⁵¹ *Богатырёв В.* Развитие политической ситуации в Центральной Азии: проекты и сценарии...

⁶⁵² *Казанцев А. А.* Взаимосвязь глобальных и региональных политических процессов (на примере Центральной Азии)...

На этом фоне в отношениях между непосредственными соседями стран региона – России и Китая априори заложен конфликтогенный потенциал, но он носит латентный характер по двум причинам⁶⁵³:

- различные тактики вовлечения стран Центральной Азии в зону своих интересов, которые предполагают различные приоритетные сферы воздействия;
- наличие общего противника в лице США.

Метафорично европейские эксперты называют Россию «солдатом поневоле», а Китай – «молчаливым торговцем»⁶⁵⁴. В контексте противостояния Соединенным Штатам в данных метафорах прослеживается аналогичное для США и ЕС разделение зон влияния. Находясь по разные стороны баррикад, США и Россия являются сторонниками «жесткой силы», ЕС и КНР – апологеты инструментов «мягкой силы».

С момента распада СССР Китай стал наращивать двусторонне экономическое сотрудничество со странами региона и уже к 2006 году превратился в третьего торгового партнера центрально-азиатских стран после России и ЕС⁶⁵⁵. При этом экономическая плоскость была той нишей, которую еще не освоили в тот период ни США, ни РФ. Последняя проводила прозападный внешнеполитический курс и фактически прекратила все экономические отношения со странами региона⁶⁵⁶. Предлагаемые США проекты либерализации экономик центрально-азиатских стран привели лишь к затяжному кризису при реструктурировании или полном разрушении большей части промышленных предприятий советского периода и жесткой зависимости от внешней помощи в свете отсутствия равнозначного российскому вектору торгового потенциала.

⁶⁵³ Польский эксперт: В Центральной Азии РФ и Китай нашли общий язык (4 июля 2013) // URL: <http://gorchakovfund.ru/open-diplomacy/polskiy-ekspert-v-tsentralnoy-azii-rf-i-kitay-nashli-obshchiy-yazyk/>

⁶⁵⁴ *Peyrouse S., Boonstra J., Laruelle M. Security and Development Approaches to Central Asia. The EU Compared to China and Russia...*

⁶⁵⁵ Реакция замещения. Китай становится новым «большим братом» для государств Центральной Азии (9 дек. 2012) // URL: http://3mv.ru/publ/reakcija_zameshenija_kitaj_stanovitsja_novym_bolshim_bratom_dlja_gosudarstv_centralnoj_azii/3-1-0-13310

⁶⁵⁶ *Парамонов В., Строчков А. Россия и Китай: центровые Центральной Азии...*

Кроме того, в начале 1990-х годов резко обострились внутрирегиональные отношения между республиками, что на фоне экономических систем, являвшихся структурными элементами советской экономики, в основе которой лежал принцип перераспределения ресурсов, товаров и дотаций, привело к необходимости поиска внешнеторгового партнера – поставщика готовой продукции.

В свою очередь, Китай через установление торговых связей со странами региона решает несколько задач, которые условно можно разбить на три категории: в сфере экономики, в сфере безопасности, в сфере геополитических интересов. В сфере экономики КНР обеспечивает рынок сбыта своим товарам и расширяет географию импортных потоков энергоресурсов, что жизненно важно для динамично развивающейся экономики Китая, которая по оценкам экспертов к 2025 году будет на 65% зависеть от импорта энергоносителей⁶⁵⁷. Эти задачи, по сути, соответствуют основным усилиям КНР, направленным на расширение доступа к сухопутным центрально-азиатским энергомаршрутам, которые освободят Поднебесную от зависимости от морских поставок⁶⁵⁸. В сфере безопасности приоритетной задачей является недопущение внешней поддержки сепаратистского движения в СУАР. Геополитические же устремления КНР нацелены на противостояние США и обеспечение себе надежного плацдарма на западных границах.

США, действуя в русле своей геополитической стратегии «петли анаконды», дестабилизируют внутривосточную ситуацию в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки, поставки нефти из которых составляют 56% и 27% соответственно в структуре импорта углеводородов Китая и сужают сырьевую базу экономики Поднебесной. Кроме того, официальный Вашингтон объявил о новой инициативе Транстихоокеанского партнерства, предполагающей создание зоны свободной торговли в АТР. Следовательно, под угрозой ставятся и поставки нефти в Китай из этого региона (Индонезии). В итоге,

⁶⁵⁷ Реакция замещения. Китай становится новым «большим братом» для государств Центральной Азии...

⁶⁵⁸ *Мальшева Д. Б.* Геополитические маневры на Каспии // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2006. – № 5.

представляется, что Пекин будет только форсировать динамику развития экономических отношений со странами Центральной Азии.

Такое развитие событий может привести как к усилению сотрудничества между Россией и КНР, так и эскалации их соперничества в регионе. Внешне в 2012–2013 годах в свете охлаждения российско-американских отношений Пекин и Москва демонстрируют наращивание потенциала сотрудничества (первый свой визит в качестве председателя КНР Си Цзиньпин совершил в Москву, недавно прошли совместные российско-китайские военные учения на Дальнем Востоке), что вызывает внешне негативную реакцию США⁶⁵⁹.

Однако вполне вероятно, что США намеренно создают условия для усиления влияния Китая в Центральной Азии, поскольку это не может не задевать интересы России. А при столкновении двух гигантов победителем может стать арбитр и сценарист этого столкновения – США. Так, в рамках ШОС отчетливо заметны определенные расхождения между Пекином и Москвой. Последняя настаивает на усилении военного потенциала организации (инициатива создания на базе РАТС центра по противодействию угрозам безопасности стран-участниц ШОС) и пытается сдерживать интенсификацию экономического сотрудничества в рамках ШОС (инициативы КНР создания зоны свободной торговли, специального счета и банка ШОС), в котором КНР будет главным инвестором и торговым партнером центрально-азиатских стран, что усилит ее авторитет как на уровне организации, так и в рамках двусторонних отношений, которым Пекин уделяет особое внимание. Значительные финансовые ресурсы позволяют Китаю выстраивать торгово-инвестиционные связи со странами региона на двусторонней основе без жестких гарантий и обязательств, что выгодно отличает его как от США, так и от России. Кроме того, КНР, являющаяся одним из основных торговых партнеров ЕС, активно участвует в проектах программы Центрально-Азиатского регионального экономического сотрудничества (CAREC), нацеленных на создание сухопутных торговых путей между

⁶⁵⁹ Страны Центральной Азии в центре системных противоречий ШОС (7 мая 2013)
// URL: <http://maxala.org/politika/14166-strany-centralnoy-azii-v-centre-sistemnyh-protivorechij-shos.html>

Юго-Восточной Азией и Европой в обход РФ. Оно позволяет Пекину решить комплекс задач, связанный с Центральной Азией: обеспечение экономического роста и соответственно стабильности западных провинций (СУАР), формирование рынка сбыта своим товарам на пространстве от Центральной Азии до ЕС, получение доступа к природным ресурсам региона Центральной Азии.

В свою очередь, Россия стремится, прежде всего, усилить свое военное присутствие в Центральной Азии через механизмы ОДКБ (военные базы в Таджикистане и Кыргызстане, перевооружение армий обеих республик). С одной стороны, это позволяет сдерживать США в регионе, с другой – гарантирует возможность создать противовес экономическому влиянию КНР. Иницилируемые же Москвой евразийские проекты (ЕврАзЭС, Таможенный союз, ЕЭП) в настоящее время находятся на начальном этапе развития, тогда как двусторонние отношения стран Центральной Азии с КНР имеют двадцатилетнюю историю, что отражается и на экономических показателях. Так, товарооборот между участниками Таможенного союза – Казахстаном и Россией в 2012 году вырос только на 6,8%, а между Казахстаном и Китаем – на 25%⁶⁶⁰.

Вместе с тем РФ, реагируя на американский проект «Нового Шелкового пути» и европейско-китайский CAREC, закладывает основу схемам евразийского сухопутного транзита. В частности, после Бишкекского саммита глав правительств ШОС в декабре 2012 года, на котором Кыргызстан лоббировал идею финансирования странами-участницами ШОС железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан, на неофициальном саммите глав государств-участниц ОДКБ была озвучена инициатива строительства железнодорожной магистрали Россия – Казахстан – Кыргызстан – Таджикистан. При этом тип организаций, в рамках которых эти инициативы озвучивались, отражает тактики вовлечения стран Центральной Азии в зоны интересов России и Китая, «солдата поневоле» и «молчаливого торговца».

⁶⁶⁰ Барский К. ШОС накануне саммита в Бишкеке: задачи момента (18 июля 2013) // URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=11687>

Россия не может полностью остановить экономическое проникновение КНР в регион, поэтому, вероятнее всего, будет лоббировать предложение формирования банка и фонда ШОС на основе капитала Евразийского банка развития, что, с одной стороны, отчасти удовлетворит экономические притязания в Центральной Азии Китая, с другой стороны, позволит Москве держать «руку на пульсе». В то же время Россия должна учитывать заявления представителей Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана, с которыми они выступили на заседании глав правительств стран-участниц ШОС. Они заявили о том, что для их стран вопросы финансово-экономической помощи и строительства транспортных магистралей играют первостепенную роль, и если эти вопросы не будут решены на уровне ШОС или евразийских структур, то они будут заниматься ими в двустороннем формате (или с КНР, или с США). Принимая во внимание ограниченность финансового потенциала РФ, ШОС в этом отношении выглядит наилучшим выходом.

Такой расклад карт, предлагаемый Россией, может вполне устроить и КНР. С одной стороны, Пекин сохраняет с РФ единую позицию по ряду важнейших геополитических проблем, что не позволяет Западу ее игнорировать. С другой стороны, задача обеспечения военной безопасности региона остается в ведении России, что создает условия для дальнейшего наращивания экономического присутствия в Центральной Азии и избежать обвинений в планомерной экспансии на фоне сотрудничества с Россией. Вместе с тем у Китая появляется возможность сосредоточиться на Азиатско-Тихоокеанском регионе, где нарастают противоречия с Японией – главным союзником США в регионе.

В свою очередь, центрально-азиатские страны, во-первых, получают гарантии поддержки в случае отказа сотрудничать с США, во-вторых, массивную финансово-экономическую помощь. В этом отношении особую позицию занимает только Узбекистан, участие которого в организации детерминировано, прежде всего, экономическими перспективами сотрудничества с КНР, о чем свидетельствуют его отказ от участия в военных учениях ШОС в

2012 году и отсутствие его экспертов в обсуждении предстоящих в сентябре 2013 года учений «Стихия – 2013» в Кыргызстане.

Таким образом, в настоящее время отношения КНР и России на геополитическом пространстве Центральной Азии носят двойственный характер. С одной стороны, оба государства нацелены на сотрудничество, используя различные сферы для распространения своего влияния, ввиду присутствия в регионе третьего игрока – США, которые проявляют явно гегемонистские устремления. С другой стороны, экономическое усиление Китая в Центральной Азии не может не затрагивать региональных интересов России. Доминирование в военной сфере на фоне социально-экономического кризиса, переживаемого странами региона, не может стать единственной основой долгосрочного присутствия РФ в регионе.

Вместе с тем, для России достаточно трудно конкурировать с Китаем в сфере экономики. Тактика КНР по экономической привязке региона на основе двустороннего сотрудничества выглядит более привлекательной, нежели предлагаемые Россией экономические интеграционные проекты, сопряженные с обязательствами и гарантиями стран-участниц в свете отсутствия у Москвы такого финансового резерва, как у КНР. Кроме того, необходимо учитывать и «потерянное десятилетие» 1990-х годов, когда Россия фактически прервала все торгово-экономические связи с центрально-азиатскими странами, и отсутствие опыта владения механизмами «мягкой силы», о необходимости использования которых было указано лишь в 2013 году в Концепции внешней политики РФ.

Между тем, представляется, что эта игра интересов могла бы продолжаться еще длительный период российско-китайских отношений и привести к достижению взаимовыгодного, нацеленного на долгосрочную перспективу компромисса. Однако такое развитие событий противоречит интересам в регионе США. Учитывая сложность геостратегического положения Центральной Азии (близость КНР и России), которую часто сравнивают с Балканским полуостровом – «пороховой бочкой» Европы, США не могут использовать пря-

мые силовые меры, как в случае с Югославией. Механизмы «мягкой силы» (демократизация политических систем и либерализация экономик) практически в полной мере доказали свою эффективность только в КР. В этой ситуации наилучшей тактикой представляется столкновение двух потенциальных соперников. США намеренно подталкивает КНР к усилению своих позиций в Центральной Азии, которая является зоной традиционных интересов РФ, дестабилизируя обстановку в странах Ближнего Востока и в Северной Африки, которые обеспечивают более 80% импорта углеводородов Китая, и поддерживая через МВФ и Всемирный банк проекты программы CAREC. Последнее, с одной стороны, позволяет содействовать экономическому развитию своего трансатлантического союзника – ЕС, с другой – на фоне инициирования программы Транстихоокеанского партнерства развернуть Китай в сторону Центральной Азии и стать камнем преткновения на пути импорта Китаем энергоносителей из России.

Ввиду этого, в целом, перспективы развития китайско-российских отношений в регионе Центральной Азии в русле сотрудничества зависят от того пространства для маневра, которое еще сохраняется между ними, и которое позволяет им находить компромиссные решения и точки пересечения интересов, не препятствующие достижению ими своих геостратегических целей.

3.2. Перспективы трансформационных процессов Центральной Азии и роль внешних воздействий на их развитие

Говоря о развитии региональных процессов в Центральной Азии, следует отметить, что их устойчивость во многом зависит от специфики трансформационных процессов.

В настоящее время проблема приобретения политической системой новых черт, изменения политических стандартов и ценностей, которая в совокупности представляет собой политическую трансформацию, является весьма

актуальной на фоне внешних воздействий на Центрально-азиатский регион. Более того, трансформация может также предполагать и радикальные структурные изменения, направленные на достижения качественно нового состояния государств региона, которые могут происходить и в виде перекраивания политической карты, и в виде острых конфликтов между странами.

Важно также отметить, что трансформация не предполагает обязательного наличия вектора изменений – она может быть прогрессивной, регрессивной, а может иметь и сложный (нелинейный) характер⁶⁶¹. На первый план выдвигаются именно преобразования форм и содержания политической жизни, ее институциональной сферы, норм, ценностей, моделей политического поведения.

Прежде чем перейти к анализу трансформационных процессов в государствах Центральной Азии, необходимо дать хотя бы краткое описание теоретических и политических аспектов этого явления в западной политической науке. Основным смыслом трансформации, с её точки зрения, связан с процессами изменений, переживаемых переходными обществами на пути от авторитаризма к демократии и рыночной экономике. Следует отметить, что, начиная с 60–70-х годов прошлого века, проблема перехода от авторитаризма к демократии освещалась в рамках транзитологических теорий. Они были разработаны на базе переходных процессов в странах Латинской Америки и получили дальнейшее развитие в связи с событиями в странах Центральной и Восточной Европы.

В западной политической науке глобальный процесс крушения антидемократических режимов, с лёгкой руки С. Хантингтона, получил название «третьей волны демократизации», кульминацией которого стало крушение коммунистических режимов в СССР и странах Центральной и Восточной Европы.

⁶⁶¹ Новейший политологический словарь / Авт.-сост.: Д. Е. Погорелый, В. Ю. Фесенко, К. В. Филлипов... – С. 241.

При этом для западной политологии характерен сравнительно широкий спектр оценок посткоммунистических переходных процессов. Так, американский политолог С. Терри выделяет пять отличий от проблем в странах, которые уже осуществили переход к демократии. Они выглядят следующим образом:

- 1) в посткоммунистических странах пытаются одновременно создать рыночную экономику и плюралистическую демократию;
- 2) вместо создания новых отраслей народного хозяйства посткоммунистические государства вынуждены одновременно идти по пути полного демонтажа уже существующих секторов промышленности и радикальной перестройке и модификации многих производств;
- 3) высокая этническая неоднородность посткоммунистических стран порождает национализм, несовместимый с демократией;
- 4) слабость гражданского общества;
- 5) менее благоприятные для посткоммунистических стран международные условия⁶⁶².

Л. Шин называет четыре этапа перехода от посткоммунистического режима:

- 1) разрушение тоталитарной системы;
- 2) переход к демократической системе;
- 3) утверждение демократической системы;
- 4) окончательное совершенствование демократических институтов⁶⁶³.

Вместе с тем, транзитология на её современном этапе исходит из того, что посткоммунистические трансформации носят сложный характер и не гарантируют успеха в их прохождении. Более того, в оценках перехода к демократии посткоммунистических государств начинают преобладать взгляды на установление в ряде них авторитарных политических режимов. Так, например, политолог Ч. Гати называет новые независимые государства Кавказа и Цен-

⁶⁶² «Третья волна демократизации» и теории демократического транзита // URL: <http://all-politologija.ru/knigi/politologija-uchebnik-dlya-vuzov-achkasova-gutorova/>

⁶⁶³ Там же.

тральной Азии «проигравшими», считает, что в них на смену тоталитарному строю пришли авторитарные режимы и что у них в обозримой перспективе нет шансов на формирование демократической системы и переход к рыночной экономике⁶⁶⁴.

З. Бжезинский видит в процессе демократизации и перехода к рыночной экономике три фазы. Первая фаза связана с проведением ряда преобразований сразу же после падения коммунистического режима. В рамках второй фазы осуществляются институциональные преобразования по обеспечению функционирования демократической системы. Начало третьей фазы приходится на период утверждения в обществе демократической культуры и стабильного роста экономики⁶⁶⁵.

В целом, следует отметить, что представители западной политической науки достаточно глубоко проанализировали проблемы трансформационных процессов государств, народы которых свергли тоталитарные режимы. В основу осуществлённого ими анализа легли процессы перемен в ряде стран Латинской Америки, Центральной и Восточной Европе. Однако, по мнению российских политологов, транзитологические теории, разработанные в 60–70-е годы прошлого века, применительно к новым независимым государствам, образовавшимся после распада СССР, себя не оправдали. Они не смогли дать рационального объяснения политическим и экономическим процессам, происходившим на их территории⁶⁶⁶.

Более того, приходится констатировать, что учёные-политологи и по настоящее время не смогли разработать законченную концепцию постсоветской трансформации. В этом смысле вполне можно согласиться с мнением С. Сафаевой, пришедшей к выводу о том, что «политическая трансформация ННГ однозначно шла в направлении от советской тоталитарной политической системы к демократической системе. Однако по прошествии

⁶⁶⁴ «Третья волна демократизации» и теории демократического транзита...

⁶⁶⁵ Там же.

⁶⁶⁶ *Рябов А.* Промежуточные итоги и некоторые особенности постсоветских трансформаций // URL: <http://www.polit.ua/lectures/2010/08/12/ryabov.html>

16 лет становится всё более очевидным, что это, скорее, линейное, упрощенное представление о сущности трансформации, которая на самом деле является гораздо более сложным, многомерным процессом со множеством постоянных и переменных величин, определяющих и направляющих этот процесс»⁶⁶⁷.

В условиях отсутствия единой концепции постсоветской трансформации на пространстве бывшего СССР исследователями предпринимаются попытки выделения её отдельных, определяющих черт, не присущих, в частности, странам Центральной и Восточной Европы. К числу принципиальных характеристик они относят деинституционализацию политической и экономической жизни, отсутствие сильных институтов⁶⁶⁸. В своей диссертационной работе С. Сафаева пишет: «Но вернёмся к другому важному отличию постсоветского пространства от стран ЦВЕ – к проблеме слабости институтов. Постсоветское пространство в политическом смысле в значительной мере деинституционализировано. Когда я употребляю этот термин, то имею в виду не отсутствие институтов как таковых, а слабость, подвижность, неустойчивость этих институтов. Практически в любой постсоветской стране можно найти огромное количество примеров неустойчивости политических институтов»⁶⁶⁹. В результате этого, по мнению автора, в постсоветских странах доминируют персоналистские режимы.

Другим понятием, характерным для всех без исключения постсоветских стран, является понятие «трансфер-классов», т. е. классов, в рамках которых произошло срастание власти и собственности и концентрации их в руках не большого количества привилегированных групп⁶⁷⁰.

⁶⁶⁷ Сафаева С. С. Региональные процессы стран Центральной Азии в контексте политической трансформации постсоветского пространства: Автореф. дис. ... канд. полит. наук // URL: <http://www.rudocs.exdat.com/docs/index-177012.html>

⁶⁶⁸ Рябов А. Промежуточные итоги и некоторые особенности постсоветских трансформаций...

⁶⁶⁹ Там же.

⁶⁷⁰ Там же.

Важной особенностью постсоветской трансформации следует также считать персонификацию, клиентелизацию властных отношений, во многом укладывающуюся в понятие патримониализма, описание которого дано в главе первой данного исследования⁶⁷¹. В её рамках правящие группы осуществляют политику монополизации власти и собственности, прикрываясь демократическими процедурами для её закрепления.

Приведённые выше данные в полной мере относятся и к государствам Центральной Азии. Как уже отмечалось в параграфе третьем первой главы исследования, до сих пор не найден ответ на вопрос, как должно выглядеть современное, демократическое центрально-азиатское государство. В нём принята попытка объяснения данного феномена, в связи с чем нет необходимости дублировать его в данном разделе исследования.

Вместе с тем представляется необходимым дополнить его содержание некоторыми материалами, позволяющими с большей глубиной понять суть и содержание трансформационных процессов в Центральной Азии. Так, отдельные исследователи видят специфику трансформации в странах региона в совпадении трёх взаимообусловленных процессов: движение в западную модель капитализма, создание государства и его системы управления, а также процесс национальной консолидации⁶⁷². При этом западные концепции трансформационных процессов не учитывают многие стороны центрально-азиатской действительности. К их числу, в первую очередь, исследователи относят традиционно-патерналистскую, частично донациональную форму общественного сознания, которая является господствующей в регионе. Во многом под её влиянием в Центральной Азии усилились процессы ретрадиционализации общества.

Специфической чертой трансформационных процессов в регионе является авторитаризм и слабость правящих элит. Практика показала их неспособность, присущую патерналистским режимам, осуществления глубоких инсти-

⁶⁷¹ Рябов А. Промежуточные итоги и некоторые особенности постсоветских трансформаций...

⁶⁷² Трансформация в Центральной Азии: столкновение противоположных концепций? (2007) // URL: http://www.postsoviet.ru/print.php?pid=88_10/31/

туциональных перемен, следствием которых стало бы динамичное развитие общества и государства. Наконец, нельзя не отметить центрально-азиатскую специфику, порождаемую фактором ислама⁶⁷³.

Центральная Азия характеризуется тенденцией к одновременному формированию множества различных геополитических проектов с неопределенными сферами влияния и применения. Каждый из таких проектов поддерживается ключевыми глобальными акторами. Поэтому в регионе в полной мере проявляются перспективы начала трансформационных процессов. Центральная Азия на протяжении всей истории подвергалась влиянию всех великих цивилизаций Евразии – исламской, китайской, восточно- и западноевропейской. В современное время регион превратился в объект столкновения разных «геополитических проектов», предлагаемых ключевыми акторами мировой политики. Подобное положение геополитической неопределенности сложилось вследствие проводимой государствами Центральной Азии «многовекторной» внешней политики с членством в большом количестве международных региональных организаций, некоторые из которых противоречат, а другие дублируют друг друга.

Провал внутри региональных интеграционных процессов привел к тому, что началу трансформационных процессов стали способствовать геополитические силы извне, которые одновременно борются за идентичность региона и за присоединение его к интеграционным проектам той или иной части Евразии (Евразийский союз, исламский мир, Европа). В этом плане региону на выбор представлены несколько вариантов развития:

- дефрагментация региона;
- собственный центрально-азиатский путь развития;
- западная модель развития;
- исламизация и «хаотизация» региона;
- евразийская интеграция;

⁶⁷³ Трансформация в Центральной Азии: столкновение противоположных концепций? ...

– «китаизация» региона.

Исследователи констатируют, что «на центрально-азиатской геополитической площадке сталкиваются несколько проектов внешних сил. Основными из них являются: российский неоимпериалистический проект, американский проект геополитического контроля азиатского мегарегиона, исламский проект расширения пространства противостояния, китайский ресурсно-торговый проект, европейская центрально-азиатская стратегия»⁶⁷⁴.

Вариантом трансформационных процессов гипотетически может выступать поиск и реализация собственного центрально-азиатского пути развития. Однако в главе первой данного исследования был обоснован вывод о, по сути дела, нерешённости проблемы выбора устойчивой модели развития государств Центральной Азии. В них продолжают процессы трансформации, однако их результат до сих пор продолжает оставаться непредсказуемым.

Не отличаются устойчивостью и региональные трансформационные процессы. Причины этого кроются в фактическом отсутствии региональной идентичности, слабой институционализации региона, высоком уровне его конфликтогенности и геополитической неопределённости. В совокупности эти обстоятельства имеют следствием нарастание уровня транзакционных издержек взаимодействия. В целом, можно прогнозировать нестабильность и противоречивость региональных процессов, отсутствие устойчивости в их развитии.

Процессам неустойчивости способствует также наличие ряда нерешённых проблем приграничного и водно-энергетического характера. Нерешённые пограничные разногласия, которые с распадом СССР превратились в притчу во языцах для стран Центральной Азии как в вопросах двусторонних политико-экономических отношений, так и в фокусе выстраивания современной системы безопасности.

⁶⁷⁴ Богатырёв В. Развитие политической ситуации в Центральной Азии: проекты и сценарии...

Во многом именно споры по поводу делимитации становились камнем преткновения и на пути разрешения этнических противоречий в регионе. При этом предпосылки сложившейся ситуации оформились задолго до распада Советского Союза, который стал своеобразной точкой бифуркации в развитии Центральной Азии. Во-первых, оформление советских республик в 20-е годы XX века происходило в условиях отсутствия как четких государственных границ в рамках распавшихся Кокандского и Бухарского ханств, так и оформленных надэтнических политических общностей. Во-вторых, провозглашенное советским руководством конституционное право наций на самоопределение с самого начала существования СССР являлось *de-facto* декларативным ввиду того, что административно-территориальное деление было проведено таким образом, чтобы это право стало невозможно реализовать: многочисленные анклавов, отсутствие четких внутренних границ, единая транспортно-энергетическая система, являющаяся частью единого центрально-азиатского экономического комплекса. В итоге, проведенное размежевание Туркестанского края лишь законсервировало существовавший тип социально-политических отношений, основанный на ценностях патриархальной политической культуры, сдерживая при этом целый спектр негативных последствий в рамках жестко организованной вертикали власти.

Вместе с тем представляется, что существующие в настоящее время пограничные очаги напряженности не смогут перерасти в масштабные вооруженные столкновения между республиками, находясь в вялотекущем режиме с небольшой амплитудой колебаний, вызванных единичными пограничными инцидентами. Данное предположение основано на том, что, несмотря на все разногласия между центрально-азиатскими странами, для всех общими являются угрозы, исходящие от террористических и религиозно-экстремистских группировок, для которых военное столкновение станет благоприятной почвой для распространения своего влияния.

С другой стороны, приграничные разногласия превратились в удобный механизм взаимного давления в экономической сфере и демонстрации лидер-

ских амбиций. В последнем случае показателен пример Узбекистана, который рассматривает все международные договоры не как инструмент компромисса, предполагающего для всех участников равные права и обязательства, а как механизм приобщения соседних республик к процессу реализации своих национальных интересов. Этим детерминируется резкая реакция Ташкента на аннулирование Бишкеком Кокандского соглашения по принципам взаимодействия пограничных служб на фоне предшествующих фактов неисполнения этого договора узбекской стороной. В этом отношении представляется, что радикальные трансформационные процессы в Центральной Азии по инициативе самих центрально-азиатских республик маловероятны, а региональные процессы сохраняют высокий уровень нестабильности и неопределённости.

Между тем, в настоящее время регион превратился в площадку противостояния геополитических тяжеловесов – КНР, РФ и США, каждый из которых стремится реализовать свои интеграционные проекты и вовлечь страны региона в орбиту своих интересов. При этом данные проекты (американский «Новый Шелковый путь», китайский экономический коридор «Великий Шелковый путь», евразийские проекты России) также предполагают развитие трансформационных процессов, скроенных по собственным лекалам.

Важной особенностью трансформационных процессов в Центральной Азии следует считать высокий уровень заинтересованности её элиты в вовлечении в политические процессы своих стран внешних акторов. О причинах подобной заинтересованности говорилось в главе первой исследования. Однако нельзя оставить без внимания и другую сторону в процессах взаимоотношений между центрально-азиатскими странами и внешними акторами. Последние в своей политике в странах региона исходили из политики, ставящей целью направить Центральную Азию по капиталистическому пути развития, создать политическую систему по модели западной демократии.

Представители западных политологических школ, рассматривая «дилемму одновременности трансформации», считают, что на постсоветском пространстве синхронизированы три этапа исторического процесса – возникнове-

ние национального государства через капитализм к демократии⁶⁷⁵. При этом один из авторов этой теории, К. Осрфе выдвигает важное условие достижения успеха в решении этих задач. Он пишет: «Единственное условие, при котором рыночная экономика и демократия, навязанные обществу извне, могут быть одновременно трансплантированы и успешными, то, что они будут гарантированы длительным сроком международной зависимости⁶⁷⁶. Немецкий политолог Эрнст Отто Чемпиль считает: «Ненасильственное вмешательство для демократизации всех систем правления должно стать ядром внешней политики в мире обществ»⁶⁷⁷. По сути дела, подобные тезисы способствовали открытому вмешательству во внутренние дела молодых независимых государств, что являлось прямым нарушением одного их основополагающих принципов Хельсинкского Акта ОБСЕ. Теоретические постулаты подобного рода служили практическим обоснованием фактического конструирования региона Центральной Азии внешними акторами, выдвигавшими собственные модели её будущего развития.

Особой активностью в деле вмешательства вне региональных сил во внутри- и внешнеполитические процессы государств Центральной Азии отличались страны Запада в лице США и членов Европейского союза. В основу целей и интересов, к достижению которых они стремились в странах региона, были положены ценности либерализма, в первую очередь утверждение демократии и рыночной экономики.

Естественные права человека: на жизнь, свободу, собственность, создание государства на основе консенсуса (договора) – которые ставились теоретиками Просвещения выше нормативно-правовых актов государства. Они фактически заменили собой Божественное право, описанное в трудах А. Блаженного, Ф. Аквинского. Они, взамен божественного благословления монарха, стали той юридической и идеологической основой, на которой стало фор-

⁶⁷⁵ Трансформация в Центральной Азии: столкновение противоположных концепций? ...

⁶⁷⁶ Там же.

⁶⁷⁷ Там же.

мироваться национальное государство в Европе, не зависимое от диктата католической церкви. При этом, сыграв свою роль в деле легитимации политических режимов стран Европы и США, в настоящее время естественные права, или в современной трактовке – права человека, используются в качестве морального оправдания вмешательства во внутреннюю политику *de-jure* суверенных государств. В этом отношении легко прослеживается параллель с крестовыми походами католической церкви XI–XIII веков против «неверных» с современными «гуманитарными интервенциями» стран Запада.

Феномен «гуманитарных интервенций», призванных насильно сделать людей счастливыми, путем приобщения их к «общечеловеческим», т. е. либеральным (естественным) правам и ценностям, в корне меняет подход к национальному суверенитету. В 2000 году Международная комиссия по интервенциям и государственному суверенитету предложила определять суверенитет *не как право, а как ответственность*. Это было сделано в противовес определения суверенитета в качестве высшей власти, окончательной инстанции, имеющей право принимать основные решения по вопросам внутренней и внешней политики. Причём они не могли быть отменены никакой другой властью, существующей за пределами его территории.

Государство несет ответственность в деле защиты своего населения, а международное сообщество ответственно за оказание помощи государству в отправлении им своей главной функции. Если оно не способно обеспечить защиту своих граждан от насилия и несправедливости, международное сообщество имеет моральное право вмешиваться в его внутривнутриполитическую жизнь различными методами, включая военные операции, возможные в крайних случаях и входящие в компетенцию Совета безопасности ООН⁶⁷⁸. Принцип суверенного равенства государств, закрепленный в Уставе ООН, представляет собой фундамент статуса независимого государства как внутри страны, так и на международной арене. Однако, несмотря на то, что суверенитет стал неотъем-

⁶⁷⁸ The Responsibility to Protect. Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty (5 марта 2013) // URL: <http://responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf>

лемой частью политической и международно-правовой реальности, он вызывает множество дискуссий в академических кругах ввиду своей категориальной неопределенности.

Введение понятия «суверенитет» в научный оборот связывают с окончанием Тридцатилетней войны в Европе и заключением Вестфальского мира в 1648 году, положившего начало новой модели системы международных отношений. Главными параметрами этой модели явились светский суверенитет и равновесие сил между национальными государствами, а впоследствии к ним добавились невмешательство извне во внутривнутриполитическую деятельность государства и признание права на независимую внешнюю политику.

И по мере того как идея суверенитета государства распространялась по Европе, выдающиеся политические философы XVI–XVIII веков, задававшие основной мыслительный вектор эпохе Просвещения (Ж. Боден, Т. Гоббс, Ж. Ж. Руссо, Дж. Локк), пытались обосновать видение должного политического суверенного порядка и указать на непосредственный источник суверенитета – народ. При этом различные проекты были сфокусированы на общем круге понятий: концепции естественного права, договорной концепции происхождения политического сообщества в противовес теологическим теориям эпохи Средневековья.

Данные нормативно-правовые сдвиги призваны создать единую юридическую и морально-идеологическую базу набирающим силу процессам глобализации, которые подвергают эрозии роль национального государства в качестве центрального актора международных отношений, обладающего независимостью в осуществлении своего внутривнутриполитического курса. Будучи первоначально обоснованными в качестве фундамента оформления нового типа светского государства, права человека превращаются в главный инструмент его разрушения.

В этом отношении необходимо отметить два момента: во-первых, именно развитые страны Запада становятся цитаделью выработки и распространения этих прав, во-вторых, распространение их сопряжено с функционировани-

ем устойчивой системы «двойных стандартов». Именно страны Запада являются финансовыми и экономическими гигантами, действующими исходя из своих национальных интересов. Они лавируют между либеральными и нелиберальными режимами (недружественный авторитарный Иран и самый верный союзник на Ближнем Востоке – Саудовская Аравия), все морально-гуманитарные призывы к военным действиям являются мантрой, скрывающей их действительные цели: новые рынки, ресурсы и геополитические плацдармы.

Таким образом, через распространение прав человека в мировом масштабе отдельные страны реализуют свои национальные интересы. Так, «гуманитарные интервенции» в Косово, Афганистан, Ирак, Ливию фактически превратили их в сателлитов стран Запада. Их вооруженные силы, силы правопорядка деморализованы: тот политический режим, на страже которого они стояли, являясь его опорой и гарантом обеспечения безопасности государства в целом, объявляется антигуманным, нарушающим права человека. В стратегические отрасли экономики, в первую очередь нефтегазовую, проникают иностранные компании. В целом, эти страны с разрушенной экономикой попадают в финансовую зависимость от носителей либеральных ценностей, вынужденные проводить реформы своих политических систем в соответствии с предписаниями своих кредиторов.

Между тем сущность «гуманитарных интервенций» противоречива не только с точки зрения синтеза элементов реализма (с акцентом на силе и проблемах безопасности) и идеализма (сфокусированного на вопросах справедливости и моральных основаниях современного мира). Они демонстрируют превосходство одних народов над другими, стоящими ниже по уровню развития, якобы не способными самостоятельно усвоить, что является для них благом, а что нет, какая форма политической организации им необходима⁶⁷⁹. Это противоречит принципу, заложенному практически во всех международных декла-

⁶⁷⁹ Соловьев Э. Г. Либерал-интервенционализм в контексте нового миропорядка // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 11. – С. 116.

рациях о равенстве всех народов в мире и возможности самостоятельно определять пути своего развития. Развенчание мифа о действительных императивах «гуманитарных войн» стало причиной того, что в настоящее время они подспудно с призывами к защите прав человека проводятся под флагом нераспространения оружия массового поражения, борьбы с терроризмом (операции в Афганистане, Ираке, Сирии).

При этом «гуманитарные интервенции» – крайняя мера. Часто реализуются сценарии «цветных революций», базирующихся на описанном еще классиками либерализма праве народов на свержение своего правительства в случае нарушения им естественных прав человека. С одной стороны, революция хотя и является крайним случаем трансформации политической системы, она выступает следствием внутренних дисбалансов и дисфункций этой системы. Но с другой стороны, агентами «цветных революций» выступают, в первую очередь, финансируемые из-за рубежа НПО, СМИ, что превращает их в насаждаемый извне кодекс поведения, запланированную извне перестройку политической системы. При этом последствия также выражаются в кабальной зависимости от стран Запада.

Наиболее ярко истинные цели «гуманитарной помощи» в деле отстаивания народами своих естественных прав проявляются в их борьбе за самоопределение. Так, независимость Косово, в юридическом отношении, признали практически все страны Европы и США, в то же время аналогичные прецеденты Абхазии и Южной Абхазии были объявлены ими нарушением международного права на невмешательство во внутренние дела государства (своего союзника Грузии), на сохранение его территориальной целостности. При этом в системе международного права отсутствуют механизмы разрешения таких юридических коллизий. Резолюции же ООН не воспринимаются в качестве императивов к действию, за исключением тех случаев, когда они соответствуют интересам определенных акторов.

На внутривнутриполитическом уровне такая амбивалентность и абсолютизированность прав человека приводит к невозможности провести красную линию

между незаконными действиями граждан и реализацией ими своих естественных прав. В этом отношении показателен опыт Кыргызстана, где органы правопорядка превратились в сторонних наблюдателей митинговой активности граждан, оперирующих заученными шаблонными фразами и требованиями (митинги в Джалал-Абадской и Иссык-Кульской областях в мае-июне 2013 года).

Вместе с тем центрально-азиатский кейс показателен и в практике двойных стандартов во внешней политике стран Запада. События 2005 года в Андижане стали центральным моментом в обвинении руководства Узбекистана в авторитарном стиле правления и пренебрежении правами человека. Однако уже с 2007 года они перешли в плоскость декларативных заявлений международных организаций на фоне нарастающего сотрудничества Ташкента со странами НАТО в военной сфере на фоне активизации России в центрально-азиатском направлении. Жесткая же реакция властей Казахстана на массовые беспорядки в Жанаозене и Шепте, в условиях усиливающегося внимания стран Запада к его нефтегазовым ресурсам, не стала причиной обличительной гуманистической риторики в их внешней политике.

Таким образом, в настоящее время распространение прав человека, являясь трендом мирового политического развития, составляет основу механизмов «мягкой силы» и легитимации «жесткой силы» в реализации странами Запада своих национальных интересов. В этом ракурсе представляется, что монополия на защиту прав человека должна быть прерогативой отдельно взятого государства, равно как и содержательное наполнение этого понятия, ввиду того, что национальные интересы государств разные в силу особенностей политической культуры, географических условий, уровня экономического развития.

Однако в условиях интенсификации процессов глобализации, обуславливающих размывание сущности национального суверенитета и возведение прав человека в ранг наднациональных, общечеловеческих, фактически религиозных ценностей, мерила эффективности и справедливости политических

режимов, маловероятно, что такой подход станет базовым в сложившейся системе международных отношений. В этом отношении показательно высказывание одного из самых влиятельных аналитиков в области международных отношений, эксперта по национальной безопасности США Р. Кагана: «Вера в либеральные ценности, которые не могут быть ограничены государственной властью, дает право нравственным людям играть по тем же правилам, что и людям аморальным»⁶⁸⁰.

Западная модель развития предполагает реализацию планов США по трансформации региона Центральной Азии в «Новый Шелковый путь» с включением Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана, Афганистана, Пакистана, Монголии и западной части Китая. В этом отношении органичными выглядят сопровождающиеся демократической риторикой интеграционные проекты США с включением Афганистана. Однако учитывая опыт цивилизационной миссии США в мире («арабская весна»), представляется, что демократия является лишь мантрой игры на трайбалистских противоречиях, что вписывается в стратегию управляемого хаоса.

В этом отношении интеграция по-американски может означать усиление фрагментации пяти центрально-азиатских республик по родоплеменным характеристикам, что может привести к радикальным трансформациям юридически закрепленных государственных границ. Более того, западная модель развития далеко не отвечает культурно-цивилизационным характеристикам региона, в силу чего имеет довольно невысокие шансы на реализацию в практической плоскости.

Модель евразийской интеграции с определенной долей уверенности можно обозначить как уже частично реализовавшийся проект, поэтому остается только ожидать перехода региона на следующий этап развития. В настоящее время форсируется вопрос о вступлении Кыргызстана и Таджикистана в структуру, однако есть ряд нерешенных проблем, которые тормозят евразийскую интеграцию. Риски для Кыргызстана во многом связаны с потерей заня-

⁶⁸⁰ *Kagan R. Power Play* (8 февр. 2010) // URL: <http://public.wsj.com>

той ниши страны, занимающейся реэкспортом товаров из Китая, а в этой отрасли заняты сотни тысяч человек. С одной стороны, швейная и легкая промышленность получает огромный рынок сбыта, с другой – под угрозу ставится налаженный механизм ввоза расходных материалов из Китая для производства.

Однако в перспективе появится возможность возрождения собственного производства и сбыта продукции на широкий рынок Таможенного союза, при вступлении в зону Единого экономического пространства наши мигранты получат преференции. То есть стратегически мы получим много преимуществ, но тактически нужно будет решать одновременно несколько насущных проблем. При этом очень важно проводить разъяснительную работу среди широких слоев населения о ТС, учитывая, что основная масса не знает, какие преимущества получит Кыргызстан в этой структуре.

Другим аргументом в пользу ТС является сохранение единого цивилизационного пространства, общей истории и культуры. Русский язык и культура для большинства кыргызстанцев, на наш взгляд, намного ближе, чем китайский или английский языки и культуры. Более того, совместными усилиями решать проблемы безопасности и экономического развития намного целесообразней и эффективней, чем в одиночку.

Плюсы Таможенного союза во многом обусловлены необходимостью выбора дальнейшего вектора развития страны, при котором Россия, несомненно, берет ответственность за будущее региона.

На самом деле, старт интеграционных процессов и их результаты будут зависеть не только от борьбы политической элиты Кыргызстана, но и от восприятия и их эффективности как для населения Кыргызстана, так и для населения Российской Федерации. При этом стоит отметить, что в Государственной думе муссируются темы о необходимости введения визового режима со странами СНГ и даже введения моратория на денежные переводы в страны Центральной Азии из России.

По сути, интеграцию нельзя навязать сверху вниз при отсутствии предпосылок на местном уровне. Интеграция сможет стать эффективной только при наличии реальных четких выгод для обеих сторон. Поэтому реализация этой модели значительно будет зависеть от того, насколько эффективно будут решаться тактические трудности в рамках ТС с включением Кыргызстана и Таджикистана в эту структуру.

Модель «китаизации» региона связана во многом с функционированием ШОС и внешней политикой КНР. Позиция Пекина по вопросу радикальных трансформационных процессов (в виде передела границ и интервенций) в целом совпадает с позицией Москвы. Для КНР в аспекте территориальной целостности основную проблему представляет уйгурский сепаратизм. В этом отношении показательны составные элементы «шанхайского духа» ШОС: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности государств-членов, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство, признание многовариантности путей развития, мирное сосуществование⁶⁸¹.

Однако общая цель и схожие приоритеты не предполагают одинаковых тактик и форм контроля приграничных районов. Москва отдает приоритет военному влиянию в регионе, Пекин – экономическому, что отчетливо проявляется в рамках ШОС: российские инициативы развития военной составляющей и китайские – в области наращивания экономического сотрудничества через зоны свободной торговли, банк и фонд развития ШОС.

При этом для китайской геополитики присущ бинарный подход к границам. С одной стороны, это четкая граница китайского государства. С другой – это приграничные районы, различающиеся в зависимости от типа и степени китайского господства и выступающие промежуточной зоной между собственно китайской территорией и неподконтрольным пространством⁶⁸². Данный подход обуславливает четкое определение границ со странами Центральной

⁶⁸¹ См.: *Верещагин А. А.* Геополитическая конкуренция США, КНР и РФ в Кыргызской Республике... – С. 118–119.

⁶⁸² См.: *Грачиков Е.* Границы Китая: некоторые вопросы понимания (3 июня 2012) // URL: <http://china-geopolitics.ru/vvedenie-v-rubriku-granitsyi-kitaya/>

Азии в рамках «шанхайского процесса» второй половины 1990-х годов и постепенное экономическое проникновение Китая в регион. В свою очередь, экономическая константа, в первую очередь в транспортно-энергетическом секторе, внешнеполитической стратегии детерминирует заинтересованность КНР в сохранении статус-кво в пограничном вопросе, учитывая, что события «арабской весны» поставили под вопрос поставки углеводородов из стран Ближнего Востока.

Состоявшийся саммит ШОС в сентябре 2013 года также стал не столько местом решения региональных вопросов, сколько механизмом закрепления успешных двусторонних договоренностей по предоставлению кредитов и вложению многомиллиардных китайских инвестиций в транспортно-энергетический сектор стран Центральной Азии, заключенных в преддверии заседания глав организации в Бишкеке. Традиционно китайская сторона уделила внимание развитию экономического сотрудничества между странами-участницами ШОС: поднимался вопрос создания банка развития на основе китайского капитала, а также подписания договора о строительстве сети транспортных магистралей для связи Европы и КНР через Центрально-азиатский регион. И несмотря на то, что все страны ЦА поддержали и альтернативное, нацеленное на достижение паритетного сотрудничества предложение РФ создать фонд развития ШОС для проведения ТЭО взаимовыгодных проектов и в дальнейшем обеспечивать их финансирование из средств межбанковского объединения ШОС, КНР достигла поставленных целей. Пекин, во-первых, получил подтверждение того, что страны региона в перманентной попытке выйти из социально-экономического кризиса будут поддерживать любые транспортные и энергетические проекты (американские, евразийские, китайские) при условии, что на их реализацию будут выделяться кредиты и гранты. Во-вторых, обеспечил коллективную поддержку своим инициативам, что дает возможность осуществить их как на уровне организации, так и в двустороннем порядке.

При этом наибольшая степень противостояния наблюдается между США и РФ, на характер взаимоотношений которых оказывают влияние атавизмы «холодной войны». Именно по линии этого противостояния наметился первый водораздел в Центральной Азии в связи с пророссийским внешнеполитическим вектором Таджикистана и Кыргызстана и проамериканским – Узбекистана. Сферы влияния Пекина пока четко не обозначены, что обусловлено его внешнеполитической стратегией. Она, как известно, основана на принципах Ден Сяопина: «хладнокровно наблюдать, сдержанно реагировать, твердо проводить курс, скрывать возможности и выигрывать время, никогда не пытаться лидировать, всегда быть способным добиваться некоторых результатов»⁶⁸³.

Китай присутствует в экономиках всех стран региона, но при этом он не нацелен на жесткое противостояние ни с Россией, ни с США. Наиболее четко это проявляется в участии Китая как в европейском проекте CAREC, так и в ШОС. В первом случае Китай поддерживает строительство железнодорожных путей в ЕС в обход России через Центральную Азию, но при этом выдвигает инициативы осуществления расчетов с центрально-азиатскими республиками (Узбекистан и Казахстан) в юанях. С другой стороны, будучи локомотивом ШОС, КНР проявляет солидарность с Россией по ряду вопросов мировой политики (военное присутствие США в регионе после 2001 года, ситуация в Сирии), но в то же время пытается развернуть сотрудничество в рамках ШОС в экономическую плоскость, где занимает лидирующие позиции.

В целом, необходимо отметить, что, воспринимая регион в качестве геополитической границы, контроль над которой обеспечит преимущество в противостоянии с геополитическими конкурентами, КНР и Россия, с одной стороны, и США – с другой, тем не менее, исходя из своего геополитического положения, рассматривают в разных ракурсах. Для сухопутных держав России и Китая Центральная Азия – это линия обороны своего государственного суве-

⁶⁸³ См.: *Верещагин А. А.* Геополитическая конкуренция США, КНР и РФ в Кыргызской Республике... – С. 119.

ренитета, для морского гиганта США – наступательный фронт своей «цивилизационной» миссии распространения демократии и «борьбы с терроризмом».

Модель исламизации и «хаотизации» региона основывается на предположениях ряда экспертов, указывающих на возможность реализации инспирированного Западом государственного образования на территории центрально-азиатских республик. Имеется в виду так называемый Великий Бадахшан, предполагающий объединение в его рамках таджикского и афганского Бадахшана⁶⁸⁴. Для реализации данного сценария в регионе существуют все необходимые предпосылки: социально-экономические проблемы, межклановые противоречия, нестабильные политические системы (отсутствие механизма конституционной передачи власти в Таджикистане), наличие ячеек экстремистских группировок (ИДУ, СИД, Хизб ут-Тахрир и др.), деятельность которых фактически не отслеживается и не пресекается правоохранными органами. Кроме того, в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана активно действуют организации и реализуются различные социально-экономические программы, финансируемые прозападным Фондом Ага-Хана. Благотворительная деятельность вкупе с религиозным воспитанием (практически на всей территории республики функционирует более 60 мечетей исмаилитов и Центр исмаилитов), а также прослеживаемыми связями ряда крупных в стране предпринимателей с Ага-Ханом IV создают благоприятные условия оформления сепаратистских настроений и их стимулирования в нужный момент.

Однако представляется, что в среднесрочной перспективе реализация данного сценария маловероятна по ряду причин:

- во-первых, Вашингтон намерен сохранить ряд военных баз в Афганистане, что соответствует американской стратегии «лепестки лилии» («Lily-Pad Strategy»), разработанной в конце 1990-х – начале 2000-х годов с целью созда-

⁶⁸⁴ См.: *Шустов А.* В ЦА возникнут новые государства?: О проекте таджикско-афганского Великого Бадахшана (19 сент. 2013) // URL: <http://www.russianskz.info/politics/4904-v-ca-vozniknut-novye-gosudarstva-o-proekte-tadzhiksko-afganskogo-velikogo-badahshana.html>

ния глобальной сети американских военных форпостов, сил быстрого реагирования. Суть стратегии заключается в сокращении численности вооруженных сил на крупных военных базах и одновременным расширением сети более мелких военных объектов по всему миру, численность военного контингента и запасы вооружений которых могут быть при необходимости быстро увеличены⁶⁸⁵;

- во-вторых, прошедшие президентские выборы в Таджикистане продемонстрировали заинтересованность США в сохранении властного статуса-кво в республике: подписание резолюции Межправительственного совета «CASA-1000», актуализирующей строительство Рогунской ГЭС – стратегического для Таджикистана объекта инфраструктуры; достаточно спокойная реакция на исход голосования, которая не ставит его под сомнение (Госдеп США ограничился лишь замечаниями относительно необходимости реформирования выборного законодательства в соответствии с рекомендациями БДИПЧ ОБСЕ);

- в-третьих, в регионе ярко не обозначены тенденции к сепаратизму под лозунгами национального самоопределения (как на Ближнем Востоке, в первую очередь в ситуации с курдами);

- в-четвертых, существующие границы позволяют поддерживать напряженность в отношениях между государствами и, следовательно, сохранять контроль над ними;

- в-пятых, регион граничит с непосредственными геополитическими конкурентами США – РФ и КНР.

В текущей ситуации вероятность сценария рассматривается не более чем на уровне 5%. Но, в отличие от предыдущих сценариев, вероятность «Исламского Халифата» будет возрастать в средне- и долгосрочной перспективе от 5 до 30%, считают эксперты⁶⁸⁶.

⁶⁸⁵ См.: *Vine D.* U.S. Empire of Bases Grows (15 июля 2012) // URL: <http://www.tomdispatch.com/blog/175568>

⁶⁸⁶ *Старостин А.* Будущее Центральной Азии глазами экспертов (03.09.2012) // URL: <http://www.islamsng.com/sng/report/5299>

Рассмотрим гипотетическую возможность начала трансформационных процессов в виде дефрагментации региона, начало которым могут дать гуманитарные интервенции, а также двойственность международного права. Подобный сценарий дает основание для вывода о его опасности, поскольку он несет угрозу стабильного развития государств региона.

Однако дефрагментация региона, по нашему мнению, в виде военных конфликтов и передела государственных границ в среднесрочной перспективе маловероятна по причине отсутствия мотивации у самих центрально-азиатских республик, с одной стороны, сталкивающихся с необходимостью противостоять угрозам религиозного экстремизма и терроризма, с другой – трансформировавших пограничные споры в инструмент оказания взаимного давления.

Таким образом, можно сделать **вывод** о том, что роль внешних воздействий на трансформационные процессы в регионе достаточно велика, учитывая, что ведущие игроки сфокусированы на «геополитическом размежевании» региона в соответствии с выработанными веками стратегиями: США – управляемый хаос на фоне ретрадиционализации и архаизации местных сообществ путем гибридизации их политических систем и использовании афганского фактора; Россия – апеллирование к общим историческим корням на фоне наращивания своего военного присутствия; КНР – латентное, «мягкое» экономическое влияние. Нынешняя трансформация Центральной Азии разворачивается таким образом, что регион углубляется одновременно и в четыре различных геополитических проекта: Евразийский союз, китайский путь, западная модель и исламская.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное исследование, выполненное на актуальную тему, позволяет сделать определённые выводы, вытекающие из его содержания.

1. Прежде всего, следует отметить его основную методологическую направленность, связанную с анализом процессов взаимодействия между группой основных внешних акторов с государствами Центральной Азии в постсоветский период времени.

С учётом широких рамок понятия «политического процесса» во главу угла была поставлена его внешнеполитическая сторона. То есть в процессе взаимодействия сторон приоритет отдан понятию «внешнеполитический процесс». При этом авторы исследования основывались на том, что внешнеполитический процесс «теснейшим образом связан с господствующим экономическим укладом, общественным и государственным строем общества и выражает их на мировой арене. Одновременно внешнеполитический процесс обладает рядом особенностей, обусловленных существованием в мире множества государств с несовпадающими интересами и программами в различных областях»⁶⁸⁷. Подобный подход позволил авторам исследования в рамках внешнеполитического процесса в той или иной мере раскрыть широкий спектр взаимодействия стран Запада, России, Китая, Японии и других стран с государствами Центральной Азии. При этом были учтены специфические черты и особенности политических процессов стран Центральной Азии.

2. Одним из основных методологических принципов, применённых в процессе работы над данным исследованием, явился принцип опоры на понятие «взаимодействие», широко использованное в его основных главах. В политической науке это понятие дифференцируется исходя из его функционального назначения. В данном исследовании дифференциация этого понятия дала возможность отразить сравнительно широкий спектр политических, экономиче-

⁶⁸⁷ Понятие и виды политических процессов // URL: <http://www.allpolitologia.ru/ponyatie-i-vidy-politicheskix-processov>

ских, идеологических, военных и прочих отношений между внешними акторами и государствами Центральной Азии. Функциональное разделение понятия «взаимодействие», используемое в исследовании, выглядит следующим образом: в политической науке «совместное рассмотрение воздействия и противодействия есть взаимодействие»⁶⁸⁸. Взаимодействие между его элементами позволило в данном исследовании определить специфику ряда процессов, в т. ч. возникновение и развитие механизма воздействия внешних акторов на политические процессы центрально-азиатских стран, используемый ими потенциал воздействия, формы и особенности противодействия со стороны последних.

3. Одним из методологических принципов стало использование в исследовании понятий «субъект» и «объект». «Субъект и объект в политологии рефлексивные понятия, обозначающие взаимодействие в политике и показывающее вектор её направленности. Субъект в политике – источник целенаправленной, предметной, политической деятельности на объект. Объект в политике – та часть политической реальности, системы, на которую направлена деятельность субъекта в политике»⁶⁸⁹. Воздействие в данном случае рассматривалось как воздействие субъекта на объект, причём роль субъекта воздействия отводилась внешним акторам, в первую очередь России, США и Китаю. Роль объекта воздействия отводилась государствам Центральной Азии. При этом воздействие субъектов на объекты рассматривалось в исследовании в курсе реализации внешними акторами собственных интересов в странах региона через участие в политических процессах, происходящих в последних.

Таким образом, речь в данном исследовании идёт о субъектно-объектных отношениях внешних акторов и государств Центральной Азии, в которых роль субъектной стороны выполняют внешние акторы (США, Россия, Китай и другие государства), а роль объектной стороны – государства Центральной Азии. Противодействие в рамках взаимодействия, как часть полити-

⁶⁸⁸ Кондратов А. И. Внешнеполитическая деятельность государства в международном политическом процессе...

⁶⁸⁹ Субъект и объект в политике // URL: <http://www.dic.academic.rudic.nsf/politology/223/%D0%A1%D1%83%D0%B1%>

ческого процесса, оценивалось в данной работе в качестве фактора политики центрально-азиатских стран, основным содержанием которого явилась защита их собственных национальных интересов. Это обстоятельство было вызвано к жизни тем, что зачастую действия внешних акторов в регионе носили корыстный характер и шли вразрез с интересами государств Центральной Азии.

Вместе с тем, в данном исследовании широкое применение получил термин «взаимосодействие», в рамках которого получили освещение процессы совпадения целей и интересов сторон в деле реализации как внешнеполитических, так и внутривнутриполитических задач, решаемых совместными усилиями внешних акторов и стран региона. К их числу, в частности, можно отнести совместную борьбу за сохранение стабильности в регионе, противодействие религиозному экстремизму и терроризму, наркотрафику. Структура основных глав исследования строилась на основе этих категорий в целом и по отношению каждой из стран – внешних акторов.

4. Анализ теоретико-методологических аспектов понятия «политические процессы» позволил прийти к определённым выводам. Так, применительно к государствам Центральной Азии они, в целом, показали общеметодологическую значимость в рамках данного понятия. Это касается, прежде всего, определения политического процесса, методологических подходов к его изучению, структуры и стадий, содержания и типологии.

Вместе с тем, в процессе изучения субъектно-объектного поля взаимодействия, на основе политических процессов в центрально-азиатских государствах, выявлены их специфические черты и особенности в Центральной Азии. Все они получили рассмотрение в отдельном параграфе главы первой данного исследования, в связи с чем, очевидно, не имеет смысла повторять их в его заключении. Следует лишь отметить, что они, в силу своей специфики, самым серьёзным образом сказались на политике всех без исключения внешних акторов, проводимой ими в государствах Центральной Азии. В постсоветский период в регионе вступили во взаимодействие и продолжают взаимодействие различные типы политических процессов: западный и незападный, стабиль-

ные и нестабильные, открытые и теневые, стационарные и переходные, открытые и закрытые, горизонтально и вертикально организованные.

В исследовании при оценке роли и места внешних акторов в центрально-азиатских политических процессах учтены и некоторые факторы в развитии постсоветской Центральной Азии, оказывающие непосредственное влияние на их позицию. В частности, трансформационные процессы почти во всех государствах региона имели следствием усиление явлений демодернизации и ретрадиционализации, укрепление авторитарных патримониальных режимов. В результате, как уже нами отмечалось, «сложившаяся в Центральной Азии комплексная структура ведёт к целому ряду негативных политических процессов: высокой нестабильности, непредсказуемости ситуации, росту конфликтности политик, отсутствию эффективного взаимодействия между акторами, неэффективности интеграционных проектов и сложностям в реализации интересов вовлечённых в регион ключевых глобальных акторов»⁶⁹⁰. Вся совокупность различий наложила отпечаток на стороны, взаимодействующие на политическом поле, и усугубила ситуацию геополитической нестабильности и неопределённости в Центральной Азии в политике как внешних акторов, так и самих центрально-азиатских стран.

В исследовании с достаточной полнотой, на конкретном материале изучены вопросы, связанные с местом внешних акторов в политических процессах государств Центральной Азии.

5. Одним из наиболее крупных и значимых внешних акторов на центрально-азиатском политическом поле являются Соединённые Штаты Америки. В исследовании с достаточной глубиной изучена политика этой страны, эволюция её интересов в постсоветской Центральной Азии. Авторы исследования пришли к выводу о том, что геополитическая неопределённость, высокий уровень нестабильности региона, наряду со специфическими чертами политических процессов, наложили свой отпечаток на политику США и про-

⁶⁹⁰ *Казанцев А. А.* Взаимосвязь глобальных и региональных политических процессов (на примере Центральной Азии)...

движение их интересов в Центральной Азии. Исследуя эволюцию интересов этой страны в Центральной Азии, авторы исследования исходят из того, что в условиях специфических центрально-азиатских политических процессов США было трудно рационализировать свою политику. Она носила переменчивый, зигзагообразный характер, и в итоге США так и не смогли выработать какую-либо устойчивую, рациональную политику в Центральной Азии.

В то же время США привнесли в регион ряд противоречий и проблем мировой политики, оказывающих негативное воздействие на центрально-азиатские политические процессы. При анализе этого вопроса не следует также упускать из виду и проблему активного участия США в процессе внешнего конструирования региона. Для достижения собственных целей и интересов американские политики стремились навязать народам Центральной Азии собственную неолиберальную модель развития, предусматривающую формирование западных институтов демократии и рыночной экономики.

6. В исследовании рассмотрена проблема места и роли европейских стран в центрально-азиатских политических процессах. Его авторы пришли к выводу о том, что интересы Европейского союза в Центральной Азии во многом совпадали с интересами США в этом регионе, и зачастую ЕС следовал политике в русле центрально-азиатской политики США, что вносило в неё противоречивость и непоследовательность. Фактически, после 11 сентября 2001 года он стал действовать в рамках стратегических планов США в Центральной Азии. В соответствии с европейскими стандартами страны ЕС стремились продвигать центрально-азиатские государства по пути либеральных ценностей в политике и рыночных отношений в экономике. Однако при этом, относя достижение этих целей к числу своих важных интересов, в Европейском союзе не учитывали специфику развития государств региона, особенно происхождения в них политических процессов. В целом, усилия ЕС по продвижению в регион либеральной демократии и европейских стандартов оказались неудачными. Политика навязывания либеральных ценностей имела следствием низкую эффективность политики европейских стран в Централь-

ной Азии. Таким образом, политика ЕС в Центральной Азии с 1991 года и по настоящее время отличалась во многом чертами неопределённости и слабой самостоятельности по отношению к другим внешним акторам.

7. Значительное место в исследовании отведено анализу политики Российской Федерации в Центральной Азии. Прежде всего, в нём обращено внимание на особое положение РФ в регионе, связанное с позитивными элементами нахождения в прошлом народов региона в составе Российской империи и Советского Союза. В работе также обосновано положение об особой стратегической важности Центральной Азии в плане обеспечения безопасности РФ, в ней выделены основные этапы развития российской политики в постсоветской Центральной Азии.

В исследовании отмечен также процесс радикальной смены политики России в регионе после отказа российской элиты от прозападного курса и оценки Центральной Азии в качестве балласта для последней. Приведены данные разнообразного характера, показывающие процесс нарастающего взаимодействия Российской Федерации со странами региона в области политики, экономики, сферы безопасности. Рассмотрены вопросы участия центрально-азиатских стран в российских интеграционных проектах, в первую очередь в Таможенном союзе.

Вместе с тем, начиная с 1991 года и по настоящее время Россия не смогла выработать долгосрочную стратегию для Центральной Азии в целом и для отдельных стран региона в частности, что имело следствием определённую неустойчивость её позиций в регионе. В целом, российская сторона пока что не смогла предложить Центральной Азии какого-либо специфического варианта развития на долгосрочную перспективу. С другой стороны, в центрально-азиатские страны вселяет оптимизм успешное развитие евразийской экономической интеграции, играющей для них роль весомого аргумента в пользу дальнейшего укрепления многосторонних отношений с Российской Федерацией.

8. Китай является одним из основных внешних акторов, имеющим тысячелетние традиции взаимодействия с центрально-азиатскими народами. Как

известно, в прошлом Центральная Азия подвергалась процессу активной синоизации региона и испытывала многовековое военно-политическое давление. Следует отметить, что в историческом сознании его жителей и по настоящее время присутствуют элементы страха и настороженности от демографического, военного, экономического и политического давления Китая.

В исследовании представлены материалы, показывающие процесс воздействия Китая на политические процессы в центрально-азиатских странах в постсоветский период.

Особое место в стратегии КНР в регионе играет процесс её превращения в сверхдержаву, соперничающую с США и другими развитыми странами практически во всех регионах мира, что способствовало восприятию Центральной Азии с позиции мировой державы. Что касается стран региона, то они видят в Китае фактор выхода на рынки динамично развивающихся стран АТР, некоторые из них привлекает модель её экономического и политического развития. В исследовании обращается внимание на определённую осторожность действий КНР в регионе, его отношение к США и России. В частности, Пекин признаёт официальное лидерство России в регионе и в то же время активно противодействует росту активности в Центральной Азии США. Вместе с тем на фактическом материале показан процесс нарастания экономического проникновения Китая в центрально-азиатские страны.

9. Наряду с анализом экономического и политического воздействия на страны Центральной Азии таких геополитических гигантов, как США, Россия и Китай, в исследовании изучены вопросы эволюции интересов в регионе и других внешних акторов. В частности, среди них: Япония, Турция, Иран, Индия, некоторые арабские страны. Сквозь призму политического и экономического сотрудничества определён анализ места этих стран в геополитическом раскладе сил в Центральной Азии, их влияние на политические процессы, развивающиеся в странах региона. Сделан вывод о том, что эта группа внешних акторов в рамках постсоветского периода не смогла существенно влиять на развитие политических систем центрально-азиатских стран и зачастую выпол-

няла роль «второго эшелона» в процессе экономического, политического и военного взаимодействия на них. Ограниченность воздействия на политические системы и характер экономики государств Центральной Азии особенно наглядно проявилась в деятельности Турции и арабских стран. Турецкая модель развития фактически была отвергнута в странах региона, а воздействие арабских стран ограничилось лишь религиозной сферой.

10. В заключительной главе исследования внимание обращено на характер отношений между внешними акторами в Центральной Азии. Важным фактором, влияющим на развитие региона в настоящее время и на перспективу, авторы считают многообразные проявления отношений между геополитическими центрами силы, представленными, главным образом, США, Россией и Китаем. Авторы исследования пришли к выводу о значительном воздействии на политику этих стран в регионе специфических центрально-азиатских политических процессов. В частности, многовекторная внешняя политика центрально-азиатских стран во многом строится на привлечении материальных, финансовых и политических ресурсов внешних акторов, без которых невозможно решение насущных задач собственного развития.

Одновременно внешние глобальные акторы усиливают присутствие в странах Центральной Азии в силу своих геостратегических и геополитических интересов. В результате несовпадения этих интересов подобное присутствие порождает соперничество различных геополитических центров силы в регионе. Внешние воздействия переносят в регион противоречия мировой политики и тем самым способствуют росту в нём нестабильности и неопределённости. Усилению конкурентной борьбы между ними способствует также и стремление закрепить позиции в отдельных государствах Центральной Азии и в целом в регионе через навязывание собственных проектов, собственных моделей развития.

11. Перспективы трансформационных процессов Центральной Азии и роль внешних воздействий на их развитие также стали объектом изучения в рамках данного исследования. В принципе, они оказывают существенное влияние на характер и содержание и, самое главное, устойчивость региональ-

ных процессов. Специфика процессов трансформации центрально-азиатских стран требует отдельного, углублённого изучения. В данном же исследовании сделаны лишь некоторые выводы, позволяющие проследить связь этих процессов со специфическими чертами региональных политических процессов.

Прежде всего, следует отметить, что до настоящего времени отсутствует единая концепция постсоветской трансформации на пространстве бывшего СССР. Данное обстоятельство значительно затрудняет оценку трансформационных процессов в условиях значительной специфичности развития государств Центральной Азии.

В связи с этим, как уже отмечалось в основных главах исследования, до сих пор не найден ответ на вопрос, как должно выглядеть современное, демократическое центрально-азиатское государство. В исследовании обоснован вывод о нерешённости проблемы выбора устойчивой модели развития государств Центральной Азии. В них продолжают процессы трансформации, однако их результат до сих пор продолжает оставаться непредсказуемым. Региональные трансформационные процессы продолжают носить крайне неустойчивый характер. Неустойчивость и нестабильность в них порождают такие явления, как фактическое отсутствие региональной идентичности, слабая институционализация региона, высокий уровень его конфликтогенности и геополитическая неопределённость. В совокупности эти обстоятельства имеют следствием нарастание уровня транзакционных издержек взаимодействия, нестабильность и противоречивость региональных процессов.

Значительное влияние на состояние и развитие трансформационных процессов в Центральной Азии оказывает вмешательство внешних акторов, стремящихся не только укрепить свои позиции в регионе, но и направить русло трансформационных процессов по собственным моделям. В исследовании рассмотрены основные альтернативы их развития в рамках различных моделей и сделаны выводы об их перспективах и возможностях воздействия на ход трансформационных процессов в странах Центрально-азиатского региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Акматалиева А.* От идеи Большой Центральной Азии до стратегии «Новый Шелковый путь» (11 июня 2012) // URL: <http://analiz.kg/analytics/125-ot-idei-bolshoj-czentralnoj-azii-do-strategii-lnovyj-shelkovyj-put>
2. *Акыев А.* Туркменистан и Иран обсудили перспективы роста товарооборота и поставок газа // URL: <http://www.news-asia.ru/view/6040/3906>
3. *Алаева Р.* Этнокультурные и лингвистические процессы в жизни уйгуров Прииссыкуля // Иттипак. – 2012. – № 6 (2).
4. *Алексеева Т. А.* Современные политические теории. – М.: РОССПЭН, 2000 // URL: <http://politics.ellib.org.ua/pages-3719.html>
5. *Алибеков И.* Индия намерена расширить свое присутствие в Центральной Азии // URL: <http://russian.eurasianet.org/departments/business/articles/eav120403ru.shtml>
6. *Алок Шекар.* Премьер Турции Реджеп Эрдоган посетит с официальным визитом Узбекистан // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1071678420>
7. Анализ обратного процесса экономической интеграции в регионе Центральной Азии (4 июня 2013) // URL: <http://www.geopolica.ru/article/analiz-obratnogo-prozessaekonomicheskoy-integracii>
8. *Арин О.* Россия на обочине мира (15 авг. 2012) // URL: http://olegarin.com/olegarin/Rossia_na_obocine_mira.html
9. *Асанбеков М. К.* Геополитические факторы евразийского интеграционного ориентира Кыргызстана // URL: <http://easttime.ru/analytics/kyrgyzstan/geopoliticheskie-factory-evraziiskogo-integratsionnogo-orientira-kyrgyzstana>
10. *Аслан К.* Трудовая миграция в Центральной Азии на примере Узбекистана и Кыргызстана // URL: http://auca.kg/uploads/Migration_Database/kursad_rus.pdf
11. *Асланова Индира:* «Думаю, что религиозные лидеры будут только за такое сотрудничество» // URL: <http://islam-ca.com/2011-06-12-20-54-23/836--q-q>

12. Астанинская декларация ОИС «Мир, сотрудничество и развитие», принятая 38-й сессией Совета министров иностранных дел ОИС // URL: <http://www.worldislamlaw.ru/archives/768>
13. Ашхабад имеет территориальные притязания к Узбекистану и Азербайджану (15 дек. 2011) // URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1480094.html?forprint>
14. *Ашырова Н.* Система внешнеполитических приоритетов Китая // URL: <http://www.twirpx.com/file/1014924/>
15. *Аюшиева Е. Б.* Геополитические интересы России и Китая в Центрально-азиатском регионе // URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/126127.html>
16. *Бабаян Д.* Пантюркизм и геополитика Китая // URL: http://noravank.am/upload/pdf/4.Davit%20Babayan_21_Vek_01_2012.pdf
17. *Бабурова Н.* «Идти во вне» с именем Конфуция // URL: <http://www.ruvek.ru/?module=articles&action=view&id=7902®ion=13>
18. *Багбан Э.* Таджикистан – Иран – Афганистан: Персоязычный союз в действии // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1333472460>
19. *Балмасов С.* Афганистан претендует на земли соседей. Об этом открыто заявляют уже и официальные лица (21 окт. 2011) // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA>
20. *Баранов Н. А.* Политические отношения и политический процесс в современной России (2003) // URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/baranov_polit/00.aspx
21. *Баранов Н. А.* Политические отношения и политический процесс в современной России: Курс лекций. В 3 ч. – СПб.: Изд-во БГТУ, 2004 // URL: http://virmk.narod.ru/U-DISCIPLINA/pol-process/U-posobieBARANOV_PROCESS//01.htm
22. *Барский К.* ШОС накануне саммита в Бишкеке: задачи момента (18 июля 2013) // URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=11687>

23. *Бегалиева Н.* Россия и США помогут создать логистический центр в аэропорту «Манас» (18 янв. 2013) // URL: http://www.vb.kg/doc/211749_rossiia_i_ssha_pomogyt_soizat_logisticheskiy_centr_v_aeroportu_manas.html
24. *Белов А. А., Елисеев С. М.* Политические процессы и институты в современной России: Учебно-методическое пособие. – СПб., 2006.
25. *Белослудцев О. А., Корнеев В. В.* Россия – Центральная Азия: отношения в военной области: история и современность. – М.: Военное изд-во, 2007.
26. *Бердяев Н.* Судьба России: Опыты психологии войны и национальности. – М.: Мысль, 1990.
27. *Бессуднов А.* Сколько гастарбайтеров в России // URL: http://slon.ru/russia/skolko_gastarbayterov_v_rossii-870263.xhtml
28. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. – М., 1999.
29. *Бобохонов Р.* Ислам и власть в постсоветской Центральной Азии // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1373785620>
30. *Богатуров А. Д., Дундич А. С., Троицкий Е. Ф.* Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах: Очерки текущей политики. – Вып. 4. – М.: НОФМО, 2010 // URL: <http://www.twirpx.com/file/232181/>
31. *Богатырёв В.* Вместо сотрудничества – геополитический разлом (14 мая 2009) // URL: <http://bpc.kg/perspective/132-14-05-09>
32. *Богатырев В.* Развитие политической ситуации в Центральной Азии: проекты и сценарии // URL: <http://www.ipp.kg/ru/analysis/873>
33. *Богатырёв В.* Три основания для конфликтов (9 апр. 2013) // URL: <http://www.ipp.kg/ru/news/2581>
34. *Богатырёв В. Б.* Центральная Азия: новый регион // Ориентир: Аналитический бюллетень. – 2003. – № 4(12).
35. *Бологов П.* Средней Азии предрекают войну за водные ресурсы (26 сент. 2012) // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1348644060>

36. Большая Центральная Азия: геополитический проект или внешнеполитический инструмент? // URL: <http://www.geopolitics.ru/2012/10/bolshaya-centralnaya-aziya>
37. *Борисов Н. А.* Постсоветская трансформация политических систем Республики Узбекистан и Кыргызской Республики: сравнительный анализ // URL: <http://www.dissercat.com/content/postsovetskaya-transformatsiya-politicheskikh-sistem-respubliki-uzbekistan-i-kyrgyzskoi-resp#ixzz2UaTKTxqK>
38. *Братерский М. В.* США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики (1990 – 2005 гг.). – М.: Изд-во Ин-та США и Канады, 2005.
39. Британский журнал оценил уровень демократии в странах мира (24 марта 2013) // URL: <http://www.chrono-tm.org/201303/>
40. Бывший посол Кыргызстана в Турции Мамбетжунус Абылов: «Не нужно считать киргизов туркклерами!» // URL: <http://www.fergananews.com/articles/6375>
41. В Алматы создан Деловой Совет тюркоязычных государств // URL: <http://news.nur.kz/198666.html>
42. В Бишкек прибыли предприниматели Китая, которые намерены рассмотреть возможность создания совместных предприятий // URL: <http://www.tazabek.kg/news:357708>
43. В Бишкеке состоялся саммит тюркоязычных стран // URL: http://www.gezitter.org/politic/13605_v_bishkeke_sostoyalsya_sammit_turko_yazyichnyih_stran/
44. В г. Бурса вспомнили кыргызско-турецкое сотрудничество, идущее из глубины // URL: <http://www.for.kg/news-224997-ru.html>
45. В Кыргызстане 113 совместных кыргызско-турецких организаций (список) // URL: <http://www.tazabek.kg/news:289051/>

46. В Кыргызстане работает более 200 турецких фирм // URL: http://www.gezitter.org/economics/906_v_kyrgyzizstane_rabotaet_bolee_200_t_uretskih_firm/
47. В Средней Азии возможен передел границ? Самарканд – спорная территория (15 янв. 2010) // URL: <http://www.ca-news.org/news/292881/>
48. В Туркмении закрывают турецкие школы («Хроника Туркменистана», Туркменистан) // URL: http://www.inosmi.ru/middle_asia/20110816/173388197.html
49. В Турции состоялся симпозиум «Тюркский мир и выдающиеся деятели Казахстана» // URL: <http://kazpravda.kz/c/1368411807>
50. В Узбекистане запретили турецкие сериалы // URL: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2012/02/24/949863.html>
51. В. Мытарев: Тюркский совет – не экономикой единой (к итогам алматинского саммита) // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1319207880>
52. *Вайц Р.* Взгляд на войну с наркотиками в Центральной Азии // URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20120304/187434605.html>
53. *Вартамян А.* Программа СПЕКА – новая региональная инициатива ЕС в Центральной Азии (5 авг. 2001) // URL: <http://www.newmarkets.ru/nm-ru/issues/nm520012.htm>
54. *Вартуманян А. А.* Региональные политические процессы: динамика, особенности, проблемы // URL: <http://www.uchebnik-besplatno.com/uchebnik-teoriya-politiki>
55. *Васильева С. А.* Влияние пантюркизма на идеологический процесс в Турецкой Республике // URL: <http://www.teoria-practica.ru/-3-2012/politics/vasilieva.pdf>
56. *Васильева С. А.* Роль идеологии пантюркизма в политических процессах республиканской Турции: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Екатеринбург, 2012 // URL: <http://www.dslib.net/polit-instituty/rol-ideologii-pantjurkizma-v-politicheskikh-processah-respublikanskoj-turcii.html>

57. *Вахитова Г. А.* Взаимодействие стран Центральной Азии с Турецкой Республикой (начало 1990-х – 2009 гг.). Автореф. дис ... канд. полит. наук. – Бишкек, 2011.
58. *Вахитова Г. А.* Политический ислам в Турции: неоосманизм и пантюркизм // Вестник КРСУ. – 2007. – Т. 7. – № 2. – С. 98.
59. *Вербанец П.* Региональные центры силы и их политика в Центральной Евразии (турецкий вектор борьбы за лидерство на исламском Востоке) // Центральная Азия и Кавказ. – 2008. – № 1 (55). – С. 57.
60. *Верещагин А. А.* Геополитическая конкуренция США, КНР и РФ в Кыргызской Республике. – Бишкек, 2012.
61. *Верхотуров Д.* Китай готовится к большой сухопутной войне в Центральной Азии // Деньги & власть. – 2013. – № 28 (161). – 13 сент. – С. 9.
62. *Верхотуров Д.* Куда ведут дороги CAREC? (3 дек. 2012) // URL: <http://www.ru.journal-neo.com/node/119921>
63. Визит президента Турции в Казахстан – новый большой этап в сближении тюркоязычного мира // URL: <http://synapse.kz/blog/inkz/949.html>
64. Википедия – Свободная энциклопедия // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
65. *Вилков А. А.* Менталитет крестьянства и российский политический процесс. – Саратов: Изд-во Саратовск. гос. ун-та, 2008.
66. Внешнеторговый оборот Кыргызстана и Турции в 2012 году составил 228,7 млн долларов // URL: <http://kabar.kg/economics/full/52625>
67. Внешнеэкономическая деятельность Таджикистана: экспорт, импорт, итоги 2012 / Портал внешнеэкономической информации Министерства экономического развития РФ // URL: <http://www.ved.gov.ru/news/7329.html>
68. Внешняя политика государства Цин в XVII веке. – М., 1977.
69. Внешняя торговля остается основным каналом влияния экономических процессов в Китае на экономику в Кыргызстане / НБКР // URL: <http://www.tazabek.kg/news:353707>

70. *Волков И. В.* Основные проблемы геополитического положения Центральной Азии в эпоху глобализации (на примере Кыргызстана). – Бишкек, 2007.
71. *Володин А.* «Восточная модель развития»: оценка политической эффективности // URL: <http://polit.ru/article/2005/10/26/volodin/>
72. *Володин А. Г.* Эволюция внешнеполитической стратегии Индии // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2013. – № 2. Февраль. – С. 93.
73. *Володин А.* Единая Индия // URL: http://www.intelros.ru/2007/08/31/andrejj_volodin_edinaja_indija.html
74. *Володин А.* Президентские выборы в Индии: обыденность или новый смысл? // URL: <http://www.fondsk.Ru/news.2012/07/16/prezidentskie-vybory-v-indii-obydennost-ili-novyj-smysl-15510.html>
75. VIII саммит глав тюркоязычных стран в Анталье // URL: <http://www.aze.az/news.php?id=2928>
76. 2-й Международный симпозиум, посвященный творчеству кыргызского писателя Ч. Айтматова «Дни Ч. Айтматова», состоялся в Анкаре // URL: http://www.mfa.kg/news-foreign-missions-of-kr-/2-i-mejdunarodnii-simpozium-posvyashennii-tvorchestvu-kirgizskogo-pisatelya-ch.-aitmatova_en.html
77. Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на юбилейной международной конференции «Россия в мире силы XXI века», приуроченной к 20-летию Совета по внешней и оборонной политике и 10-летию журнала «Россия в глобальной политике», Москва, 1 декабря 2012 г. (1 дек. 2012) // URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/30011D027DECDBF844257AC7003D39D0
78. Выступления Ф. Гюлена (Компакт-диск).
79. *Вэйцзян Тянь.* История Циньцзяня. – Урумчи, 2001.

80. *Галиева Ф.* Статья Вьетнамом: Как Казахстану противостоять экономической экспансии Китая? // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1335675660>
81. *Галушина Е. А.* Членство Кыргызстана в составе ВТО: угрозы и возможности (13 янв. 2003) // URL: <http://www.krsu.edu.kg/vestnik/2003/v1/a06.html>
82. *Гельбрас Ф.* Китайское землячество в Москве // Азия и Африка сегодня. – 1999. – № 11. – С. 34.
83. Генеральный секретарь ТЮРКСОЙ Дюсен Касеинов участвовал во втором Всемирном форуме по межкультурному диалогу в Баку // URL: <http://www.turksoy.org.tr/RU/belge/5-11867/11867.html>
84. *Герасимов Л.* Таджикистан – главный поставщик наркотиков из Афганистана на мировые рынки (10 июня 2013) // URL: <http://tajmigrant.com>
85. Глава МВД обозначил проблему межэтнических конфликтов в Кыргызстане (19 июля 2008) // URL: <http://www.swodka.akipress.org>
86. *Глуценко Е. А.* Россия в Средней Азии: завоевания и преобразования. – М.: Центрполиграф, 2010.
87. Годы, которые изменили Центральную Азию / Центр стратегических и политических исследований; Институт востоковедения РАН. – М., 2009.
88. *Горшенин В. Ф.* Методология институционального подхода в управлении // URL: http://www.lib.csu.ru/vch/7/2003_01/002.pdf
89. *Горшколепов А. А.* Идеократическая государственность: политико-правовой анализ. 3.2. Российская идеократическая государственность: своеобразие и перспективы // URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-204310.html?Page=7>
90. Государственная комиссия по делам религий при Президенте КР: Кыргызстан и Турция намерены сотрудничать в сфере научно-исследовательской деятельности и по распространению истинных религиозных ценностей среди населения // URL: <http://www.religion.kg/?show=article&id=121>

91. *Грачиков Е.* Границы Китая: некоторые вопросы понимания (3 июня 2012) // URL: <http://china-geopolitics.ru/vvedenie-v-rubriku-granitsyi-kitaya/>
92. *Грачиков Е. Н.* Проблемы новой формирующейся идентичности Китая в мировой политике // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 2013. – № 1. – С. 167.
93. *Гревцова А. Н.* «Мягкая сила» Китая как способ расширения его политического влияния на страны АСЕАН // Молодой ученый. – 2012. – № 3. – С. 314 // URL: <http://www.moluch.ru/archive/38/4392/>
94. *Григорьев Д. А.* Мао стремился возглавить Советский Союз? «Великий кормчий» предлагал объединить две коммунистические державы // Загадки истории. – 2011. – № 1. – С. 12–13.
95. *Грозин А.* Евразийские Балканы (21 сент. 2012) // URL: <http://www.geopolitics.ru/2012/09/ewrasijskie-balkany/>
96. *Грозин А.* Элиты Туркменистана и центрально-азиатские кланы: особенное и трудности модернизации // Азия и Африка сегодня. – 2010. – № 9. – С. 51.
97. *Громов И. А., Мацкевич И. А., Семёнов В. А.* Западная социология. – СПб.: ООО «Изд-во ДНК», 2003.
98. *Гумилёв Л. Н.* Этносфера: история людей и история природы. – СПб.: Кристалл, 2003.
99. *Гурджиев Л.* Закипает мусульманский Китай: Экспертные оценки // URL: <http://zavtra.ru/content/view/ujguryi/>.
100. *Гусев Л.* Индийские аналитики о ШОС // URL: apn.kz/authors/author339.htm
101. *Гусев Л.* Энергетическая стратегия Индии в свете геоэкономических проблем Центральной, Южной и Восточной Азии // URL: www.apn.kz/publications/article7587.htm
102. *Гюлен Ф.* Жизнь и исламская вера. – Алматы, 2007.
103. *Давыдов М. Н.* Деятельность турецкой религиозной секты «Нурджулар» // URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/03-11-07b.htm>

104. Данные ВБ на ноябрь 2012 г. // URL: <http://www.rg.ru/2012/11/22/perevod-site.html>
105. 9-й саммит тюркских государств: культура прежде всего? / Фонд стратегической культуры // URL: <http://www.fondsk.ru/news/2009/10/12/9793-9793.html>
106. *Дегтярев А. А.* Политический анализ как прикладная дисциплина: предметное поле и направления развития // URL: <http://www.politstudies.ru/N2004fulltext/2004/1/27.htm>
107. *Дегтярев А. А.* Основы политической теории: Учебное пособие / Ин-т «Открытое общество». – М.: ВШ, 1998.
108. *Деметрадзе М. П.* Ядро традиционных ценностей как феномен постсоветских обществ // Социологические исследования. – 2013. – № 3. – С. 125.
109. *Демидов А. И., Долгов В. М., Малько А. В.* Политология: Учебник. – М.: Гардарики, 2005.
110. Демократия в Узбекистане – это нужность Америке (14 февр. 2012) // URL: <http://voprosik.net/demokratiya-v-uzbekistane-eto-nuzhnost-amerike>
111. *Демоян Г.* Тюркские саммиты: цели, задачи, приоритеты и позиция в карабахском вопросе // URL: http://www.noravank.am/upload/pdf/62_ru.pdf
112. *Дергачёв В. А., Вардомский Л. Б.* Регионоведение. – М.: Юнити-Дана, 2011.
113. 10 тысяч таджиков и кыргызов сошлись в гигантской драке за дорогу Ак-Сай – Тамдык (15 мая 2013) // URL: <http://www.centrasia.ru/news/A.php?st=1367340480>
114. Детские болезни политических партий: Стенограмма «круглого стола» (25 апр. 2013) // URL: <http://www.ipp.kg/ru/news/2589/>
115. Дефицит водных ресурсов может стать причиной конфликтов в Центральной Азии (13 марта 2008) // URL: <http://www.fergana/newss.ru>
116. *Джаманов Г.* Возрождение Туркестана // URL: http://vk.com/topic-29040125_25126395

117. *Джери Д., Джери Дж.* Большой толковый социологический словарь. 2001 г. // URL: <http://voluntary.ru/dictionary/567/word/bihevioralizm-ili-povedencheskii-podhod>
118. *Добровицкий И. В.* Политическая трансформация государств традиционного типа: теоретические основы и практика политического процесса (на материалах Ирана) // URL: <http://www.dissercat.com/content/politicheskaya-transformatsiya-gosudarstv-traditsionnogo-tipa-teoreticheskie-osnovy-i-prakti>
119. *Доброта Л.* Всё дело в кровле: Продолжается реставрация мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави // URL: <http://www.kazpravda.kz/c/1301599065>
120. *Доброта Л.* Туркестан наша общая гордость: Н. Назарбаев и А. Гюль посетили «духовную столицу» тюркского мира // URL: <http://userdocs.ru/pravo/28900/index.html>
121. Должны ли быть имамы госслужащими? // URL: <http://www.time.kg/index.php?newsid=5271>
122. *Донис И.* Турция планирует перехватить у России первенство в строительстве ГЭС в Киргизии // URL: <http://www.news-asia.ru/view/ks/economy/4552>
123. «Евразийский союз-2»: не с Москвой, так с Анкарой // Коммерсантъ. – 1994. – № 200 (668). – 21.10 // URL: <http://www.kommersant.ru/doc/93050>
124. Европейский союз – сотрудничество в целях развития Центральной Азии (нояб. 2013) // URL: www.eucentralasia.eu
125. Ещё одна горячая точка в СНГ? (15 мая 2012) // URL: <http://www.fondsk.ru/priew/2012/05/15/>
126. *Жанаров А.* Китайские иммигранты в Кыргызстане: угроза или сотрудничество? // URL: <http://www.akipress.org/kghistory/news:12171/>
127. За два последних года Кыргызстан направил Узбекистану 21 ноту протеста в связи с инцидентами на границе (24 июня 2013) // URL: <http://www.fergananews.com/news/20852>
128. *Зарубин В. Г.* Основы политических наук: Учебное пособие. – СПб.; Чита: Изд-во Забайкальского ГПУ, 1999 // URL: <http://userdocs.ru/pravo/>

10836/index.html

129. *Захватов А.* Сможет ли Россия примирить Таджикистан с Узбекистаном? (15 мая 2013) // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1368635820>
130. *Звягельская И.* Становление государств Центральной Азии: политические процессы / МГИМО(У) МИД России. – М.: Аспект Пресс, 2009.
131. *Зенгер Х.-Ф.* О китайском искусстве жить и выживать. Стратегемы. Т. 1. – М., 2006.
132. *Зинчина А. Б., Климов А. В., Крюкова А. В.* Краткий курс лекций по политологии // URL: <http://uchebnik-besplatno.com/uchebnik-teoriya-politiki/politicheskoe-povedenie-ego.html>
133. *И. Мадылбеков:* Третьего не дано. Кыргызстан всегда входил в зону интересов различных политических и религиозных сил // URL: http://www.vesti.kg/index.php?option=com_k2&view=item&id=19268
134. *И. Свистунова:* Турция – Туркменистан: «Два государства – один народ» // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1307512620>
135. *Иванов С. Г.* Роль внешнеполитических факторов в процессах трансформации экономики Кыргызской Республики. – Бишкек, 2009.
136. *Ивченко Б. В.* Политические процессы в современном Китае: две модели развития (КНР и Тайвань): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Воронеж, 2011 // URL: <http://www.aspirant.vsu.ru/ref.php?cand=2128>
137. *Идейные истоки политологии. Тема 1. Политология как наука и учебная дисциплина* // URL: <http://imp.rudn.ru/ffec/polit/p1.html>
138. *Имамы южных областей Кыргызстана повышают квалификацию* // URL: <http://md.mirtv.ru/news/27000>
139. *Индикативная программа по Центральной Азии (2007–2013) (15 июня 2006)* // URL: www.tpp-inform.ru/userdata/1317884236.pdf
140. *Информация по торгово-экономическому сотрудничеству Республики Узбекистан с Турецкой Республикой / Министерство внешних экономических связей, инвестиций и торговли Республики Узбекистан* // URL:

- http://www.mfer.uz/rus/mejdunarodnoe_sotrudnichestvo/sotrudnichestva_s_zar_ubejnimi_stranami/aziya_i_afrika/turiya/
141. *Инь Шугуан.* Дунгане и Китай: незаконченная история // URL: <http://russian.people.com.cn/31516/6901040.html>
 142. Иран должен вести переговоры с международным сообществом на понятном ему языке – МИД // URL: <http://ru.haberler.com/russian-news-294816/>
 143. Иран зомбирует Таджикистан ради урана? // URL: <http://www.sopoka.net/site.php?cat=up&idItem=3794>
 144. Иран и Центральная Азия: Краткий обзор взаимоотношений // URL: <http://www.fergananews.com/articles/6130>
 145. Иран пригласил Кыргызстан присоединиться к строительству ЖД «Казахстан – Туркменистан – Иран» // URL: <http://rus.kg/news/policy/10935-iran-priglasil-kyrgyzstan-prisoedinitnya-k-stroitelstvu-zhd-kazahstan-turkmenistan-iran.html>
 146. *Ирхин Ю. В., Зотов В. Д., Зотова Л. В.* Политология: Учебник. – М., 2002; Словарь политических терминов // URL: <http://www.polit-slovar.ru/dictionary/336>
 147. *Исаев Б. А., Баранов Н. А.* Политические отношения и политический процесс в современной России: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2009.
 148. Ислам Каримов предупредил, что проблемы водных ресурсов могут привести к войне (10 сент. 2012) // URL: <http://www.Ca-News>
 149. Исторические особенности политических процессов в Индии // URL: <http://toloka.kiev.ua/?p=101>
 - 150.** Итоги внешнеэкономической деятельности Туркменистана / Портал внешнеэкономической информации Министерства экономического развития РФ // URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/tm/about_tm/ved_tm/
 151. К 100-летию Мукана Тулебаева в Казахстане и Турции пройдут юбилейные мероприятия // URL: <http://art.gazeta.kz/news/?id=15833>

152. *Кабашов С. Ю.* Бюрократия: Теоретические концепции: Учебное пособие // URL: <http://www.rumvi.com/products/ebook//9e7cb87d-a2da-424a-9cc8-bed514e55238/preview/preview.html>
153. *Каган Р.* Грубое возвращение идеологий (27 сент. 2010) // URL: <http://in-osmi.ru/stories/01/05/29/2996>
154. *Казанцев А.* Отношения независимой Киргизии и России: настоящее и будущее // URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=70#top
155. *Казанцев А.* Пять сценариев будущих границ Центральной Азии (19 апр. 2013) // URL: <http://www.centrasia.ru/news.A.php?st=1366317120>
156. *Казанцев А. А.* Взаимосвязь глобальных и региональных политических процессов (на примере Центральной Азии): Автореф. дис. ... д-ра полит. наук // URL: <http://www.dissers.ru/avtoreferati-doktorskih-disserstatsii/politika/9>
157. *Казанцев А. А.* Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы (5 апр. 2012) // URL: <http://www.eurasian-defence.ru/node/22657>
158. Казахстан и Иран обсудили перспективы сотрудничества // URL: <http://news.day.az/iran/422500.html>
159. Казахстано-иранские культурные отношения: день сегодняшний // URL: <http://www.extra.kz/art.asp?aid=65443>
160. Как Китай растворит в Кыргызстане \$3 млрд // Деньги & власть. – 2013. – № 28 (161). – 13 сент. – С. 7.
161. Каково будущее разобщённых кыргызов? // Жаны Агым. – 2013. – № 21. – 24 мая.
162. Какую цель преследует Турсунтай Салимов? // Деньги & власть. – 2013. – № 25(158). – 12 июля. – С. 5.
163. Канат Садыков: Турция вложила в КТУ «Манас» 289 млн долл. // URL: http://www.vb.kg/doc/223846_kanat_sadykov:_tyrciia_vlojila_v_kty_manas_289_millionov.html

164. *Касенов У.* Новая «большая игра» в Центральной Азии? // Центральная Азия. – 1997. – № 2. – С. 51.
165. *Каткова З. Д.* Внешняя политика гоминьдановского правительства в период антияпонской войны. – М., 1978.
166. *Каукенов А. С.* Особенности китайской дипломатии в Центральной Азии: взгляд из Казахстана // URL: <http://www.easttime.ru/analytic/3/8/476.html>
167. *Киреев А. В.* Особенности ограниченной демократизации в Иране: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Воронеж, 2006 // URL: <http://cheloveknauka.com/osobennosti-ogranichennoy-demokratizatsii-v-irane>
168. Китайская экспансия: объединиться, чтобы противостоять // URL: <http://kgazeta.com/13-722-9-04-2008/kitajskaya-ekspansiya-obedinitsya-chtoby-protivostoyat.html>
169. Китайцы стали четвертыми по численности населения в Кыргызской Республике // Деньги & власть. – 2013. – № 22 (155). – 14 июня.
170. *Клинцов А. А.* Дискурс политических архетипов в международных отношениях постсоветских государств Центральной Азии. – М.; Бишкек, 2009.
171. *Князев А.* Атамбаев обречен // Деньги & власть. – 2013. – № 26 (159). – 19 июля. – С. 8.
172. *Князев А.* Ваххабизм и другие течения радикального ислама в Центральной Азии // URL: <http://www.ctaj.elcat.kg/tolstyj/e/e003.htm>
173. *Князев А. А.* Россия снова в Средней Азии: Период внешнеполитического бездействия заканчивается (28 дек. 2007) // URL: <http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-17761.html>
174. *Кокарев К. А.* Эволюция политических режимов в Китае в период реформ (1976–2002 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2005 // URL: http://www.dissland.com/catalog/evolyutsiya_politicheskikh_rezhimov_v_kitae_v_period_reform_1976_2002_gg.html
175. *Комиссина И. Н.* Северный маршрут смерти // URL: <http://www.oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2013/0114/12269923/detail.shtml>

176. *Комиссина И. Н.* Большая Центральная Азия versus ШОС // Новая Евразия: Россия и страны ближнего зарубежья: Аналитический альманах. – № 19 / Под ред. Е. М. Кожокина. – М., 2008.
177. *Комлева Н. А., Миронов Д. А., Петров Е. М.* Специфика политической системы Евросоюза // URL: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0042\(04_01-2006\)&xsl=showArticle.xslt&id=a09&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0042(04_01-2006)&xsl=showArticle.xslt&id=a09&doc=../content.jsp)
178. *Кондратов А. И.* Внешнеполитическая деятельность государства в международно-политическом процессе // URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/fileserver/17/19_Kondratov.pdf
179. *Конрад Н. И.* Суньцзы: Трактат о военном искусстве. – М.; Л., 1950.
180. Конституция Исламской Республики Иран // URL: <http://constitutions.ru/archives/140>
181. Концепция внешней политики Российской Федерации 2013 (4 марта 2013) // URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2013-03-04/9_concept.html?print=Y
182. Концепция национальной безопасности Российской Федерации (10 янв. 2000) // URL: www.nationalsecurity.ru
183. *Кордые Б.* Гуманитарная помощь Евросоюза и гражданская защита в Центральной Азии: прошлые и будущие кризисы (февр. 2013) // URL: www.eucentralasia.eu
184. Краски тюркского мира украсили арену молодежного фестиваля в Анкаре // URL: <http://www.turksoy.org.tr/RU/belge/5-11863/11863.html>
185. *Кубышина Г. А.* Роль политических институтов России и Китая в организации и проведении государственных реформ (сравнительный анализ): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2008 // URL: http://politlogia.narod.ru/DISSER/diser_doc/2008/POL_INSTITT/KubushinaGA_2.htm#2
186. *Кудрявцев А. Н.* Политические процессы в современном развитии Ирана: тенденции, проблемы, перспективы // URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-70717.html>

187. *Кузнецов А.* Затяжной геополитический роман: Иран и постсоветская Центральная Азия // URL: <http://zhanaozen1216.wordpress.com/2012/07/05/05-07-2012-геополитика-центральная-азия-иран-геор>
188. *Кузнецов Д. В.* Место, роль и политика КНР в международных отношениях в зеркале мнений китайской общественности // URL: <http://stud.docdat.com/docs/47/index-22045.html>
189. *Кулбараров Р. Д.* Проблемы терроризма в Центральной Азии // URL: <http://conference.antiterror.rsbi.kz/index.php/doklads/36-kylbarakov>
190. *Курамагомедов М.* Готовят ли власти Туркмении боевиков для Сирии? // URL: <http://www.centrasia.ru/news.php?st=1375736400>
191. *Курбанова Н.* Религия в общественно-политической жизни Кыргызстана на рубеже XX–XXI вв. – Бишкек, 2010.
192. *Куртов А.* Демократия выборов в Казахстане: авторитарная трансформация. – М., 2001.
193. *Куртов А.* Китайская миграция в Казахстан: определено ли будущее этого феномена? // URL: <http://www.apn.kz/publications/article398.htm>
194. Курулуп жаткан борбордук мечит толугу менен Туркиянын Кыргызстанга белеги болуп саналат // URL: <http://muftiyat.kg/.../>
195. *Кучинская Т. Н.* Процессы политических изменений глобализирующегося «китайского региона»: Дис ... канд. полит. наук. – Чита, 2007 // URL: <http://www.disserr.com/contents/303604.html>
196. Кыргызская Республика: общая оценка состояния страны. Система ООН в Кыргызской Республике. – Бишкек, 2003.
197. Кыргызстан в мировом сообществе / Кафедра истории, культурологи и рекламы КРСУ // URL: http://www.history.krsu.edu.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=479&Itemid=73&limitstart=7
198. Кыргызстан после 19 апреля: итоги и тенденции политического развития // URL: <http://www.analitika.org/kyrgyzstan/kg-gov/610-20070518021057736.html>

199. Кыргызстан: Активизируется деятельность религиозно-экстремистскими организациями // URL: <http://www.paruskg.info/2012/08/16/66789>
200. *Лаумулин М., Малика А.* Центральная Азия: основные подходы в современной политической науке // Востокведение и африканистика. – 2012. – Сер. 9. – № 1. – С. 27.
201. Лекции по политологии. Лекция 14. Политический процесс // URL: <http://webarhimed.ru/page-331.html>
202. *Лизан И.* Пантюркизм: реальна ли угроза евразийской интеграции? Ч. 1 // URL: http://www.odnako.org/blogs/show_25547/
203. *Лизан И.* У Евразийского проекта есть конкурент: имперская Турция / Информационно-аналитический центр МГУ // URL: <http://islamsng.com/sng/analytics/6857>
204. *Лихачев А. М.* Эволюция экономических интересов предприятия в период трансформации Российской экономики // URL: <http://www.dissercat.com/content/evolyutsiya-ekonomicheskikh-interesov-predpriyatiya-v-period-transformatsii-rossiiskoi-ekono>
205. Ложка дёгтя в бочке воды: О водных проблемах Центральной Азии (13 марта 2008) // URL: <http://www.ryrghyznews.kg>
206. *Лузянин С. Г.* Внешняя политика Китая до 2020 г.: прогностический дискурс // URL: http://www.perspektivy.info/rus/desk/vneshnaja_politika_kitaja_do_2020_g_prognosticheskij_diskurs_2011-11-29.htm
207. *Лузянин С.* Китай в Центральной Азии: «взаимный выигрыш» или экспансия? // URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document236557.phtml>
208. *Макарова Л. С.* Социально-политическая стратификация в США в условиях переходного политического процесса: Автореф. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Чита, 2009 // URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-183920.html>
209. *Маликов К.* Теоретические и практические основы по взаимодействию с мусульманской общественностью. – Бишкек, 2013.

210. *Малышева Д. Б.* Геополитические маневры на Каспии // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2006. – № 5.
211. *Мальцев В. А.* Основы политологии: Учебник для вузов. – М.: ИТРК РСФСР, 1998.
212. *Мамедли Н.* Вопросы интеграции на саммитах глав тюркоязычных государств // URL: http://www.ca-c.org/journal/2003/journal_rus/cac-01/17.mamrus.shtml
213. *Мамонтова Д.* Турция занимает пятое место по объему инвестиций в Кыргызстан // URL: http://www.knews.kg/econom/11059_turtsiya_zanimaet_pyatoe_mesto_po_obyemu_investitsiy_v_kyirgyizstan/
214. *Маркедонов С.* Непокойные центрально-азиатские границы – «Новая Евразия» // URL: <http://www.ca-news.org/news:1074936>
215. *Маслов И.* Региональная безопасность: История и проблемы новых независимых государств Центральной Азии. – М.; Бишкек, 2000.
216. *Масловский М. В.* Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология // URL: <http://lib.znate.ru/docs/index-224450.html?page=4>
217. *Медушевский А. Н.* Революция в Киргизии: итоги и перспективы конституционных преобразований // URL: <http://www.hse.ru/data/2013/03/08/1301397047/>
218. *Международные отношения в Центральной Азии: События и документы / МГИМО (Университет) МИД России.* – М.: Аспект Пресс, 2011.
219. *Мелешкина Е.* Политический процесс. – М., 2005 // URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/meleshkina_polit/00.aspx
220. *Мелешкина Е. Ю.* Политический процесс // *Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: Сборник учебных материалов.* – М., 2001.
221. *Мендкович Н.* Китайская политика в Центральной Азии: Экспансия Китая – мифы и реальность // URL: <http://east.terra-america.ru/chinese-politics-in-central-asia.aspx>

222. *Месамед В. И.* Особенности ирано-таджикистанского сотрудничества // URL: <http://www.iimes.ru/?p=11658>
223. *Метерова А.* На кыргызско-узбекской границе остаются несогласованными более 300 км (30 апр. 2013) // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1367331900>
224. *Мирзокулов Д. М.* Политические процессы и «гражданская война» в Таджикистане (1990–1994 гг.) // URL: <http://www.hist.msu.ru/Calendar/1997/Apr/Lomnosov97mirzokulov.htm>
225. *Миркасимов С.* Особенности внешней политики Индии в настоящее время (конец XX – начало XXI в). – М., 2005.
226. *Михайлов Г.* Киргизия становится китайской // URL: http://www.ng.ru/cis/2013-07-22/1_kirgizia.html
227. *Михеев В.* Китай и Япония на фоне глобальных тенденций // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2007. – № 4. – С. 58.
228. *Моисеев Н.* Ослабить влияние ШОС и ОДКБ – приоритетная задача государственного департамента США в ЦА (16 сент. 2006) // URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/2408/>
229. *Молдалиев О. А.* Исламизм и международный терроризм: угроза исламу или угроза исламу? – Бишкек, 2004.
230. *Монайло А. В.* Цветные революции на Ближнем Востоке и в Северной Африке: технологии управляемого хаоса // URL: <http://andreumanoylovov.ru/cvetrevol.html>
231. *Мочульский А.* Приоритеты экономического сотрудничества КНР с государствами Центральной Азии // URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document217550.phtml>
232. *Мочульский А.* Приоритеты экономического сотрудничества КНР с государствами Центральной Азии // URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document217550.phtml>
233. *Музалевски Р.* Япония прошерстит Центральную Азию в поисках полезных ископаемых (14 дек. 2012) // URL: <http://hvylya.org/analytics/>

economics/yaponiya-proshersti-tsentralnuyu-aziyu-v-poiskah-poleznyih-iskopaemyih.html

234. *Муродова Н. С.* Политические процессы переходного периода в Республике Таджикистан // URL: <http://www.dslib.net/polit-instituty/politicheskie-processy-perehodnogo-perioda-v-respublike-tadzhikistan.html>
235. *Мутлов С. А.* Политика Ирана в отношении Центральной Азии // URL: <http://mir-politika.ru/182-politika-irana-v-otnoshenii-centralnoy-azii.html>
236. *Мухаев Р. Т.* Политология: Учебник для студ. юр. и гум. ф-тов. Политический процесс: содержание и типология // URL: <http://uchebnik-besplatno.com/uchebnik-teoriya-politiki/politicheskiy-protsess-soderjanie.html>
237. *Мхитарян Н.* Консолидация тюркского мира в идеологической и политической практике официальной Анкары (ретроспективный анализ этапов) // URL: http://www.ca-c.org/journal/2004/journal_rus/cac-05/15.mhirus.shtml
238. *Мясников В. С.* Традиции китайской дипломатии и реализация Циньской империей стратегических планов в отношении Русского государства в XVII веке. – М., 1977.
239. *Мясников В. С.* Антология хитроумных планов // *Харро фон Зенгер.* О китайском искусстве жить и выживать. Стратегемы. – Т. 1. – М., 2006. – С. 8.
240. На конференции в Бишкеке обсуждается будущее кыргызско-турецких отношений // URL: <http://kant.kg/2013-05-24/na-konferentsii-v-bishkeke-obsuzhdaetsya-budushhee-kyrgyzsko-turetskih-otnosheniy/>
241. На кыргызско-узбекской границе стремительно нарастает обстановка напряженности (13 июня 2009) // URL: <http://www.centrasia.ru/news/A.php?st=1244864460>
242. *Народецкий А.* Протянув трубопроводы, Китай расширяет военное присутствие в Центральной Азии // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1271763720>
243. *Нартов Н. А.* Геополитика современного мира. – М., 2004.

244. Население Турции недовольно «процессом урегулирования» между правительством и РПК // URL: <http://mk-turkey.ru/politics/2013/04/30/naselenie-turcii-nedovolno-processom-uregulirovaniya-mezhdu-pravitelstvom-i-rpk.html>
245. Национальная социологическая энциклопедия // URL: <http://voluntary.ru/dictionary/662/word/patrimonializm>
246. *Нейсбит Дж.* «Вертикальная демократия» в Китае // URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-first/008.htm>
247. Нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан имени Гейдара Алиева // URL: http://www.azerbaijan.az/_Economy/_OilStrategy/oilStrategy_06_r.html
248. *Нечаева Е. В.* Внешняя энергетическая стратегия Китая: возможности и риски для России // Вестник Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения. – 2013. – № 1. – С. 89.
249. Новая Большая игра в большой Центральной Азии: мифы и реальность. – Бишкек, 2005.
250. Новая философская энциклопедия. В 4 т. / Под ред. В. С. Степина. – М.: Мысль, 2001.
251. Новая шоковая терапия – вступление Киргизии в ТС (ситуационный анализ) (26 марта 2013) // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1364273040>
252. Новейший политический словарь / Авт.-сост.: Д. Е. Погорелый, В. Ю. Фесенко, К. В. Филипов. – Ростов-н/Д.: Феникс, 2010.
253. Новый энциклопедический словарь. – М.: БРЭ: РИПОЛ классик, 2005.
254. *Нормухамедова М.* Взаимосвязь секуляризма с исламской культурой и образованием в Узбекистане // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет?: Мат-лы междунар. «круглого стола». Алматы, 30 ноября 2007 г. / Отв. ред. Б. К. Султанов. – Алматы: Изд-во КИСИ при Президенте РК, 2008.
255. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Начало, 1997.

256. *Нунуев Саид-Хамзат М.* Политический процесс как объект исследования: сравнительный анализ методологии // URL: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/4368-2012-10-25-09-45-53>
257. О Всемирной Ассамблее Тюркских Народов – BATH // URL: www.dta-turan.org/.../
258. *Общая и прикладная политология: Учебное пособие / Под общ. ред. В. И. Жукова, Б. И. Краснова. – М.: МГСУ; Союз* // URL: http://grachev62.narod.ru/krasnov/ch_19.htm
259. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/3042>
260. *Олимова С., Олимов М.* Китайские мигранты в Таджикистане // URL: valerytishkov.ru/engine/documents/document2019.doc
261. *Омаров Н. М.* Государства ЦА в эпоху глобализации: поиски стратегии развития. – Бишкек, 2008.
262. Особенности модернизации в Индии: феномен «застрявшей страны» // URL: <http://centurion-center.narod.ru/india.html>
263. Особенности узбекско-турецких отношений в 90-е годы // URL: <http://ref.rushkolnik.ru/v31930/>
264. Официальный сайт КТУ «Манас» // URL: <http://www.manas.kg/index.php/ru/university/istoriya>
265. *Павлов Е. В.* Политическая система переходного общества в условиях глобализации: центрально-азиатская специфика. – М.; Бишкек, 2008.
266. *Павлов Е. В.* Трансформация политических систем республик Центральной Азии в условиях глобализации // URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-329094.html>
267. *Панарин С.* Политическое развитие государств Центральной Азии в свете географии и истории региона // URL: http://www.eavest.ru/magasin/artikele/2000-1_pan.htm
268. *Панов П. В.* Политический порядок и проблема воспроизводства власти: институт преемника // URL: <http://www.politex.info/content/view/720/30/>

269. *Панфилова В.* Газовый ультиматум Ташкента: Узбекистан спровоцировал промышленный коллапс в Таджикистане // Независимая газета. – 2013. – 1 июля.
270. *Панфилова П.* Китайская дорога разрежет Киргизию пополам // URL: http://www.ng.ru/cis/2013-09-10/7_kirgizia.html
271. *Парамонов В., Строков А.* Внешняя политика Европейского союза в Центральной Азии: общие направления, основные «проекты» и этапы (14.06.2011) // URL: <http://ceasia.ru/politika/vneshnyaya-politika-evropeyskogo-soiuza-v-tsentralnoy-azii-obschie-napravleniya-osnovnie-proekti-i-etapi.html>
272. *Парамонов В., Строков А.* Россия и Китай: центровые в Центральной Азии (23 марта 2011) // Военно-промышленный курьер (Москва). – URL: <http://rus.ruvr.ru/2011/03/24/47862099/>
273. *Парамонов В., Строков А.* Россия и Центральная Азия: состояние и перспективы экономических отношений // URL: <http://ceasia.ru/dokladi/rossiya-i-tsentralnaya-aziya-sostoyanie-i-perspektivi-ekonomicheskikh-otnosheniy.html>
274. *Парамонов В., Строков А.* Этапы внешней политики России в Центральной Азии (июнь 2008) // URL: <http://www.ceasia.ru/dokladi/etapi-vneshney-politiki-rossii-v-tsentralnoy-azii.html>
275. Партия исламского возрождения Таджикистана отметила 35-летие // URL: <http://www.regnum.ru/news/989366.html>
276. *Пашкин Д. М.* Китайско-центрально-азиатские отношения в двадцать первом веке // URL: <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/16/pash/>
277. *Перепелица Е. Ф.* Сотрудничество Республики Казахстан и Турецкой Республики в области культуры в I половине 1990-х годов // Вестник ВолГУ. – Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2007. – № 12. – С. 175 // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-respubliki-kazahstan-i-turetskoj-respubliki-v-oblasti-kultury-v-i-polovine-1990-h-godov>

278. Перспективы укрепления казахстанско-индийского партнерства. – Алматы, 2006.
279. По количеству мечетей Казахстан опережает Узбекистан, Азербайджан, Кыргызстан и Туркменистан // URL: <http://shymkent.kz/?previd=32467>
280. Повестка дня десятого заседания Совместной Межправительственной комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству между Кыргызской Республикой и Исламской Республикой Иран (13.12.2012) // URL: <http://ru.convdocs.org/docs/index-84560.html>
281. *Подолько Е. О.* Китайский фактор в современных международных отношениях // URL: <http://www.synologia.ru/a/%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0>
282. Политика на пути к миру и стабильности: Интервью посла Турции в Таджикистане // URL: <http://www.avesta.tj/interview/10049-politika-na-puti-k-miru-i-stabilnosti-intervyu-posla-turcii-v-tadzhikistane.html>
283. Политическая наука на рубеже веков: Проблемно-тематический сборник // Политическая наука. 2000 – 4 / РАН. – М., 2000 // URL: <http://rc-analitik.ru/file/%7B24688864-a5eb-4c42-91ce-6b44e567791c%7D>
284. Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингемана. – М., 1999.
285. Политическая стабильность как цель политического процесса // URL: <http://txtb.ru/92/25.html>
286. Политические процессы в современной России // URL: http://otherreferats.allbest.ru/political/00095595_0.html
287. Политические процессы переходного периода в Республике Таджикистан // URL: <http://www.alldisser.com/part/ref-3322.html>
288. Политический процесс // URL: http://nicbar.narod.ru/theoria_politiki19.htm
289. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: Сборник учебных материалов / Под ред. Е. Ю. Мелешкиной. – М.: Весь Мир, 2001.

290. Политический процесс: понятие, сущность и содержание // URL: <http://www.studlib.com/content/view/129/7>
291. Политическое поведение // URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-21055.html?page=17>
292. Политология / МГИМО(У) МИД России. – М., 2004.
293. Политология: Словарь. – М.: РГУ. В. Н. Коновалов. 2010 // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/187/Процесс>
294. Политология: Словарь-справочник / Сост.: М. А. Василик, М. С. Вершинин и др. – М.: Гардарики, 2001.
295. Политология: Учеб. для вузов / Под ред. С. В. Решетникова. – Минск, 2001.
296. Политология: Учебник для студ. вузов. – 4-е изд. перераб. и доп. / Под ред. В. К. Батурина. – М.: Юнити-Дана, 2012.
297. Политология: Учебник. – 2-е изд., стер. / Колл. авт.; Под ред. В. И. Буренко. – М.: КНОРУС, 2013.
298. Политология: Энциклопедический словарь. – М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 2003.
299. Польский эксперт: В Центральной Азии РФ и Китай нашли общий язык (4 июля 2013) // URL: <http://gorchakovfund.ru/open-diplomacy/polskiy-ekspert-v-tsentralnoy-azii-rf-i-kitay-nashli-obshchiy-yazyk/>
300. Понятие и виды политических процессов // URL: <http://www.allpolitologia.ru/ponyatie-i-vidy-politicheskix-processov>
301. Понятие и основные виды политических процессов // URL: <http://www.webarhimed.ru/page-331.html>
302. Понятие и типы политических процессов. Типология политических процессов // Политология: Лекции // URL: <http://txtb.ru/92/24.html>
303. *Портяков В. Я.* Видение многополярности в России и Китае и международные вызовы // Сравнительная политика. – 2013. – №1. – С. 93.

304. Посол РФ в КР Андрей Крутько: Помогает ли Россия Кыргызстану? (4 дек. 2012) // URL: <http://rus.kg/news/rusmir/8415-posol-rf-v-kr-andrey-krutko-pomogaet-li-rossiya-kyrgyzstanu.html>
305. Посольство КР в Турции: Двусторонние отношения Кыргызстана и Турции // URL: http://www.kyrgyzembassy.org.tr/html/iliskiler_ru.htm
306. Председательство Казахстана в ОИС // URL: http://www.akorda.kz/ru/page/predsedatelstvo-kazahstana-v-ois_1341478616
307. Премьер-министр Турции попросил парламент Кыргызстана упростить законодательную базу для ведения бизнеса турецкими предпринимателями // URL: <http://www.24kg.org/economics/151911-premer-ministr-turcii-poprosil-parlament.html>
308. Пресс-конференция Премьер-министра Республики Индия Атала Бихари Ваджпай // URL: http://www.indianembassy.org/special/cabinet/Primeminister/2002/pm_june_05_2002.htm
309. Присутствие внешних сил в Каспийском регионе может создать угрозу – Пограничная полиция Ирана // URL: <http://ru.haberler.com/russian-news-303964/>
310. Проблемы национальной безопасности Кыргызстана. – Бишкек, 2006.
311. Пройдет 2-й курултай ассоциации университетов // URL: http://www.gezitter.org/politic/19359_proydet_2-y_kurultay_assotsiatsii_universitetov/
312. *Прохоренко И. Л.* О методологических проблемах анализа современных политических пространств // Политические исследования. – 2012. – № 6. – С. 68.
313. *Пугачев В., Соловьев А.* Введение в политологию. – М.: Аспект Пресс, 2002.
314. *Пурьжинский Д.* Центральноеазиатский вектор Ахмадинежада: проблемы и перспективы // URL: http://www.proektnoegosudarstvo.ru/publications/ca_vektor_ahmadinejada

315. Радио «Свобода»: Турецкие учебные заведения в ЦентрАзии вызывают подозрения... // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1240819620>
316. *Разливаев А. А.* Исламский фактор в Турции и его влияние на вступление в Европейский союз (политологический анализ): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М, 2009 // URL: <http://referat.mirslovarei.com/d/227432/>
317. РБК daili: водный терроризм грозит республикам Средней Азии (1 июля 2008) // URL: <http://ca-news.org/news:31116/>
318. Реакция замещения. Китай становится новым «большим братом» для государств Центральной Азии (9 дек. 2012) // URL: http://3mv.ru/publ/reakcija_zameshhenija_kitaj_stanovitsja_novym_bolshim_b_ratom_dlja_gosudarstv_centralnoj_azii/3-1-0-13310
319. Революция тюльпанов в Киргизии как вариант политической модернизации общества // URL: <http://www.bestreferat.ru/referat-38774.html>
320. Рейтинг стран мира по уровню валового национального дохода на душу населения: информация об исследовании (14 марта 2013) // URL: <http://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gni/rating-countries-gni-info>
321. Религиозная деятельность в Узбекистане // URL: <http://www.gov.uz/ru/helpinfo/religion/252>
322. *Ретунских Н. А.* К вопросу об истоках китаецентризма // URL: <http://abirus.ru/>
323. Роль Ирана и его спецслужб в формировании новой региональной ситуации в Закавказье и Средней Азии // URL: <http://rus.podelise.ru/docs/index-519275.html>
324. *Румер Б.* Центральная Азия –10 лет спустя // Центральная Азия и Южный Кавказ: Насущные проблемы. – Алматы, 2002.
325. *Румер Е., Мезон Раджан, Тренин Д. В., Чжао Хуашен.* Китай: отношение к цветным революциям // URL: <http://uchebnik-besplatno.com/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/kitay-otnoshenie-tsvetnyim.html>
326. *Румер Е., Менон Раджан, Тренин Д. В., Чжао Хуашен.* Центрально-азиатская политика Китая: основные цели и идеи // Центральная Азия:

- взгляд из Вашингтона, Москвы и Пекина // URL: <http://uchebnik-besplatno.com/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/tsentralnoaziatskaya-politika-kitaya-osnovnyie.html>
327. *Рябов А.* Промежуточные итоги и некоторые особенности постсоветских трансформаций // URL: <http://www.polit.ua/lectures/2010/08/12/ryabov.html>
328. *Садовская Е. Ю.* Китайская миграция в Центральной Азии: Экономическое наступление и миграция из КНР на примере республики Казахстан: вызовы и возможности // URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0519/biblio03.php>
329. *Саидмуродов А. Л.* Эволюция политики США в отношении Республики Таджикистан: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2012 // URL: <http://www.pandia.ru/text/77/316/50130.php>
330. *Сатаров К.* Двойные стандарты ОБСЕ в Кыргызстане (14 дек. 2012) // URL: <http://rus.kg/news/policy>
331. *Сафаева С. С.* Региональные процессы стран Центральной Азии в контексте политической трансформации постсоветского пространства: Автореф. дис. ... канд. полит. наук // URL: <http://www.rudocs.exdat.com/docs/index-177012.html>
332. *Серебрякова Н. В.* Центрально-азиатская политика Китая как региональная проекция «теории гармоничного мира» // URL: http://www.ifes-ras.ru/attaches/conferences/2009_round_table_shoss/serebryakova.pdf
333. *Синода К.* Политика Японии в отношении Центральной Азии и Закавказья: содействие экономическим реформам (28 сент. 2006) // URL: <http://www.iep.ru/en/politika-yaponii-v-otnoshenii-centralnoi-azii-i-zakavkazyu-sodeistvie-ekonomicheskim-reformam.html>
334. Синьцзян, китайская земля: прошлое и настоящее. – Урумчи, 2006.
335. *Сиротин А.* Наркотики из Афганистана // Чайка. – 2002. – № 1 (17) // URL: <http://www.chayka.org/article.php?id=363>
336. *Ситнянский Г.* Идея «Великого Узбекистана» постоянно витает в воздухе (7 мая 2011) // URL: <http://www.centrasia.ru.newsA.php?st=1304796280>

337. Смазнов И. А. Евразийство в постсоветской России (24 нояб. 2008) // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/evraziystvo-v-postsovetskoy-rossii>
338. Совместная декларация Кыргызстана и Китая об установлении отношений стратегического партнерства // URL: <http://www.tazabek.kg/news:357569>
339. Современный философский словарь. – 3-е изд., испр. и доп. / Под общ. ред. В. Е. Кемерова. – М.: Акад. проект, 2004.
340. Соколов А. В. Миротворческая активность и миротворческие силы России в СНГ (1996) // URL: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/peace/Chapter1.htm>
341. Соловьёв А. И. Политология // URL: <http://bugabooks.com/book/185-politologiya/58-1-sushhnost-i-tipy-politicheskix-processov.html>
342. Соловьёв А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов. 2006 // URL: <http://uchebnik-besplatno.com/uchebnik-teoriya-politiki/tipyi-politicheskikh-izmeneniy.html>
343. Соловьёв Э. Г. Либерал-интервенционализм в контексте нового миропорядка // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 11. – С. 116.
344. Состояние и перспективы межгосударственных отношений в Центрально-Азиатском регионе // URL: http://www.iicas.org/articles/library/libr_rus_24_5-00gp.html).eopolitcheskij-proekt-ili-vneshnepoliticheskij-instrument/
345. Состояние и перспективы развития таджикско-иранского сотрудничества в конце XX – начале XXI веков // URL: <http://www.dissercat.com/content/sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya-tadzhiksko-iranskogo-sotrudnichestva-v-kontse-xx-nachale>
346. Сравнительный анализ государственного управления переходными социально-экономическими системами: Россия – Китай: Материалы постоянно действующего научного семинара. – Вып. 7 (37). – М.: Научный эксперт, 2010 // URL: [http://www.rusrand.ru/netcat_files/Image/Gos_upr_vup_7\(37\).pdf](http://www.rusrand.ru/netcat_files/Image/Gos_upr_vup_7(37).pdf)

347. Сравнительный анализ политических процессов в Турции, Египте, Иране и Ираке // URL: <http://toloka.kiev.ua/?p=181>
348. Становление индийской государственности в постколониальный период // URL: http://revolution.allbest.ru/history/00230981_0.html
349. *Старостин А.* Будущее Центральной Азии глазами экспертов (03.09.2012) // URL: <http://www.islamsng.com/sng/report/5299>
350. *Старр Ф.* Партнерство для Центральной Азии: Дефицит внимания // Новая Большая игра в Большой Центральной Азии: мифы и реальность: Сборник статей / Под ред. М. Н. Омарова. – Бишкек, 2005.
351. *Старчак М.* НАТО в обеспечении безопасности в Центральной Азии (13 авг. 2012) // URL: http://csef.ru/index.php?option=com_csef&view=article&aid=3536&Itemid=103(=ru
352. Страны Центральной Азии в центре системных противоречий ШОС (7 мая 2013) // URL: <http://maxala.org/politika/14166-strany-centralnoy-azii-v-centre-sistemnyh-protivorechiy-shos.html>
353. *Стрельцов Д. В., Колдунова Е. В.* Внешнеполитический процесс на Востоке: некоторые подходы к методологии исследования // URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/filesserver/10/vestnik.10-17strelsov1.pdf>
354. Субъект и объект в политике // URL: <http://www.dic.academic.rudic.nsf/politology/223/%D0%A1%D1%83%D0%B1%>
355. Суверенная демократия: от идеи к доктрине (Сборник статей) (23 апр. 2013) // URL: http://www.e-reading-lib.com/bookreader.php/73463/Suverennaya_demokratiya__ot_idei_k_doktrine._Sbornik_stateii.html#note_1
356. *Сулаймони Ш.* Проблемы региональной безопасности Центральной Азии: внутренние аспекты в теории и на практике // URL: <http://ca-cpp.org/dri/17-problemy-regionalnoy-bezopasnosti-centralnoy-azii-vnutrennie-aspekty-v-teorii-i-na-praktike.html>
357. *Сун Сейфен.* Теория о гармоничном мире и исследования международных отношений // Научное воспитание и исследования. – 2007. – № 11.

358. Существует хорошая почва для развития кыргызско-иранских отношений – президент Рухани // URL: <http://ru.haberler.com/russian-news-302090/>
359. *Суюмбаев М. Н.* Геополитические основы развития и безопасности Кыргызстана. – Бишкек: Изд-во ИИМОП КНУ, 2005.
360. Т. Бактыбаев: Турция раскручивает в Киргизии религиозное течение «Сулеймания» // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1298066340>
361. *Табышалиев С. Т.* Происхождение кыргызского народа: Кыргызстан на Великом Шёлковом пути. – Бишкек, 2001.
362. *Тавадов Г.* Политология: Учебное пособие. – М.: ФАИР-Пресс, 2001.
363. *Тавровский Ю.* Синьцзян – китайская Чечня? // URL: http://www.ng.ru/world/2013-07-11/7_china.html
364. Таджикистан – Кыргызстан: территориальные споры, непредсказуемая ситуация (25 мая 2013) // URL: <http://www.maxala.org/sosedstvo/14428>
365. Так всё-таки Средняя или Центральная? // URL: <http://www.geo.1september.ru/article.php?ID=20>
366. Теория политики: Учебное пособие. – СПб., 2008 // URL: http://www.chitalka.net.ua/textbooks/1/p_3239.html
367. Теория политики: Учебное пособие: В 3 ч. // Авт.-сост.: Н. А. Баранов, Г. А. Пикалов. – СПб.: Изд-во БГТУ, 2003 // URL: http://read.virmk.ru/b/VARANOV_POLITICA/19.htm
368. *Тиленов Ж.* Кыргызстан. Что такое НПО и из чьих рук они едят (19 сент. 2012) // URL: <http://kabarlar.kg/index.php?newsid=2612>
369. Типология политических процессов // URL: <http://www.nalogi.ru/faq/detail.php?ID=1590249>
370. *Токмаков А.* Экспансия Китая в Киргизии – угроза интересам России // URL: <http://www.inosmi.ru/sngbaltia/20121204/202966810.html>
371. Толковый словарь обществоведческих терминов. 1999 // URL: http://www.slovarnik.ru/html_tsot/p/patrimonializm.html
372. Торгово-экономическое сотрудничество Китая со странами Центральной Азии // URL: <http://russian.cri.cn/841/2013/06/10/1s471591.htm>

373. Трансформация в Центральной Азии: столкновение противоположных концепций? (2007) // URL: <http://www.postsoviet.ru/print.php?pid=8810/31/>
374. «Третья волна демократизации» и теории демократического транзита // URL: <http://all-politologija.ru/knigi/politologija-uchebnik-dlya-vuzov-achkasova-gutorova/>
375. Тузов А. Н. Кто Вы, генерал Монуев? // URL: http://members.vb.kg/2012/12/07/chelov/1_print.html
376. Тургазиева К. Культурные проекты сближают народы Турции и Казахстана // URL: <http://www.inform.kz/rus/article/2560941>
377. Турецкие компании «Akbulut Grubu» привлек инвестиционный климат Таджикистана // URL: <http://www.pressa.tj/news/tureckie-kompanii-akbulut-grubu-privlek-investicionnyu-klimat-tadzhikistana>
378. Турецкие компании заинтересованы разрабатывать золоторудные месторождения в Кыргызстане, – TUSKON // URL: http://www.inform.kg/ru/business_novosti_kr/628#axzz2V5UKrkC3
379. Турецкие компании продолжают лидировать на рынке Туркменистана // URL: <http://rusorient.ru/page.php?vrub=rm&vparid=16&vid=4485>
380. Туркмено-турецкое сотрудничество в сфере образования // URL: <http://gundogar-news.com/arhiw/naukaiobrazovanie/block/2191/newsid/29179.aspx.html>
381. Турсунов Н. О. Великий Шёлковый путь – путь мира и дружбы. – Ленинабад, 1989.
382. Турция и Туркменистан: обороты растут / Газета «Босфор» // URL: <http://www.vestiturkey.com/turci-i-turkmenistan-oborot-rastut-2301h.htm>
383. Турция инвестировала более \$1 млрд. в Узбекистан // URL: <http://www.uzdaily.uz/articles-id-13159.htm>
384. Турция откроет Украине доступ к туркменскому газу // URL: <http://rusorient.ru/page.php?vrub=rm&vparid=5296&vid=6030&lang=rus>
385. Турция является важным и надежным партнером Казахстана – глава МИД // URL: <http://www.trend.az/regions/casia/kazakhstan/2144129.html>

386. Турция: политический процесс переживает тихую революцию // URL: <http://turkey-info.ru/forum/stati145/turciya-politicheskiy-process-perejivaet-tihuu-revoluciu-t3008553.html>
387. У Евразийского проекта есть конкурент: имперская Турция // URL: <http://islamsng.com/sng/analytics/6857>
388. У Кыргызстана и Ирана есть большой экономический потенциал // URL: http://www.agromarket.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=377:2013-03-29-03-01-25&catid=10:2012-07-24-08-58-37&Itemid=106
389. Узбекистан – Кыргызстан: Пограничный конфликт как политический экзамен для Каримова (25 янв. 2013) // URL: <http://navoine.ru/the-border-conflict-as-a-political-test-for-karimov.html>
390. Узбекистан – Таджикистан: холодная война? (23 апр. 2012) // URL: <http://www.fondsk.ru/priew/2012/04/17/>
391. Узбекистан в 2013 году приступит к строительству ж/д в Афганистан Мазари-Шариф – Андхой (11 февр. 2013) // URL: <http://globaltse.com/news/1122.html>
392. Узбекистан морит голодом южный Таджикистан (19 дек. 2011) // URL: <http://www.centrasia.ru/news/A.php?st=1324277400>
393. Узбекистан переводит армию на стандарты НАТО и становится главным партнером США в Средней Азии (11 марта 2013) // URL: <http://debryansk-rus.org/2013/03/20/узбекистан-переводит-армию-на-станда>
394. Узбекистан продолжает «политическую» железнодорожную блокаду Таджикистана (8 дек. 2011) // URL: <http://www.ccentrasia.ru/newsA.PHP>
395. Узбекистан усилил нападки на Кыргызстан (15 июня 2009) // URL: <http://www.ca-news.org/news/163911Z>
396. Узбекистан: информация о религиозности населения // URL: <http://www.advantour.com/rus/uzbekistan/religion.htm>
397. Узбекско-киргизская стена (17 июня 2009) // URL: <http://www.tazar.kg/news.php?i=10640>

398. *Урунов. Р. У.* Политическая элита Таджикистана на современном этапе: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2011 // URL: http://www.ceninauku.ru/page_23502.htm
399. Устав ОИК // URL: <http://www.worldislamlaw.ru/archives/145>
400. *Усубалиев Э.* История инициатив Японии в Центральной Азии: «Евразийская дипломатия» и «Дипломатия Шелкового пути» (5 марта 2013) // URL: <http://stanradar.com/news/full/1152-istorija-initsiativ-japonii-v-tsentralnoj-azii-evrazijskaja-diplomatija-i-diplomatija-shelkovogo-puti.html>
401. *Усубалиев Э.* Экономическая политика Японии в Центральной Азии (1991–2003 гг.) // URL: <http://analitika.org/kyrgyzstan/kg-foreign-affairs/80-20100405060031622.html>
402. *Ушаков В. Н.* Политический ислам в Центральной Азии. – Бишкек, 2005.
403. Фергана: пагубные пристрастия и пороки // URL: <http://rus-turk.livejournal.com/154509.html>
404. *Фисун А. А.* К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // Политическая концептология. – 2010. – № 4 // URL: <http://www.academia.edu/2359840/>
405. *Фисун А. А.* Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология // Отечественные записки. 2007. – № 6 (39) // URL: <http://www.academia.edu/2360127/>
406. *Фролов С. С.* Социология организаций: Учебник. – М.: Гардарики, 2001.
407. *Хамидов А.* Закрытая кыргызско-узбекская граница способствует обострению напряжённости (14 апр. 2011) // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1302726900>
408. *Хамраев Т.* Узбекистан и Турция развивают отношения по различным направлениям сотрудничества // URL: <http://www.anons.uz/article/politics/8147/>
409. *Ханизов А.* Уйгуры: сквозь тернии веков // Иттипак. – 2012. – № 6 (207), июнь. – С. 10.

410. *Хапизов Р.* Памяти жертв кровавой Урумчинской трагедии 5 июня // Ит-типак. – 2013. – №7, июль. – С. 11.
411. *Харро фон Зенгер.* О китайском искусстве жить и выживать. Стратегемы Т. 1. – М., 2006.
412. *Хафизова К.* Сепаратизм в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая: динамика и потенциал влияния на ситуацию в Центральной Азии // URL: http://www.ca-c.org/journal/2003/journal_rus/cac-01/01.khafrus.shtml
413. *Хейвуд Э.* Политология: Учебник для студ. вузов / Пер. с англ.; Под ред. Г. Г. Водолазова, В. Ю. Бельского. – М.: Юнити-Дана, 2012.
414. *Хлюпин В. Н.* Республика Казахстан: Геополитические очерки // URL: http://www.i-ru/biblio/archive/chlupin_respublika
415. *Хожамберди К.* Урумчинская трагедия 5 июля 2009 года. – Алматы, 2010.
416. *Холодковский К. Г.* Социально-психологическая дифференциация российского населения и процесс формирования партий // Полис. – 2001. – № 5.
417. *Хуторская В. В.* Взаимоотношения Исламской Республики Иран и стран Центральной Азии // Иран: ислам и власть / Ин-т востоковедения РАН. – М.: Крафт+, 2001.
418. Центральная Азия в книгах // URL: <http://www.east.terra-america.ru/central-asia-in-boocs.aspx>
419. Центральная Азия в системе международных отношений. – М., 2004.
420. Центральная Азия входит в зону политической турбулентности (18 апр. 2012) // URL: <http://www.cisnews.org/world/asia/5653>
421. Центральная Азия: проблемы развития и безопасности // URL: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?3666>
422. *Челлани Б.* Азиатская «ось» Америки без петель (18 нояб. 2012) // URL: <http://inosmi.ru/usa/20121118/202301312.html>
423. *Чоршанбиев П.* Ориентация – Китай и Турция. Таджикистан изменил направления экспорта алюминия // URL: <http://www.centrasia.ru/news/A.php?st=1343821080>

424. *Чыналиева М.* Культурное сотрудничество Кыргызстана и Турции // URL: <http://todo.selyam.net/docs/78/index-82639.html>
425. *Чыналиева М.* Становление и развитие кыргызско-турецких отношений // URL: bizdin.kg/elib/jurnaldar/vik/2009_1/4inalieva.doc
426. *Шаран П.* Традиционные подходы, методы // Сравнительная политология. – Ч. 1 / Пер. с англ. – М., 1992.
427. *Шарко М. В.* Исследование политических процессов Японии (традиции и современность): Дис. ... канд. полит. наук. – М, 2004 // URL: <http://www.dslib.net/polit-instituty/issledovanie-politicheskikh-processov-japonii.html>
428. *Шарков Ю.* Разные одинаковые «цветные революции» // Международная жизнь. – 2008. – №5. – С. 133.
429. *Шарофов Э. У.* История таджикско-турецкого сотрудничества (1991–2011 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук // URL: http://discollection.ru/article/28102012_96860_sharofov
430. *Шацких В.* Турецкий марш // URL: <http://www.zonakz.net/articles/65025>
431. *Шейган Е. И.* Семиотическое пространство политического дискурса // Политический дискурс в России. – М., 1999.
432. *Шейнфельд А. И.* Политическая модернизация в Японии: традиционные механизмы реализации: Дис ... канд. полит. наук. – Н. Новгород, 2007 // URL: http://www.dissland.com/catalog/politicheskaya_modernizatsiya_v_yaponii_traditsionnie_mehanizmi_realizatsii.html
433. *Шепеленко А.* «Себат»: 20 лет в Кыргызстане // URL: <http://slovo.kg/?p=5761>
434. *Шеримкулов М.* Иран заинтересован в животноводческой отрасли Кыргызстана // URL: <http://www.gezitter.org/interviews/17127>
435. Шииты в Узбекистане // URL: <http://islam-ca.com/2011-06-12-20-30-13/579-2012-10-15-04-09-38>

436. *Ширяев Б. А., Федоров Н. В.* Китай и страны Центральной Азии: военно-стратегический аспект отношений // URL: <http://reportca.weebly.com/1/post/2013/05/14.html>
437. *Шмелёв Б.* Чем грозит ввод войск КНР в Таджикистан // URL: <http://www.aif.ru/politi>
438. *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1. – С. 67.
439. ШОС стал инструментом экономической экспансии Китая // URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/83648/>
440. *Шустов А.* В ЦА возникнут новые государства?: О проекте таджикско-афганского Великого Бадахшана (19 сент. 2013) // URL: <http://www.russianskz.info/politics/4904-v-ca-vozniknut-novye-gosudarstva-o-proekte-tadzhiksko-afganskogo-velikogo-badahshana.html>
441. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизации /Пер. с англ. А. В. Гордона; Под ред. Б. С. Ерасова. – М.: Аспект Пресс, 1999.
442. Эксперты подсчитали возможный ущерб Узбекистана от Рогунской ГЭС (26 сент. 2012) // URL: <http://www.maxalla.org/skandali/9031>
443. Эхо орхонских древностей в штаб-квартире ТЮРКСОЙ // URL: <http://www.turksoy.org.tr/RU/belge/5-11864/11864.html>
444. *Юй Кепин.* Идеал гармоничного мира и китайская дипломатия // Еженедельный обзор периодической печати. – 2007. – № 17.
445. Юридический портал // URL: http://www.jur-portal.ru/work.pl?act=law_read&subact=1120500&id=289995
446. *Якушева Ю.* Китайский язык – дело государственной важности // URL: http://www.ia-centr.ru/archive/public_details1ca.html?id=983
447. *Ахоупова V.* The EU – Central Asia Human Rights Dialogues: Making a Difference? (апр. 2011) // URL: www.eucentralasia.eu

448. *Axyonova V.* The EU Central Asian Strategy: New Opportunities for Democracy Promotion? // ЕС и Центральная Азия: стратегии нового партнерства: Мат-лы VI Междунар. науч. конф. Казахстанско-Немецкого ун-та. 25–26 марта 2009 г. / Сост.: Е. Лохман, Б. Лохман. – Алматы, 2009.
449. *Axyonova V.* The EU Educational Initiative for Central Asia Five Years on: Lessons Learnt (февр. 2013) // URL: www.eucentralasia.eu
450. *Axyonova V.* EU Human Rights and Democratization Assistance to Central Asia: In Need of Further Reform (январь 2012) // URL: www.eucentralasia.eu
451. *Axyonova V., Boonstra J., Marat E.* Security Sector Reform in Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan: What Role for Europe? (май 2013) // URL: www.eucentralasia.eu
452. *Blake R.* U. S. Policy in Central Asia (25 янв. 2012) // URL: <http://www.state.gov/p/sca/rls/rmks/2012/182643.htm>
453. *Boonstra J., Shapovalova N.* Thinking security, doing development? The security development nexus in European policies towards Tajikistan (дек. 2012) // URL: www.eucentralasia.eu
454. *Carothers T.* The end of the transition paradigm // Journal of democracy. – 2002. – № 13/1.
455. Central Asia and ODA Loans. Japan Bank for International Cooperation (31 марта 2006) // URL: http://www.jica.go.jp/publication/archives/jbic/pdf/centralasia_e.pdf
456. Central Asia as a Corridor of Peace and Stability Speech by Mr. Taro Aso, Minister for Foreign Affairs at the Japan National Press Club (1 июня 2006) // URL: <http://www.mofa.go.jp/region/europe/speech0606.html>
457. *Davis J., Sweeney M.* Central Asia in US Strategy and Operational Planning: Where do we go from here? (февр. 2004) // URL: <http://www.ifpa.org/pdf/S-R-Central-Asia.pdf>
458. Economist Intelligence Unit: Индекс демократии стран мира 2012 года (19 марта 2013) // URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/03/19/5679>

459. Embassy of India // URL: http://www.indianembassy.org/policy/Foreign_Policy/FP_1999/CAsia_FP_98-99.html
460. *Emerson M., Vinokurov E.* Optimization of Central Asian and Eurasian Transcontinental Land Transport Corridors (дек. 2009) // URL: www.eucentralasia.eu
461. European Union and Central Asia: Strategy for a New Partnership (2007) // URL: <http://www.consilium.europa.eu>
462. *Frickenstein S.* The Resurgence of Russian Interests in Central Asia (весна 2010) // URL: http://www.slideshare.net/amjad_hussain37/russian-intrest-in-central-asia-after-9
463. *Fried D.* A strategy for Central Asia (28 окт. 2005) // URL: <http://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/rm/55766.htm>
464. *Gorshkov T., Bagaturia G.* TRACECA – Restoration of Silk Route (28 сент. 2001) // URL: http://www.jrtr.net/jrtr28/f50_gor.html
465. *Griffen J., Earle L., Buxton C.* The Development of Civil Society in Central Asia (2005) // URL: www.dfid.gov.uk/r4d/.../R7649-report.pdf
466. *Hormats R. D.* The United States' «New Silk Road» Strategy: What is it? Where is it Headed? (29 сент. 2011) // URL: <http://www.state.gov/rls/rmk/2011/174800.htm>
467. Human Rights Watch: В 2012 году в странах Центральной Азии повсеместно нарушались права человека URL (1 февр. 2013) // <http://www.fergananews.com/news/20153>
468. International Narcotics Control Strategy Report-2002 (March 2003) // URL: <http://www.state.gov/g/inl/rls/nrcrpt/2002/html/17949.htm>
469. *Isaacs R.* The EU's Rule of Law Initiative in Central Asia (авг. 2009) // URL: www.eucentralasia.eu
470. Japan's Official Development Assistance. White Paper 2012. Japan's International Cooperation // URL: http://www.mofa.go.jp/policy/oda/page_000016.html
471. *Kagan R.* Power Play (8 февр. 2010) // URL: <http://public.wsj.com>

472. *Kassenova N.* Japan's Hesitant Embrace of Central Asia: Will There Be a Strategy? // Great Powers and Regional Integration in Central Asia / Ed. by M. Esteban, N. Pedro (2009) // URL: http://eucentralasia.eu/uploads/tx_icticontent/libro_great_powers_central_asia_ok_01_pdf
473. *Laruelle M.* Russia in Central Asia: Old History, New Challenges? (сент. 2009) // URL: www.eucentralasia.eu
474. *Len C.* Japan's Central Asian Diplomacy: Motivations, Implications and Prospects for the Region (1 нояб. 2005) // URL: www.silkroadstudies.org/new/.../Chris_Len.pdf
475. List of member parliaments of the PUIC // URL: <http://www.puic.org/new/index.php/member-states/member-states>
476. Maps of JICA Major Projects (as of April 1, 2013) (апр. 2013) // URL: https://libportal.jica.go.jp/fmi/xsl/library/public/data/plan_in_operation_e-p.html
477. *Marat E.* Police Reform Programmes in Kyrgyzstan and Tajikistan: Past Constraints and Future Opportunities (окт. 2012) // URL: www.eucentralasia.eu
478. *Peyrouse S., Boonstra J., Laruelle M.* Security and Development Approaches to Central Asia. The EU Compared to China and Russia (май 2012) // URL: www.eucentralasia.eu
479. *Rossoff R.* Kyrgyzstan Another Soros «Color» Revolution (11 апр. 2010) // URL: http://groups.google.com/group/total_truth_sciences/browse_thread/thread/7ba57cbaccba48e2
480. Rule of Law Support for Central Asia: Rule of Law or Law of the Ruler / Editorial by J. Boonstra, T. Tsertsvadze (январь. 2013) // URL: www.eucentralasia.eu
481. Russia's Interests in Central Asia: Contents, Perspectives, Limitations (25 июня 2013) // URL: http://russiancouncil.ru/en/inner/?id_4=2025#top
482. The Economist: Китайская экспансия гонит жителей Средней Азии в Россию // URL: <http://inotv.rt.com/2013-09-20/The-Economist-Kitajskaya-ekspansiya-gonit>

483. The Responsibility to Protect. Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty (5 марта 2013) // URL: <http://responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf>
484. *Vine D.* U.S. Empire of Bases Grows (15 июля 2012) // URL: <http://www.tomdispatch.com/blog/175568>